ESCUELA 2013

ISSN 2311-696X (Print)
ISSN 2782-2761 (Online)

научно-практический журнал

ПРАВОПОРЯДОК

история · теория · практика

3(50)|2026

ISSN 2311-696X (Print)
ISSN 2782-2761 (Online)

научно-практический журнал

ПРАВОПОРЯДОК

№ 3 (50) 2026

история • теория • практика

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте https://правопорядок74.рф.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ А. В., доктор юрид. наук, доцент
Уральский гос. юрид. ун-т, г. Екатеринбург

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЗУЕВ С. В., доктор юридических наук, профессор

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

БАЙДЕРИНА Е. А.
редакция журнала, г. Челябинск

ПЕРЕВОД

ВОЛОШИНА М. А.
редакция журнала, г. Челябинск

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ООО «ЭСКУЭЛА»
Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.

Журнал основан в 2013 г. Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. номер **ПИ № ФС77-87954** от 6 августа 2024 г.
Подписной индекс: **94267 «Урал-Пресс»**

РЕДАКЦИЯ
Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.
Тел.: +7 (908) 570-73-15
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru
Сайт: https://правопорядок74.рф

В журнале отражаются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, экспериментальных разработок ведущих ученых и исследователей, аспирантов и докторантов, а также практический опыт сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Подписано в печать: 28.09.2026.
Дата выхода в свет: 02.10.2026.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 20,69.
Тираж 150 экз. Заказ № 354.

Отпечатано в издательстве Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история, теория, практика», авторы, 2026.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АГАПОВ П. В., доктор юридических наук, профессор
БАЗЕЛЮК В. В., доктор педагогических наук, профессор
БИРЮКОВ П. Н., доктор юридических наук, профессор
БОГДАН В. В., доктор юридических наук, доцент
ВАЛЕЕВ Р. М., доктор юридических наук, профессор
ВАНЮШИН Я. Л., кандидат юридических наук, доцент
ВЫДРИН И. В., доктор юридических наук, профессор
ГОНЧАРОВ Д. Ю., доктор юридических наук, доцент
ГУСАК В. А., доктор юридических наук
ЗУЕВ С. В., доктор юридических наук, доцент
ИОГОЛЕВИЧ В. А., кандидат технических наук, доцент
КУДИНОВ В. В., доктор юридических наук, доцент
КОСТЕНКО П. И., доктор педагогических наук, профессор
ЛАЗУТИН Л. А., доктор юридических наук, профессор
МАЙОРОВ В. И., доктор юридических наук, профессор
МАЙСАК В. Н., кандидат исторических наук, доцент
МАХРОВА Т. К., доктор исторических наук, доцент
МИХАЙЛОВ К. В., кандидат юридических наук, доцент
ПУЧКОВ О. А., доктор юридических наук, доцент
САБИТОВ Р. А., доктор юридических наук, профессор
СЕВРЮГИН В. Е., доктор юридических наук, профессор
СЕМЕНОВ А. И., кандидат исторических наук, доцент
СЕРГЕЕВ А. Б., доктор юридических наук, профессор
СКАРИДОВ А. С., доктор юридических наук, профессор
СУХОРУКОВА А. Х., главный судебный пристав Свердловской области
ТАНАЕВА З. Р., доктор педагогических наук, доцент
ТУГАНОВ Ю. Н., доктор юридических наук, профессор
ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А., доктор юридических наук, доцент
ШАЙХУТДИНОВ Е. М., кандидат юридических наук
ШАРОНОВ С. А., доктор юридических наук, доцент
ШМИДТ А. А., кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВИННИКОВА Р. В., кандидат юридических наук
ДЕККЕРТ Д. В., кандидат педагогических наук
ДОЛГОПОЛОВ К. А., доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент
КОНДРАТЮК С. В., кандидат юридических наук, доцент
МАГДЕНКО А. Д., кандидат юридических наук, доцент
ОВЧИННИКОВА О. В., кандидат юридических наук, доцент
ТЮЛЬПАНОВ Ф. М., кандидат юридических наук, доцент

16+

В НОМЕРЕ

CONTENTS

История и общая теория обеспечения правопорядка

(5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.4 Уголовно-правовые науки)

Сибгатуллин Ф. С.

Понятие и содержание контрольно-надзорной деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации 6

Почивалова Ж. Г.

Этические основы использования искусственного интеллекта для разрешения правовых споров в Российской Федерации: объективные ограничения для применения 13

History and General Theory of Legal Order

(5.1.1. Theoretical-Historical Legal Sciences; 5.1.4 Criminal Law Sciences)

Sibgatullin F. S.

Concept and Content of Control and Supervisory Activities of the Federal Executive Bodies of the Russian Federation 6

Pochivalova Zh. G.

Ethical Foundations of Artificial Intelligence Training for the Resolution of Legal Disputes in the Russian Federation: Objective Limitations for the Application..... 13

Конституционное право

(5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Марков А. А.

Государство как субъект трудового права: особенности правового статуса..... 19

Меджидова Е. В.

Индикаторы риска в муниципальном контроле: правовая природа, проблемы регулирования 25

Нечкин А. В.

Коренные малочисленные народы России: анализ терминологического аппарата действующего российского законодательства 30

Constitutional Law

(5.1.2 Public Law (State Law) Sciences)

Markov A. A.

The State as a Subject of Labor Law: Specifics of Legal Status..... 19

Medzhidova E. V.

Risk Indicators in Municipal Control: Legal Nature, Regulatory Issues 25

Nechkin A. V.

Indigenous Minority Peoples of Russia: Analysis of the Terminological Apparatus of Current Russian Legislation 30

Административное право и процесс

(5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Упоров А. Г.

Административно-правовые пределы применения показателей публикационной активности в ведомственных образовательных организациях 35

Administrative Law and Procedure

(5.1.2 Public Law (State Law) Sciences)

Uporov A. G.

Administrative and Legal Limits of Using Publication Activity Indicators in Departmental Educational Organizations 35

В НОМЕРЕ

CONTENTS

Административная деятельность

(5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Муратова Н. Д.

Значение обеспечения безопасности биометрических персональных данных для национальной безопасности Российской Федерации 47

Administrative Activity

(5.1.2 Public Law (State Law) Sciences

Muratova N. D.

The Importance of Ensuring the Security of Biometric Personal Data for the National Security of the Russian Federation 47

Уголовное право и процесс

(5.1.4 Уголовно-правовые науки)

Жеребцов А. П.

Проблемы применения преюдиции в преступлениях в сфере гособоронзаказа 52

Карабанов С. С.

Универсальность предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) в условиях цифровой трансформации: от цифровых следов к прогностическим системам ИИ 57

Краснова К. А., Кегембаева Ж. А.

Совершенствование уголовно-правовых мер обеспечения бюджетной безопасности 62

Корешников Д. С.

Квалификация действий лица, осуществляющего публичную демонстрацию преступления: соисполнительство или пособничество? 68

Ларионов А. В.

Дискреционные полномочия суда при назначении наказания в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью 74

Попов В. А.

Учёт признака «совершение преступления в период мобилизации» при квалификации и назначении наказания 79

Прошляков Д. А.

Применение с обратной силой разъяснений пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам 84

Criminal Law and Proceeding

(5.1.4 Criminal Law Sciences)

Zherebtsov A. P.

Problems with the Application of Administrative Pre-judgment in Crimes Related to State Defense Orders 52

Karabanov S. S.

The Universality of the Subject of Proof (Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) in the Context of Digital Transformation: from Digital Traces to Predictive AI Systems 57

Krasnova K. A., Kegembaeva Zh. A.

Improving Criminal-legal Measures to Ensure Budget Security 62

Koreshnikov D. S.

Qualification of the Actions of a Person Performing a Public Demonstration of a Crime: Co-perpetration or Aiding and Abetting? 68

Larionov A. V.

Discretionary Powers of the Court when Imposing a Sentence of Disqualification from Holding Certain Positions or Engaging in Certain Activities 74

Popov V. A.

Consideration of the Feature "Commission of a Crime During the Mobilization Period" in the Qualification and Sentencing 79

Proshlyakov D. A.

The Retroactive Application of the Clarifications on Criminal Cases Provided by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation 84

В НОМЕРЕ

Русман Г. С.

Правовая неопределённость института представительства иностранных граждан в уголовном процессе России: проблемы и пути решения 90

Ходусов А. А.

Большие данные (Big Data) в социальном государстве: новые объекты уголовно-правовой охраны 96

CONTENTS

Rusman G. S.

Legal Uncertainty of the Institution of Representation of Foreign Citizens in the Criminal Process of Russia: Problems and Solutions 90

Khodusov A. A.

Big Data in the Social State: New Objects of Criminal Law Protection 96

Теория и практика противодействия преступности

(5.1.4 Уголовно-правовые науки)

Акинжала В. И.

Нелегальная банковская деятельность в условиях трансформации финансовых потоков и санкционных ограничений: современное состояние и проблемы противодействия 102

Бадиков Д. А., Сибилькова А. В.

Криминалистическая методика и нейронные сети 109

Батурин В. Ю.

Организационно-правовые основы предупреждения незаконной миграции органами внутренних дел Российской Федерации 115

Дерягина С. В.

Совершенствование ведомственного законодательства в области дактилоскопического учёта лиц, привлечённых к уголовной ответственности, как способа противодействия преступности 121

Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

Уголовно-правовая характеристика содержания статуса «высшего положения в преступной иерархии» как основания привлечения к уголовной ответственности (на примере России и постсоветских республик). Часть 2 126

Кокотова Д. А.

Варианты представлений о роли криминологических теорий в современной криминологии 137

Сучков А. И., Бадиков Д. А.

Процессуальное представление как инструмент криминалистической профилактики дорожно-транспортных преступлений 142

Judicial and Prosecutorial Activity

(5.1.4 Criminal Law Sciences)

Akinzhala V. I.

Illegal Banking Activities in the Context of Transformation of Financial Flows and Sanctions Restrictions: Current State and Problems of Counteraction 102

Badikov D. A., Sibilkova A. V.

Forensic Techniques and Neural Networks 109

Baturin V. Yu.

Organizational and Legal Foundations for Preventing Illegal Migration by the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation 115

Deryagina S. V.

Proposal to Improve Departmental Legislatoin on Fingerprint Registration of Persons Brought to Criminal Responsibility 121

Dunin O. N., Namazov E. S., Rybushkin N. N.

Criminal-legal Characteristics of the Status of "Highest Position in the Criminal Hierarchy" as a Basis for Criminal Liability (Based on the Example of Russia and Post-Soviet Republics). Part 2 126

Kokotova D. A.

Approaches to the Role of Criminological Theories in Modern Criminology 137

Suchkov A. I., Badikov D. A.

Procedural Representation as a Forensic Prevention Tool Traffic Crimes 142

Яхонтова О. С., Лебедева К. А., Павлик Е. М., Сагайдак А. Ю.

Феномен инцидентов вооружённых нападений в образовательных организациях: криминологический анализ 147

Yakhontova O. S., Lebedeva K. A., Pavlik E. M., Sagaydak A.Yu.

The Phenomenon of Armed Attacks in Educational Organizations: Criminological Analysis 147

Международное право

(5.1.4 Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки)

International Law

(5.1.4 Criminal Law Sciences; 5.1.5. International-legal Sciences)

Авдеева О. А.

Механизмы реализации права на здоровье в правопорядке ЕАЭС 154

Avdeeva O. A.

Mechanisms for Implementing the Right to Health Within the Eaeu Legal Order 154

Искаков О. М.

Противодействие коррупции в странах БРИКС: опыт Бразилии и Индонезии 160

Iskakov O. M.

Anti-corruption in BRICS Countries: the Experience of Brazil and Indonesia 160

Упоров А. Г.

Правовые механизмы привлечения осуждённых к военной службе: проблемы регулирования, коллизии законодательства и международные стандарты 166

Uporov A. G.

Legal Mechanisms for Attracting Convicts to Military Service: Regulatory Issues, Conflicts of Legislation and International Standards 166

Проблемы правопорядка: взгляд молодых исследователей

(5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2 Public Law (State Law) Sciences; 5.1.4 Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки)

Problems of Legal Order: the View of young Researchers

(5.1.1. Theoretical-Historical Legal Sciences; 5.1.2 Public Law (State Law) Sciences; 5.1.4 Criminal Law Sciences; 5.1.5. International-legal Sciences)

Волкова А. В.

Объект и предмет состава преступления, предусмотренного статьей 272.1 УК РФ 174

Volkova A. V.

The Object and Subject of the Corpus Delicti Provided for in Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 174

Захарян С. Ю.

Объект состава преступления, предусмотренного статьей 274.4 УК РФ: проблемы теории и практики 183

Zakharyan S. Yu.

The Object of the Corpus Delicti Provided for Article 274.4 of the Criminal Code of the Russian Federation: Problems of Theory and Practice 183

Кравчук С. В.

Актуальные проблемы объекта и предмета преступления, предусмотренного статьей 274.3 УК РФ 189

Kravchuk S. V.

Current Issues Related to the Object and the Subject of the Crime, Provided for in Article 274^3 of the Criminal Code of the Russian Federation 189

Ретракция статьи 196

Retraction Notice 196

Научная статья
УДК 340
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-6-12

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фархад Саетгалиевич Сибгатуллин

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Россия
farkhad.sibgatullin@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5507-677X

Аннотация. В статье отражена эволюция становления и развития государственных органов контроля и надзора в России. Отмечается, что контрольно-надзорная функция государства и деятельность органов государственной власти по ее реализации играет важное значение, обеспечивая стабильность как в обществе, так и в государстве в целом.

В статье раскрываются проблемы соотношения понятий «контроль» и «надзор» в юридической науке. По мнению автора, понятия «контроль» и «надзор» не следует противопоставлять и рассматривать их в качестве понятий, отражающих разные направления государственной деятельности. Автор считает, что надзор представляет собой наименование отдельных видов контроля.

Контрольно-надзорная деятельность федеральных органов исполнительной власти представляет собой разновидность особой государственной распорядительно-исполнительной деятельности, обеспеченной мерами административного принуждения и осуществляемой на системной основе в отношении неподчиненных в организационном плане подконтрольных (поднадзорных) объектов, в части соблюдения ими правовых норм и общеобязательных требований, правил, носящих специальный характер.

В статье также раскрываются основные формы и методы контрольно — надзорной деятельности характерные для федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации.

Ключевые слова: контроль, надзор, контрольно-надзорная функция государства, исполнительная власть

Для цитирования: Сибгатуллин Ф. С. Понятие и содержание контрольно-надзорной деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 6–12. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-6-12

Research article

CONCEPT AND CONTENT OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES OF THE FEDERAL EXECUTIVE BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Farkhad S. Sibgatullin

St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia
farkhad.sibgatullin@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5507-677X

Abstract. The article reflects the evolution of the formation and development of state control and supervision bodies in Russia. It is noted that the control and supervision function of the state and the activities of state authorities in its implementation are of great importance, ensuring stability both in society and in the state as a whole.

The article explores the relationship between the concepts of “control” and “supervision” in legal science. According to the author, the concepts of “control” and “supervision” should not be contrasted and

© Сибгатуллин Ф. С.

should not be considered as concepts that reflect different areas of state activity. Supervision is a specific type of control.

The control and supervisory activities of federal executive authorities are a type of special state administrative and executive activities provided by administrative coercion measures and carried out on a systematic basis in relation to organizationally uncontrolled (supervised) facilities, in terms of their compliance with legal norms and generally binding requirements, rules of a special nature.

The article also reveals the main forms and methods of control and supervisory activities characteristic of the federal executive authorities of the Russian Federation.

Keywords: control, supervision, the control and supervisory function of the State, executive power

For citation: Sibgatullin F.S. Concept and Content of Control and Supervisory Activities of the Federal Executive Bodies of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):6-12. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-6-12

Введение

В реализации функций государства важное значение играет такой инструмент как государственный контроль и надзор, за счет которого в стране и обществе достигается социально-экономическая и политическая стабильность.

Формирование эффективного контрольно-надзорного механизма реализации функций государства на современном этапе государственного развития Российской Федерации является сложной задачей, что обусловливает актуальность исследований проблем, связанных с государственным контролем и надзором.

Функция государственного контроля и надзора была характерна не только для всех существовавших форм и типов государства, но также и для первобытного общества, при отсутствии каких-либо институтов публичной власти.

Описание исследования

История контрольно-надзорного механизма в России насчитывает около 900 лет. В Новгородской республике контрольно-надзорные функции осуществляли Оспода, Вече, тысяцкий, князь. В Русском (Московском) государстве — аппарат великого князя. В 1654 г. учреждается «Приказ счетных дел» который представлял собой государственный орган финансового контроля. В период правления Петра I, преобразованный в 1699 году в Ближнюю канцелярию, а затем в 1718 году Ревизион-коллегию.

Именно тогда контрольно-надзорная деятельность в России обрела свою концептуальную модель, получив структурно-логическую основу. В этот период для осуществления контроля и надзора за исполнением законов были созданы прокуратура и фискалитет.

Следующий этап развития контрольно-надзорных государственных органов приходится на правление Екатерины II, в царствование которой в 1775 г. издается «Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи». Создаются казенные палаты, осуществлявшие ревизию счетов губернских учреждений, а в 1779 г. была создана Экспедиция ревизии счетов, представлявшая собой центральный орган финансового контроля.

Государственный контроль в России, как отдельный политико- правовой институт, сформировался изданием Высочайшего Манифеста 28 января 1811 г., о создании особого ведомства, возглавляемого Государственным Контролером, при котором функционировал совещательный орган Совет Государственного Контроля. Основной целью новый государственный орган ставил совершенствование контрольно-ревизионной деятельности и составление соответствующей отчетности.

С принятием в 1892 г. закона о государственном контроле происходят существенные изменения в его сфере. В этот период государственный контроль окончательно оформился в самостоятельную структуру государственного управления, которая надзирала «за законностью и правильностью распорядительных и исполнительных действий приходу, расходу и хранению капиталов, находящихся в ведении отчетных пред ним учреждений, а равно составляет выводы о выгодности или невыгодности хозяйственных операций, независимо от законности их производства» [1].

После Октябрьской социалистической революции 1917 года в России были сформированы органы рабочего контроля. В этот период государство, как и в предшествующий период, также было заинтересовано в организации действенного государственного надзора за обеспечением законности в стране. Организационные принципы контрольно-надзорной деятельности советского государства, сформированные в первые годы советской власти, сохраняли свою актуальность в течение всего периода существования СССР.

Образованный 5 декабря 1917 г. Народный комиссариат государственного контроля, был первым специализированным органом, на который возлагалось общие руководство по контролю и надзору в различных сферах общественных отношений в стране. Данный орган осуществлял контроль не только финансово -хозяйственной деятельности, но и управленческой, исполнительской деятельности подконтрольных госорганов. В последующем Народный комиссариат государственного контроля был преобразован в Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции. Деятельность контрольных органов в период с 1917 по 1923 гг.

© Сибгатуллин Ф. С.

характеризуется поиском новых способов и форм деятельности, концентрацией функций контроля в руках государства.

В период с 1923 по 1939 гг. принимается ряд нормативных правовых актов, касающихся государственного контроля и надзора: Положение о Народном комиссариате РКИ ЦИК СССР, Постановление ЦИК и Совета народных комиссаров (СНК) СССР «Об организации комиссии исполнения при совете Народных Комиссаров СССР», Постановление Совнаркома «О внутриведомственном финансовом контроле и документальной ревизии учреждений, предприятий, хозяйственных организаций и строительств». В указанный период был сформирован институт государственных бухгалтеров-экспертов, создаются Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Комиссия советского контроля при СНК СССР. Данный период характеризуется выявлением типичных для отдельных участков хозяйствования приемов злоупотреблений, хищений и поиском мер для их предотвращения.

В период с 1940 по 1956 гг. функционировал Народный комиссариат государственного контроля СССР, который в 1946 году был преобразован в Министерство государственного контроля СССР. Необходимо отметить, что государственный контроль в данный период был направлен на выполнение сроков плановой экономики.

В период с 1957 по 1964 гг. контрольными полномочиями была наделена Комиссия советского контроля Совета министров СССР. Были также созданы общесоюзный Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета министров СССР. Применяются различные элементы внутрихозяйственного контроля, предприятия наделяются все большей самостоятельностью в решении вопросов финансового характера, хозяйственных операций.

С 1965 по 1990 гг. в стране функционировал Комитет народного контроля, в 1991 г. были созданы Контрольная палата СССР и Контрольно-бюджетный комитет при Верховном совете Российской Федерации. В данный период осуществляется процесс преобразования органов контроля СССР поиск новых форм контроля Российской Федерации. Были созданы такие контрольные органы как Счетная Палата Российской Федерации, Главное контрольное управление Президента Российской Федерации, контрольно-ревизионные и казначейские органы Министерства финансов Российской Федерации.

Принятая в 1993 году Конституция РФ обусловила трансформацию структуры и организации государственных органов, в том числе с преобразованием системы государственного контроля.

История развития государственных органов контроля и надзора России свидетельствует о том, что контрольно-надзорная функция государства и деятельность органов государственной власти по ее реализации играет важное значение, обеспечивая стабильность как в обществе, так и в государстве в целом.

Необходимо отметить, что в современной юридической науке проблемы государственного контроля и надзора в большей степени интересовали исследователей теории организации управления, а также представителей других отраслей права. Исследованием категорий «надзор» и «контроль» занимались специалисты в области конституционного права Л. В. Акопов, В. В. Бойцова, А. В. Иванченко, В. И. Лысенко, М. А. Нудель, Ж. И. Овсепян, Н. Д. Погосян, В. Е. Чиркин, Ю. Л. Шульженко, финансового права Е. Ю. Грачева, Н. И. Химичева, прокурорского надзора А. И. Антонов, В. Г. Бессарабов, Е. В. Волколупов, Н. И. Костенко, В. Н. Осипкин, В. Г. Розенфельд, и др.

Проблема соотношения понятий «контроль» и «надзор» в юридической науке является дискуссионной и, как уже отмечалось, представляет научный и практический интерес. Относительно соотношения понятийных категорий «контроль» и «надзор» в научной литературе нет единого мнения несмотря на то, что указанные понятия часто употребляются как в практической жизни, так и в науке. К тому же в настоящее время в научной литературе не сформулировано каких-либо четких критериев разграничения указанных понятий, сформировалось по меньшей мере три подхода относительно соотношения данных категорий.

Согласно первому подходу, контроль является более широким понятием и включает в себя надзор. Такую точку зрения выражают А. П. Алехин, Ю. М. Козлов и А. А. Кармолицкий, которые считают, что «в процессе деятельности по обеспечению законности и дисциплины в сфере управления государственные органы используют в пределах предоставленной компетенции контроль и его разновидности — проверку исполнения и надзор» [2, с. 241]. Эту точку зрения разделяет С. Г. Нистратов утверждая, что надзор представляет собой разновидность контроля [3, с. 19]. Д. Н. Бахрах также считает, что контроль необходимо рассматривать как функцию социального управления, реализация которой предполагает проверку целесообразности и законности деятельности. По его мнению, надзор является суженым контролем, посредством которого осуществляется проверка законности [4, с. 206].

Сторонник второго подхода Л. А. Галанина утверждает, что нет принципиальной разницы между понятиями «контроль» и «надзор», в связи с чем контрольные и надзорные органы довольно часто называют «контрольно-надзорными» [5, с. 22]. Данную точку зрения разделяет А. В. Мартынов, который также считает, что понятия «контроль» и «надзор» являются по своей смысловой нагрузке тождественными и представляют собой формы управленческого воздействия [6, с. 205–210].

Ю. М. Козлов разграничивает понятия «контроля» и «надзора», взяв за основу критерий юридических последствий контрольной и надзорной деятельности. По его мнению, для контроля характерно применение дисциплинарной ответственности и возможность отмены правовых актов подведомственных организаций

© Сибгатуллин Ф. С.

(должностных лиц), а для надзора — применение мер административного принуждения. Он также считает, что для надзорной деятельности не характерна организационная соподчиненность, в отличие от деятельности контрольной [7, с. 543–544].

В. П. Беляев, придерживаясь позиций теории организации управления приходит к выводу, что отличие контроля от надзора заключается в том, что субъекты контроля могут осуществлять вмешательство в деятельность подконтрольного объекта. По его мнению, контроль предполагает оценку деятельности контролируемого объекта не только с точки зрения законности, но и целесообразности; должностные лица органов контроля вправе самостоятельно привлекать правонарушителей к ответственности» [8, с. 69]. Он считает, что сущность надзора выражается в «обеспечении законности и правопорядка путем выявления и устранения допущенных нарушений закона, а также в их предупреждении. Содержание надзора составляет основанная на законе деятельность специально уполномоченных субъектов, направляется на предупреждение, выявление и пресечение нарушений закона в целях обеспечения верховенства закона и единства законности, обеспечения конституционных прав и свобод граждан и охраняемых законом интересов общества и государства» [9, с. 11]. В связи с этим деятельность федеральных служб ограничивается реализацией контрольных функций и не содержит надзорных, которые характерны только для деятельности прокуратуры.

По степени допустимого вмешательства в деятельность объекта разграничивает контроль и надзор Ф. С. Разаренов. По его мнению, контрольные органы обладают более широкими полномочиями в отношении подконтрольного органа, которые осуществляют проверку контролируемой деятельности с позиций правильности и целесообразности. Надзор представляется как деятельность, осуществляемую органами власти, со стороны, а контроль же допускает вмешательство в деятельность хозяйствующего субъекта [10, с. 69–78].

В. В. Алексеев, З. В. Вдовенко разграничивают «контроль» и «надзор» исходя из соподчиненности контролирующих субъектов и контролируемых объектов. Они считают, что государственный контроль осуществляется в отношении контролируемых объектов и выражается в наблюдении, целью которого ставится выявление несоответствий в функционировании подконтрольного объекта заданным параметрам. Государственный надзор заключается в деятельности уполномоченных субъектов, их должностных лиц по наблюдению за не подконтрольными им объектами с целью выявления нарушений действующего законодательства. По мнению данных авторов, органы государственного контроля обладают более широкими полномочиями чем органы государственного надзора, поскольку в число их полномочий входит контроль не только за законностью, но также и за эффективностью деятельности подконтрольных объектов. Контроль осуществляется в отношении строго определенных объектов, а надзор в отношении неопределенного круга юридических и физических лиц [11, с. 10].

Схожей точки зрения придерживается М. С. Нетесова, по мнению которой основной критерий разграничения понятий «контроль» и «надзор» выражается в том, что при осуществлении контроля «обязательна подчиненность проверяемого проверяющему (основанная либо на государственных административных полномочиях, либо на полномочиях собственника); при надзоре, напротив, обязательным является независимость и самостоятельность проверяемого по отношению к проверяющему» [12, с. 99].

Лунев А. Е., разграничивая понятия «контроль» и «надзор», приходит к выводу, что контроль представляет собой форму обеспечения законности, посредством которой осуществляется устранение условий, способствующих этим нарушениям. Целью же надзора, по его мнению, является предупреждение нарушений законности, а в случае совершенного нарушения восстановление нарушенного права [13, с. 230–232].

В настоящее время российское законодательство не выработало критериев по разграничению дефиниций «контроль» и «надзор» и рассматривает их как равнозначные понятия. Так, в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ «под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем в Российской Федерации понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений»[1]. Таким образом, в Законе отсутствуют какие-либо критерии по разграничению понятий «контроль» и «надзор».

В Указе Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» понятия «контроль» и «надзор» также представлены как тождественные[2].

В некоторых статьях КоАП РФ данные понятия тоже рассматриваются как равнозначные (ст. 19.4 КоАП РФ «Неповиновение законному распоряжению

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» в ред. Федерального закона от 25.12.2023 № 625-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. 1. Ст. 5007.

[2] Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46892/ (дата обращения: 20.04.2026).

© Сибгатуллин Ф. С.

должностного лица органа, осуществляющего государственный надзор (контроль), должностного лица организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора, должностного лица органа, осуществляющего муниципальный контроль», ст. 19.5 «Невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора (должностного лица), органа (должностного лица), осуществляющего муниципальный контроль»).

Представленные точки зрения, свидетельствуют о том, что дискуссии о соотношении понятий «контроль» и «надзор» не утратили своей актуальности в теоретическом плане, но в некоторой степени потеряли свое практическое значение, поскольку современное законодательство не сформулировало четких критериев разграничения между данными понятиями.

По мнению автора, понятия «контроль» и «надзор» не следует противопоставлять и рассматривать их в качестве понятий, отражающих разные направления государственной деятельности. Надзор представляет собой наименование отдельных видов контроля.

В отмечавшемся ранее Указе Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» функции по контролю и надзору возложены на федеральные службы и выражаются в следующем:

— осуществление действий по контролю и надзору за исполнением органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами общеобязательных правил поведения;

— выдача органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами разрешений (лицензий) на осуществление определенного вида деятельности и (или) конкретных действий юридическим лицам и гражданам;

— регистрация актов, документов, прав, объектов, а также издание индивидуальных правовых актов[3].

Контрольно-надзорная деятельность федеральных органов государственной власти представляет собой специальный вид правоохранительной деятельности. Контрольно-надзорные полномочия возникают не сами по себе, а закрепляются в нормативных правовых актах за конкретным федеральным органом исполнительной власти.

Контрольные функции характерны для всех органов государственной власти, а надзорные носят специализированный, конкретный характер, поскольку суть их сводится к наблюдению не всего комплекса предъявляемых требований к функционированию контролируемого объекта, а только к специальным нормам, правилам определенным и закрепленным в нормативных правовых актах Российской Федерации (федеральных законах, подзаконных и ведомственных нормативных правовых актах).

Вопросы, связанные с соблюдением и исполняемых требований контролируемыми объектами составляют предмет контрольно-надзорной деятельности. В соответствии со ст. 15 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля (далее — предмет контроля) являются:

— соблюдение контролируемыми лицами обязательных требований, установленных нормативными правовыми актами;

— соблюдение (реализация) требований, содержащихся в разрешительных документах;

— соблюдение требований документов, исполнение которых является необходимым в соответствии с законодательством Российской Федерации;

— исполнение решений, принимаемых по результатам контрольных (надзорных) мероприятий[4].

Предмет контрольно-надзорной деятельности носит, как правило, межотраслевой характер, поскольку решение специализированных вопросов осуществляется в комплексе во взаимодействии с другими органами государственной власти.

Для специальных правил, норм и требований, составляющих предмет контрольно-надзорной деятельности, характерен особый порядок установления. Они устанавливаются постановлениями Правительства РФ, либо совместными актами нескольких центральных органов федеральной исполнительной власти, либо головным федеральным органом исполнительной власти по согласованию с другими заинтересованными ведомствами, либо головным органом по поручению Правительства Российской Федерации [14, с. 41].

Оценка деятельности контролируемых объектов со стороны контрольно-надзорного органа производится с позиций законности, в том числе допускается возможность вмешательства во внутреннюю деятельность подконтрольного объекта. Например, допускается приостановление деятельности предприятий, допускающих нарушение требования охраны труда, правила пожарной безопасности, а также при совершении административного правонарушения в области оборота наркотических средств и психотропных веществ и др.

[3] Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46892/ (дата обращения: 20.04.2026).

[4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» в ред. Федерального закона от 25.12.2023 № 625-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. 1. Ст. 5007.

© Сибгатуллин Ф. С.

В настоящее время для контрольно-надзорных органов свойственно разнообразие методов и форм осуществления своих полномочий, но при этом, в современной юридической науке нет единой точки зрения к определению понятий «метод» и «форма».

По мнению М. Л. Баранова к формам контроля в контрольно-надзорной сфере следует отнести: проверку, инспектирование, ревизию, экспертизу, мониторинг [15, с. 80–84]. Аналогичную точку зрения разделяет и другой автор А. З. Завалунов [16, с. 128].

Э. Л. Лещина, А. Д. Магденко утверждают, что обследования, осмотры, проверки, наблюдения нужно относить к методам контроля [17].

В. С. Елисеева, в своих трудах раскрывая понятие мониторинга отождествляет понятия «форма» и «метод» государственного контроля [18, с. 503–515].

В уже указанном Федеральном законе от 31.07. 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» также отсутствуют какие -либо разграничения в определении понятий «форма» и «метод».

В указанном нормативном правовом акте формами контрольно-надзорной деятельности выступают профилактические мероприятия, контрольные и мониторинговые закупки, выборочный контроль, инспекционный визит, рейдовый осмотр, документарная проверка, выездная проверка, наблюдение за соблюдением обязательных требований, выездное обследование и др.

По своей сути формы контрольно-надзорной деятельности являются внешним организационно-правовым выражением конкретных действий должностных лиц контрольно-надзорных органов, которые совершаются в целях практического осуществления поставленных задач [19, с. 202–210].

Для контрольно-надзорной деятельности характерны все свойства, присущие административно-правовым отношениям, так как контрольно-надзорные правоотношения представляют собой разновидность управленческих отношений, стороны которых наделены взаимными правами и обязанностями. Особенность таких отношений выражается, с одной стороны, в отсутствии организационной подчиненности сторон, а с другой, обязательностью исполнения принятых в пределах компетенции решений контрольно-надзорного органа как для физических лиц, так и для негосударственных и государственных организаций. К особенностям контрольно-надзорной деятельности можно также отнести широкое применение мер административного принуждения, указанных в КоАП РФ.

Заключение

Следовательно, для контрольно-надзорной деятельности характерны следующие свойства:

Во-первых, контрольно-надзорная деятельность осуществляется специализированными государственными органами государственной власти;

Во-вторых, вовремя контрольно-надзорной деятельности производится проверка соблюдения требований, исполнения правил, которые носят специальный характер и закреплены в законах и подзаконных актах;

В-третьих, предметом контрольно-надзорной деятельности являются оценка контролируемых объектов с точки зрения соответствия заданным параметрам, определенным нормативными правовыми актами. В ходе контроля (надзора) не производится оценка целесообразности тех или иных управленческих действий подконтрольного объекта;

В-четвертых, допускается возможность ограниченного вмешательства со стороны контрольно-надзорного органа в деятельность подконтрольного объекта, вплоть до приостановления его деятельности;

В-пятых, контрольно-надзорная деятельность осуществляется в отношении всех, кто обязан соблюдать предъявляемые требования (на физических лиц, негосударственные и государственные организации);

В-шестых, контрольно-надзорная деятельность может осуществляется как по инициативе уполномоченного контрольно-надзорного органа, так и на системной основе. Допускается осуществление контрольно-надзорных мероприятий в связи с поступление соответствующих жалоб и заявлений;

В-седьмых, субъекты контрольно-надзорной деятельности наделены широким кругом полномочий по применению мер административного принуждения.

Таким образом, контрольно-надзорная деятельность федеральных органов исполнительной власти представляет собой разновидность особой государственной распорядительно-исполнительной деятельности, обеспеченной мерами административного принуждения и осуществляемой на системной основе в отношении неподчиненных в организационном плане подконтрольных (поднадзорных) объектов, в части соблюдения ими правовых норм и общеобязательных требований, правил, носящих специальный характер.

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Все собрания (1649–1913 гг.) СПб., 1830–1916.

2. Алехин А. П., Козлов Ю. М., Кармолицкий А. А. Административное право Российской Федерации: учебник. Москва, 1995. Ч. 2. Административно-правовая организация управления экономикой, социально-культурной и административно-политической сферами. 241 с.

3. Нистратов С. Г. Контроль и надзор как гарантии законности (теоретикоправовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 19 с.

4. Бахрах Д. Н. Административное право России. Москва, 2000.

© Сибгатуллин Ф. С.

5. Галанина Л. А. Организационно-правовое обеспечение контроля за исполнением нормативно-правовых актов в субъектах Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2001. 184 с.

6. Мартынов А. В. Контрольная власть в России: понятие, формы и юридическое значение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 3. С. 205–210.

7. Козлов Ю. М. Административное право. Москва, 2005.

8. Беляев В. П. О проблемах эффективности государственного контроля // Правоведение. 2006. № 2. С. 67–73.

9. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности. Вопросы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 55 с.

10. Разаренов Ф. С. О сущности и значении административного надзора в советском государственном управлении // Вопросы советского административного права на современном этапе. Москва, 1963. С. 69–78.

11. Алексеев В. В., Вдовенко З. В. Государственный контроль и надзор в современной России // Успехи в химии и химической технологии. 2015. № 5. С. 10–12.

12. Нетесова М. С. О разграничении функции контроля и надзора в государственном управлении // Власть. 2007. № 2. С. 97–101.

13. Административное право (общая и особенная части) / Под ред. Лунева А. Е. Москва, 1970.

14. Дмитриев А. Т. Правовые и организационные проблемы административного надзора органов внутренних дел: дис… канд. юрид. наук. Москва, 1998. 217 с.

15. Баранов М. Л. Юридическая природа и формы государственного контроля // Административное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 80–84.

16. Завалунов А. З. Правовые основы государственного контроля в сфере исполнительной власти: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2009. 128 с.

17. Лещина Э. Л., Магденко А. Д. Административно-процессуальное право: учебное пособие. Москва, 2015. 312 с.

18. Елисеева В. С. Мониторинг правоприменения как форма государственного контроля // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2015. С. 503–515.

19. Никонова Ю. Ш. Формы и методы государственного контроля (надзора) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3(41). С. 202–210.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сибгатуллин Фархад Саетгалиевич

Адъюнкт адъюнктуры факультета (подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования), Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: farkhad.sibgatullin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5507-677X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Farkhad S. Sibgatullin

Postgraduate of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training and Additional Professional Education, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).
E-mail: farkhad.sibgatullin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5507-677X

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 24.04.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 23.05.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Сибгатуллин Ф. С.

Научная статья
УДК: 004.8; 34.06
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-13-18

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ СПОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ

Жанна Георгиевна Почивалова

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, г. Челябинск, Россия
j210708@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию этических основ обучения искусственного интеллекта (далее — ИИ) для разрешения правовых споров в Российской Федерации (далее — РФ). Данное направление приобретает особую значимость в условиях современной цифровой трансформации. Автор формулирует авторское определение данного понятия как совокупности принципов, норм и ценностей, регулирующих формирование интеллектуальных систем, способных выполнять правовые функции при сохранении баланса между технической эффективностью и соблюдением законности, беспристрастности и ответственности перед человеком. На основе анализа действующего законодательства делается вывод об отсутствии прямой легализации ИИ в судопроизводстве, что исключает делегирование нейросетям властных полномочий по отправлению правосудия. В работе систематизированы шесть этических принципов обучения ИИ: прозрачность и объяснимость, справедливость, безопасность, ответственность, приватность и уважение прав человека. Выявлены четыре группы объективных ограничений применения ИИ в правовых спорах: технические (когнитивная непрозрачность, зависимость от качества данных), правовые (неопределённость статуса решений ИИ и субъекта ответственности), этические (риски алгоритмической предвзятости, угроза прозрачности правосудия) и социальные (институциональное недоверие, психологический барьер, риск сокращения рабочих мест). Особое внимание уделено анализу проблемы «чёрного ящика» и необходимости сохранения человеческой ответственности за правосудие. Результаты исследования показывают, что ИИ должен выполнять исключительно вспомогательные функции, тогда как конечная ответственность и нравственное начало остаются прерогативой человека. Предложенные выводы могут быть использованы для совершенствования нормативно-правовой базы, разработки стандартов качества обучающих данных и повышения цифровой компетентности юридического сообщества.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), этика, этические основы обучения ИИ, государственное регулирование ИИ, нейросеть, алгоритмы ИИ, принципы обучения ИИ, ограничения для применения ИИ в правовых спорах

Для цитирования: Почивалова Ж. Г. Этические основы использования искусственного интеллекта для разрешения правовых споров в Российской Федерации: объективные ограничения для применения // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 13–18. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-13-18

Research article

ETHICAL FOUNDATIONS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TRAINING FOR THE RESOLUTION OF LEGAL DISPUTES IN THE RUSSIAN FEDERATION: OBJECTIVE LIMITATIONS FOR THE APPLICATION

Zhanna G. Pochivalova

Ural Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Chelyabinsk, Russia
j210708@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the ethical foundations of artificial intelligence (AI) training for the resolution of legal disputes in the Russian Federation (RF). This area is becoming particularly important in the context of modern digital transformation. The author formulates the author's definition of this concept as a set of principles, norms and values governing the formation of intellectual systems capable of performing

© Почивалова Ж. Г.

legal functions while maintaining a balance between technical efficiency and respect for legality, impartiality and responsibility to humans. Based on the analysis of current legislation, it is concluded that there is no direct legalization of AI in legal proceedings, which excludes the delegation of authority to administer justice to neural networks. The paper systematizes six ethical principles of AI learning: transparency and explainability, fairness, safety, responsibility, privacy, and respect for human rights. Four groups of objective limitations of the use of AI in legal disputes have been identified: technical (cognitive opacity, dependence on data quality), legal (uncertainty of the status of AI decisions and the subject of responsibility), ethical (risks of algorithmic bias, threat to transparency of justice) and social (institutional distrust, psychological barrier, risk of job cuts). Special attention is paid to the analysis of the «black box» problem and the need to preserve human responsibility for justice. The results of the study show that AI should perform exclusively auxiliary functions, while ultimate responsibility and morality remain the prerogative of humans. The proposed conclusions can be used to improve the regulatory framework, develop quality standards for training data, and enhance the digital competence of the legal community.

Keywords: artificial intelligence (AI), ethics, ethical foundations of AI learning, government regulation of AI, neural network, AI algorithms, principles of AI learning, limitations for the use of AI in legal disputes

For citation: Pochivalova ZhG. Ethical Foundations of Artificial Intelligence Training for the Resolution of Legal Disputes in the Russian Federation: Objective Limitations for the Application. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):13-18. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-13-18

Введение

Активное внедрение технологий ИИ в различные сферы общественных отношений ставит перед юридической наукой и практикой принципиально новые вопросы, связанные с переосмыслением традиционных институтов. Особую сложность это направление приобретает в контексте судопроизводства, где стремительное развитие аналитических и прогностических алгоритмов вступает в противоречие с консервативной природой правосудия, требующей высокой степени прозрачности, ответственности и человеческого участия. В РФ, несмотря на формирование стратегической и экспериментальной нормативной базы в сфере ИИ, вопросы этического обеспечения обучения нейросетей с целью разрешения правовых споров остаются концептуально не проработанными.

Научная разработанность темы характеризуется фрагментарностью: имеющиеся труды преимущественно касаются либо общих вопросов цифровизации правосудия, либо технических аспектов функционирования ИИ, тогда как комплексному анализу объективных ограничений (правовых, технических, этических и социальных), препятствующих полноценному применению таких систем, уделено недостаточно внимания.

Целью настоящей статьи является выявление и систематизация этических основ обучения ИИ для разрешения правовых споров в РФ, а также определение объективных ограничений, обусловливающих невозможность полной замены человеческого усмотрения при отправлении правосудия.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1) проанализировать действующее нормативно-правовое регулирование в сфере ИИ в РФ;

2) сформулировать систему этических принципов обучения правоприменительных алгоритмов ИИ, а также классифицировать объективные ограничения их внедрения.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы: анализ, синтез, системный подход, а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и метод классификации.

Основная часть

Современное понимание ИИ отличается многообразием, благодаря появлению множества его видов. [5, с. 199]. Наиболее подходящее и общее понятие предлагает М. В. Залоило, который понимает под ИИ «свойство интеллектуальных систем выполнять творческие, интеллектуальные функции, присущие человеку» [3, с. 9].

Прежде чем сформулировать общее понятие этических основ обучения ИИ для разрешения правовых споров в РФ, следует проанализировать и сам феномен «этические основы обучения».

Во-первых, этика — это философская дисциплина, исследующая нравственность и мораль. Соответственно, этические основы обучения представляют собой систему принципов, норм и ценностей, регулирующих образовательный процесс. Исходя из этого, этические основы обучения ИИ для разрешения правовых споров в РФ представляют собой совокупность принципов, норм и ценностей, регулирующих процесс формирования интеллектуальных систем, способных выполнять правовые функции, обеспечивая баланс между технической эффективностью и соблюдением фундаментальных требований законности, беспристрастности и ответственности перед человеком.

Разобравшись с терминологией, следует перейти к правовому регулированию ИИ, поскольку именно на его основе возможно сделать выводы об ограниче-

© Почивалова Ж. Г.

ниях для применения этических основ обучения ИИ при разрешении правовых споров в РФ.

Формирование нормативной базы в сфере ИИ в РФ осуществляется в русле комплексного подхода, сочетающего стратегическое планирование, экспериментальные правовые режимы и разрабатываемое специальное законодательство.

Как справедливо отмечается в доктрине, «регламентация цифровой экономики и цифровых технологий осуществляется в России в настоящее время в основном документами стратегического планирования, изменения гражданского, финансового и прочих отраслей законодательства минимальны» [3, с. 9]. При этом стоит, отметить, что правовая природа таких актов, не всегда однозначна, так как правовой элемент в них выражен слабо.

Основополагающее значение имеет «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утверждённая Указом Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В ней, согласно п. «а» ст. 5, ИИ определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»[1].

Ключевую роль в системе регулирования ИИ также играет Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[2], в рамках которой реализуется шесть федеральных проектов. Среди них — федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды»[3], нацеленный на устранение правовых и административных барьеров, мешающих внедрению цифровых инноваций, и федеральный проект «Цифровые технологии»[4], где ИИ отнесён к числу «сквозных» технологий — перспективных направлений, радикально меняющих ситуацию на существующих рынках.

Наряду с программными документами, правовое регулирование дополняется механизмами экспериментальных правовых режимов. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[5] позволяет апробировать технологии ИИ в условиях, не требующих немедленного изменения общего законодательства. Впоследствии в него были также внесены изменения, касающиеся, в частности, вопросов ответственности при причинении вреда с использованием ИИ в рамках таких режимов.

Отдельное место в регулировании занимают этические нормы. В 2021 году был принят Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, разработанный «Альянсом в сфере искусственного интеллекта»[6]. Этот рекомендательный документ заложил основы саморегулирования отрасли, закрепив принципы человекоцентричности, прозрачности алгоритмов, справедливости, безопасности и ответственности.

На уровне отраслевого законодательства действуют нормы, ограничивающие возможность принятия решений исключительно на основе автоматизированной обработки данных. Так, в ст. 16 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[7] запрещается принимать решения, затрагивающие права и интересы человека, если они основаны исключительно на автоматической обработке, за исключением случаев, предусмотренных законом или при наличии письменного согласия.

Важно отметить, что в настоящее время идёт подготовка к принятию базового закона о государственном регулировании ИИ. В марте 2026 года был опубликован Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»[8], который призван систематизировать существующие нормы об ИИ. Проект закрепляет понятие ИИ на законодательном уровне, вводит риск-ориентированный подход, требующий дифференциации регулирования в зависимости от степени влияния систем на жизнь человека и общество. Также в данном Проекте предусматривается право граждан оспаривать решения, принятые с использованием нейросетей, а также возможность компенсации вреда, причинённого ИИ.

Параллельно ведётся работа по стандартизации: с 2025 года вводятся в действие национальные

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (Доступ авторизованный).

[2] «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (Доступ авторизованный).

[3] «Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (Доступ авторизованный).

[4] «Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (Доступ авторизованный).

[5] Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

[6] Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ethics.a-ai.ru/ (дата обращения: 05.05.2026).

[7] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31. (ч. 1). Ст. 3451.

[8] Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (Доступ авторизованный).

© Почивалова Ж. Г.

стандарты в области ИИ, в частности ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта»[9], унифицирующий понятийный аппарат.

Как справедливо отмечают О. Н. Шерстобоев и И. В. Михеева, «российское процессуальное законодательство не содержит прямого дозволения использовать искусственный интеллект в судебном процессе» [4, с. 30]. При этом ни в АПК РФ[10], ни в ГПК РФ[11], ни в КАС РФ[12], ни в УПК РФ[13] нет нормы, прямо легализующей применение ИИ. Однако, отсутствие специального разрешения не означает запрета, поскольку существующие процессуальные институты позволяют использовать результаты работы ИИ в рамках традиционных способов формирования и оценки доказательств.

В АПК РФ ст. 64 определяет доказательства как сведения о фактах, не ограничивая источник их получения, что допускает использование ИИ для извлечения таких сведений. Ч. 1 ст. 75 этого же кодекса предусматривает возможность использования «иных документов и материалов, выполненных в цифровой или графической записи, или иным способом, позволяющим установить достоверность документа», т. е. фактически анализ доказательств с применением ИИ рассматривается как допустимый способ обработки информации. Ч. 1 ст. 71 ГПК РФ и ч. 1 ст. 70 КАС РФ содержат аналогичные положения о допустимости документов в цифровой форме. Закреплённый в ч. 1 ст. 70 АПК РФ, в ч. 1 ст. 67 ГПК РФ и в ч. 1 ст. 84 КАС РФ принцип оценки доказательств, по внутреннему убеждению, суда не запрещает применять технологии (в том числе ИИ) для проверки доказательств, но требует от судьи личного осмысления полученных результатов. Ч. 1. Ст. 74 УПК РФ также определяет доказательства как любые сведения, не ограничивая перечень их источников. Ч. 2 ст. 84 УПК РФ прямо относит к доказательствам иные документы, в том числе выполненные электронным способом. При назначении судебной экспертизы в соответствии со ст. 195 УПК РФ использование технических средств, включая ИИ, охватывается статусом эксперта, который применяет такие средства для исследования доказательств. Вместе с тем ст. 17 УПК РФ, устанавливающая свободу оценки доказательств, и ст. 240 УПК РФ, закрепляющая принцип непосредственности судебного разбирательства, требуют, чтобы итоговое решение принималось судом, следователем или дознавателем лично, что не исключает использование ИИ как вспомогательного инструмента, но не допускает полной передачи ему полномочий по формированию внутреннего убеждения.

Таким образом, анализ современного правового регулирования в РФ свидетельствует о формировании разрозненной, но активно развивающейся нормативной базы в сфере ИИ, основанной на стратегическом планировании, экспериментальных правовых режимах и этических принципах. При этом ключевым объективным ограничением для внедрения этических основ обучения ИИ в процесс разрешения правовых споров выступает отсутствие прямой процессуальной легализации таких технологий, что при существующей нормативной конструкции оставляет итоговое формирование судейского убеждения и юридической ответственности исключительно за человеком, не позволяя делегировать нейросетям властные полномочия по отправлению правосудия.

Определив терминологическую и нормативную основу исследования, перейдём к этическим принципам обучения ИИ, предназначенного для разрешения правовых споров в РФ. Анализ действующего и планируемого российского законодательства позволяет выделить шесть таких принципов:

1) прозрачность и объяснимость: алгоритмы ИИ должны обеспечивать понятное обоснование принимаемых решений. Это требование критически важно для судопроизводства, поскольку проигравшая сторона имеет право чётко понимать, на каком основании она может оспорить судебный акт. Кроме того, недопустима генерация ложных прецедентов, то есть несуществующих судебных актов. В условиях высокой загруженности судов такие риски способны ввести правоприменителя в заблуждение, что повлечёт максимально негативные последствия для всей правовой системы;

2) справедливость и толерантность: алгоритмы ИИ не должны воспроизводить предвзятости, потенциально заложенные в обучающих данных, в том числе по признакам пола, возраста, национальности или иным социально значимым критериям;

3) безопасность и надежность: алгоритмы ИИ нуждаются в защите от взлома и несанкционированных манипуляций, что на данный момент является сложнейшей задачей в силу высокой уязвимости цифровых систем;

4) ответственность: необходимо чётко определить субъекта, отвечающего за ошибки ИИ в правовых спорах (разработчик, пользователь или оператор персональных данных);

5) приватность и защита персональных данных: обучение и функционирование алгоритмов ИИ должны строго соответствовать требованиям законодательства РФ;

6) уважение к правам и свободам человека: приоритет прав человека должен соблюдаться неукоснительно, даже если это ограничивает стремление к максимальной технологической эффективности.

Анализ перечисленных принципов выявляет объективные ограничения, обусловленные текущим состоянием российского законодательства. Нормативно-правовая база пока не в полной мере адаптирована

[9] Приказ Росстандарта от 28.10.2024 № 1550-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (Доступ авторизованный).

[10] «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[11] «Гражданский процессуальный кодекс» от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[12] «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[13] «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1) Ст. 4921.

© Почивалова Ж. Г.

к подобным технологиям, однако её постепенное развитие представляется закономерным. Приоритетным направлением следует считать детальное изучение ограничений, препятствующих полноценной реализации потенциала алгоритмов ИИ в данной сфере. Данные ограничения целесообразно разделить на четыре группы: технические, правовые, этические и социальные.

Технические ограничения включают проблему «чёрного ящика». Как отмечают А. В. Альферов и В. М. Кирьянова, «С юридической точки зрения «чёрный ящик» ИИ характеризуется не просто отсутствием доступа к исходному коду, но и когнитивной непрозрачностью — состоянием, при котором даже полная детерминированность алгоритма не позволяет человеку (судье) реконструировать причинно-следственную связь между входными данными и итоговым решением» [1, с. 63]. Сюда же относятся: зависимость от качества и объёма обучающих данных (неполнота, устаревшие данные, предвзятость); уязвимость к кибератакам и манипуляциям; ограниченная способность ИИ понимать контекст, нюансы языка и юридические тонкости. Как справедливо замечает К. Л. Брановицкий: «Автоматизация и стандартизация правовых услуг, несмотря на их очевидные преимущества, несут риск утраты индивидуального подхода и юридической точности. Хотя алгоритмы показывают высокую эффективность в обработке типичных случаев, они часто не способны учитывать уникальные обстоятельства сложных дел. Это может привести к снижению доверия к правовой системе и ухудшению качества оказываемой юридической помощи» [2, с. 35].

В свою очередь правовые ограничения связаны с отсутствием чёткого регулирования статуса решений ИИ в судопроизводстве; неопределённостью в вопросах ответственности за ошибки ИИ; противоречиями между использованием ИИ и принципами справедливого суда; ограничениями, вызванными защитой персональных данных и государственной тайны. Алгоритмы ИИ могут обучаться на основе данных, в том числе на задаваемых им вопросах[14], что способно значительно повлиять на конфиденциальность: в правовых актах, в том числе судебных актах всегда присутствует информация, не подлежащая раскрытию (личные данные, профессиональная тайна и т. д.). Теоретически эта проблема решается с помощью обезличивания. Однако в таком случае возникает ключевой вопрос: кто будет обезличивать абсолютно все дела, чтобы алгоритмы ИИ могли полноценно обучаться разрешению правовых споров?

Следующая группа ограничений, этические, включает в себя несколько ключевых проблем. Во-первых, это риск усиления предвзятости и дискриминации через алгоритмы ИИ — в 2024 году группа американских учёных-информатиков выяснила, что десятки популярных моделей ИИ продолжают оперировать расистскими стереотипами даже после переобучения. В число склонных к расистским суждениям ИИ вошли GPT-3.5 и GPT-4, лежащие в основе знаменитого чат-бота ChatGPT от компании OpenAI[15]. Во-вторых, этические ограничения связаны с угрозой прозрачности и справедливости правосудия, возникающей из-за непрозрачности самих алгоритмов ИИ. В-третьих, существует опасность так называемого делегирования ответственности, когда человек фактически перекладывает принятие решений на машину.

Наконец, социальные ограничения включают в себя три основных аспекта: недоверие со стороны юристов, судей и граждан к решениям, принимаемым ИИ; риск сокращения рабочих мест в юридической сфере; а также необходимость массового переобучения специалистов для эффективной работы с алгоритмами ИИ. Особого внимания заслуживает психологический барьер. Невероятные с точки зрения скорости и объёма обработки информации возможности ИИ зачастую пугают старшее поколение профессионального сообщества. Главная причина этого страха заключается в неизвестности: человек не понимает, как именно алгоритм приходит к тому или иному выводу.

Несмотря на то что отдельные примеры позитивной практики использования ИИ уже присутствуют в деятельности органов исполнительной, законодательной и даже судебной власти, рассматриваемый вопрос в целом остаётся глубоко дискуссионным. Сам факт такого внедрения, однако, не снимает фундаментальных сомнений, поскольку в большинстве названных сфер ИИ выполняет преимущественно вспомогательные функции. В правосудии же, где цена возможной ошибки неизмеримо выше, требуется принципиально иной уровень надёжности и прозрачности, достижение которого пока остаётся открытой проблемой.

Вопрос об этических основаниях использования ИИ для разрешения правовых споров в РФ пока остаётся дискуссионным, однако можно выделить несколько возможных решений существующих проблем. На наш взгляд, для этого необходимо развивать методы объяснимого ИИ применительно к юридической сфере, чтобы решения алгоритмов ИИ можно было понять и проверить с точки зрения права. Также требуется создать стандарты качества данных для обучения ИИ, что позволит избежать искажений и ошибок. Следует внедрить механизмы регулярного аудита и сертификации ИИ-систем на соответствие правовым и этическим нормам. Параллельно необходима дальнейшая разработка нормативно-правовой базы, чётко регламентирующей применение ИИ в правосудии. Важно обучить юристов работе с ИИ и повысить их цифровую грамотность, чтобы они могли грамотно использовать такие инструменты и критически оценивать их выводы. Наконец, нужно организовать общественный диалог о допустимых границах применения ИИ в праве с участием всех лиц, которые заинтересованы в разрешении правовых споров.

[14] См.: Как обучается ИИ // Хабр. URL: https://clc.li/SFsLK (дата обращения: 05.05.2026).

[15] См.: Нейросети-расисты: ученые проверили ИИ на стереотипность мышления // Точка. URL: https://clc.li/agfBw (дата обращения: 05.05.2026).

© Почивалова Ж. Г.

Заключение

Подводя итог проведённому исследованию, можно сделать вывод, что этические основы обучения ИИ для разрешения правовых споров в РФ находятся в стадии формирования. При этом под этическими основами обучения ИИ для разрешения правовых споров в РФ понимается совокупность принципов, норм и ценностей, регулирующих процесс формирования интеллектуальных систем, способных выполнять правовые функции при обеспечении баланса между технической эффективностью и соблюдением требований законности, беспристрастности и ответственности перед человеком.

Установлено, что действующее процессуальное законодательство не содержит норм, прямо легализующих использование ИИ в судопроизводстве, что исключает возможность делегирования нейросетям властных полномочий по отправлению правосудия. Существующая нормативная база (включая стратегические документы, экспериментальные правовые режимы и этические кодексы) носит преимущественно рамочный характер и не устраняет ключевых юридических противоречий.

В ходе исследования выявлены и систематизированы объективные ограничения применения ИИ для разрешения правовых споров, классифицированные на четыре группы: технические (когнитивная непрозрачность алгоритмов, зависимость от качества обучающих данных), правовые (неопределённость статуса решений ИИ и субъекта ответственности за ошибки), этические (риски воспроизводства алгоритмической предвзятости, угроза прозрачности правосудия) и социальные (институциональное недоверие, психологический барьер).

Несмотря на выявленные ограничения, полный отказ от применения ИИ в правовой сфере не является обоснованным. Перспективными направлениями признаются: развитие методов объяснимого ИИ применительно к юридическим задачам, создание стандартов качества обучающих данных, внедрение механизмов регулярного аудита и сертификации ИИ-систем, а также повышение цифровой компетентности юридического сообщества. Ключевым выводом исследования выступает положение о том, что технологии ИИ должны выполнять исключительно вспомогательные функции, тогда как конечная ответственность и нравственное начало в правосудии остаются неотъемлемой прерогативой человека.

Список источников

1. Алферов А. В., Кирьянова В. М. Проблема «Черного ящика» искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном процессе: между судебным усмотрением и технологическим детерминизмом // Вестник науки. 2025. № 12 (93). С. 61–72.

2. Брановицкий К. Л. Искусственный интеллект и LegalTech: риски трансформации юридической профессии // Цифровое право (Digital Law Journal). 2024. Т. 5, № 4. С. 28–40. DOI: 10.38044/2686-9136-2024-5-5

3. Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / отв. ред. Д. А. Пашенцева. Москва, 2021. 132 с.

4. Шерстобоев О. Н., Михеева И. В. Искусственный интеллект и «право будущего»: зарубежный опыт и российские возможности использования в правосудии // Законодательство. 2024. № 6. С. 24–32. DOI: 10.58741/16818695_2024_6_24

5. Шестак В. А., Волеводз А. Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 197–206. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Почивалова Жанна Георгиевна

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, (г. Челябинск, Россия).
E-mail: j210708@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhanna G. Pochivalova

Candidate of Pedagogical Sciences, Professor Associate, Professor Associate of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, Ural Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Chelyabinsk, Russia).
E-mail: j210708@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 10.05.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.06.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Почивалова Ж. Г.

Научная статья
УДК 349.2
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-19-24

С. 19–24

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ ТРУДОВОГО ПРАВА: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Артемий Андреевич Марков

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия
a.a.markov3@uslu.su

https://orcid.org/0009-0004-2893-7193

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового статуса государства как субъекта трудового права. Автор обосновывает, что государство обладает особой правосубъектностью, производной от его суверенитета. В статье анализируются элементы правового статуса государства, включая правосубъектность, а также его права и обязанности, которые не могут быть сведены к классическим частноправовым конструкциям, и ответственность. Правосубъектность государства возникает не в результате признания его со стороны иных субъектов, а производна от факта его суверенного существования, закрепленного в конституционном акте. Также уделяется внимание суверенному праву государства самостоятельно устанавливать минимальные стандарты трудовых прав, определяя объем прав и обязанностей участников трудовых отношений. Вместе с тем конституализация основополагающих трудовых прав не только является реализацией суверенного права государства как субъекта трудового права, но и одновременно трансформируется в его позитивные обязанности Кроме того, запускается механизм самоограничения. Так, государство добровольно связывает себя конституционными нормами, устанавливая для себя тем самым правовые границы, которые в дальнейшем не может преступать без риска утраты собственной легитимности. Ответственность государства раскрывается через обязанность изменять нормативные положения трудового законодательства на основании решений Конституционного Суда РФ: если принятые государством нормы трудового права не обеспечивают надлежащую защиту провозглашенных трудовых прав граждан, то государство обязано их корректировать. Также делается вывод, что государство является субъектом трудового права, но участвует в конкретных правоотношениях опосредованно — через органы государственной власти.

Ключевые слова: государство, субъект трудового права, права, обязанности, ответственность, суверенитет, самоограничение

Для цитирования: Марков А. А. Государство как субъект трудового права: особенности правового статуса // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 19–24. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-19-24

Research article

THE STATE AS A SUBJECT OF LABOR LAW: SPECIFICS OF LEGAL STATUS

Artemiy A. Markov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
a.a.markov3@uslu.su

https://orcid.org/0009-0004-2893-7193

Abstract. The article is devoted to the study of the legal status of the state as a subject of labor law. The author argues that the state possesses a unique legal personality derived from its sovereignty. The article analyzes the elements of the state's legal status, including legal personality, as well as its rights and obligations, which cannot be reduced to classical private law constructs, and liability. The state's legal personality does not arise from its recognition by other entities, but rather derives from the fact of its sovereign existence,

© Марков А. А.

enshrined in a constitutional act. Attention is also paid to the state's sovereign right to independently establish minimum labor rights standards, defining the scope of rights and obligations of participants in labor relations. At the same time, the constitutionalization of fundamental labor rights not only realizes the state's sovereign right as a subject of labor law but also simultaneously becomes its positive obligations. Furthermore, a mechanism of self-restraint is activated. Thus, the state voluntarily binds itself to constitutional norms, thereby establishing legal boundaries that it cannot subsequently transgress without risking its own legitimacy. State responsibility is manifested through the obligation to amend labor law provisions based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. If the labor law provisions adopted by the state fail to adequately protect the declared labor rights of citizens, the state is obligated to amend them. It is also concluded that the state is a subject of labor law, but participates in specific legal relations indirectly, through government bodies.

Keywords: state, subject of labor law, rights, duties, responsibility, sovereignty, self-restraint

For citation: Markov AA. The State as a Subject of Labor Law: Specifics of Legal Status. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):19-24. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-19-24

Введение

Очевидно, что вопрос о субъектном составе отрасли трудового права не может быть единожды разрешен раз и навсегда: общественные отношения все время трансформируются под влиянием большого количества факторов (политических, экономических и т. д.), которые находят свое отражение в праве.

Сохраняет свою актуальность тезис М. А. Драчук, высказанный более 20 лет назад, о том, что вопрос о субъектах есть вопрос необходимости существования самой отрасли права как самостоятельного нормативного образования, ведь наряду с предметом, методом и принципами должен сформироваться круг участников общественных отношений, на которых будет распространяться действие установленных государством правил их единообразного поведения [3, с. 3].

Категория «субъект права» представляет собой универсальную правовую конструкцию, обозначающую участника общественных отношений, будь то гражданин, организация или государство, который на основании действующих правовых норм признается носителем субъективных прав и соответствующих юридических обязанностей.

Как отмечает К. В. Нуштайкина, «субъекты права … это индивиды и организации, которые на основании юридических норм могут быть участниками правоотношений, носителями прав и обязанностей. В трудовом праве — это участники трудовых отношений, а также иных отношений, непосредственно связанных с трудовыми. Основные субъекты трудовых отношений — работник и работодатель — являются индивидуальными» [8, с. 97]. Вторыми, в определенном смысле логично противопоставляемыми индивидуальным, являются коллективные субъекты права [11, с. 108–114], в том числе и государство.

Все общественные отношения невозможно представить себе без государства, которое не только регулирует их, издавая нормативные правовые акты, но и обеспечивая их исполнение, отправляя правосудие, участвуя в социальном партнерстве и т. д.

В общей теории права прочно утвердилась концепция государства как самостоятельного субъекта права, обладающего комплексной правосубъектностью и участвующего как в публично-властных, так и в частноправовых отношениях.

Современная российская правовая доктрина исходит из того, что государство — это субъект права, реализующий свою правоспособность в различных отраслевых режимах. Однако в трудовом праве, где центральное место занимает бинарное отношение «работник — работодатель», включение государства в круг субъектов не получило необходимого научно-правового осмысления.

Вместе с тем в ст. 1 ТК РФ к числу основных задач трудового законодательства отнесено создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудового отношения и государства. Представляется, что эта формулировка имеет глубокое теоретическое значение, ибо из нее вытекает, что государство признается самостоятельным носителем интереса в сфере труда. Более того, интерес государства может не совпадать ни с интересом работника, ни с интересом работодателя и заключается, в частности, в поддержании социального мира в обществе [5, с. 53].

Материал и методы

Теоретическую основу статьи составляют труды отечественных ученых в области теории права и конституционного и трудового права. Нормативную базу образуют положения Конституция Российской Федерации и Трудового кодекса РФ. В исследовании использованы общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм).

Описание исследования

Очевидно, что государство не может быть рассмотрено через стандартную призму трудоправового статуса,

© Марков А. А.

представления о котором сформированы для работников и работодателей, которые, реализуя в рамках действующего правового поля свои частные интересы, вступают в трудовые отношения.

В трудовом праве к элементам правового статуса классически относят: трудовую правосубъектность (правоспособность, дееспособность и деликтоспособность), основные права и обязанности, гарантии и ответственность [2, с. 75].

Правосубъектность традиционно раскрывается через взаимосвязанные категории: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Так, правоспособность как возможность быть носителем прав и обязанностей в случае государства реализуется посредством формализации общественного договора, издания нормативных правовых актов, закрепляющих взаимные права и обязанности государства и граждан.

В данном случае справедливо проведение параллелей между юридическим лицом и государством, так как оба являются юридическими фикциями. Равно как юридическое лицо приобретает правосубъектность с момента создания (государственной регистрации), так и государство приобретает ее с момента учреждения (провозглашения суверенитета и последующего закрепления его в конституционном акте).

Основным доводом в поддержку идеи о государстве как субъекте трудового права служит утверждение о том, что оно является суверенным регулятором общественных отношений (в пределах своей территории). Именно государство является суверенным правотворцем, устанавливающим обязательные для всех субъектов правила поведения. В числе прочего определяет, кто является субъектом трудового права, включая определение их правового статуса. В отличие от физических лиц, правосубъектность которых признается государством, правосубъектность государства возникает из факта его суверенного существования и закрепления этого статуса в конституционном законодательстве.

Другим необходимым признаком правосубъектности выступает деликтоспособность, то есть способность нести ответственность за свои действия.

Деликтоспособность государства обеспечена механизмом публично-правовой ответственности за качество и полноту правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Если принятые государством нормы трудового права не обеспечивают надлежащую защиту трудовых прав граждан, то государство обязано их корректировать, в том числе на основании решений Конституционного Суда РФ. В настоящий момент возможность признания неконституционными положений трудового законодательства является единственным механизмом публично-правовой ответственности государства как субъекта трудового права.

Безусловно, отождествлять категории «субъект права» и «субъект правоотношения» применительно к государству как субъекту трудового права несправедливо. Разграничение категорий «субъект права» и «субъект правоотношения» было произведено А. В. Слепнёвым, который выделил ряд отличительных признаков [10, с. 9–10].

Во-первых, субъект права — это лицо, которое лишь потенциально располагает определенными правами и обязанностями, при этом может воздержаться от их реализации, в то время как субъект правоотношения в любом случае является лицом, участвующим в уже существующих отношениях, возникших по поводу реализации прав и обязанностей.

Во-вторых, во многом категория «субъект права» определяется какой-либо правовой нормой или их совокупностью, в то время как для приобретения статуса субъекта правоотношения необходимо наличие более сложного юридического состава, содержащего как минимум еще волевой элемент.

В-третьих, субъект права есть конструкция во многом абстрактная, в то время как каждому субъекту правоотношения отведена конкретная роль.

В-четвертых, что немаловажно, круг субъектов права значительно не совпадает с кругом субъектов правоотношений, поскольку многие субъекты права в силу предусмотренных законом обстоятельств лишены возможности вступить в конкретные правоотношения.

В-пятых, если даже ошибочно поставить знак равенства между этими терминами, то пришлось бы автоматически отождествить право как таковое и существующее урегулированное правом отношение, что со всей очевидностью привело бы к отрицанию нормативной природы права.

С учетом вышеизложенного справедливым будет утверждение о том, что государство, будучи субъектом трудового права, не является субъектом правоотношений, регулируемых трудовым правом. В них государство вступает через своих представителей — органы государственной власти и иных лиц публичного права.

Как ранее уже отмечалось, права и обязанности являются центральным элементом правового статуса любого субъекта. Российская Федерация как политико-правовое образование, наделенное всей полнотой суверенной власти, учреждена и функционирует на основе Конституции России как основополагающего акта, фиксирующего договор между народом (обществом) и государством о ключевых вопросах положения государства и личности, основах политической, экономической и правовой систем, взаимных правах и обязанностях [7 с. 41–44].

В смысловом ядре субъектов трудового права не может быть гомогенности, так как работник и работодатель по своей сути субъекты частного права, деятельность которых, по общему правилу, нацелена на удовлетворение собственных потребностей, государство же, с учетом специфики реализуемых им функций, не может ограничиваться исключительно локальными имущественными или социальными интересами.

По указанной причине применять к категориям «право» и «обязанность» при обсуждении государства

© Марков А. А.

как субъекта права, в том числе и трудового, в их стандартном понимании было бы ошибочно.

В классическом понимании субъективное право (право в субъективном смысле) представляет собой принадлежащую субъекту «в целях удовлетворения его интересов индивидуально-конкретную властную меру (вид, объем и т. п.) дозволенного (возможного) поведения, обеспеченную соответствующими обязанностями других участников правоотношений» [9, с. 151], то есть по сути меру возможного поведения. Обязанность, в свою очередь, представляет собой гарантированную государством меру должного поведения[1].

Базовым элементом правового статуса государства как субъекта трудового права являются его права. Применение формального (лингвистического) подхода не дает ответа на вопрос о государственных правах, так как текст Конституции РФ соответствующих прямых указаний не имеет.

Однако не вызывает сомнений, что права и обязанности любого субъекта права существуют в неразрывной связи взаимообуславливают друг друга и в системной связи служат инструментом позиционирования в отношениях с другими субъектами. Государство, даже невзирая на свою уникальную специфику, не может быть исключительно обязанным субъектом права, равно как и не может быть исключительно уполномоченным.

Говоря о правах государства как субъекта трудового права, справедливо повторить мысль о том, что государство обладает уникальным свойством, качественно отличающим его от всех прочих субъектов права, а именно суверенитетом.

В сфере трудового права суверенитет государства проявляется прежде всего в монополии на правотворчество как способность устанавливать общеобязательные правила поведения, определяющие правовой статус участников трудовых отношений.

Неразрывная связь прав государства с его суверенитетом наиболее отчетливо прослеживается в праве государства самостоятельно определять объем прав участников трудовых отношений. Именно государство определяет минимальный стандарт трудовых прав, ниже которого не может опускаться ни один работодатель. Данный минимальный стандарт является выражением суверенной воли государства, направленной на обеспечение социальной защиты трудящихся.

Кроме того, государство, руководствуясь публичными интересами, в частности поддержанием оптимального баланса трудовых ресурсов, либо в целях решения иных задач внутренней и внешней политики, а также для обеспечения национальной безопасности и экономической независимости вправе устанавливать обоснованные ограничения трудовых прав, включающие установление различий, исключений, предпочтений, а также иные ограничения прав работников (ч. 3 ст. 3 ТК РФ). Именно государство определяет, какие ограничения являются правомерными и в каких целях они могут вводиться.

Вместе с тем государство, будучи суверенным носителем публичной власти, добровольно и осознанно связывает себя конституционными нормами, устанавливающими основополагающие трудовые права. Тем самым оно создает для себя правовые границы, которые в дальнейшем не может преступать без риска утраты собственной легитимности. Таким образом, конституционные трудовые права должны быть поняты не только как субъективные права человека, но и как публично-правовые одновременно права и обязанности государства, добровольно принятые на себя и имеющие самоограничительный характер.

Н. В. Анциферов, говоря о конституционных обязанностях в отношении субъектов публичной власти, отмечает, что «речь в основном идет о раскрытии конституционных обязанностей, закрепленных в форме прав и свобод человека и гражданина или общеорганизационных установок. Такая (выявленная) конституционная обязанность может как соотноситься с конкретным субъективным правом, так и соответствовать ряду таких прав или их элементов (аспектов)» [1, с. 63].

Представляется, что базовая обязанность государства закреплена в ст. 2 Конституции РФ[2], где определено, что ключевая обязанность государства состоит в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина. Это в свою очередь позволяет говорить, что основные права и свободы человека, гарантированные Конституцией РФ, трансформируются в позитивные обязанности государства по их признанию, соблюдению и защите.

В соответствии со ст. 7 Конституции РФ государство берет на себя ответственность по совершенствованию правовой, материально-технической, экономической и социальной базы в сфере труда. Таким образом, право, которое провозгласило государство, обладая суверенитетом, превратилось в конституционно-правовую обязанность государства обеспечить достойный труд.

Н. И. Матузов, характеризуя обязанности как таковые, писал, что они есть «предпосылка нормального функционирования конституционных институтов, управления социальными и экономическими процессами, поддержания устойчивости и стабильности в обществе» [6, с. 15–27].

Государство, провозглашая те или иные права, реализует свое суверенное право определять эти права, одновременно добровольно берет на себя обязательства, а не только декларирует их. Для реализации провозглашенных прав государство выстраивает сложную систему механизмов, которая одновременно служит

[1] Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник // ВикиЧтение: [сайт]. URL: https://law.wikireading.ru/hDGt6wf257 (дата обращения: 06.07.2026).

[2] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020. (дата обращения: 06.07.2026).

© Марков А. А.

формой и инструментом его самоограничения. Создавая правовую основу для регулирования трудовых отношений, государство одновременно устанавливает границы собственного вмешательства в них. Это служит механизмом добровольного отказа от возможности произвольно, в угоду ситуативным интересам менять правила, стабильность которых гарантирует поступательное развитие экономики.

Несмотря на то что государство обладает всей полнотой суверенной власти, подобную власть нельзя считать совершенно безграничной. Суверенитет правового государства неразрывно связан, а фактически и обуславливает необходимость развития концепции самоограничений государства.

Еще Г. Еллинек писал, что, «признавая международное право и предпринимая на основании этого признания определенные связывающие его действия, государство в силу своей правовой власти ограничивает само себя» [4, с. 155].

Государство, будучи суверенным носителем публичной власти, добровольно и осознанно связывает себя конституционными нормами, устанавливающими основополагающие трудовые права. Тем самым оно создает для себя правовые границы, которые в дальнейшем не может преступать без риска утраты собственной легитимности. Таким образом, конституционные трудовые права должны быть поняты не только как субъективные права человека, но и как публично-правовые одновременно права и обязанности государства, добровольно принятые на себя и имеющие самоограничительный характер.

Конституционализация трудовых прав представляет собой фундаментальное проявление самоограничения государства, где оно перестает быть лишь «верховным арбитром» и берет на себя прямые позитивные обязанности перед гражданами.

В основе самоограничения лежит осознанный отказ государства от абсолютной свободы усмотрения. Суверенная власть начинает осуществляться в конституционных рамках, где последовательная конституционализация правовой системы становится важнейшим процессом самоограничения государства на основе действующей Конституции РФ.

Кроме того, субъективные права субъектов трудового отношения (работника и работодателя), закрепленные в ратифицированных Россией международных актах, не только формируют фундамент для базовых обязанностей государства как субъекта трудового права, но и выступают также как самоограничение.

Наиболее действенным проявлением самоограничения государства является подчинение его собственной деятельности судебному контролю, включая контроль со стороны специализированных органов конституционной юстиции. Установив права, государство создает механизмы для их защиты от возможных нарушений, в том числе и от неправомерных действий самих органов власти (фактически от себя самого).

Ответственность государства как субъекта трудового права раскрывается в необходимости корректировки законоположений (регулирующих трудовые отношения), если те не обеспечивают качество и полноту правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Кроме того, если принятые государством нормы трудового права не обеспечивают надлежащую защиту трудовых прав граждан, то государство обязано их корректировать, в том числе на основании решений Конституционного Суда РФ. В настоящий момент возможность признания неконституционными положений трудового законодательства является единственным механизмом публично-правовой ответственности государства как субъекта трудового права.

Заключение и вывод

Представляется, что государство является самостоятельным субъектом трудового права, обладающим особой правосубъектностью, производной от его суверенитета. Так, правосубъектность государства возникает из факта его суверенного существования, закрепленного в конституционном акте, и не зависит от признания со стороны иных субъектов. Государство будучи субъектом трудового права не является субъектом трудовых правоотношений, поскольку участвует в конкретных трудовых правоотношениях опосредованно — через органы государственной власти.

Правовой статус государства в трудовом праве не может быть сведен к классическим частноправовым конструкциям, характерным для работника и работодателя. Его права и обязанности носят публично-правовой характер и неразрывно связаны с суверенной монополией на правотворчество, определением минимальных стандартов трудовых прав и установлением обоснованных ограничений. Конституционализация основополагающих трудовых прав одновременно реализует суверенное право государства и трансформируется в его позитивные обязанности, запуская механизм самоограничения. Государство добровольно связывает себя конституционными нормами, устанавливая правовые границы, преступление которых влечет риск утраты легитимности.

Ответственность государства как субъекта трудового права проявляется в обязанности корректировать трудовое законодательство на основании решений Конституционного Суда РФ, если принятые нормы не обеспечивают надлежащую защиту трудовых прав граждан.

© Марков А. А.

Список источников

1. Анциферов Н. В. Категория конституционной обязанности в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 7А. С. 59–66.

2. Гусов К. Н., Толкунова В. Н. Трудовое право России. Москва, 2003. 492 с.

3. Драчук М. А. Субъекты трудового права: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2002. 196 с.

4. Еллинек Г. Общее учение о государстве / пер. В. М. Гессена, Л. В. Шалланда. Санкт-Петербург, 1903. 599 с.

5. Иванчина Ю. В. Функции трудового права: монография. В 3 ч. Ч. 2: Эволюция функций трудового права России в условиях изменения тип в общества и экономики. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. 336 с.

6. Матузов Н. И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности // Право и политика. 2016. № 1. С. 15–27. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.1.15909

7. Мишин А. А. Конституция // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1969–1978. С. 41–44.

8. Нуштайкина К. В. Непрофсоюзное (альтернативное) представительство интересов работников в социальном партнерстве: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 194 с.

9. Селиванова О. Ю. Субъективное право: сущность, структура, ценность: дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 155 с.

10. Слепнёв А. В. Государство как субъект правоотношений: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2009. 243 с.

11. Фильчакова С. Ю. Трудовой коллектив как субъект коллективно-договорных отношений в законодательстве Содружества Независимых Государств // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2 (61). С. 108–114.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марков Артемий Андреевич

Аспирант кафедры трудового права,
Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: a.a.markov3@uslu.su

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artemiy A. Markov

Postgraduate student, Department of Labor Law,
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: a.a.markov3@uslu.su

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.07.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.08.2026.

© Марков А. А.

Научная статья
УДК 352.342.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-25-29

С. 25–29

ИНДИКАТОРЫ РИСКА В МУНИЦИПАЛЬНОМ КОНТРОЛЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Елена Владимировна Меджидова

Челябинский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Челябинск, Россия
E-mail: medzhidova-ev@ranepa.ru

Аннотация. В статье на основе анализа Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и муниципальных правовых актов рассматриваются теоретические и практические аспекты использования индикаторов риска в муниципальном контроле. Раскрывается правовая природа индикаторов риска как вероятностных юридических фактов, служащих основанием для проведения внеплановых контрольных мероприятий. На примере Положения о муниципальном контроле в сфере благоустройства города Челябинска выявлены недостатки действующего регулирования. Предложены пути совершенствования.

Статья подготовлена в рамках Конкурса.

Ключевые слова: муниципальный контроль, индикаторы риска, риск-ориентированный подход, внеплановые контрольные мероприятия, благоустройство, профилактика нарушений

Для цитирования: Меджидова Е. В. Индикаторы риска в муниципальном контроле: правовая природа, проблемы регулирования // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 25–29. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-25-29

Research article

RISK INDICATORS IN MUNICIPAL CONTROL: LEGAL NATURE, REGULATORY ISSUES

Elena V. Medzhidova

Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk, Russia
E-mail: medzhidova-ev@ranepa.ru

Abstract. This article examines the theoretical and practical aspects of using risk indicators in municipal control based on an analysis of Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020, "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" and municipal legal acts. The legal nature of risk indicators as probabilistic legal facts serving as the basis for unscheduled control measures is revealed. Using the Regulation on Municipal Control in the Sphere of Urban Development in the City of Chelyabinsk as an example, the shortcomings of the current regulation are identified and ways to improve it are proposed.

This article was prepared as part of a competition.

Keywords: municipal control, risk indicators, risk-oriented approach, unscheduled control measures, improvement, violation prevention

For citation: Medzhidova EV. Risk Indicators in Municipal Control: Legal Nature, Regulatory Issues. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):25-29. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-25-29

Введение

Переход к риск-ориентированной модели контроля, закрепленной в Федеральном законе от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[1]

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.

© Меджидова Е. В.

(далее — Закон № 248-ФЗ), кардинально изменил подходы к организации контрольной деятельности на всех уровнях публичной власти.

Риск-ориентированная модель контроля предполагает, что интенсивность контрольных и профилактических мероприятий зависит от того, к какой категории риска отнесена деятельность контролируемого лица, а также используемые им производственные объекты, тем самым позволяя сконцентрировать ограниченные ресурсы контрольных органов на наиболее значимых нарушениях, которые с высокой вероятностью возникают в зонах повышенного риска [1. С. 77].

Одним из инструментов реализации этого подхода являются индикаторы риска нарушения обязательных требований, т. е. правил поведения, установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, а также муниципальными правовыми актами, соблюдение которых оценивается при осуществлении муниципального контроля. Часть 9 стать 23 Закона № 248-ФЗ определяет индикатор риска через соответствие или отклонение от параметров объекта контроля, которые само по себе не являются нарушениями, но с высокой степенью вероятности свидетельствуют о наличии таких нарушений и риске причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям [2. С. 89]. Именно выявление индикатора риска служит самостоятельным основанием для проведения внеплановых контрольных мероприятий.

В условиях действующего до 2030 года моратория на плановые проверки[2] роль индикаторов становится особенно важной: они становятся первопричиной для осуществления контрольных функций в отношении большинства объектов контроля.

Вместе с тем, анализ муниципальных правовых актов, регулирующих отдельные виды муниципального контроля, свидетельствует о наличии серьезных пробелов в правовом регулировании индикаторов риска. Перечни индикаторов зачастую неполны, не учитывают сезонную специфику, не содержат количественных порогов и не охватывают всех типов контролируемых лиц.

Важно отметить, что в настоящее время многие муниципальные образования продолжают актуализировать свои правовые акты, приводя их в соответствие с новыми требованиями, введенными Федеральным законом № 540-ФЗ[3], однако даже в новых редакциях муниципальных правовых актов указанные пробелы полностью не устранены.

Целью статьи является, на примере решения Челябинской городской Думы от 26.10.2021 № 23/7 (в редакции от 24.06.2025 № 10/14), утверждающего Положение о муниципальном контроле в сфере благоустройства на территории города Челябинска, раскрыть правовую природу индикаторов и механизм их применения, выявить недостатки действующего правового регулирования, предложить пути совершенствования индикаторов риска.

Описание исследования

Индикатор риска нарушения обязательных требований представляет собой вероятностный юридический факт, т. е. определенное состояние объекта контроля, которое само по себе не является правонарушением, но служит законным основанием для предположения о высокой вероятности его совершения. Иначе говоря, законодатель придает вероятностному факту значение процессуального повода для вмешательства в деятельность контролируемого лица.

Индикатор риска должен отвечать четырем критериям: измеримость, относительность, гипотетичность (вероятностный характер связи с нарушением) и релевантность [2. С. 90]. В отличие от категорий и критериев риска, которые служат для планирования и дифференциации плановых мероприятий, индикатор ориентирован исключительно на внеплановый контроль.

Юридическая конструкция индикатора риска неразрывно связана с механизмом его практической реализации. Данный механизм, как следует из системного толкования статей 24, 57, 60 и 61.1 Закона № 248-ФЗ, включает четыре последовательные стадии: мониторинг, выявление соответствия индикатору, принятие решения, реализация и оценка. Эффективность индикатора оценивается по доле мероприятий, в ходе которых нарушения подтвердились [6. С. 306].

Анализ практики применения индикаторов риска, проведенный Минэкономразвития России [8] в рамках мониторинга исполнения Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года[4], выявил системные проблемы. Как отмечает Галкин А. И., внедрение риск-ориентированного подхода сопряжено с необходимостью пересмотра традиционных методов контроля и адаптации к новым условиям [3, С. 30]. В свою очередь Виноградова А. Д. и Панина О. В. указывают, что эффективность данного подхода напрямую зависит от качества разработки индикаторов и их соответствия реальным рискам в контролируемой сфере [4, С. 31–32]. По данным Минэкономразвития, в 2022 году федеральными органами использовалось лишь 187 индикаторов риска, из которых действительно «сработали» единицы.

consultant.ru/ (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Федеральный закон от 28.12.2024 № 540-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.04.2026).

[4] Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. и плана-графика по ее реализации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.04.2026).

© Меджидова Е. В.

К 2024 году их количество выросло до 542, а точность проверок по индикаторам риска достигла 87 %.

Как отмечает Куничкин А. М., причины низкой эффективности индикаторов риска кроются в некачественной проработке параметров: многие ведомства устанавливают излишне широкие категории, не имеющие четких количественных порогов, и продолжают опираться на устаревшие, избыточные требования [5. С. 288–289]. Применительно к муниципальному контролю в сфере благоустройства указанные проблемы усугубляются сезонным характером многих нарушений.

Положение о муниципальном контроле в сфере благоустройства на территории города Челябинска[5] предусматривает три категории риска: средний, умеренный и низкий. Критерии отнесения к категориям риска определены следующим образом: к среднему риску отнесены объекты, на территориях которых расположены инженерные сети, к умеренному — объекты, расположенные на общественных пространствах (скверы, парки), к низкому — все иные объекты. Действующий перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований включает три индикатора, ограниченных осенне-зимним периодом (ноябрь-март) и включает в себя:

— двукратный и более рост числа лиц, получивших травмы при падении на дворовых территориях,

— двукратный и более рост числа лиц, получивших травмы при падении снега, глыб, льда, сосулек со скатной крыши, карнизов нежилых зданий,

— двукратный и более рост числа лиц, получивших травмы при падении на входной группе нежилого помещения в многоквартирном доме.

Анализ перечня позволяет говорить об отсутствии ряда важных индикаторов. Исследование Иванина А. А. и Старостиной Е. Ю. подтверждает, что изъятие из общего регулирования возможности не применять риск-ориентированный подход на муниципальном уровне влекло негативные последствия, выражавшиеся в высоком уровне нарушаемости и отсутствии оперативного реагирования [7, С. 79–80]. Такое отсутствие индикаторов лишает контрольный орган законных оснований для оперативного реагирования на нарушения со стороны потенциального субъекта проверки:

1) индикаторы для весенне-летнего периода — именно в теплое время года возникают массовые нарушения, связанные с производством земляных работ без разрешения, ненадлежащим содержанием фасадов зданий, складированием отходов, повреждением элементов благоустройства, незаконным сносом зеленых насаждений;

2) дифференциация индикаторов по типам контролируемых лиц — характер и масштаб потенциального вреда у разных категорий контролируемых лиц существенно различаются. Единый порог «двукратный рост» не учитывает добросовестность контролируемого лица (наличие систем внутреннего контроля, отсутствие предыдущих нарушений), что противоречит принципам риск-ориентированного подхода, закреплённым в Законе № 248-ФЗ;

3) перечень не охватывает такие распространенные нарушения, как отсутствие информации об исполнении предписаний в установленный срок, повторное обращение о нарушении после вынесенного предостережения, наличие провалов и просадок грунта, создание препятствий для маломобильных групп населения — указанные нарушения остаются без своевременного реагирования, а контрольный орган лишается возможности инициировать внеплановые мероприятия, что снижает эффективность профилактики и ведет к накоплению нерешенных проблем;

4) единственным количественным порогом является «двукратный рост» — при низкой базе двукратный рост может быть статистически незначимым (например, с 1 до 2 обращений), а при стабильно высоком уровне нарушений без резкого роста опасная ситуация может остаться незамеченной. Иные пороги (абсолютное число обращений, процентное повышение, сроки) не используются, что снижает точность настройки системы реагирования.

Необходимо констатировать, что действующее правовое регулирование индикаторов в рассматриваемом Положении формально соответствует требования Закона № 248-ФЗ, однако его содержательное наполнение является недостаточным для эффективного выявления нарушений в сфере благоустройства. Перечень нуждается в расширении, сезонной дифференциации и установлении четких количественных порогов. В связи с этим предлагается:

1. Расширение перечня за счет весенне-летних индикаторов, путем включения индикаторов, связанных с производством земляных работ без разрешения, ненадлежащего содержания фасадов зданий, складирования отходов, повреждением элементов благоустройства, незаконным сносом зеленых насаждений, созданием препятствий для маломобильных групп населения.

2. Введение дифференцированных индикаторов по типам контролируемых лиц путем установления отдельных параметров для юридических лиц (управляющие компании), индивидуальных предпринимателей (владельцы нестационарных торговых объектов), граждан, а также для лиц, осуществляющих земляные работы.

3. Добавление общих (круглогодичных) индикаторов, путем включения индикаторов, основанных на повышении среднего количества обращений, повторных обращений после получения предостережения контролируемым лицом, отсутствие информации об исполнении предписания в установленный срок.

4. Установление альтернативных количественных порогов, которые можно использовать наряду с порогом «двукратный рост» через абсолютные значения (три и более обращения), процентное превышение

[5] Решение Челябинской городской Думы от 26.10.2021 № 23/7 (в ред. от 24.06.2025 № 10/14) «Об утверждении Положения о муниципальном контроле в сфере благоустройства на территории города Челябинска» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.04.2026).

(20 % и более), временные критерии (отсутствие информации в течение определенного срока).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Индикаторы риска нарушения обязательных требований являются ключевым инструментом риск-ориентированного подхода в муниципальном контроле. Их правовая природа заключается в придании вероятностному параметру (соответствию или отклонению от установленных характеристик объекта контроля) значения юридического факта, влекущего возможность проведения внеплановых контрольных мероприятий. Механизм применения индикаторов включает четыре стадии: мониторинг, выявление соответствия, принятие решения и реализацию.

Анализ действующего перечня индикаторов риска, утвержденного Положением о муниципальном контроле в сфере благоустройства города Челябинска, выявил следующие недостатки: сезонная ограниченность, отсутствие дифференциации по типам контролируемых лиц, неполнота охвата распространенных нарушений, использование единственного количественного порога, что снижает точность и оперативность реагирования.

Для устранения указанных недостатков предложено расширить перечень за счет весенне-летних и общих индикаторов, ввести дифференцированные параметры различных категорий контролируемых лиц, а также установить альтернативные количественные пороги.

Реализация предложенных изменений позволит повысить эффективность муниципального контроля в сфере благоустройства, обеспечить своевременное выявление и пресечение нарушений, снизить административную нагрузку на добросовестных контролируемых лиц и создать стимулы для соблюдения обязательных требований.

Список источников

1. Багдасарян Д. И. Определение содержания риск-ориентированного подхода в государственном и муниципальном контроле в сфере благоустройства // Актуальные проблемы гуманитарного знания: прошлое и современность: материалы Международной научной конференции, Москва, 24 декабря 2023 года. Москва, 2023. С. 76–82.

2. Никонова Е. Р. Актуальные вопросы применения риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности // Эволюция российского права: материалы XXIII Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 29–30 апреля 2025 года. Екатеринбург, 2025. С. 86–92.

3. Галкин А. И. Внедрение риск-ориентированного подхода в деятельность контрольно-надзорных органов // Альманах мировой науки. 2016. № 2–3(5). С. 28–32.

4. Виноградова А. Д., Панина О. В. Практика внедрения риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорную деятельность федеральных органов исполнительной власти // Стратегия и тактика управления предприятием в переходной экономике: сборник материалов XVI ежегодного открытого конкурса научно-исследовательских работ студентов и молодых ученых в области экономики и управления «Зеленый росток» / под ред. Г. С. Мерзликиной. Выпуск 32. Волгоград, 2016. С. 31–32.

5. Куничкин А. М. Проблемы внедрения риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорную деятельность государственных органов // От синергии знаний к синергии бизнеса: сборник статей и тезисов докладов VI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и преподавателей, Омск, 26 ноября 2019 года. Омск, 2019. С. 287–290.

6. Лазько К. Р., Семенова Н. А. Контроль и надзор в системе публичной власти: проблемы и пути повышения эффективности // Государство, власть, управление и таможенное регулирование в условиях цифровой трансформации: сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Белгород, 17–18 апреля 2025 года. Белгород, 2025. С. 304–308.

7. Иванин А. А., Старостина Е. Ю. Отказ от применения риск-ориентированного подхода при осуществлении муниципального контроля: негативные последствия // Право: история, теория, практика: сборник статей и материалов международной научно-практической конференции, Брянск, 15 апреля 2022 года. Выпуск 26. Брянск, 2022. С. 74–84.

8. Тимченко В. С. Точность проверок по индикаторам риска составляет уже порядка 90 процентов // Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. 2025. 10 марта. URL: http://council.gov.ru/events/committees/164894/ (дата обращения: 15.04.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Меджидова Елена Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права, Челябинский филиал РАНХиГС при Президенте РФ (г. Челябинск, Россия).
E-mail: medzhidova-ev@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Medzhidova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Law, Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk, Russia).
E-mail: medzhidova-ev@ranepa.ru

© Меджидова Е. В.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.04.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 25.05.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Меджидова Е. В.

Научная статья
УДК 342.724
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-30-34
С. 30–34

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ: АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ДЕЙСТВУЮЩЕГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Андрей Вадимович Нечкин

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия
a.nechkin@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0002-3032-9240

Аннотация. В статье проводится анализ терминологического аппарата действующего российского законодательства, регулирующего правовое положение коренных малочисленных народов. Автор отмечает, что международно-правовые понятия коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни, со всем присущим им колониальным оттенком, мало пригодны для употребления в России, чей многонациональный народ явился итогом не имеющего себе аналогов в мире этногенеза, отличительными чертами которого являются длительность, мирный характер протекания и недостаточная научная изученность. Понятие коренные малочисленные народы, в свою очередь, позволяет одновременно отразить, во-первых, процесс этногенеза многонационального народа России, который строился на принципах зачастую мирного объединения других народов вокруг русского народа с целью взаимовыгодного сотрудничества. И, во-вторых, объективную малочисленность отдельных народов, входящих в единый многонациональный народ России. Кроме того, именно это понятие закреплено в Конституции РФ. По итогам проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что нормативно установленные определения, используемых в российском законодательстве, понятий коренные малочисленные народы и коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока требуют корректировки, возможные варианты которой предлагаются автором в конце статьи.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы; коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока; национальные меньшинства; коренные народы; многонациональный народ

Для цитирования: Нечкин А. В. Коренные малочисленные народы России: анализ терминологического аппарата действующего российского законодательства // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 30–34. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-30-34

Research article

INDIGENOUS MINORITY PEOPLES OF RUSSIA: ANALYSIS OF THE TERMINOLOGICAL APPARATUS OF CURRENT RUSSIAN LEGISLATION

Andrey V. Nechkin

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
a.nechkin@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0002-3032-9240

Abstract. This article analyzes the terminology of current Russian legislation regulating the legal status of indigenous minority peoples. The author notes that the international legal concepts of indigenous peoples and tribal peoples, with all their inherent colonial connotations, are ill-suited for use in Russia, whose multinational nation is the result of a unique ethnogenesis characterized by its long duration, peaceful nature, and insufficient scientific study. The concept of indigenous minority peoples, in turn, allows us to simultaneously reflect, firstly, the process of ethnogenesis of the multinational people of Russia, which was built on the principles of the often peaceful unification of other peoples around the Russian people for the purpose of mutually beneficial cooperation. And, secondly, it reflects the objective smallness of the individual peoples comprising the single multinational people of Russia. Furthermore, this concept is enshrined in the Constitution of the Russian Federation. Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that the norma-

© Нечкин А. В.

tively established definitions used in Russian legislation of the concepts of indigenous minority peoples and indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East require adjustment, possible options for which are proposed by the author at the end of the article.

Keywords: indigenous minority peoples; indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East; national minorities; indigenous peoples; multinational people

For citation: Nechkin AV. Indigenous Minority Peoples of Russia: Analysis of the Terminological Apparatus of Current Russian Legislation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):30-34. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-30-34

Введение

В соответствии с положениями актуальной редакции Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»[1], коренными малочисленными народами Российской Федерации (КМН РФ) считаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

Нельзя не отметить, что понятие КМН РФ является исключительно продуктом отечественной правовой мысли и не используется на международно-правовом уровне. На уровне международных правовых актов используются понятия коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни. Причем, под коренными народами Конвенция Международной Организации Труда (МОТ) № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах 1989 года[2] понимает потомков тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты. А под народами, ведущими племенной образ жизни — народы, проживающие в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством.

Очевидно, что международно-правовые понятия коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни, со всем присущим им колониальным оттенком, мало пригодны для употребления в России, чей многонациональный народ явился итогом не имеющего себе аналогов в мире этногенеза, отличительными чертами которого являются длительность, мирный характер протекания и, конечно же, недостаточная научная изученность.

Понятие КМН РФ, в свою очередь, позволяет одновременно отразить, во-первых, процесс этногенеза многонационального народа России, который строился на принципах зачастую мирного объединения других народов вокруг русского народа с целью взаимовыгодного сотрудничества. И, во-вторых, объективную малочисленность отдельных народов, входящих в единый многонациональный народ России. Кроме того, именно понятие КМН закреплено в Конституции РФ.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие правовое положение коренных малочисленных народов на территории Российской Федерации, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ нормативных правовых источников, а также герменевтический метод.

Описание исследования

Помимо понятия КМН РФ в российском федеральном законодательстве используется также, вероятно, более узкое по объему понятие коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (КМНСиДВ РФ) — народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

Вероятность в вопросе соотношения объема понятий КМН и КМНСиДВ объясняется тем, что в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» понятие КМНСиДВ вообще не упоминается, а появляется в положениях Федерального закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», в котором, в свою очередь не используется понятие КМН.

[1] О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения: 18.03.2026)

[2] Конвенция Международной Организации Труда (МОТ) № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Женева, 27 июня 1989 г.) // СПС «ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/2541271/ (дата обращения: 18.03.2026).

© Нечкин А. В.

С точки зрения правил юридической техники подобная ситуация является недопустимой и требует нормативно закрепленного уточнения, в положениях обоих упомянутых выше федеральных законов, с целью устранения имеющейся правовой неопределенности. В этой связи, нельзя также не отметить, что в литературе довольно часто обращается внимание на несовершенство действующего российского законодательства, регулирующего правовое положение КМН [1; 2; 3; 4; 5; 6], в том числе и в сравнительно-правовом ключе [7].

Понятия схожие понятиям КМН и КМНСиДВ используются также и в законах ряда субъектов РФ, таких как Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский автономный округ-Югра (ХМАО–Югра), Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Сахалинская область. Причем, определения данным понятиям даются в законах только двух упомянутых выше субъектов РФ — Сахалинской области и ЯНАО.

На территории Сахалинской области, в соответствии с положениями Закона «О правовых гарантиях защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области», коренными малочисленными народами Севера (КМНС) Сахалинской области признаются народы, проживающие в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (нанайцы, нивхи, ороки (ульта), эвенки).

На территории ЯНАО, согласно положениям Закона «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе», КМНС в автономном округе признаются народы (ненцы, ханты, селькупы), проживающие в автономном округе на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, осознающие себя самостоятельными этническими общностями и насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек.

В Республике Саха (Якутия) Закон «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)»[3], используя понятие КМНС, отсылает нас к положениям Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», используя при этом еще и понятия абориген — коренной житель страны, местности, этнос — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая общность людей, обладающая общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык) и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), и, соответственно, аборигенный этнос Республики Саха (Якутия), при одновременном перечислении таковых (долганы, эвены, эвенки, юкагиры, чукчи, представители народов Севера, включенных в перечень коренных малочисленных народов РФ, проживающие в Республике Саха (Якутия)).

В ХМАО — Югре Закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре»[4], также используя понятие КМНС, прямо указывает на то, что к таковым в ХМАО — Югре причисляются только ханты, манси и ненцы.

Используемое в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» понятие КМН РФ закрепляет следующие признаки коренных малочисленных народов: численность в Российской Федерации менее 50 тысяч человек; ведение традиционного образа жизни, осуществление традиционной хозяйственной деятельности и занятие традиционными промыслами; проживание на территориях традиционного расселения своих предков; осознание себя самостоятельными этническими общностями.

Признак «численность в Российской Федерации менее 50 тысяч человек», очевидно был введен законодателем с целью наиболее объективно оценить малочисленность того или иного народа. Однако, при практическом применении, основанном на строгом соблюдении принципа законности, объективно оценить малочисленность того или иного народа данный признак и не позволяет. Так при буквальном следовании положениям Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» к числу коренных малочисленных народов мы уже не можем отнести народ с численностью на территории РФ в 50 001 человек, со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими последствиями для конкретных представителей данного народа.

Соответственно, для придания обсуждаемому признаку большей объективности следовало бы рекомендовать установить границу численности не путем указания конкретной цифры (менее 50 000 человек), а путем установления интервала в таковой численности. Например, указав, что КМН РФ считаются народы, численность представителей которых, проживающих в Российской Федерации, не превышает интервала от 50 000 до 60 000 человек.

Признак «ведение традиционного образа жизни, осуществление традиционной хозяйственной деятельности и занятие традиционными промыслами» был введен законодателем для того, чтобы отметить отличия социально экономического уклада жизни представителей КМН, от социально-экономического уклада современного общества, который все еще не является для большинства представителей этих народов определяющим, в части обеспечения своей жизнедеятельности.

При этом, федеральный законодатель не дает нам даже минимального набора критериев отнесения той

[3] См.: URL: https://base.garant.ru/26704354/ (дата обращения: 18.03.2026).

[4] См.: URL: https://base.garant.ru/12122856/ (дата обращения: 18.03.2026).

© Нечкин А. В.

или иной хозяйственной деятельности к числу традиционных, например, по части способа ее осуществления. Вместе с тем, вполне логичными видятся различия, например, в рыболовстве, которым человечество традиционно занимается до настоящих дней с самого момента своего зарождения и, которое, к слову сказать, входит в «Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности КМН РФ».

Не секрет, что рыболовство можно осуществлять традиционными способами, например, с применением сетей изготовленных вручную из природных материалов или с применением новейших технических средств, например, сетей из синтетических особо прочных материалов, эхолотов, химических приманок и т. д., что, в свою очередь, повышает эффективность данного вида человеческой деятельности, но в тоже время усиливает антропогенное воздействие на окружающую среду.

Указание на традиционность образа жизни в качестве обязательного признака видится вообще излишним, потому как даже до самых отдаленных мест проживания коренных малочисленных народов уже дошли достижения современной цивилизации, например, в виде лекарств, синтетических материалов, транспортных средств и средств связи, которые в своей совокупности не позволяют однозначно сказать о том, что те или иные народы до сих пор в полной мере ведут традиционный образ жизни. Таким образом, целесообразней было бы сформулировать данный признак следующим образом — КМН РФ считаются народы, для которых традиционная хозяйственная деятельность, осуществляемая традиционными способами, остается важнейшим условием их существования.

Признак «проживание на территориях традиционного расселения своих предков», представляется крайне неудачно сформулированным с точки зрения юридической техники, потому как порождает юридико-лингвистическую неопределенность в понимании термина «территория традиционного расселения предков».

Не секрет, что практически любой народ, независимо от места фактического проживания и численности, под влиянием различных объективных и субъективных факторов в течение всей своей истории существования неоднократно менял места своего компактного проживания. Причем, у народов до недавнего времени не имевших даже письменности доподлинно установить места расселения их предков представляется довольно затруднительным.

Вообще если говорить о нормативной привязке КМН к конкретной территории, то формулировки, используемые в законах некоторых субъектов РФ, представляются более удачными с точки зрения обеспечения определенности нормативного правого регулирования. Не зря отдельные авторы прямо говорят о том, что «в субъектах РФ мы видим множество примеров опережающего регулирования в данной сфере, которые было бы полезно воспринять федеральному законодателю» [1, с. 45].

В качестве примера можно привести, уже упоминавшийся выше, Закон Сахалинской области «О правовых гарантиях защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области», предполагающий, что к числу КМНС следует относить народы, «проживающие в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов».

Кроме того, нельзя не отметить, что в положениях Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» упоминаются именно места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН, перечень которых утвержден Правительством РФ.

При обсуждении данного признака КМН нельзя также обойти вниманием и определение понятия КМНСиДВ, которое предполагает, что к таковым народам следует относить народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Из положений Федерального закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» остается непонятным, что понимать под районами Севера, Сибири и Дальнего Востока и где нормативно закреплены их границы. В этом смысле более удачной видится привязка понятия КМНСиДВ к субъектам РФ или, что видится еще более рациональным — к федеральным округам РФ (Северо-Западному, Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному).

Таким образом, под КМН РФ можно бы было понимать народы, проживающие в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН РФ, а под КМНСиДВ РФ народы, проживающие в субъектах РФ, относящихся к Северо-Западному, Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН РФ.

Признак «осознание себя самостоятельными этническими общностями», с точки зрения правил юридической техники, представляется наиболее неудачно сформулированным из всех рассмотренных выше признаков и требует конкретизации в части понятия «самостоятельная этническая общность».

Для корректировки данного признака, по нашему мнению, можно использовать опыт Республики Саха (Якутия), где в положениях Закона Республики Саха (Якутия) «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)» нормативно закрепляется определение понятия «этнос».

Представляется, что законодатель, вводя данный признак, подразумевал, что КМН должен быть исторически сложившейся на определенной территории устойчивой общностью людей, обладающей общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык), описанными и зафиксированными этнологическими методами.

© Нечкин А. В.

Заключение и вывод

Подводя итог, необходимо отметить, что нормативно установленные определения понятий КМН РФ и КМНСиДВ РФ требуют корректировки. Итак, под КМН РФ следовало бы понимать исторически сложившуюся устойчивую, обладающую общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык), описанными и зафиксированными этнологическими методами, общность людей, проживающую в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, для которой традиционная хозяйственная деятельность, осуществляемая традиционными способами, остается важнейшим условием существования, численность представителей которой, проживающих в Российской Федерации, не превышает интервала от 50 000 до 60 000 человек.

Под КМНСиДВ РФ следовало бы понимать исторически сложившуюся устойчивую, обладающую общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык), описанными и зафиксированными этнологическими методами, общность людей, проживающую в субъектах РФ, относящихся к Северо-Западному, Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, для которой традиционная хозяйственная деятельность, осуществляемая традиционными способами, остается важнейшим условием существования, численность представителей которой, проживающих в Российской Федерации, не превышает интервала от 50 000 до 60 000 человек.

Список источников

1. Андриченко Л. В. Правовые механизмы сохранения этнокультурной самобытности народов Российской Федерации и формирования общероссийской гражданской идентичности // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 38–51. DOI: 10.12737/jrl.2020.066

2. Ирхин И. В. Конституционно-правовой статус лиц, постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов России // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 31–39. DOI: 10.12737/art_2019_5_3

3. Кондрашев А. А., Зенкина А. Б., Роньжина О. В. Правовой режим арктических территорий РФ и предоставление особых прав коренным (аборигенным) народам // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 59–78. DOI: 10.17506/ryipl.2016.18.1.5978

4. Леонов А. В. Нормативно-правовое регулирование прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2024. № 4. С. 157–160.

5. Остапович И. Ю., Нечкин А. В. Современное состояние основ правового положения коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации и реализация конституционного принципа равноправия граждан Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1. С. 120–121.

6. Филиппова Н. А. Современные институты права коренных малочисленных народов и новейшие тенденции их развития в России // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 141–151. DOI: 10.34822/2312-3419-2021-2-141-151

7. Kumar A., Rudenko V., Filippova N. Constitutionalization of National Minority Rights in BRICS Countries (Brazil, India and Russia) // BRICS Law Journal. 2021. Vol. 8, No. 3. P. 30–66. DOI: 10.21684/2412-2343-2021-8-3-30-66

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нечкин Андрей Вадимович

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, Россия).
E-mail: a.nechkin@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Nechkin

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia).
E-mail: a.nechkin@rambler.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.03.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.05.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Нечкин А. В.

Научная статья
УДК 342.9:378.1:001.89
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-35-46

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Александр Геннадьевич Упоров

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия
uporo65@mail.ru

https://orcid.org/0000-0003-0211-4231

Аннотация. В статье исследуются административно-правовые пределы применения показателей публикационной активности в системе ведомственного управления образовательными организациями. Цель исследования состоит в определении условий, при которых наукометрические показатели могут использоваться в качестве правомерного инструмента оценки результативности деятельности подведомственной организации и её работников. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы, а также анализ законодательства об образовании и науке, ведомственных актов, регламентирующих научную деятельность в организациях ФСИН России, и материалов, связанных с формированием требований к публикационной активности. Обосновывается, что оценка результативности образовательной или научной организации и индивидуальное нормирование публикационной активности работников имеют различную правовую природу. Выявлено, что универсальное распространение минимальных публикационных норм на всех научно-педагогических работников не учитывает различие трудовых функций научных работников и ППС, специфику профиля преподаваемых дисциплин, статус работника в диссертационном процессе, фактическую учебную нагрузку и кадровые ресурсы организации. Сформулированы компетенционный, целевой, дифференцирующий, ресурсный и процедурный пределы ведомственного усмотрения при использовании публикационных показателей. Предложен дифференцированный подход к оценке научных работников, ППС профильных и непрофильных кафедр, соискателей учёных степеней и остепенённых работников, не являющихся соискателями.

Ключевые слова: ведомственное управление; публикационная активность; административное усмотрение; научно-педагогические работники; научные работники; академические свободы; оценка результативности

Для цитирования: Упоров А. Г. Административно-правовые пределы применения показателей публикационной активности в ведомственных образовательных организациях // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 35–46. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-35-46

Research article

ADMINISTRATIVE AND LEGAL LIMITS OF USING PUBLICATION ACTIVITY INDICATORS IN DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Alexander G. Uporov

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russia
uporo65@mail.ru

https://orcid.org/0000-0003-0211-4231

Abstract. The article examines the administrative and legal limits of using indicators of publication activity in the system of departmental management of educational organizations. The aim of the study is to determine the conditions under which scientometric indicators can be used as a legitimate tool for assessing the effectiveness of the activities of a subordinate organization and its employees. The methodological basis consists

© Упоров А. Г.

of formallegal, systemic, and comparativelegal methods, as well as an analysis of legislation on education and science, departmental acts regulating scientific activity in organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, and materials related to the formation of requirements for publication activity. It is substantiated that the assessment of the effectiveness of an educational or scientific organization and the individual regulation of employees' publication activity have a different legal nature. It has been revealed that the universal application of minimum publication standards to all scientific and teaching staff does not take into account the differences in the labor functions of researchers and teaching staff, the specifics of the profile of the disciplines taught, the employee's status in the dissertation process, the actual teaching load, and the organization's staff resources. The competencybased, targetoriented, differentiating, resourcebased, and procedural limits of departmental discretion in the use of publication indicators have been formulated. A differentiated approach to assessing researchers, teaching staff at specialized and nonspecialized departments, candidates for academic degrees, and academic staff who are not candidates is proposed.

Keywords: departmental management; publication activity; administrative discretion; scientific and pedagogical staff; research staff; academic freedoms; performance assessment

For citation: Uporov AG. Administrative and Legal Limits of Using Publication Activity Indicators in Departmental Educational Organizations. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):35-46. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-35-46

Введение

Развитие цифровых средств учёта результатов научной деятельности и распространение наукометрических методов обусловили включение публикационной активности в систему публичного управления наукой и высшим образованием. Количество публикаций, их индексирование, цитируемость, показатели публикационного профиля автора и организации используются при мониторинге результативности научной деятельности, подготовке отчётности, распределении ресурсов, формировании рейтингов и принятии управленческих решений. Вместе с тем применение таких показателей не является исключительно техническим вопросом сбора и обработки данных. Оно затрагивает содержание административного усмотрения субъектов публичного управления, пределы ведомственного нормотворчества, правовой статус работников образовательных и научных организаций, а также гарантии академических свобод.

Научная литература демонстрирует, что публикационная активность представляет собой лишь один из элементов оценки результативности научной организации. При проведении мониторинга должны учитываться также кадровый потенциал, финансовое обеспечение исследований, результаты использования интеллектуальной деятельности и иные характеристики научной работы. Так, в исследовании Е. Г. Гришакиной, С. Ю. Илиевой, Н. М. Комарова и И. В. Вершинина при анализе данных ФСМНО обосновано разграничение таких групп персонала, как исследователи, профессорско-преподавательский состав, техники, вспомогательный и прочий персонал; при этом отмечается, что ППС участвует в исследованиях наряду с основной педагогической деятельностью [3, с. 229, 236–237]. Следовательно, использование единого количественного показателя публикационной активности без учёта статуса и функционального назначения соответствующей категории работников не отражает фактическую неоднородность объекта управления.

Необходимость комплексной оценки подтверждается и исследованиями в области наукометрии. Е. В. Акинфеева и М. А. Никонова справедливо указывают на ограниченность системы, построенной преимущественно на количественных показателях; наряду с числом публикаций, индексом Хирша и цитируемостью требуется экспертная оценка научных результатов и учёт отраслевой специфики деятельности научных организаций [1, с. 1886]. Вместе с тем количественные показатели удобны для административного управления, поскольку позволяют сопоставлять данные, формировать отчётность и устанавливать целевые ориентиры. Именно это обстоятельство создаёт риск их превращения из вспомогательного средства оценки в самостоятельную цель деятельности образовательной либо научной организации.

Особую актуальность данная проблема приобретает в ведомственных образовательных организациях. В них научная деятельность осуществляется в условиях сочетания публичных задач соответствующего федерального органа исполнительной власти, требований законодательства об образовании и науке, специфики подготовки кадров, а также существенной дифференциации учебной, методической, организационной и исследовательской нагрузки работников. Задачи развития научного потенциала УИС закреплены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138р, и конкретизированы в ведомственной Концепции научного обеспечения деятельности УИС и плане её реализации, утверждённом распоряжением ФСИН России от 30 августа 2023 г. № 150р. Во исполнение названных документов подготовлены предложения, предусматривающие установление минимальных норм публикационной активности, совершенствование стимулирования работников и развитие ведомственной системы оценки научной деятельности.

© Упоров А. Г.

Однако переход от оценки результативности организации к установлению минимальной индивидуальной нормы публикаций для каждого работника требует самостоятельного административно-правового обоснования. Педагогические работники обладают закреплённым законом правом на осуществление научной, научно-технической, творческой и исследовательской деятельности, а конкретное соотношение видов их работы определяется локальным нормативным актом образовательной организации[1]. Научные работники, напротив, являются самостоятельной профессиональной категорией, для которой проведение исследований составляет содержание основной трудовой функции[2]. Данное различие исключает возможность механического применения идентичных публикационных требований к научным работникам и ко всему профессорско-преподавательскому составу.

Дополнительная сложность состоит в том, что публикационная активность имеет различное значение для отдельных групп ППС. Для соискателя учёной степени публикации связаны с прохождением процедур государственной научной аттестации и подготовкой диссертации. Для научного руководителя публикационный профиль может выступать показателем его научного авторитета и ресурсом наставничества аспирантов [5, с. 763–764]. Для остепенённого преподавателя, не осуществляющего подготовку новой диссертации, научная деятельность связана прежде всего с реализацией академических прав, профессиональным развитием и, в случаях её включения в индивидуальный план работы, с выполнением обусловленной трудовой функции. Наконец, ППС непрофильных кафедр может осуществлять исследования в области историко-правовых, конституционно-правовых, общетеоретических, гуманитарных либо иных наук, предмет которых не совпадает либо совпадает лишь частично с тематикой деятельности ведомства.

Существенное значение имеет и проблема цифровизации управленческого воздействия. Современные информационные системы позволяют аккумулировать сведения о публикациях работников, автоматически формировать показатели по подразделениям и направлениям исследований, использовать их при отчётности, аттестации и принятии решений о поддержке научных тем [2, с. 31–32]. Тем самым наукометрический показатель становится не только средством наблюдения за состоянием научной деятельности, но и основанием для принятия индивидуально-управленческих решений. Это повышает требования к его правовой определённости, прозрачности порядка расчёта, релевантности цели оценки, возможности проверки и учёта обстоятельств, характеризующих фактическую нагрузку конкретного работника.

Целью настоящего исследования является определение административно-правовых пределов применения показателей публикационной активности в управлении ведомственными образовательными организациями. Для её достижения поставлены следующие задачи: разграничить организационную оценку результативности научной деятельности и индивидуальное нормирование публикационной активности работников; выявить особенности правового статуса научных работников, ППС и соискателей учёных степеней; сформулировать пределы ведомственного усмотрения при установлении публикационных показателей; разработать предложения по их дифференцированному применению в образовательных организациях, подведомственных ФСИН России.

Объект исследования составляют общественные отношения, возникающие в процессе публичного и ведомственного управления научной деятельностью образовательных организаций. **Предметом** исследования выступают нормы законодательства об образовании и науке, ведомственные правовые акты и управленческие решения, устанавливающие или предполагающие использование показателей публикационной активности. **Методологическую** основу работы составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа и обобщения правоприменительных и организационно-управленческих материалов.

Научная новизна исследования заключается в формулировании системы административно-правовых пределов ведомственного усмотрения при использовании публикационных показателей: компетенционного, целевого, дифференцирующего, ресурсного и процедурного. Их соблюдение позволит рассматривать публикационную активность как допустимый инструмент оценки результативности деятельности ведомственной образовательной организации, не превращая данный показатель в универсальную и не обусловленную спецификой должности обязанность каждого преподавателя.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования объединены в три группы. Первую составили нормативные правовые акты, закрепляющие основы публичного управления научной деятельностью, правовой статус научных и научно-педагогических работников, а также особенности организации научной деятельности в образовательных организациях, подведомственных ФСИН России[3]. Их анализ

[1] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 26 июля 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Ст. 47, 50.

[2] Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 24 июня 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Ст. 4, 5, 7.

[3] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 26 июля 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Ст. 47, 50; Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 24 июня 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

© Упоров А. Г.

позволил установить содержание федеральных и ведомственных требований, пределы нормотворческой компетенции субъектов управления, а также правовые основания включения научной работы в содержание деятельности профессорско-преподавательского состава.

Во вторую группу включены документы стратегического и организационно-управленческого характера. К ним относятся Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, ведомственная Концепция научного обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, план мероприятий по её реализации, а также подготовленные в целях исполнения названных документов предложения по повышению публикационной активности научных, научно-педагогических работников, адъюнктов, курсантов и студентов. Указанные материалы использованы для выявления целей, способов и предполагаемых результатов ведомственного управленческого воздействия в сфере публикационной активности.

Третью группу составили научные работы, в которых исследуются мониторинг результативности научной деятельности, критерии публикационной эффективности, оценка публикационного профиля научных работников и руководителей аспирантов, а также цифровые средства учёта наукометрических показателей. В литературе обосновано, что оценка результативности научной организации не сводится к числу публикаций: она предполагает учёт кадрового потенциала, финансового обеспечения, результатов интеллектуальной деятельности и иных параметров её функционирования [3, с. 227–229, 247–248]. Значимым для настоящего исследования является и вывод о необходимости разграничения исследователей и работников ППС, выполняющих исследования наряду с педагогической деятельностью [3, с. 236–237].

Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы исследования. Формально-юридический метод применён при анализе содержания законодательных и ведомственных норм, определяющих полномочия субъектов публичного управления, а также права, обязанности и виды деятельности работников. Системный метод позволил рассмотреть публикационную активность не как обособленный показатель, а во взаимосвязи с задачами ведомственного управления, кадровым составом, трудовой функцией, структурой учебной нагрузки и ресурсной обеспеченностью образовательной организации.

Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления правового положения научных работников, профессорско-преподавательского состава, соискателей учёных степеней и остепенённых работников, не осуществляющих подготовку новой диссертации. Такое сопоставление необходимо, поскольку публикационная активность имеет различное юридическое и фактическое значение для каждой из названных категорий. В частности, для научного руководителя публикационный профиль может быть связан с результативностью подготовки аспирантов и выступать ресурсом научного наставничества [5, с. 763–764, 783–784], тогда как для ППС, не являющегося соискателем, публикационная деятельность не должна оцениваться без учёта содержания обусловленной трудовой функции и фактического соотношения видов нагрузки.

Структурно-функциональный метод позволил разграничить оценку научной результативности образовательной организации, её кафедры либо научного подразделения и индивидуальную оценку результатов конкретного работника. Данное разграничение имеет принципиальное значение: показатели, пригодные для мониторинга организации и принятия общих управленческих решений, не всегда могут быть непосредственно преобразованы в минимальные индивидуальные нормы публикационной активности. Наукометрические информационные системы действительно позволяют автоматизировать сбор данных, формирование публикационных показателей и подготовку управленческой отчётности [2, с. 31–35]; однако техническая возможность такого учёта сама по себе не является достаточным правовым основанием для возложения на работника дополнительных обязанностей.

В исследовании также использован приём анализа административного усмотрения. Его применение позволило выявить условия правомерного установления и применения публикационных показателей в ведомственных образовательных организациях. К таким условиям относятся наличие компетенции соответствующего органа или организации, соответствие меры целям публичного управления, дифференциация требований в зависимости от категории работника и профиля его деятельности, учёт кадровых и ресурсных возможностей, а также определённость процедуры расчёта, пересмотра и применения показателей. Совокупность указанных условий рассматривается в статье в качестве системы административно-правовых пределов ведомственного усмотрения.

Публикационная активность как объект публичного и ведомственного управления

Публикационная активность первоначально выступает не самостоятельной правовой обязанностью, а информационно выражаемым результатом научной деятельности. В наиболее общем виде она отражается через число и виды опубликованных работ, их размещение в изданиях определённого уровня, цитируемость, показатели публикационного профиля автора либо организации, а также через иные производные наукометрические данные. Такие показатели позволяют

URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Ст. 4, 5, 7; Приказ ФСИН России от 28 марта 2022 г. № 162 «Об утверждении особенностей организации и осуществления образовательной деятельности…» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Приложение № 2.

© Упоров А. Г.

преобразовать сведения о результатах исследования в сопоставимую информационную форму, пригодную для мониторинга, анализа и подготовки управленческих решений. В научной литературе наукометрические индикаторы рассматриваются как инструменты оценки публикационной активности и результативности исследовательской деятельности авторов и организаций; в их числе выделяются число публикаций, цитируемость, индекс Хирша, показатели Science Index и иные характеристики публикационного профиля [4, с. 47–50].

Для административно-правового анализа принципиально различать публикационную активность как показатель, публикационную активность как критерий оценки и публикационную активность как индивидуально установленное требование к работнику. В первом случае речь идёт о фиксации факта и характеристик опубликованного научного результата. Во втором — о включении данного показателя в систему оценки научной результативности организации, её подразделения, научного направления или реализуемого проекта. В третьем случае показатель приобретает нормативное значение, поскольку его достижение связывается с правовыми последствиями для конкретного лица: включением результата в индивидуальный план, аттестацией, премированием, продвижением по должности, предоставлением мер поощрения либо применением иных управленческих решений.

Указанные уровни не тождественны и не должны смешиваться. Тот факт, что сведения о публикациях могут использоваться при мониторинге деятельности организации, сам по себе не означает допустимости автоматического установления минимального числа публикаций для каждого её работника. Мониторинг результативности научной деятельности ориентирован на комплексную оценку организации. В её рамках публикационная активность анализируется наряду с кадровыми характеристиками, финансовым обеспечением исследований, подготовкой кадров высшей квалификации и использованием результатов интеллектуальной деятельности [3, с. 227–229, 236–248]. Следовательно, перенос отдельного организационного индикатора на индивидуальный уровень без учёта иных условий деятельности работника меняет его назначение и требует самостоятельного правового обоснования.

Научная организация либо образовательная организация высшего образования представляет собой сложную систему, в которой результаты публикационной деятельности производятся различными категориями работников. Исследователь осуществляет научную деятельность в качестве основной профессиональной функции. Работник ППС наряду с учебной деятельностью выполняет методическую, организационную, воспитательную, а в предусмотренных случаях — научную и исследовательскую работу. Научный руководитель аспиранта объединяет выполнение собственных исследований с наставничеством и сопровождением подготовки диссертации. В связи с этим одинаковое число публикаций может иметь различное содержательное значение для научного сотрудника, преподавателя с высокой учебной нагрузкой, руководителя адъюнкта или аспиранта, а также для лица, осуществляющего подготовку диссертации на соискание учёной степени.

Отсюда следует, что применение публикационных показателей в публичном управлении должно быть функционально обусловленным. Их содержание должно соответствовать цели, для которой они вводятся. Если целью является оценка научной результативности образовательной организации, то оправдано использование совокупности относительных и качественных показателей, характеризующих деятельность организации в целом. Если целью признаётся стимулирование публикаций по проблематике, значимой для ведомства, допустимы меры поощрения и создание организационных условий для подготовки соответствующих работ. Однако если целью становится установление обязательного индивидуального норматива, необходимо предварительно определить, входит ли соответствующая научная работа в трудовую функцию конкретного работника, обеспечена ли она рабочим временем и ресурсами, а также отвечает ли тематика публикации профилю преподаваемых дисциплин и профессиональной компетенции работника.

Особое значение приобретает правовая форма управленческого воздействия. Рекомендация по развитию публикационной активности, целевой ориентир для организации, критерий конкурсного отбора, показатель эффективности научного подразделения и персональная норма работника имеют разные юридические последствия. Первая из названных форм предполагает преимущественно организационно-методическое воздействие. Вторая и третья ориентированы на оценку деятельности соответствующего коллективного субъекта. Четвёртая может служить основанием для внутриорганизационного стимулирования. Персональная же норма непосредственно влияет на объём ожидаемого от работника результата и потому должна быть определена актом, обладающим надлежащей юридической силой, согласована с его трудовой функцией и сопровождаться ясным механизмом учёта результатов.

Государственное управление научной и научно-технической деятельностью согласно законодательству осуществляется на основе сочетания государственного регулирования и самоуправления научного сообщества, при соблюдении свободы научного творчества[4]. В этом контексте ведомственное управление научной деятельностью не может ограничиваться установлением количественных ориентиров. Оно включает создание организационных, кадровых, информационных и финансовых условий, при которых научные результаты могут быть получены и опубликованы. Наукометрические данные способны обеспечить информационную

[4] Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 24 июня 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Ст. 7.

© Упоров А. Г.

основу такого управления, однако не заменяют содержательную оценку качества исследования, его практической значимости и соответствия профилю деятельности конкретного подразделения.

Показатель публикационной активности поэтому следует рассматривать как производный инструмент публичного управления. Его правомерное использование предполагает соблюдение как минимум трёх исходных условий. Во-первых, показатель должен быть соотнесён с компетенцией субъекта, его устанавливающего. Во-вторых, он должен соответствовать конкретной цели управления, а не использоваться как универсальный критерий деятельности всех категорий работников. В-третьих, его применение не должно искажать правовой статус ППС, подменяя академическое право на осуществление научной деятельности обязанностью, не обусловленной содержанием должности, трудовым договором, индивидуальным планом работы или иным надлежащим правовым основанием. Дальнейший анализ указанных условий позволяет сформулировать систему административно-правовых пределов ведомственного усмотрения при применении публикационных показателей.

Разграничение правового статуса научного работника, профессорско-преподавательского состава и соискателя учёной степени

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о неоднородности субъектов, к которым на практике могут адресоваться требования о публикационной активности. Ведомственные документы нередко объединяют в одну группу научных работников, профессорско-преподавательский состав, адъюнктов, аспирантов и иных обучающихся. Такое объединение может быть оправдано для целей общей характеристики научного потенциала организации либо формирования мер организационной поддержки. Однако оно не может служить достаточным основанием для установления одинаковых индивидуальных требований к публикационной активности. Указанные лица отличаются по правовому статусу, характеру основной деятельности, содержанию трудовой функции, объёму академических прав и юридическим последствиям опубликования научных результатов.

Научный работник является самостоятельным субъектом научной деятельности. Его профессиональная деятельность направлена на проведение научных исследований и получение научных результатов; выполнение исследовательской работы образует содержательное ядро занимаемой им должности[5]. Поэтому использование публикационных показателей при оценке деятельности научного работника имеет прямую функциональную связь с характером его профессиональной деятельности. Вместе с тем и применительно к этой категории работников недопустимо сводить оценку результатов исследования исключительно к количеству опубликованных работ. Научная результативность включает фундаментальные и прикладные исследования, подготовку аналитических материалов и практических рекомендаций, создание результатов интеллектуальной деятельности, участие в реализации научных проектов и другие формы получения нового знания.

Иное положение занимает профессорско-преподавательский состав. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет право педагогических работников на осуществление научной, научно-технической, творческой и исследовательской деятельности. Одновременно научная работа может включаться в рабочее время педагогического работника наряду с учебной, методической, организационной, воспитательной и иной работой. Однако сама по себе законодательная возможность включения научной деятельности в структуру рабочего времени не означает установления единой и одинаковой для всех преподавателей обязанности по подготовке определённого числа публикаций[6].

Конкретные трудовые (должностные) обязанности педагогического работника определяются трудовым договором или служебным контрактом и должностной инструкцией. Соотношение учебной и иной педагогической работы устанавливается локальным нормативным актом образовательной организации с учётом её организационных условий, учебного плана, специальности и квалификации работника[7]. Следовательно, требование о публикационной активности приобретает обязательный характер для конкретного представителя ППС не в силу самого факта замещения педагогической должности, а лишь при наличии надлежащего правового основания и его включения в согласованную с работником трудовую функцию либо индивидуальный план работы.

Данный вывод не означает отрицания научной составляющей деятельности ППС в образовательной организации высшего образования. Научная работа преподавателя имеет существенное значение для актуализации преподаваемых дисциплин, участия в подготовке научных кадров, руководства исследовательской работой обучающихся и развития научной школы. Вместе с тем её объём и содержание не могут быть определены абстрактно, без связи с профилем дисциплины, уровнем учебной нагрузки, наличием у работника статуса соискателя учёной степени, участием в НИР и возможностями научной инфраструктуры. По этой причине ППС непрофильных кафедр, преподающий, например, историко-правовые, конституционно-правовые, теоретико-правовые или общегуманитарные

[5] Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 24 июня 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Ст. 4, 5.

[6] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 26 июля 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Ч. 3, 6 ст. 47.

[7] Там же. Ч. 6, 7 ст. 47.

© Упоров А. Г.

дисциплины, не должен оцениваться исключительно с позиции соответствия его публикаций узкопрофильной для УИС тематике.

Самостоятельной категорией является соискатель учёной степени. Потребность соискателя в подготовке публикаций имеет не только профессиональное, но и процедурно-правовое значение. Основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях; требования к публикациям и их количеству обусловлены правилами государственной научной аттестации[8]. Следовательно, для лица, готовящего кандидатскую или докторскую диссертацию, публикационная активность выступает условием подтверждения результатов исследования и представления работы к защите. Эта обязанность возникает в рамках процедуры присуждения учёной степени и не может механически переноситься на всех работников, уже имеющих учёную степень и не являющихся соискателями.

Статус научного руководителя аспиранта или адъюнкта также предполагает особую связь с научной деятельностью. Публикационный профиль научного руководителя способен отражать его включённость в современные исследовательские практики, компетентность в выборе изданий и готовность сопровождать подготовку научных работ обучающегося. В исследовании А. Д. Мельник и А. Е. Судаковой обоснована связь между качеством публикационного профиля научных руководителей и результативностью подготовки аспирантов; при этом авторы подчёркивают различие показателей публикационной активности в зависимости от отрасли науки и характера научного взаимодействия [5, с. 769–774, 783–784]. Однако наличие научного руководства само по себе не создаёт презумпции обязательного соавторства с аспирантом либо адъюнктом: публикация может учитываться как совместный научный результат только при реальном вкладе каждого из авторов.

Особого внимания требует правовое положение уже остепенённого ППС, не осуществляющего подготовку диссертации на соискание более высокой учёной степени. Для такой категории научная деятельность продолжает выступать академическим правом и возможным элементом должностной нагрузки, но не имеет процедурной обусловленности, характерной для соискателя. Установление для неё публикационной нормы, идентичной требованиям к диссертанту, означает смешение различных правовых режимов. В результате публикационная активность может трансформироваться из способа профессионального развития и поддержания научной квалификации в формальное условие сохранения благоприятного положения работника в организации.

Таким образом, при формировании ведомственной системы публикационных показателей необходимо разграничивать по меньшей мере четыре группы адресатов: научных работников; ППС, для которого научная работа включена в трудовую функцию; соискателей учёных степеней; остепенённый ППС, не являющийся соискателем. Дополнительная дифференциация требуется в отношении работников профильных и непрофильных кафедр, лиц, работающих по совместительству, а также преподавателей, реализующих преимущественно программы дополнительного профессионального образования или специальной подготовки. Указанное разграничение является необходимой предпосылкой индивидуализации управленческого воздействия и предотвращения необоснованного распространения единых минимальных норм публикационной активности на всех работников образовательной организации.

Административно-правовые пределы ведомственного усмотрения при применении публикационных показателей

Установление публикационных показателей относится к сфере управленческого усмотрения субъекта публичного управления и подведомственной ему образовательной организации. Такое усмотрение необходимо, поскольку законодательство не может заранее определить единые для всех организаций, кафедр и работников количественные характеристики научной деятельности. Вместе с тем усмотрение не означает возможность произвольного установления требований. Оно ограничено компетенцией субъекта управления, целями правового регулирования, правовым статусом работников, требованиями трудового законодательства, а также необходимостью соблюдения академических свобод.

Для целей настоящего исследования предлагается выделить пять взаимосвязанных административно-правовых пределов ведомственного усмотрения при использовании публикационных показателей: компетенционный, целевой, дифференцирующий, ресурсный и процедурный. Их несоблюдение ведёт к трансформации показателя результативности деятельности организации в формальную индивидуальную обязанность работника, не обеспеченную ни содержанием его трудовой функции, ни необходимыми условиями её исполнения.

Первый предел имеет **компетенционный** характер. Ведомство вправе определять приоритетные направления научного обеспечения соответствующей сферы публичного управления, организовывать научную деятельность подведомственных организаций, осуществлять её мониторинг и создавать механизмы стимулирования. Образовательная организация, в свою очередь, принимает локальные нормативные акты в пределах своей компетенции, в соответствии с законодательством и в порядке, установленном её уставом[9].

[8] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения учёных степеней» (ред. от 18 июля 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). П. 11–13 Положения о присуждении учёных степеней.

[9] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 26 июля 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Ст. 30.

© Упоров А. Г.

Однако ведомственная рекомендация, концептуальный документ, аналитический материал либо показатель мониторинга сами по себе не могут изменять содержание трудовой функции конкретного работника. Для этого требуется надлежащая правовая форма: включение соответствующей обязанности в трудовой договор, служебный контракт, должностную инструкцию, индивидуальный план работы либо иной локальный акт, действующий в пределах компетенции работодателя и не ухудшающий положение работника по сравнению с законодательством.

Компетенционный предел предполагает и разграничение предметов регулирования. Ведомственный акт может устанавливать общие правила организации научной деятельности, критерии оценки подведомственной организации, направления стимулирования или порядок представления отчётности. Вместе с тем он не должен подменять собой ни требования законодательства о государственной научной аттестации, ни содержание федеральных государственных образовательных стандартов, ни локальное распределение учебной и иной нагрузки ППС. В частности, требования к публикации основных научных результатов диссертации обусловлены процедурой присуждения учёной степени и адресованы соискателю, а не неопределённому кругу работников образовательной организации[10].

Второй предел является **целевым.** Использование публикационного показателя должно быть связано с конкретной и легитимной управленческой целью. Такой целью может быть мониторинг результативности научной деятельности образовательной организации, оценка реализации НИР, выявление перспективных направлений исследований, поддержка публикаций в авторитетных изданиях, развитие научных школ либо поощрение работников, достигших значимых результатов. Сама по себе цель увеличения количества публикаций не может рассматриваться как универсальное и самодостаточное основание для установления требований к ППС.

Научная литература подтверждает ограниченность исключительно количественного подхода к оценке публикационной деятельности. При анализе эффективности научной организации необходимо учитывать не только число публикаций и цитирований, но и их качество, уровень новизны полученных результатов, отраслевую специфику, экспертную оценку и иные обстоятельства [2, с. 1879, 1890]. Поэтому ведомственное управление должно быть направлено не на максимизацию статистических значений как таковых, а на обеспечение условий для подготовки содержательно значимых, востребованных и соответствующих профилю деятельности организации научных результатов. В противном случае публикационный показатель утрачивает связь с целью управления и становится самостоятельной формой административного давления.

Третий предел — **дифференцирующий** — обусловлен неоднородностью субъектов, включённых в систему научной деятельности. Как было показано выше, научный работник, преподаватель, соискатель учёной степени, научный руководитель и остепенённый ППС, не являющийся соискателем, находятся в различных правовых положениях. Следовательно, единая минимальная норма публикаций для всех названных категорий не соответствует функциональному назначению соответствующих должностей и статусов.

Дифференциация требуется также по профилю кафедры и содержанию преподаваемых дисциплин. Для ППС профильных кафедр публикации по проблемам УИС могут быть непосредственно связаны с преподаваемыми дисциплинами, научными интересами и практикой подготовки кадров. Для работников непрофильных кафедр, осуществляющих преподавание историко-правовых, конституционно-правовых, теоретико-правовых, гуманитарных, языковых либо иных дисциплин, такая связь может отсутствовать или носить фрагментарный характер. В последнем случае обязательное соответствие каждой публикации профилю ведомства способно ограничить научный поиск, сузить предмет исследовательской деятельности и создать препятствия для реализации требований к научной работе по профилю преподаваемой дисциплины.

Дифференцирующий предел должен проявляться и при учёте формы занятости, объёма ставки, периода замещения должности, наличия научного руководства, подготовки диссертации, а также специфики реализуемых образовательных программ. В подготовленных предложениях по повышению публикационной активности уже содержится указание на необходимость закреплять показатели за конкретными категориями работников, устанавливать их пропорционально доле ставки и корректировать с учётом численности работников и соотношения видов нагрузки[11]. Вместе с тем такие положения нуждаются в развитии: основанием дифференциации должна выступать не только формальная категория должности, но и реальное содержание выполняемой работником функции.

Четвёртый предел носит **ресурсный** характер. Введение обязательного публикационного показателя предполагает наличие у работника времени, необходимого для проведения исследования и подготовки текста; доступа к научным информационным ресурсам; возможности участия в научных мероприятиях; организационной и редакционной поддержки; при необходимости — финансирования публикационных расходов. Ресурсный предел непосредственно связан с принципом соразмерности управленческого требования фактическим условиям его реализации.

[10] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения учёных степеней» (ред. от 18 июля 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). П. 11–13 Положения о присуждении учёных степеней.

[11] Предложения, направленные на повышение публикационной активности научных, научно-педагогических работников, адъюнктов, курсантов и студентов научных и образовательных организаций. Разд. 1, п. 3, 4, 6.

© Упоров А. Г.

Публикационная активность не может оцениваться изолированно от учебной, методической, организационной и воспитательной нагрузки ППС. Возложение дополнительной исследовательской обязанности без уменьшения иных видов работы создаёт риск того, что фактически выполненная научная работа не будет адекватно отражена в документах учёта рабочего времени либо будет осуществляться за пределами установленной нагрузки. Кроме того, единые абсолютные показатели ставят в неравное положение организации и кафедры, различающиеся по численности работников, структуре научных подразделений, количеству обучающихся и объёму учебной нагрузки. Именно поэтому более объективным инструментом ведомственной оценки выступают относительные показатели: число публикаций в расчёте на одного работника, доля публикаций в качественных изданиях, соотношение публикационной результативности с кадровым и ресурсным потенциалом организации.

Пятый предел имеет **процедурный** характер. Работник должен быть заранее осведомлён о том, какие публикации подлежат учёту, за какой период они принимаются во внимание, каким образом определяется их уровень, как засчитываются соавторство, публикации с ограниченным доступом, результаты интеллектуальной деятельности и иные формы научного результата. Не менее важно установить порядок пересмотра показателей в случае изменения должности, учебной нагрузки, начала подготовки диссертации, длительной нетрудоспособности, отпуска по уходу за ребёнком или иных обстоятельств, объективно препятствующих выполнению научной работы в запланированном объёме.

Процедурная определённость необходима и для разграничения стимулирования и ответственности. Невыполнение публикационного показателя может учитываться при решении вопроса о предоставлении поощрительной выплаты, если соответствующее условие заранее и ясно закреплено в локальном акте. Однако рассматривать отсутствие публикации как дисциплинарный проступок допустимо только при условии, что обязанность по подготовке конкретного научного результата надлежащим образом включена в трудовые обязанности работника. Дисциплинарная ответственность связана с виновным неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на работника трудовых обязанностей, а не с недостижением любого желательного для организации показателя[12].

Таким образом, административно-правовые пределы использования публикационных показателей призваны обеспечить баланс между интересом ведомства в развитии научного потенциала и необходимостью соблюдения правового статуса работников. Компетенционный предел исключает подмену трудовой функции рекомендацией или индикатором мониторинга; целевой — превращение публикационной активности в самоцель; дифференцирующий — применение одинаковых норм к различным категориям работников; ресурсный — возложение не обеспеченной условиями обязанности; процедурный — непрозрачность учёта и применение негативных последствий без достаточного правового основания. Их соблюдение создаёт основу для правомерного использования публикационной активности как инструмента ведомственного управления.

Результаты и обсуждение: направления совершенствования ведомственного регулирования публикационной активности

Проведённый анализ позволяет констатировать, что основная административно-правовая проблема заключается не в самом использовании публикационных показателей, а в отсутствии чёткого разграничения целей и адресатов их применения. Особенности организации и осуществления научной (научно-исследовательской) деятельности в образовательных организациях, подведомственных ФСИН России, определяются приложением № 2 к приказу ФСИН России от 28 марта 2022 г. № 162[13]. Ведомственная система управления научной деятельностью объективно нуждается в информации о публикационной результативности организаций, кафедр, научных подразделений и работников. Вместе с тем управленческая ценность такого показателя зависит от того, соотнесён ли он с научным потенциалом организации, содержанием выполняемых работ и фактическими возможностями конкретного работника. При отсутствии такой связи показатель превращается в формальное требование, не способствующее повышению качества исследований.

Первое направление совершенствования состоит в разграничении **организационного мониторинга и индивидуального нормирования.** На уровне ведомства целесообразно оценивать результаты деятельности образовательных и научных организаций ФСИН России по системе относительных показателей. К их числу могут относиться среднее число публикаций на одного работника, участвующего в научной деятельности, доля публикаций в рецензируемых и высокорейтинговых изданиях, число публикаций по приоритетным направлениям научного обеспечения УИС, показатели цитируемости, результаты интеллектуальной деятельности и участие в выполнении НИР. Такой подход позволит сопоставлять организации, существенно отличающиеся по штатной численности, структуре кафедр, объёму учебной нагрузки, числу обучающихся и возможностям научных подразделений.

Индивидуальные показатели ППС, напротив, должны устанавливаться преимущественно на уровне образовательной организации и быть непосредственно

[12] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Ст. 192.

[13] Приказ ФСИН России от 28 марта 2022 г. № 162 «Об утверждении особенностей организации и осуществления образовательной деятельности…» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.08.2026). Приложение № 2.

© Упоров А. Г.

связаны с трудовой функцией, объёмом ставки и индивидуальным планом работы. При этом публикация не должна рассматриваться как единственно допустимая форма результата научной деятельности. Для отдельных категорий работников и направлений исследований значимыми результатами могут выступать монографии, учебно-методические и научно-практические разработки, аналитические материалы, практические рекомендации, зарегистрированные программы для ЭВМ и базы данных, патенты, публикации с ограниченным доступом, а также иные результаты интеллектуальной деятельности. Их учёт в системе оценки позволяет избежать искусственного сужения научной работы до подготовки журнальной статьи.

Второе направление связано с дифференциацией требований по профилю деятельности кафедры. Анализ предложений, направленных на повышение публикационной активности, показывает стремление установить обязательное соответствие тематики публикаций профилю ведомства. Однако для непрофильных кафедр подобное требование должно быть скорректировано. Публикации ППС должны прежде всего соответствовать профилю преподаваемой дисциплины, направлению подготовки, научной специальности и профессиональной компетенции автора. Публикации по проблемам УИС могут и должны дополнительно стимулироваться, если они подготовлены в пределах компетенции работника и имеют научную либо практическую значимость для ведомства. Их превращение в обязательную для всех преподавателей минимальную норму способно ограничить развитие общеправовых, историко-правовых, конституционно-правовых и иных научных направлений.

Третье направление предполагает установление специального порядка организации НИР по заявкам территориальных органов УИС. Само наличие практической потребности территориального органа ещё не означает, что выполнение соответствующего исследования следует поручить любой кафедре образовательной организации. Предварительно необходимо определить, обладает ли кафедра или научное подразделение профильной компетенцией, кадровым потенциалом и временем для проведения НИР. Поручение непрофильной кафедре допустимо при наличии межкафедрального исследовательского коллектива, согласия работников на участие в соответствующей работе и пересмотра их индивидуальной нагрузки. В противном случае возникает риск подготовки формального исследования, не обладающего достаточной научной и практической ценностью.

Четвёртым направлением является различение показателей для соискателей и для остепенённых ППС, не готовящих новую диссертацию. Для соискателя публикации имеют процедурное значение, поскольку подтверждают апробацию и обнародование основных результатов диссертационного исследования. В отношении такой категории работников образовательная организация вправе создавать условия для подготовки публикаций, предусматривать научное руководство, редакционную и информационную поддержку, учитывать требования диссертационных советов. Однако минимальные публикационные нормы для соискателя не должны автоматически распространяться на преподавателя, уже имеющего учёную степень и не являющегося соискателем. Для последнего научная активность подлежит оценке в соответствии с реальным объёмом научной работы, закреплённым в его индивидуальном плане.

Пятое направление связано с совершенствованием процедурного механизма. Локальный нормативный акт, регламентирующий публикационную активность, должен содержать исчерпывающий перечень учитываемых результатов, период их учёта, правила оценки соавторства, порядок зачёта публикаций с ограниченным доступом, правила взаимозаменяемости публикаций и иных результатов интеллектуальной деятельности, а также основания для освобождения от показателя или его корректировки. К таким основаниям могут быть отнесены первоначальное назначение на должность, переход на другую должность, изменение объёма ставки, подготовка диссертации, длительное отсутствие по уважительным причинам, увеличение учебной нагрузки и иные обстоятельства, объективно препятствующие выполнению научной работы.

Особого внимания заслуживает соотношение стимулирования и ответственности. Представляется обоснованным использование публикационных показателей в качестве основания для предоставления премий, грантовой поддержки, уменьшения учебной нагрузки, направления на научные мероприятия, приоритетного доступа к редакционной и переводческой помощи. Вместе с тем невыполнение показателя не должно автоматически квалифицироваться как нарушение служебной или трудовой дисциплины. Негативные последствия допустимы лишь тогда, когда конкретная обязанность по подготовке научного результата была заранее определена в надлежащей правовой форме, обеспечена рабочим временем и необходимыми ресурсами, а работник имел реальную возможность её исполнить.

Таким образом, внедрение публикационных показателей в систему ведомственного управления следует строить на модели **дифференцированного стимулирующего регулирования,** а не на модели универсального индивидуального нормирования. Первая модель ориентирована на развитие научного потенциала и создание условий для получения качественных результатов. Вторая, напротив, связана с риском формального роста числа публикаций, увеличения отчётности и подмены содержательной научной деятельности выполнением количественного показателя. Выбор первой модели позволит обеспечить реализацию задач научного обеспечения УИС, сохранив необходимый баланс между интересами ведомства, образовательной организации и научно-педагогического работника.

© Упоров А. Г.

Заключение

Публикационная активность в современных условиях является значимым информационным показателем научной деятельности и может правомерно использоваться в системе публичного и ведомственного управления. Она позволяет оценивать результативность образовательных и научных организаций, выявлять перспективные направления исследований, определять потребность в организационной и финансовой поддержке, а также применять стимулирующие меры к работникам, достигшим существенных научных результатов. Вместе с тем публикационный показатель не обладает самостоятельным и универсальным правовым значением: его содержание, цели и последствия определяются той правовой формой, в которой он применяется.

Проведённое исследование показало, что необходимо разграничивать публикационную активность как статистический показатель, как критерий оценки деятельности организации и как индивидуальное требование к конкретному работнику. Использование публикационных данных для мониторинга научной результативности ведомственной образовательной организации не означает автоматического возникновения у каждого работника обязанности подготовить определённое число публикаций. Индивидуальная обязанность может возникать лишь при её надлежащем закреплении в трудовой функции, должностной инструкции, индивидуальном плане работы либо ином локальном акте, принятом в пределах компетенции образовательной организации.

Установлено, что унифицированное нормирование публикационной активности не учитывает различие правового положения научных работников, профессорско-преподавательского состава, соискателей учёных степеней, научных руководителей и остепенённых работников, не осуществляющих подготовку новой диссертации. Для научного работника исследовательская деятельность составляет основу профессиональной функции; для соискателя публикации имеют процедурно-правовое значение в связи с подготовкой диссертации; для ППС научная деятельность является академическим правом и может быть элементом должностной нагрузки в объёме, обусловленном содержанием выполняемой работы. Следовательно, одинаковые количественные требования к названным категориям не соответствуют принципу дифференциации управленческого воздействия.

В работе сформулирована система административно-правовых пределов ведомственного усмотрения при использовании публикационных показателей. Компетенционный предел исключает возможность подмены содержания трудовой функции рекомендацией, показателем мониторинга или ведомственным целевым ориентиром. Целевой предел требует, чтобы публикационная активность использовалась для достижения конкретной управленческой цели, а не как самоцель. Дифференцирующий предел предполагает учёт статуса работника, профиля кафедры, преподаваемой дисциплины, формы занятости и участия в диссертационном процессе. Ресурсный предел требует соразмерности публикационных требований рабочему времени, учебной нагрузке, кадровому и информационному обеспечению. Процедурный предел предполагает прозрачность правил учёта, корректировки и применения публикационных показателей.

Представляется целесообразным закрепить в ведомственном и локальном регулировании следующие положения: разграничение организационных и индивидуальных показателей публикационной активности; преимущественное использование относительных показателей для оценки деятельности организаций; установление дифференцированных требований к научным работникам, ППС профильных и непрофильных кафедр, соискателям и остепенённым работникам; учёт результатов интеллектуальной деятельности и иных форм научного результата наряду с журнальными публикациями; обязательную корректировку индивидуальных показателей с учётом учебной нагрузки, объёма ставки и объективных обстоятельств; предварительную оценку компетенции кафедры либо научного подразделения при поручении НИР по заявкам территориальных органов УИС.

Реализация предложенного подхода позволит сохранить публикационную активность в качестве действенного механизма ведомственного управления научной деятельностью, но исключить её превращение в формальный и универсальный критерий оценки любого преподавателя. Это обеспечит баланс между публичным интересом в развитии научного потенциала уголовно-исполнительной системы, автономией образовательной организации и академическими правами научно-педагогических работников.

Список источников

1. Акинфеева Е. В., Никонова М. А. Анализ результативности публикационной деятельности научной организации на основе показателя цитируемости: на примере ЦЭМИ РАН // Экономический анализ: теория и практика. 2022. Т. 21, № 10. С. 1877–1897. DOI: 10.24891/ea.21.10.1877

2. Баканова Н. Б., Волчков Д. В. Информационное взаимодействие систем учета публикационной результативности с библиометрическими базами данных // НТИ. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. 2023. № 11. С. 31–35. DOI: 10.36535/0548-0019-2023-11-4

3. Гришакина Е. Г., Илиева С. Ю., Комаров Н. М., Вершинин И. В. Мониторинг результативности научной деятельности организаций, выполняющих исследования и разработки, на основе данных ФСМНО — БД РД НО // Управление наукой и наукометрия. 2020. Т. 15, № 2. С. 223–250. DOI: 10.33873/2686-6706.2020.15-2.223-250

© Упоров А. Г.

4. Казакова А. А., Ойнац С. Н. К вопросу о наукометрических показателях при оценке научно-исследовательской деятельности // Наукосфера. 2022. № 7–1. С. 46–51.

5. Мельник А. Д., Судакова А. Е. Качество публикационного профиля научных руководителей как критерий эффективности подготовки аспиранта // Управление наукой и наукометрия. 2023. Т. 18, № 4. С. 759–790. DOI: 10.33873/2686-6706.2023.18-4.759-790

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Упоров Александр Геннадьевич

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия).
E-mail: uporov65@mail.ru,

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr G. Uporov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia).
E-mail: uporov65@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 10.08.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 25.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 29.08.2026.

© Упоров А. Г.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-47-51

С. 47–51

ЗНАЧЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Надежда Дмитриевна Муратова

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова,
г. Казань, Россия
ndmuratova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретико-правовых оснований, позволяющих рассматривать безопасность биометрических персональных данных в качестве самостоятельного элемента системы национальной безопасности Российской Федерации. Раскрывается содержание понятия биометрических персональных данных, их правовая природа и структурная неоднородность, обусловленная делением на статические и динамические идентификаторы личности. Особое внимание уделяется выявлению угроз, связанных с оборотом биометрических данных таких как централизации биометрических профилей граждан в рамках государственных информационных систем, использованию технологий искусственного интеллекта для синтеза поддельных биометрических артефактов, а также фрагментарности правового регулирования.

На основе изученных доктринальных источников автор обосновывает вывод о двойственной роли биометрии — как инструмента обеспечения безопасности и как самостоятельного объекта угроз, — а также формулирует предложения по совершенствованию законодательства, включая введение категории «критическая биометрическая инфраструктура» и требования об обязательном детектировании синтезированной биометрии.

Делается вывод о необходимости формирования комплексного межотраслевого механизма защиты биометрических данных, объединяющего технические, административные и уголовно-правовые меры.

Ключевые слова: биометрические персональные данные; национальная безопасность; информационная безопасность; Единая биометрическая система; цифровой профиль; критическая информационная инфраструктура; искусственный интеллект; синтезированная биометрия; дипфейк; защита персональных данных

Для цитирования: Муратова Н. Д. Значение обеспечения безопасности биометрических персональных данных для национальной безопасности Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 47–51. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-47-51

Research article

THE IMPORTANCE OF ENSURING THE SECURITY OF BIOMETRIC PERSONAL DATA FOR THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nadezhda D. Muratova

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia
ndmuratova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the theoretical and legal foundations that allow us to consider the security of biometric personal data as an independent element of the national security system of the Russian Federation. The content of the concept of biometric personal data, its legal nature and structural heterogeneity, обусловленная the division into static and dynamic identifiers of a person, are revealed. Special attention is paid to identifying threats associated with the circulation of biometric data: the centralization of citizens' biometric profiles within state information systems, the use of artificial intelligence technologies to synthesize fake biometric artifacts, as well as the fragmentation of legal regulation.

© Муратова Н. Д.

Based on the studied doctrinal sources, the author substantiates the conclusion about the dual role of biometrics — as a tool for ensuring security and as an independent target of threats — and formulates proposals for improving legislation, including the introduction of the category "critical biometric infrastructure" and requirements for mandatory detection of synthesized biometrics.

The conclusion is drawn that it is necessary to form a comprehensive intersectoral mechanism for protecting biometric data, combining technical, administrative, and criminallegal measures.

Keywords. biometric personal data; national security; information security; Unified Biometric System; digital profile; critical information infrastructure; artificial intelligence; synthesized biometrics; deepfake; protection of personal data

For citation: Muratova ND. The Importance of Ensuring the Security of Biometric Personal Data for the National Security of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):47-51. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-47-51

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий идентификации личности закономерно ставит перед юридической наукой вопрос о том, каким образом категория биометрических персональных данных соотносится с системой национальной безопасности государства. Прежде чем перейти к рассмотрению данного вопроса, необходимо подчеркнуть, что биометрические данные — изображение лица, отпечатки пальцев, голос, рисунок сетчатки глаза — представляют собой не просто разновидность персональных данных, но уникальный, неизменяемый и практически невосполнимый идентификатор личности, утрата контроля над которым порождает риски, выходящие далеко за пределы частноправовой сферы. Актуальность обращения к данной проблематике определяется тем, что в Российской Федерации создана и функционирует Единая биометрическая система, объединяющая биометрические профили граждан для целей удаленной идентификации в банковской, государственной и коммерческой сферах [6, с. 134–149]. Следует отметить, что подобная централизация данных, обладающая очевидными технологическими преимуществами, одновременно формирует новый объект посягательства — крупный массив уникальных идентификаторов личности, компрометация которого способна повлечь последствия, сопоставимые с угрозами информационной, экономической и даже оборонной безопасности страны.

Целью настоящей статьи является выявление теоретико-правовых оснований, позволяющих отнести безопасность биометрических персональных данных к числу самостоятельных элементов национальной безопасности Российской Федерации, а также формулирование предложений по совершенствованию правового механизма их защиты.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

— раскрыть содержание понятия биометрических персональных данных и их правовой природы;

— охарактеризовать основные угрозы, связанные с оборотом такого рода данных;

— проанализировать соотношение доктрины национальной безопасности и института защиты биометрических данных;

— предложить выводы относительно направлений развития законодательства в исследуемой области.

Материал и методы

Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, используемые для исследования теоретической основы и формирования собственных умозаключений.

В представленной публикации использованы и проанализированы источники норм информационного законодательства, регулирующим сбор, обработку и защиту биометрических данных в России, а также специальная литература по тематике исследования.

Описание исследования

Понятие биометрических персональных данных и их правовая природа

Обратимся к содержанию понятия биометрических персональных данных, ориентируясь на законодательство и доктрину. Согласно действующему законодательству[1] и устоявшемуся в литературе подходу, биометрические персональные данные представляют собой сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для этой цели [7, с. 171–178; 14, с. 129]. Как отмечают В. Е. Степенко и А. Д. Богдановская, к числу таких данных традиционно относят изображение лица, отпечатки пальцев, папиллярный узор, особенности голоса и походки, а также рисунок кровеносных сосудов — то есть признаки, обладающие свойствами уникальности, устойчивости во времени и практической неизменяемости [11, с. 16]. Указанные свойства отличают биометрические данные от иных категорий персональных данных, например, пароль или номер документа можно заменить в случае компрометации, то отпечаток пальца или геометрию лица заменить

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 26.07.2026) «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

© Муратова Н. Д.

невозможно, что и обусловливает повышенную степень их правовой охраны.

Важно обратить внимание на то, что в специальной литературе выделяется структурная неоднородность биометрических данных. И. О. Копенкин, ссылаясь на действующие государственные стандарты, указывает, что к биометрическим персональным данным относятся изображение отпечатка пальца, изображение лица, данные геометрии контура кисти, а также динамические характеристики — голос, подпись, походка [9, с. 60]. Данная классификация позволяет условно разделить биометрические идентификаторы на статические (морфологические) и динамические (поведенческие), что имеет существенное значение для оценки степени риска при их незаконном обороте, похищение статического идентификатора создает угрозу пожизненной компрометации личности, поскольку восстановление утраченного признака в биологическом смысле невозможно.

Прежде чем перейти к выявлению угроз, связанных с оборотом биометрических данных, целесообразно обозначить их правовую природу. С. М. Коновалов справедливо указывает, что специфика правового режима биометрических данных заключается в двойственности их природы, с одной стороны, они являются информацией и подчиняются общему режиму охраны персональных данных, а с другой — неразрывно связаны с телесной, биологической сущностью личности, что приближает их к объектам, охраняемым в рамках права на неприкосновенность частной жизни и физическую целостность [8, с. 899]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, служит основанием для вывода *о необходимости выделения биометрических данных в особую категорию объектов правовой охраны с повышенным уровнем защиты, отличным от общего режима персональных данных.*

Биометрические персональные данные как объект угроз национальной безопасности

Рассмотрим подробнее, каким образом оборот биометрических данных сопрягается с угрозами национальной безопасности. Согласно позиции А. С. Артемьевой, биометрические персональные данные образуют самостоятельный элемент системы обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства, поскольку неконтролируемое распространение такого рода сведений создает условия для совершения широкого спектра преступлений — от хищения денежных средств с использованием подделанных биометрических идентификаторов до создания синтетических цифровых личностей [3, с. 48–50]. Следует подчеркнуть, что данный вывод коррелирует с общемировой тенденцией, как отмечается в исследовании, посвященном сравнительно-правовому анализу технологий распознавания лиц, масштабное внедрение биометрической идентификации в государственное управление и коммерческий оборот объективно расширяет поверхность атаки для противоправных действий и требует выработки специализированных правовых механизмов защиты, учитывающих трансграничный характер соответствующих угроз [1, p. 826–838].

Особое значение в данном контексте приобретает угроза использования технологий искусственного интеллекта для создания поддельных биометрических артефактов. М. А. Желудков и А. Н. Варыгин обращают внимание на то, что современные программы искусственного интеллекта способны воссоздать голос и изображение человека на основании единичного попадания его образа в объектив камеры или микрофон, что открывает возможности для совершения корыстных преступлений с использованием синтезированной биометрии — так называемых дипфейков [7, с. 173]. Как справедливо указывается в исследовании Н. А. Стефановой и О. О. Андиряковой, стремительное внедрение биометрических технологий сопровождается объективным отставанием механизмов оценки рисков от темпов технологического развития, что порождает разрыв между декларируемой экономической эффективностью биометрической идентификации и фактическим уровнем защищенности персональных данных граждан [12, с. 39–40].

Необходимо остановиться также на угрозах, связанных с централизацией биометрических данных в рамках государственных информационных систем. О. И. Долганова, Е. В. Васильева и Д. А. Рябов отмечают то, что Единая биометрическая система, выступая инструментом доступа к цифровому профилю гражданина, объективно формирует единую точку сосредоточения критически значимой информации, компрометация которой способна затронуть неограниченный круг субъектов одновременно [5, с. 1535–1537]. В свою очередь А. Н. Мочалов, изучая риски цифровизации идентификационных процедур для конституционных прав человека, указывает, что правовая неопределенность режима обработки цифрового профиля создает почву для нарушения права на неприкосновенность частной жизни, права на защиту персональных данных, а в отдельных случаях — и права на равенство перед законом при автоматизированном принятии решений [10, с. 94].

Приведенные данные позволяют заключить, что угрозы, связанные с оборотом биометрических данных, носят системный характер и затрагивают не только частные интересы отдельных граждан, но и публичные интересы государства в сфере обеспечения устойчивости информационной инфраструктуры.

Соотношение защиты биометрических данных с доктриной национальной безопасности

Для более глубокого понимания рассматриваемой проблемы обратимся к вопросу о теоретическом обосновании включения защиты биометрических данных в структуру национальной безопасности. Г. Н. Чурилин и Е. А. Максимова отмечают, что биометрические системы идентификации являются одновременно инструментом обеспечения информационной безопасности и потенциальным источником угроз для нее, поскольку

© Муратова Н. Д.

компрометация биометрической базы данных способна парализовать функционирование целых сегментов критической информационной инфраструктуры, включая банковский сектор, системы государственного управления и объекты транспортной безопасности [13, с. 32–34]. Данное наблюдение представляется весьма значимым поскольку оно демонстрирует двойственную роль биометрии — как средства защиты и как объекта защиты одновременно, что требует дифференцированного подхода при формировании правового регулирования.

С этой точки зрения следует согласиться с позицией авторов, полагающих то, что действующее правовое регулирование защиты биометрических персональных данных в Российской Федерации характеризуется фрагментарностью и недостаточной согласованностью норм гражданского, административного и информационного законодательства, что снижает эффективность реагирования на масштабные утечки данных [4, с. 277–279]. Данный вывод подтверждается и результатами зарубежных исследований. Как показано в работе, посвященной уголовно-правовым проблемам противодействия преступности в цифровой среде, эффективное обеспечение безопасности цифровых идентификаторов личности требует не только совершенствования технических средств защиты, но и формирования согласованной системы уголовно-правовых, административных и превентивных мер, объединенных единой концепцией цифровой безопасности личности [2, p. 195–196].

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что безопасность биометрических персональных данных обоснованно может рассматриваться в качестве самостоятельного элемента национальной безопасности Российской Федерации по следующим основаниям.

Во-первых, компрометация биометрических данных затрагивает не отдельного гражданина, а потенциально неограниченный круг субъектов, что придает соответствующим угрозам массовый, системный характер, сопоставимый с угрозами критической информационной инфраструктуре.

Во-вторых, невозможность замены скомпрометированного биометрического идентификатора делает последствия соответствующих правонарушений необратимыми, что принципиально отличает данную категорию угроз от большинства иных информационных рисков.

В-третьих, централизация биометрических данных в государственных информационных системах формирует единую точку критической зависимости, разрушение которой способно повлечь дестабилизацию системы государственного управления и финансового сектора.

Наконец, развитие технологий синтеза биометрических артефактов размывает границу между подлинной и поддельной идентификацией личности, что создает угрозу самому институту идентификации как основе правового регулирования общественных отношений.

Заключение и выводы

Резюмируя изложенное, необходимо подчеркнуть, что вопрос обеспечения безопасности биометрических персональных данных вышел за пределы частноправовой проблематики защиты информации и приобрел характер задачи, имеющей самостоятельное значение для системы национальной безопасности Российской Федерации.

По результатам проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Во-первых, биометрические персональные данные обладают уникальным правовым статусом, обусловленным неразрывной связью информационной и телесной составляющих личности, что требует закрепления в законодательстве специального режима охраны, в том числе с помощью уголовно-правовых средств, отличного от общего режима персональных данных, включая установление отдельных, более строгих составов ответственности за незаконный оборот биометрических сведений.

Во-вторых, представляется целесообразным законодательно закрепить категорию «критическая биометрическая инфраструктура» применительно к государственным информационным системам, аккумулирующим биометрические данные граждан в значительном объеме, распространив на них требования, аналогичные требованиям к объектам критической информационной инфраструктуры, с установлением обязательного государственного контроля за уровнем их защищенности.

В-третьих, ввиду стремительного развития технологий синтеза биометрических артефактов автор полагает необходимым дополнить систему мер безопасности требованием об обязательном внедрении технологий детектирования синтезированной биометрии на уровне операторов государственных и кредитно-финансовых информационных систем, поскольку существующие меры защиты ориентированы преимущественно на предотвращение утечек, но не на выявление подделки данных.

В-четвертых, эффективная защита биометрических данных не может быть обеспечена исключительно средствами информационного, гражданского или уголовного законодательства и требует формирования комплексного, межотраслевого механизма, объединяющего технические, административные и уголовно-правовые меры в единую систему обеспечения цифровой безопасности личности как составной части национальной безопасности государства в целом.

© Муратова Н. Д.

Список источников

1. Utegen D., Rakhmetov B. Zh. Facial Recognition Technology and Ensuring Security of Biometric Data: Comparative Analysis of Legal Regulation Models. Journal of Digital Technologies and Law. 2023;1(3):825-844. DOI: 10.21202/jdtl.2023.36.

2. Efremova M. A., Russkevich E. A. Criminal-Legal Issues of Countering Crime in the Metaverse: Current State and Prospects of Development. Journal of Digital Technologies and Law. 2025. 3(2):187–202. DOI: 10.21202/jdtl.2025.8. EDN: ypsxqo

3. Артемьева А. С. Биометрические персональные данные как элемент системы обеспечения криминологической безопасности, требующий уголовно-правовой защиты // Проблемы правоохранительной деятельности, 2024. № 4. С. 42–51.

4. Бурлака С. Н., Бельдина О. Г. Защита биометрических персональных данных: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № . 10 (226). С. 277–279. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_10_277

5. Долганова О. И., Васильева Е. В., Рябов Д. А. Цифровой профиль гражданина: необходимый и достаточный набор персональных данных // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 3. С. 1523–1540. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-93-134-149

6. Долганова О. И., Чистякова Д. А. Варианты использования Единой биометрической системы как инструмента доступа к цифровому профилю гражданина // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 93. С. 134–149. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-93-134-149

7. Желудков М.А, Варыгин А. Н. Безопасное использование биометрических персональных данных личности как средство борьбы с корыстной цифровой преступностью // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024, № 4 (159). С. 170–178. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-4-170-178

8. Коновалов С. М. Обеспечение безопасности биометрических персональных данных на законодательном уровне: общие принципы и российская практика // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 6 (63). С. 895–901.

9. Копенкин И. О. Биометрические персональные данные несовершеннолетних нуждаются в уголовно-правовой охране // Образование и право. 2024. № 9. С. 59–65. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-9-59-65

10. Мочалов А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex Russica. 2021. № 9 (178). С. 88–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.088-101

11. Степенко В. Е., Богдановская А. Д. Биометрические персональные данные // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 4–10 (73). С. 15–19.

12. Стефанова Н. А., Андирякова О. О. Риски и экономическая эффективность от использования технологии биометрии // Журнал прикладных исследований. 2024. № 3. С. 36–41. DOI: 10.47576/2949-1878.2024.3.3.00

13. Чурилин Г. Н., Максимова Е. А. Биометрия в информационной безопасности // NBI-technologies. 2019. Т. 13, № 4. С. 30–36. DOI: 10.15688/NBIT.jvolsu.2019.4.4

14. Шутова А. А., Бегишев И. Р., Волкова А. В. Уголовно-правовая охрана персональных данных в условиях экономики данных // Правоприменение. 2026. Т. 10, № 2. С. 127–136. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(2).127-136.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Муратова Надежда Дмитриевна

Кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия).
E-mail: ndmuratova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda D. Muratova

Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher at the Scientific Research Institute of Digital Technologies and Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia).
E-mail: ndmuratova@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.08.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 16.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2026.

© Муратова Н. Д.

Научная статья
УДК 343.35
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-52-56

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕЮДИЦИИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ГОСОБОРОНЗАКАЗА

Алексей Петрович Жеребцов

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия
azher@k66.ru

https://orcid.org/0000-0001-8791-1840

Аннотация. В статье анализируются проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в сфере государственного оборонного заказа, основанием квалификации которых как уголовно-наказуемых деяний является совершенное ранее административное правонарушение (административная преюдиция). Автор обращает внимание, что не исключена уголовная ответственность лиц, привлеченных к административной ответственности по ныне утратившим силу статьям КоАП РФ за нарушения в сфере гособоронзаказа, при повторном совершении такого деяния, если виновный на этот момент считается подвергнутым административному наказанию. Указывается, если за соответствующие административные правонарушения было привлечено к ответственности юридическое лицо, это не образует административной преюдиции для целей квалификации по ст. 201^3 или ст. 285^6 УК РФ деяния должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. Делается вывод, что как преюдиционное следует расценивать административное правонарушение должностного лица, которое повторное нарушение совершило в статусе лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, и наоборот, а также когда виновный привлечен к административной ответственности за нарушение условий государственного контракта по гособоронзаказу после чего нарушает условия договора, заключенного в целях выполнения данного контракта либо был подвергнут административному наказанию за отказ от заключения этого контракта и уклоняется от заключения указанного договора. В заключении автор констатирует, что анализируемые составы преступлений ввиду недостатков юридической техники, примененной при их конструировании, нуждаются в совершенствовании, в действующей редакции понимание этих уголовно-правовых норм осложнено, что может привести к их неверному толкованию правоприменителем.

Ключевые слова: уголовная ответственность, административная преюдиция, должностное лицо, государственный оборонный заказ, государственный контракт

Для цитирования: Жеребцов А. П. Проблемы применения преюдиции в преступлениях в сфере гособоронзаказа // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 52–56. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-52-56

Research article

PROBLEMS WITH THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE PRE-JUDGMENT IN CRIMES RELATED TO STATE DEFENSE ORDERS

Aleksey P. Zherebtsov

Ural State Law University named after. V. F. Yakovleva,
Ekaterinburg, Russia
azher@k66.ru

https://orcid.org/0000-0001-8791-1840

Abstract. The article analyzes the problems of criminal liability for crimes committed in the sphere of state defense procurement, the qualification of which as criminal offenses is based on a previously committed ad-

© Жеребцов А. П.

ministrative offense (administrative prejudice). The author notes that criminal liability cannot be ruled out for individuals who have been held administratively liable under articles of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation that are now repealed, for violations related to state defense orders, in the event of a repeat offense, provided that the offender is still considered to be under administrative punishment at that time. It is stated that if a legal entity has been held liable for the relevant administrative offenses, this does not constitute administrative prejudice for the purposes of qualifying the act of an official or a person performing managerial functions in a commercial or other organization under Article 201[3] or Article 285[6] of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that an administrative offense committed by an official who has committed a repeated violation while acting in the capacity of a person performing managerial functions in a commercial or other organization should be regarded as a pre-judicial offense. The same applies when the perpetrator has been held administratively liable for violating the terms of a state contract under a state defense order and subsequently violates the terms of the agreement concluded for the purpose of fulfilling that contract, or has been subjected to administrative punishment for refusing to conclude the contract and evades concluding the said agreement. In conclusion, the author states that the analyzed elements of crimes, due to the shortcomings of the legal techniques used in their drafting, require improvement; in the current version, understanding these criminal law norms is complicated, which may lead to their incorrect interpretation by law enforcement officials.

Keywords: criminal liability, administrative prejudice, official, state defense order, government contract

For citation: Zherebtsov AP. Problems with the Application of Administrative Pre-judgment in Crimes Related to State Defense Orders. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):52-56. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-52-56

Введение

Действующая в настоящее время в Российской Федерации система государственных закупок является институтом регулирования экономики в целях удовлетворения государственных и муниципальных нужд практически в любых товарах, работах и услугах [5, с. 32] и направлена на недопущение коррупционных проявлений и каких-либо злоупотреблений в данной сфере правоотношений. В качестве поставщиков, подрядчиков, исполнителей в сфере государственных закупок участвуют в основном субъекты предпринимательской деятельности [2, с. 33].

Особое место в системе государственных закупок занимает регулирование отношений по формированию, размещению и выполнению государственного оборонного заказа (гособоронзаказа)[1] — заданий федерального правительства на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для обеспечения обороны и безопасности государства, а также на поставки продукции в области военно-технического сотрудничества с иностранными государствами. [4, с. 38]

Государственный контракт по гособоронзаказу заключается государственным заказчиком (федеральным органом исполнительной власти, ГК «Росатом» или ГК «Роскосмос») от имени Российской Федерации с юридическим лицом — головным исполнителем, который вправе заключить контракты с другими лицами в целях исполнения такого государственного контракта.

Для защиты охраняемых законом интересов общества и государства в сфере гособоронзаказа и недопущения в ней злоупотреблений со стороны как государственных заказчиков, так и исполнителей по государственному контракту федеральными законами от 29.12.2017 № 469-ФЗ[2] и от 24.09.2022 № 365-ФЗ[3] Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) был дополнен соответственно статьями 201[1] «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа», 285[4] «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» и статьями 201[2] «Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа», 201[3] «Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа», 285[5] «Нарушение должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа», 285[6] «Отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора,

[1] О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, № 53 (ч. 1), ст. 7600.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2017 № 469-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2018, № 1 (Часть I), ст. 53.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, № 39, ст. 6535.

© Жеребцов А. П.

необходимого для выполнения государственного оборонного заказа» [6, с. 44; 7].

Также Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) за различные противоправные деяния в сфере государственного оборонного заказа установлена административная ответственность (ст. 7.30.3, ст. 19.4.2, ч. 7.1 ст. 19.5, ст. 19.7.2).

Описание исследования

Законодателем для части нарушений, совершенных в сфере гособоронзаказа, для их квалификации как преступлений предусмотрена административная преюдиция, а именно: ч. 1 ст. 201^2, ст. 201^3, ч. 1 ст. 285^5, ст. 285^6 УК РФ.

Как следует из приведенных статей УК РФ, для привлечения виновного к уголовной ответственности за указанные в их диспозициях нарушения он предварительно должен быть подвергнут административному наказанию за деяния, предусмотренные ч. 6 или ч. 7 ст. 7.30^3 КоАП РФ (для ч. 1 ст. 201^2 УК РФ), ч. 5, ч. 6 или ч. 7 ст. 7.30^3 КоАП РФ (для ч. 1 ст. 285^5 УК РФ) и ч. 2 или ч. 3 ст. 7.30^3 КоАП РФ (для ст. 201^3 и ст. 285^6 УК РФ).

Следует отметить, что до 01.03.2025 административную преюдицию образовывали составы правонарушений, предусмотренных соответственно ч. 1 или ч. 2.1 ст. 14.55, ч. 1, ч. 2 или ч. 2.1 ст. 14.55 и ч. 1 или ч. 2 ст. 7.29^2 КоА П. Данные нормы были признаны утратившими силу в результате «технической» коррекции законодательства[4], а соответствующие им диспозиции были «перенесены» в новые составы.

В связи с этим не исключена уголовная ответственность лиц, привлеченных к административной ответственности по «предыдущим» статьям КоАП РФ за нарушения в сфере гособоронзаказа, при повторном совершении такого деяния, если виновный в силу ч. 1 ст. 4.6 КоАП РФ на этот момент считается подвергнутым административному наказанию (не прошел один год со дня окончания исполнения постановления об его назначении).

Указанную коррекцию и расположение приведенных административных правонарушений только в главе 7 КоАП РФ следует расценить как признание их законодателем должностными и служебными проступками в сфере собственности, тогда как ранее они относились также в области предпринимательской деятельности (ст. 14.55 КоАП РФ). В уголовном законодательстве в зависимости от субъекта аналогичные деяния считаются должностными преступлениями (гл. 30 УК РФ) или преступлениями против интересов службы (гл. 23 УК РФ).

Таким образом, субъект преступлений в сфере гособоронзаказа специальный — это должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или некоммерческой организации, которая является головным исполнителем по государственному контракту в сфере гособоронзаказа или исполнителем, входящим в кооперацию головного исполнителя.

В диспозициях анализируемых статей УК РФ субъектом преступления названо «должностное лицо» или просто «лицо», которые были подвергнуты административному наказанию по ч. 2, 3, 5, 6 или 7 ст. 7.30^3 КоАП РФ (в зависимости от состава соответствующего преступления). Если в отношении ч. 5 ст. 7.30^3 КоАП РФ и ч. 1 ст. 285^5 УК РФ существует четкая корреляция с определением субъекта для применения административной преюдиции — это должностное лицо, определенное в прим. 1 к ст. 285 УК РФ, то по остальным составам такого однозначного понимания нет [3, с. 40]:

— в ч. 2 ст. 7.30^3 КоАП РФ субъект должностное лицо поставщика, единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) или само это юридическое лицо;

— в ч. 3 ст. 7.30^3 КоАП РФ — должностное лицо поставщика (исполнителя, подрядчика) или само это юридическое лицо;

— в ч. 6 ст. 7.30^3 КоАП РФ — должностное лицо головного исполнителя, должностное лицо исполнителя;

— в ч. 7 ст. 7.30^3 КоАП РФ — должностное лицо головного исполнителя.

Можно утверждать, если за предусмотренные ч. 2 или ч. 3 ст. 7.30^3 КоАП РФ правонарушения была привлечена к ответственности организация — поставщик (исполнитель, подрядчик), это не образует административной преюдиции для целей квалификации по ст. 201^3 или ст. 285^6 УК РФ деяния виновного — должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации.

В законодательстве об административных правонарушениях понятие должностного лица, по сути, не отличается от его определения в уголовном законе. Однако, ст. 2.4 КоАП РФ содержит перечень лиц, которые несут административную ответственность как должностные лица, в частности, руководители и другие работники, имеющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные полномочия в организации, а также индивидуальные предприниматели.

Санкции составов Особенной части КоАП РФ указывают в основном на три вида субъектов: граждане, должностные лиц и юридические лица. Таким образом, для целей применения административной преюдиции к виновному и привлечения его к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 201^2, ст. 201^3, ч. 1 ст. 285^5 либо ст. 285^6 УК РФ необходимо установить, в каком статусе он был подвергнут административному наказанию по соответствующим частям ст. 7.30^3 КоАП РФ в понимании прим. 1 к ст. 201 УК РФ и прим. 1 к ст. 285 УК РФ.

При конструировании диспозиций анализируемых преступлений как составов с административной пре-

[4] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»: Федеральный закон от 28.12.2024 № 500-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации, 2024, № 53 (Часть I), ст. 8510. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2024 № 501-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации, 2024, № 53 (Часть I), ст. 8511.

© Жеребцов А. П.

юдицией законодатель не указал на тождественность первого и второго деяния, как это, например, сделано в ч. 1 ст. 116^1, ст. 151^1, 157, 171^4, 191, 215^3, 215^4, 255, 282, 284^1 УК РФ. В связи с этим как преюдиционное следует расценивать административное правонарушение должностного лица, которое повторное нарушение совершило в статусе лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, и наоборот.

Подобным образом следует оценивать случаи, когда виновный привлечен к административной ответственности за нарушение условий государственного контракта по гособоронзаказу после чего нарушает условия договора, заключенного в целях выполнения данного контракта (ч. 1 ст. 201^2 или ч. 1 ст. 285^5 УК РФ), либо был подвергнут административному наказанию за отказ от заключения этого контракта и уклоняется от заключения указанного договора (ст. 201^3 или ст. 285^6 УК РФ).

Данный подход, с одной стороны, видится логичным, т. к. к виновному, являющемуся профессиональным участником отношений в области гособоронзаказа, за действия или бездействие, посягающие на объект правовой охраны в этой сфере, были применены меры государственного принуждения в виде привлечения к административной ответственности, но они оказались неэффективными ввиду осуществления тем же лицом нового посягательства на тот же защищаемый объект.

С другой стороны, правоприменительная и судебная практика может пойти по другому пути, признавая преюдициальными только тождественные («аналогичные») деяния, в связи с чем видится целесообразным предложить Верховному Суду Российской Федерации дать разъяснение по этому вопросу, несомненно, имеющему актуальность для правоохранительных органов и судов.

Административная преюдиция в уголовном законе является частным случаем собственно преюдиции (предикатности). Состав преступления в статье УК РФ с административной преюдицией образует указанное в ее диспозиции деяние лица, ранее привлеченного к ответственности по норме КоАП РФ. Если виновным совершено преступление, тождественное тому, за которое он имеет судимость, такая конструкция носит название «специальный рецидив» (криминологический, если это не влияет на квалификацию, или уголовно-правовой, если выступает конститутивным или отягчающим преступление признаком).

Анализируемые составы преступлений относятся к категории тяжких, санкции у них одинаковые, предусматривают только два вида основных наказаний: штраф и лишение свободы, с обязательными применением дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определенные должности или заниматься определенной деятельностью (соответственно на срок до 10 лет и на срок до 3 лет), а при втором виде наказания — также штрафа. Эти обстоятельства, возможно, послужили основанием для законодателя, который постоянно находится в поиске новых уголовно-правовых средств охраны функционирования государства [1, с. 33], в т. ч. сферы гособоронзаказа, отказаться от введения в эти уголовно-правовые нормы специального рецидива, устанавливающего уголовную ответственность за такие деяния в отношении лица, имеющего судимость за совершение преступления, предусмотренного соответствующей статьей.

Федеральные законы «О государственном оборонном заказе» и «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[5] не содержат ограничений для участников государственных закупок, в т. ч. в рамках гособоронзаказа, связанных с наличием судимости за анализируемые преступления. Поэтому лица, судимые по ч. 1 ст. 201^2, ст. 201^3, ч. 1 ст. 285^5 или ст. 285^6 УК РФ, по сравнению с лицами, подвергнутые административному наказанию по ч. 2, 3, 5, 6 или 7 ст. 7.30^3 КоАП РФ, находятся в «привилегированном» положении, т. к. их третий такой деликт, несмотря на неэффективность примененных мер уголовно-правовой репрессии, будет расценен только как административное правонарушение.

Заключение и вывод

В связи с изложенным можно констатировать, что анализируемые составы преступлений ввиду недостатков юридической техники, примененной при их конструировании, нуждаются в совершенствовании, при этом законодателю целесообразно решить вопрос об их дополнении положениями о специальном рецидиве. В действующей редакции понимание этих уголовно-правовых норм осложнено, что может привести к их неверному толкованию правоприменителем.

[5] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2013, № 14, ст. 1652.

Список источников

1. Борков В. Н. Квалификация нарушения условий государственного контракта по оборонному заказу // Законность. 2024. № 6. С. 33–37.

2. Жеребцов А. П. Особенности уголовной ответственности субъектов предпринимательства // Виктимология. 2020. № 3. С. 33–40.

3. Любый И. А. Ответственность за нарушения условий и отказ от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу как уголовно-правовое средство обеспечения национальной оборонной политики // Российский следователь. 2023. № 10. С. 39–41. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-10-39-41.

© Жеребцов А. П.

4. Кудашкин А. В., Свининых Е. А. Правовые формы деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса по исполнению государственного оборонного заказа // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2021. № 1. С. 38–46.

5. Самсонов В. Н. Развитие уголовного законодательства об ответственности за преступления при осуществлении государственных закупок // Российский следователь. 2024. № 6. С. 32–36. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-6-32-36.

6. Яни П. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа // Законность. 2023. № 9(1067). С. 44–49.

7. Яни П. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа // Законность. 2023. № 10(1068). С. 11–15.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Жеребцов Алексей Петрович

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, Россия).
E-mail: azher@k66.ru
ORCID: 0000-0001-8791-1840

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey P. Zherebtsov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia).
E-mail: azher@k66.ru
ORCID: 0000-0001-8791-1840

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.08.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 28.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 29.08.2026.

© Жеребцов А. П.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-57-61

С. 57–61

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ (СТ. 73 УПК РФ) В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОТ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ К ПРОГНОСТИЧЕСКИМ СИСТЕМАМ ИИ

Станислав Сергеевич Карабанов

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
karabanov.stas@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется нормативная конструкция предмета доказывания, закрепленная в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где автор пытается определить ее универсальность и достаточность обусловленных цифровой трансформации уголовного процесса. Автор приходит к выводу, что перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию (событие преступления, виновность, характер и размер вреда, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления), в достаточной степени отражает особенности киберпреступлений и не нуждается в расширении за счет таких категорий, как «цифровой след», «электронное доказательство» или «предкриминальное поведение». Категория «пределы доказывания» также не утрачивает своего значения при работе с цифровыми следами и прогностическими системами искусственного интеллекта. Обосновывается позиция, согласно которой в условиях цифровой трансформации уголовно-процессуальных отношений отсутствует необходимость во внесении изменений или дополнений в ст. 73 УПК РФ.

Ключевые слова: предмет доказывания, пределы доказывания, ст. 73 УПК РФ, цифровая трансформация, цифровой след, искусственный интеллект, предкриминальное поведение, киберпреступления

Для цитирования: Карабанов С. С. Универсальность предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) в условиях цифровой трансформации: от цифровых следов к прогностическим системам ИИ // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 57–61. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-57-61

Research article

THE UNIVERSALITY OF THE SUBJECT OF PROOF (ARTICLE 73 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: FROM DIGITAL TRACES TO PREDICTIVE AI SYSTEMS

Stanislav S. Karabanov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
karabanov.stas@gmail.com

Abstract. The article analyzes the normative structure of the subject of proof enshrined in Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to determine its universality and sufficiency in the context of digital transformation of criminal proceedings. The author concludes that the list of circumstances to be proved (the event of the crime, guilt, nature and extent of harm, circumstances contributing to the commission of the crime) fully covers the specifics of cybercrimes and does not require the inclusion of such categories as «digital trace», «electronic evidence» or «pre-criminal behavior» as independent elements of the subject of proof. The category of «limits of proof» also does not lose its significance when working with digital traces and predictive artificial intelligence systems. The article substantiates the position that Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not need to be amended or supplemented in connection with the digital transformation of social relations.

Keywords: subject of proof, limits of proof, Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, digital transformation, digital trace, artificial intelligence, pre-criminal behavior, cybercrimes

For citation: Karabanov SS. Universality of the Subject of Proof (Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) in the Context of Digital Transformation: from Digital Traces to Predictive AI Systems.

© Карабанов С. С.

Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):57-61. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-57-61

Введение

Цифровая трансформация общественных отношений, активное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы жизни общества, а также экспоненциальный рост преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, обостряют проблему готовности уголовно-процессуального законодательства к доказыванию по такого рода делам. По справедливому замечанию А. Б. Сергеева, практика расследования преступлений в сфере компьютерной информации значительно уступает по своей разработанности практике расследования «материальных» преступлений [12].

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы уголовно-правовой ответственности за преступления совершаемые с использованием цифровых технологий, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, статистический, герменевтический методы.

Описание исследования

В юридической науке сформировались две полярные позиции относительно того, как институт доказывания должен реагировать на цифровые вызовы. Представители первой (условно «инновационной») позиции настаивают на необходимости кардинальной реорганизации всего уголовно-процессуального механизма судопроизводства, введении новых категорий («электронные доказательства», «цифровые доказательства») и даже разработке «цифрового доказательственного права» [7; 8]. Представители второй (условно «консервативной») позиции, к которой присоединяется и автор настоящей статьи, утверждают, что существующая теория доказательственного права универсальна и не требует изменений в связи с цифровой трансформацией [4; 12].

В рамках настоящей статьи предпринята попытка аргументированно доказать, что предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, является универсальной конструкцией, более чем достаточной для доказывания как по делам о так называемых компьютерных преступлениях, так и по делам, при расследовании которых используются или могут быть использованы прогностические системы искусственного интеллекта. При этом категория «пределы доказывания» также не утрачивает своего значения и не требует дублирующих положений.

Согласно концепции, изложенной в курсе уголовного процесса под редакцией Л. В. Головко, предмет доказывания является своего рода универсальной программой для следователя (дознавателя), определяющей границы поиска доказательств независимо от категории уголовного дела [5, с. 437]. Согласно ст. 73 УПК РФ, при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Важно подчеркнуть, что данный перечень является универсальным. Он не зависит от способа совершения преступления (материальный или цифровой), от его технической сложности или от новизны используемых преступником технологий. Событие преступления как центральный элемент предмета доказывания охватывает и неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), и создание вредоносных программ (ст. 273 УК РФ), и нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации (ст. 274 УК РФ). Цифровой след — это не новое обстоятельство, подлежащее доказыванию, а предмет установления уже предусмотренных ст. 73 УПК РФ обстоятельств (времени, места, способа, виновности).

В диссертационном исследовании Д. С. Иванова обосновано отмечается, что предмет доказывания является универсальной информационной системой, объединяющий обвинительный и защитный компоненты, а его познание осуществляется через субъективную реальность, что предопределяет пределы доказывания [4, с. 44]. Данный подход представляется методологически верным, поскольку позволяет рассматривать предмет доказывания не как статичный перечень, а как динамичную систему, адаптируемую к специфике конкретного уголовного дела, в том числе совершенного в цифровой среде.

Исследуя философские (гносеологические) основания предмета доказывания, следует отметить, что познание явлений окружающей действительности лицами, осуществляющими деятельность по установлению виновности, происходит в известной степени через их субъективное восприятие реальности, что, в свою очередь, представляется особенно актуальным при работе с цифровыми следами, которые, в отличие от материальных, не имеют пространственной формы и воспринимаются опосредованно — через их отображение в цифровой информации.

© Карабанов С. С.

Физические особенности цифрового (электронно-цифрового) следа, как отмечает А. Г. Себякин, заключается в том, что он «означает след, зафиксированный в цифровых ЭВМ (компьютерных системах)», а его «информативность есть свойство содержащихся в нем компьютерных данных» [10, с. 12]. В отличие от материальных следов, изучаемых трасологией, цифровой след не имеет пространственной формы и возникает в результате изменения компьютерной информации (уничтожение, блокирование, модификация, копирование) [2, с. 3]. Однако это не требует изменения предмета доказывания. Как обосновано подчеркивается в криминалистической доктрине, трасологические закономерности, традиционно применяемые при работе с материальными следами, не могут быть экстраполированы на производство по уголовным делам о преступлениях в телекоммуникационном пространстве ввиду принципиально иной природы цифрового следа [12, с. 68]. Но это проблема не доказательственного права, а криминалистической тактики — методов обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов [12, с. 71].

В рамках существующей системы доказательств, в смысле ч. 2 ст. 74 УПК РФ, цифровая информация в полной мере согласуется с категориями вещественных доказательств (если информация хранится на материальном носителе, который сохранил следы преступного воздействия) или иных документов (если информация представлена в виде, пригодном для восприятия). Введение самостоятельной категории «электронные доказательства» не является необходимым. По справедливому замечанию Л. В. Головко, включение в систему доказательств самостоятельной категории «электронные доказательства» нарушит ее внутреннюю логику, поскольку цифровая информация в зависимости от формы фиксации уже относится к вещественным доказательствам либо к иным документам [3, с. 18; 10, с. 685].

В учебном пособии «Противодействие преступлениям в цифровом пространстве» отмечается, что «цифровое пространство — это совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и сайтов в сети Интернет и сетей связи» [9, с. 11]. При этом «место совершения преступления в цифровом пространстве предлагается определять как место ввода информации и выхода в информационную сеть с последующей реализацией из этого места преступного деяния» [9, с. 19]. Данный подход не нуждается в модификации предмета доказывания, поскольку установление места совершения преступления охватывается п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ («время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления»).

Отдельную и более сложную проблему представляет использование систем искусственного интеллекта для выявления предкриминального поведения и прогнозирования преступлений. Легальное определение искусственного интеллекта содержится в ст. 3 проекта № 1271570-8 Федерального закона «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», согласно которой «искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»[1].

С точки зрения текущих возможностей, которые дает ИИ, можно убедится, что уже сейчас применение таких систем позволяет получать результаты не уступающие по качеству своего содержания интеллектуальным продуктам человеческого интеллекта. Однако в контексте уголовно-процессуального доказывания возникает иной вопрос: могут ли результаты работы прогностических систем ИИ (выявление «предкриминального поведения») входить в предмет доказывания?

По нашему мнению, предкриминальное поведение следует рассматривать как совокупность социальных, экономических, организационных, психологических и иных факторов, создающих условия для формирования преступного умысла, подготовки или совершения преступления. Однако, согласно действующему УПК РФ, доказыванию подлежат только события, имевшие место в объективной реальности, а не прогнозы или предположения о возможном будущем поведении.

Согласно позиции О. И. Бойченко, достаточность доказательств выступает критерием, определяющим пределы доказывания: при наличии достаточной совокупности доказательств достигается достоверное знание, при их недостатке — лишь вероятное [1, с. 28]. Результаты ИИ-анализа предкриминального поведения по своей природе являются вероятностными (прогностическими). Включение их в предмет доказывания означало бы легализацию вероятного знания в качестве обстоятельства, подлежащего доказыванию, что противоречило бы презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), поскольку доказыванию подлежат только факты, а не вероятности.

Следовательно, для нас представляется очевидным, что предмет доказывания не может включать в себя результаты ИИ-анализа предкриминального поведения. Также, такие результаты нельзя рассматривать как доказательства по уголовному делу. В свою очередь их использование как ориентирующей для следователя информации вполне обосновано в процессе осуществления действий, направленных на криминальную профилактику.

Кроме того, полагаем, что используемая законодателем категория «пределы доказывания» сохраняет свое значение и не требует модификации. Согласно доктринальным подходам, пределы доказывания охватывают, во-первых, границы познания обстоятельств

[1] Проект № 1271570-8 Федерального закона «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1271570-8 (дата обращения: 24.07.2026).

© Карабанов С. С.

дела (необходимость исследования фактов различных уровней), во-вторых, достаточный объем доказательств для достоверного установления каждого обстоятельства [5, с. 820].

Правильное определение пределов доказывания имеет важное практическое значение: оно позволяет, с одной стороны, минимизировать риск неполного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а с другой — избежать необоснованного расширения сферы поиска доказательств, что обеспечивает соблюдение принципа процессуальной экономии [1, с. 69].

Согласно позиции А. Р. Чикулиной, стандарт доказывания — это правовая методика, обеспечивающая формирование качественного знания как основания для стандарта доказанности; его реализация возможна лишь при наличии достаточной совокупности предмета и пределов доказывания [12, с. 11]. Данный подход применим и к цифровой среде: достаточность доказательств определяется не техническими особенностями их носителя, а их способностью достоверно установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания.

При расследовании преступлений в сфере компьютерной информации следователь должен четко соотносить категории «предмет доказывания» (что доказывать) и «пределы доказывания» (каким объемом доказательств располагать). Использование прогностических систем ИИ не меняет сущности пределов доказывания. Алгоритмическая рекомендация не может служить основанием для расширения или сужения пределов доказывания. Следователь по-прежнему самостоятельно определяет, какие обстоятельства и в каком объеме необходимо установить, исходя из конкретной следственной ситуации и требований ст. 73, 74, 85–88 УПК РФ.

Заключение и вывод

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, является универсальной нормативной конструкцией, не требующей изменений или дополнений в связи с цифровой трансформацией общественных отношений. В свою очередь, перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию полностью охватывает специфику киберпреступлений.

2. Категории «цифровой след», «электронное доказательство» или «предкриминальное поведение» не нуждаются в выделении в качестве самостоятельных категорий в рамках предмета доказывания. Цифровой след — это не самостоятельное обстоятельство, а средство установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Что касается предкриминального поведения, полагаем, что оно также не входит в предмет доказывания, поскольку доказыванию подлежат только факты объективной реальности, а не прогнозы вероятностного характера.

3. Система доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) достаточна для работы с цифровой информацией, которая может быть отнесена к вещественным доказательствам (при наличии материального носителя) или иным документам. Введение самостоятельной категории «электронные доказательства» не требуется и может привести к коллизиям в устоявшейся правовой доктрине.

4. Категория «пределы доказывания» не утрачивает своего значения при работе с цифровыми следами и прогностическими системами ИИ. Алгоритмические рекомендации не могут служить основанием для расширения или сужения пределов доказывания, а их использование не должно подменять процессуальную самостоятельность следователя (ст. 38 УПК РФ).

5. Ст. 73 УПК РФ не нуждается в изменении или дополнении в связи с цифровой трансформацией. Проблемы, возникающие при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, лежат в практической плоскости (недостаточная IT-квалификация следователей, типичные ошибки при изъятии цифровых следов) и должны решаться путем адаптации криминалистических методик, а не изменения доказательственного права [11].

Список источников

1. Бойченко О. И. Пределы доказывания по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 191 с.

2. Гаврилин Ю. В., Шипилов В. В. Особенности следообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2013. № 23. С. 2–5.

3. Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002

4. Иванов Д. С. Предмет и пределы доказывания при установлении фактических обстоятельств уголовного дела присяжными заседателями: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. 275 с.

5. Курс уголовного процесса / Под ред. д. ю.н., проф. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. Москва, 2017. 1280 с.

6. Ложкин Ю. А. О некоторых вопросах собирания электронных доказательств в рамках предварительного расследования уголовных дел // Пермский юридический альманах. 2019. № 1. С. 678–686.

7. Обидин К. В. Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 198–206. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.198-206

8. Окоменко Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 120–124.

9. Противодействие преступлениям в цифровом пространстве: учебное пособие / под науч. ред. Е. В. Смахтина, Р. Д. Шарапова. Тюмень, 2023. 404 с.

© Карабанов С. С.

10. Себякин А. Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2021. 31 с.

11. Сергеев А. Б. Следственные действия и типичные ошибки при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022b. № 3. С. 25–33. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-25-33

12. Сергеев А. Б. «Цифровое» доказательственное право при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: вопросы целесообразности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 66–72.

13. Чикулина А. Р. Предмет и пределы доказывания при разрешении судом ходатайств об избрании мер пресечения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2024. 23 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карабанов Станислав Сергеевич

Старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков, институт экономики отраслей, бизнеса и администрирования, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия).
E-mail: karabanov.stas@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav S. Karabanov

Senior Lecturer at the Department of Economics of Industries and Markets, Institute of Economics of Industries, Business and Administration, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).
E-mail: karabanov.stas@gmail.com

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 12.08.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 25.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 31.08.2026.

© Карабанов С. С.

Научная статья
УДК 343.37
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-62-67

С. 62–67

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кристина Александровна Краснова[1], **Жанар Аманжановна Кегембаева**[2]

[1] *Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия*
krasnova_vnii@mail.ru

[2] *Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан*
kegembaeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются нормы об ответственности в бюджетной сфере на примере двух государств-членов ЕАЭС — Российской Федерации и Республики Казахстан. Авторы проводят сравнительно-правовой анализ норм об ответственности за нарушения в бюджетной сфере обеих стран, охватывая ст. 285.1 и ст. 285.2 УК РФ, ст. 15.14 КоАП РФ, а также ст. 234–1 КоАП РК. Особое внимание в работе уделено анализу диспозиций указанных норм и выявлению критериев разграничения уголовно наказуемого деяния от административного правонарушения. Исследование выявляет различия в подходах к криминализации бюджетных правонарушений, сочетании уголовных и административных мер, а также анализирует тенденции к декриминализации экономических составов в Республике Казахстан. Установлено, что соответствующие деяния криминализированы только в российском уголовном законе, при этом меры уголовной ответственности сочетаются с мерами административной и бюджетной ответственности.

Авторы обосновывают, что отсутствие аналогичных российским уголовных составов в законодательстве Республики Казахстан компенсируется развитой системой финансового мониторинга и бюджетного принуждения. В статье подчеркивается, что гармонизация понятийного аппарата и подходов к квалификации ущерба от нецелевого расходования средств бюджетов всех уровней является необходимым условием для обеспечения прозрачности распределения государственных ресурсов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, бюджетная безопасность, бюджетная сфера, бюджетное финансирование, финансовые преступления, бюджетная система государства, национальная экономика

Для цитирования: Краснова К. А., Кегембаева Ж. А. Совершенствование уголовно-правовых мер обеспечения бюджетной безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 62–67. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-62-67

Research article

IMPROVING CRIMINAL-LEGAL MEASURES TO ENSURE BUDGET SECURITY

Kristina A. Krasnova[1], **Zhanar A. Kegembaeva**[2]

[1] *Center for Security Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
krasnova_vnii@mail.ru

[2] *Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan*
kegembaeva@mail.ru

Abstract. This article examines liability provisions in the budgetary sphere using the example of two EAEU member states — the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The authors conduct a comparative legal analysis of liability provisions for violations in the budgetary sphere in both countries, covering Articles 285.1 and 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 15.14 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and Article 234–1 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan. Particular attention is paid to analyzing the dispositions of these provisions and identifying criteria for distinguishing criminal offenses from administrative offenses. The study reveals differences in approaches to the criminalization of budget offenses, the combination of criminal and administrative measures, and analyzes trends toward decriminalization of economic offenses in the Republic of Kazakhstan. It has been established

© Краснова К. А., Кегембаева Ж. А.

that the relevant acts are criminalized only in Russian criminal law, with criminal liability measures combined with administrative and budgetary liability measures. The authors argue that the absence of criminal offenses similar to those in Russia in Kazakhstan's legislation is compensated for by a well-developed system of financial monitoring and budget enforcement. The article emphasizes that harmonizing the conceptual framework and approaches to classifying damages from the misappropriation of budget funds at all levels is a necessary condition for ensuring transparency in the allocation of public resources.

Keywords: economic security, budget security, budgetary sphere, budget financing, financial crimes, state budget system, national economy

For citation: Krasnova KA, Kegembaeva ZhA. Improving Criminal-legal Measures to Ensure Budget Security. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):62-67. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-62-67

Введение

Изучение правовых основ обеспечения бюджетной безопасности в обеих странах следует начать с научной разработанности темы, актуальность которой возросла в последние годы в связи с резонансными фактами злоупотреблений при строительстве оборонительных сооружений в приграничных территориях России. Масштаб хищений бюджетных средств, выделяемых на обеспечение обороноспособности страны, сохраняет устойчивую тенденцию к росту. Назрела потребность пересмотра мер государственного реагирования на многочисленные злоупотребления в бюджетной сфере, которые, как правило, квалифицируются правоохранительными органами и судами как мошенничество, хотя объектом посягательства выступают не отношения собственности как таковые, заключающиеся в реализации правомочий владения, пользования и распоряжения разнообразным имуществом, а бюджетные отношения, обладающие определенной спецификой, поскольку бюджетная система выступает в качестве инструмента «финансового обеспечения государственных функций, необходимых для обеспечения экономической безопасности» [1].

В то же самое время, по данным Министерства финансов Республики Казахстан (далее — РК), нарушения в бюджетной сфере РК связаны преимущественно с финансированием частных школ и агропромышленного комплекса. В частности, злоупотребления при государственном финансировании деятельности частных школ заключаются в извлечении выгоды за счет бюджета вместо достижения социальной цели, при попустительстве, а порой и при прямом участии должностных лиц органов государственной власти РК. Субсидирование АПК РК сопровождается созданием теневых схем, например, в случаях фиктивной продажи одного и того же крупного рогатого скота между получателями субсидий[2].

Первостепенный вопрос, который ставят перед собой исследователи, заключается в выяснении соотношения категорий «экономическая безопасность» и «бюджетная безопасность», тем более что в современной науке не сформировалось единообразного подхода к пониманию обеих категорий. Одни авторы (Н. Л. Курепина, Е. Е. Зеркаль) отождествляют экономическую безопасность с бюджетной безопасностью (в части средств обеспечения безопасности) [3]. Другие авторы (Г. Н. Чернышева, Ю. А. Савич) отождествляют бюджетную безопасность со способностью «бюджета к своевременному и надежному финансовому обеспечению потребностей государства в размерах, достаточных для поддержания необходимого уровня экономической и военной безопасности» [4, с. 130]. Третьи авторы (А. В. Орлов) определяют бюджетную безопасность как такое «состояние бюджетно-финансовой системы, при котором обеспечивается баланс расходов и доходов, оптимальный объем ликвидных активов и возможность использования резервов, должных при необходимости обеспечить устойчивость экономического роста, эффективного госуправления и защиты экономических интересов» [5, с. 299–300], подчеркивая, что «бюджетная безопасность играет важную роль в системе финансовой безопасности страны, входящей в состав национальной безопасности» [5, с. 301]. Последний подход видится нам наиболее комплексным, поскольку несмотря на возросшие с 2022 г. расходы на оборону страны, бюджетные средства в России идут не только на финансирование государственного оборонного заказа [6], но и на обеспечение функционирования единой системы публичной власти и реализации социальных программ и национальных проектов [7].

Кроме того, исследование правового аспекта обеспечения бюджетной безопасности во многом актуализируется в связи с цифровизацией государственного управления, в том числе бюджетных процедур, как в РФ, так и РК [8]. Так, с конца 2025 г. бюджетное финансирование РК было переведено на цифровую платформу Orta-bilim.e-qazyna, обеспечивающую прозрачность и автоматизацию всех этапов бюджетного процесса. В РФ функционирует ГИИС «Электронный бюджет» (budget.gov.ru).

[2] Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан: Хищение бюджетных средств в частных школах и нецелевое использование в АПК — Правительством подведены предварительные итоги аудиторской проверки. URL: https://primeminister.kz/ru/news/xishhenie-biudzetnyx-sredstv-v-castnyx-skolax-i-necelevoe-ispolzovanie-v-apk-pravitelstvom-podvedeny-predvaritelnye-itogi-auditorskoi-proverki-30996) дата обращения: 17.04.2026).

© Краснова К. А., Кегембаева Ж. А.

Материалы и методы исследования

Предметом настоящего исследования являются нормы ст. 285.1 и ст. 285.2 УК РФ, ст. 15.14 КоАП РФ, ст. 234-1 КоАП РК. В исследовании использованы следующие материалы: нормативные правовые акты, уголовные и бюджетные кодексы сравниваемых стран, а также официальные документы и отчеты национальных профильных министерств и ведомств, данные официальной статистики.

Основная часть

Бюджетные системы обеих стран отличаются сложностью и многоуровневостью механизма распределения финансовых ресурсов и разграничение бюджетных полномочий между уровнями публичной власти. Так, бюджетная система РК может быть представлена как «совокупность взаимосвязанных бюджетов, которые формируются на различных уровнях государственного и муниципального управления»: республиканский бюджет; областные бюджеты; местные бюджеты (городские, районные); бюджеты государственных внебюджетных фондов [9, с. 82]. В РК бюджетный процесс «регламентируется нормами Бюджетного кодекса РК и сопутствующими нормативными правовыми актами Министерств национальной экономики и финансов» и включает в себя следующие этапы: «планирование, разработка, рассмотрение и утверждение бюджета» [10, с. 38].

Согласно ст. 10 Бюджетного кодекса РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ[3] к бюджетам бюджетной системы РФ относятся: «федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов РФ; бюджеты субъектов РФ и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов; местные бюджеты. Бюджетные процедуры в РФ можно разделить на четыре этапа: составление проектов бюджетов; рассмотрение проектов и утверждение бюджетов; исполнение бюджетов; составление отчетов об исполнении бюджетов и их утверждение» [11].

Одной из задач обеспечения экономической безопасности в силу пп. 32 п. 67 Стратегии национальной безопасности РФ выступает «повышение эффективности использования бюджетных средств и управления принадлежащими государству активами, сохранение в собственности Российской Федерации имущества предприятий и других организаций, имеющих стратегическое значение, в том числе пакетов акций»[4].

В 2003 г. в России криминализировано нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ) и средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ), совершенное в крупном размере (свыше 1,5 млн руб.) в основных составах рассматриваемых преступлений и в особо крупным размере (свыше 7,5 млн руб.) в п. «б» ч. 2 соответствующих статей. Отягчающим обстоятельством, предусмотренным в п. «а» ч. 2 соответствующих статей выступает совершение деяния группой лиц по предварительному сговору[5].

Высказываются в литературе предложения о совершенствовании рассматриваемых норм. В частности, С. Т. Ахмедхановой предлагается введение в ст. 285.1 УК РФ квалифицирующего признака — «совершение преступного посягательства лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или в ее субъектах, а также главой местного самоуправления» [12], что вполне закономерно, учитывая их широкие полномочия в бюджетной сфере.

Данные о назначенном российскими судами наказании обобщены нами в табл. 1.

Как видим, судебной практике известны единичные случаи привлечения к уголовной ответственности за нецелевое расходование средств бюджетов различного уровня бюджетной системы РФ.

По смыслу закона, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285.1 УК РФ выражается в расходовании бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, и преступление является оконченным с момента списания бюджетных средств с лицевого счета бюджетного учреждения, что находит свое подтверждение в материалах судебной практики[6]. Высшая судебная инстанция, в частности, на примере злоупотреблений при выполнении строительных работ по государственному контракту указала следующее: «строительный контроль, осуществляемый

[3] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 31.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 17.04.2026).

[4] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 17.04.2026).

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 17.04.2026).

[6] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.03.2023 № 51-УДП23-1-К8 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (доступ авторизированный).

Таблица 1 — Данные о назначенном наказании по ст. 285.1 и ст. 285.2 УК РФ, за период 2020–2024 гг.

Нормы УК РФ	2020	2021	2022	2023	2024
ч. 1 ст. 285.1	0	2	0	1	4
ч. 2 ст. 285.1	1	1	4	0	2
ч. 1 ст. 285.2	1	0	0	1	0
ч. 2 ст. 285.2	0	1	0	0	0

© Краснова К. А., Кегембаева Ж. А.

как подрядчиком, так и заказчиком, не может проводиться одним лицом, поскольку не соответствует целям и задачам строительного контроля заказчика, а также требованиям закона. Иной вывод приведет к нецелевому расходованию бюджетных средств»[7].

Как правило, субъектами этих преступлений являются постоянно или временно исполняющие должностные функции в государственной власти или службы в органах местного самоуправления. Таковыми могут быть глава или заместитель главы муниципального образования районного, городского, областного (краевого) уровня, министр финансов субъекта РФ, генеральный директор (директор), главный бухгалтер государственной или муниципальной организации [13].

Однако на практике в ходе судебного разбирательства происходит оправдание подсудимого именно в связи с отсутствием доказанности нецелевого расходования бюджетных средств. В уголовном законе не конкретизированы подобные действия. Кроме того, в ст. 306.4 Бюджетного кодекса РФ для нецелевого использования бюджетных средств перечислены соответствующие незаконные действия, заключающиеся в направлении средств бюджета бюджетной системы РФ и оплате денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, которые закреплены в документах, являющихся основанием для выделения бюджетных средств. В Бюджетном кодексе РФ эти действия не раскрываются применительно для средств государственных внебюджетных фондов.

Отсутствие признаков уголовно наказуемого деяния ставит вопрос о привлечении к административной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств по ст. 15.14 КоАП РФ. Направление бюджетных средств не по их целевому назначению влечет за собой административное наказание: для должностного лица — штраф от 20 тыс. до 50 тыс. руб. или дисквалификация сроком от одного до трех лет; для юридического лица — штраф в размере от 5 до 25 % от суммы использованных не по назначению средств[8]. Отметим, что ст. 15.14 КоАП РФ применяется как в отношении участников бюджетного процесса, так и в отношении государственных (муниципальных) бюджетных, автономных учреждений и унитарных предприятий, иных юридических и физических лиц — получателей субсидий, бюджетных инвестиций из бюджета бюджетной системы РФ.

Для сравнения ст. 234–1 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях предусмотрена ответственность лишь за неэффективное планирование и (или) неэффективное использование бюджетных средств[9]. С 5 сентября 2024 г. в соответствии с Законом РК от 05.07.2024 № 113-VIII декриминализирована ст. 219 УК РК, которая предусматривала уголовную ответственность за незаконное получение кредита или нецелевое использование бюджетного кредита[10].

Заключение

Обеспечение бюджетной безопасности является чувствительным вопросом для любого государства, в особенности в условиях возрастающих внутренних и внешних угроз национальной безопасности. Однако даже на постсоветском пространстве мы наблюдаем дифференцированный подход: казахский законодатель декриминализировал незаконное получение кредита или нецелевое использование бюджетного кредита, сохранив административную ответственность за неэффективное планирование и (или) неэффективное использование бюджетных средств.

В то же самое время российский подход отличается сочетанием уголовной, административной и бюджетной ответственности в зависимости от нормативного правового акта, в котором закреплены соответствующие правовые меры. Отметим наличие в российском уголовном законе и законодательстве об административных правонарушениях норм об ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, а также уголовно-правового запрета на нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов. Малочисленная судебная практика и цифровизация бюджетного процесса объективно ставят вопрос о необходимости декриминализации норм ст. ст. 285.1, 285.2 УК РФ. Между тем, российскому законодателю на основе глубокого анализа широкого круга современных явлений нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, их потенциальных угроз для обороноспособности страны целесообразно разработать новые нормы об уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств, которые бы учли корыстную мотивацию виновных лиц и качественную характеристику средств бюджетов различного уровня бюджетной системы РФ (средства, направляемые на реализацию государственных программ и национальных проектов; средства, выделяемые на строительство оборонительных сооружений, и т. п.).

[7] Определение Верховного Суда РФ от 07.11.2017 № 308-ЭС17-15816 по делу № А32-42596/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (доступ авторизированный).

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 17.04.2026).

[9] Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235 (дата обращения: 17.04.2026)

[10] Закон Республики Казахстан от 5 июля 2024 года № 113-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам декриминализации отдельных видов экономических правонарушений и совершенствования законодательства Республики Казахстан о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000113 (дата обращения: 17.04.2026)

© Краснова К. А., Кегембаева Ж. А.

Список источников

1. Масликова Л. А. Роль бюджетной системы в обеспечении экономической безопасности (на примере Российской Федерации) // Современные научные исследования и инновации. 2024. № 5(157).

2. Курепина Н. Л., Зеркаль Е. Е. Механизмы обеспечения экономической безопасности в системе бюджетно-налоговых отношений // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6. № 1. С. 263–276. DOI: 10.18334/ecsec.6.1.116712

3. Чернышева Г. Н., Савич Ю. А. Бюджетная безопасность в системе мер по обеспечению национальной обороны РФ // Современная экономика: проблемы и решения. 2023. № 11(167). С. 130–141. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2023/0/130-141

4. Орлов А. В. Бюджетная безопасность в системе экономической безопасности Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 299–301. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10204

5. Краснова К. А. Значение уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств в оборонно-промышленном комплексе для обеспечения безопасности страны // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 ноября 2024 года, 2025. С. 250–258.

6. Краснова К. А. Новые подходы к взаимодействию органов государственной власти с общественностью // Державинские чтения: XVII Международная научно-практическая конференция: сборник статей: в 2 т., Москва, 21–23 ноября 2023 года. Москва, 2023. С. 277–281.

7. Кегембаева Ж. А., Краснова К. А. Правовые аспекты использования больших данных в государственном прогнозировании и планировании // Цифровая трансформация: роль искусственного интеллекта и больших данных в праве, управлении и международных отношениях: материалы международной научно-практической конференции (16 мая 2025 г.)/ отв. ред. Т. Е. Сарсенбаев. Алматы, 2025. С. 144–152.

8. Салимбаева Ш. Д. Анализ расходов бюджета Республики Казахстан // Сибирская финансовая школа. 2024. № 3(155). С. 81–91. DOI: 10.34020/1993-4386-2024-3-81-91

9. Байсеитов Б. С. Неэффективное планирование и использование бюджетных средств: административная ответственность как превентивный механизм в системе государственных закупок // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2025. № 1(35). С. 37–42. DOI: 10.52425/25187252_2025_35_37

10. Тишутина О. И., Лемешко Е. Ю., Тишутин А. А. Содержание бюджетного процесса: многоаспектный подход // Экономика и предпринимательство. 2025. № 2(175). С. 323–326. DOI: 10.34925/EIP.2025.175.2.057

11. Ахмедханова С. Т. Анализ уголовно-правовых признаков нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Аграрное и земельное право. 2022. № 12(216). С. 201–204. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_12_201

12. Меретуков Г. М. Механизм преступной деятельности в сфере нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Институциональные преобразования АПК России в условиях глобальных вызовов: Сборник тезисов по материалам V Международной конференции, Краснодар, 15–16 июля 2020 года. Краснодар, 2020. С. 103.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Краснова Кристина Александровна

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук (Москва, Россия).
E-mail: krasnova_vnii@mail.ru

Кегембаева Жанар Аманжановна

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, конституционного и административного права, Казахский Национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан).
E-mail: kegembaeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kristina A. Krasnova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Federal State Budgetary Scientific Institution Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
Email: krasnova_vnii@mail.ru

Zhanar A. Kegembayeva

Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan).
Email: kegembaeva@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

© Краснова К. А., Кегембаева Ж. А.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

Дата поступления статьи / Received: 17.04.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.06.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Краснова К. А., Кегембаева Ж. А.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-68-73

С. 68–73

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПУБЛИЧНУЮ ДЕМОНСТРАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВО ИЛИ ПОСОБНИЧЕСТВО?

Дмитрий Сергеевич Корешников

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия
d.koreshnikov@loys.law

https://orcid.org/0009-0007-7643-8796

Аннотация. В статье анализируются дискуссионные вопросы квалификации действий лица (транслятора), которое по согласованию с непосредственным причинителем вреда обеспечивает публичную демонстрацию совершенного преступления. Автор рассматривает актуальную проблему правоприменения, возникшую в связи с включением в 2024 году признака «совершение преступления с публичной демонстрацией» в ряд составов УК РФ. В работе проводится разграничение между онлайн-трансляцией в режиме реального времени и посткриминальным размещением материалов в сети «Интернет». Обосновывается позиция, согласно которой данный признак должен охватывать оба вида действий, так как они в равной степени повышают общественную опасность деяния.

Особое внимание уделено поиску оптимальной уголовно-правовой квалификации действий транслятора. Автор анализирует существующие в доктрине подходы: от признания транслятора соисполнителем до квалификации его действий как пособничества или отсутствия состава преступления. В статье предложен дифференцированный подход к квалификации, базирующийся на конструкции конкретного состава преступления. Предложенные правила предусматривают квалификацию действий транслятора как соисполнительства, если публичная демонстрация выступает криминообразующим признаком, или как пособничества — если она является квалифицирующим признаком. Также определены условия, при которых транслятор не подлежит уголовной ответственности. Работа направлена на формирование единообразной правоприменительной практики и устранение пробелов в толковании норм, связанных с феноменом треш-стриминга и распространением криминального контента.

Ключевые слова: публичная демонстрация, треш-стриминг, соисполнительство, пособничество, квалификация преступлений, уголовная ответственность, Интернет

Для цитирования: Корешников Д. С. Квалификация действий лица, осуществляющего публичную демонстрацию преступления: соисполнительство или пособничество? // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 68–73. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-68-73

Research article

QUALIFICATION OF THE ACTIONS OF A PERSON PERFORMING A PUBLIC DEMONSTRATION OF A CRIME: CO-PERPETRATION OR AIDING AND ABETTING?

Dmitry S. Koreshnikov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
d.koreshnikov@loys.law

https://orcid.org/0009-0007-7643-8796

Abstract. The article analyzes debatable issues regarding the qualification of the actions of a person (a broadcaster) who, in agreement with the direct perpetrator of harm, provides a public demonstration of a committed crime. The author examines a topical problem of law enforcement that arose in connection with the inclusion of the sign “committing a crime with public demonstration” into a number of elements of the Criminal Code of the Russian Federation in 2024. The study differentiates between real-time online streaming and post-criminal posting of materials on the Internet. The author substantiates the position that this sign should cover both types of actions, as they equally increase the public danger of the act. Special attention is paid to finding the optimal criminal law qualification of the broadcaster’s actions. The author analyzes the approaches existing

© Корешников Д. С.

in the doctrine: from recognizing the broadcaster as a co-perpetrator to qualifying their actions as aiding and abetting or the absence of a corpus delicti. The article proposes a differentiated approach to qualification based on the structure of a specific corpus delicti. The proposed rules provide for qualifying the broadcaster's actions as co-perpetration if public demonstration acts as a crime-constituting sign, or as aiding and abetting if it is a qualifying sign. The conditions under which the broadcaster is not subject to criminal liability are also defined. The work is aimed at forming a uniform law enforcement practice and eliminating gaps in the interpretation of norms related to the phenomenon of trash-streaming and the dissemination of criminal content.

Keywords: public demonstration, trash-streaming, co-perpetration, aiding and abetting, qualification of crimes, criminal liability, Internet

For citation: Koreshnikov DS. Qualification of the Actions of a Person Performing a Public Demonstration of a Crime: Co-perpetration or Aiding and Abetting? *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):68-73. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-68-73

Введение

Добавленный в 2024 году в ряд составов признак «преступление, совершенное с публичной демонстрацией» поставил ряд существенных вопросов перед учеными и правоприменителями, в том числе, как квалифицировать действия оператора и исполнителя, если последний не знал о ведущейся съемке [2, с. 20], подлежат ли уголовной ответственности активные зрители [18, с. 99–101], является ли публичной демонстрацией трансляция в закрытой группе [5], каков момент окончания преступления с публичной демонстрацией [4, с. 96–97], как разрешать коллизию двух отягчающих признаков: «использование сети «Интернет»» и «демонстрация в сети «Интернет»» [6], каково соотношение «публичной демонстрации» и «публично демонстрирующимся произведением» [10, с. 15–21] и так далее.

В настоящей статье остановимся лишь на одном проблемном аспекте — квалификация действий лица, которое по согласованию с непосредственным причинителем вреда осуществляет исключительно публичную демонстрацию преступления.

Материал и методы

При подготовке публикации использованы нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы уголовной и административной ответственности за демонстрацию противоправных действий, специальная литература и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, анализ теоретических и правовых источников.

Описание исследования

Прежде чем углубиться в изучение вопроса о том, как квалифицировать действия лица, осуществляющего публичную демонстрацию преступления, необходимо решить еще один вопрос, также поднятый в научной литературе. Признак «совершение преступления с публичной демонстрацией» будет относиться только к треш-стримеру — лицу, которое ведет «прямой эфир» с места преступления? Или этот признак необходимо распространять и на лицо, которое уже после преступления, обеспечило его публичную демонстрацию: например, выложило видеозапись преступления на сайт?

Ряд специалистов указывают на то, что для вменения этого признака необходима синхронность действий: «демонстрация должна осуществляться в условиях реального времени, а не в качестве записи состоявшегося события» [16, с. 187]. В качестве аргументов в пользу такого толкования указывается как на цель введения в 2024 году в ряд статей УК РФ этого признака — необходимость борьбы именно с треш-стримами [9, с. 128–129], так и на разность понятий «демонстрация» и «распространение» [16; 18]. В качестве аргумента применяется и лингвистический способ толкования: описание признака с предлогом «с» и в творительном падеже («совершенное с демонстрацией»), по мнению ряда ученых, свидетельствует об одновременности, о сопровождении действий по причинению вреда демонстрацией [16, с. 187].

Вместе с тем, имеется и ряд возражений против такого подхода.

Данный признак существовал в ряде статей УК РФ и до внесений изменений в 2024 году и не был связан конкретно с треш-стримами, поэтому исключительно исторический способ толкования нормы со ссылкой на пояснительную записку к закону 2024 года не совсем обоснован. Тем более, что судебная практика по ст. ст. 242, 245 УК РФ, где этот признак появился задолго до криминализации треш-стримов, свидетельствует о том, что суды под демонстрацией подразумевают и размещение информации (материалов, сведений) на личных страницах и в группах после самого противоправного деяния [12, с. 99–100; 7].

Кроме того, буквальное толкование не исключает и иного подхода: формулировка признака никак не определяет время демонстрации, а значит не исключает и посткриминальное действие [5; 14, с. 16].

Грань между демонстрацией и распространением хоть и проведена на уровне толкования в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37[1],

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием

© Корешников Д. С.

но фактически это грань часто условна[2], не имеет существенного значения и при вынесении решений по уголовным делам правоприменитель часто использует эти термины для описания одних действий [19].

Да и само определение «демонстрации», данное в п. 22 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37, ставит под сомнение возможность в ряде случаев разграничить эти понятия при использовании сети «Интернет». Как указывает П. С. Яни: «Пленум отнес к публичной демонстрации не только прямую трансляцию, но и размещение информации в Сети там, где она будет доступна длительное время, естественно, выходящее за границы периода совершения демонстрируемых преступных деяний» [19, с. 34].

При таких обстоятельствах, надо исходить не из истории принятия конкретных поправок и тонкостей лингвистического толкования нормы, а из сути признака — признака, который из административного правонарушения делает деяние преступлением (ст. 116 УК РФ), переводит состав из простого в квалифицированный (п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ) или становится обстоятельством, отягчающим наказание (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

С этой точки зрения, нам кажется обоснованной позиция О. Н. Агеевой и С. В. Анощенковой, которые пишут, что «и онлайн-трансляции и размещение материалов с отлагательным временным эффектом в равной мере влияют на степень общественной опасности» [1, с. 6]. Действительно, если злоумышленники решили сделать достоянием общественности информацию о своем преступлении, вне зависимости от того, будет ли это онлайн-эфир или последующее размещение треш-контента в сети «Интернет», в обоих случаях это свидетельствует об их особой дерзости и наглости, и в обоих случаях такие действия причиняют одинаковый вред как потерпевшему и его близким, так и общественной нравственности.

В развитие этого тезиса можно привести и аргументацию В. В. Семеновой, которая называет демонстрацию, совершенную после самого преступления, — «криминализованным постпреступным поведением». По ее мнению, данное поведение также подлежит квалификации по рассматриваемому в настоящей статье признаку. В поддержку своей позиции В. В. Семенова указывает, что «законодатель уже использовал такую конструкцию нормы, где лицу вменяется квалифицирующий признак, содержащий действия, на совершение которых умысел у лица возникает после совершения основного состава преступления (например, п. «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ)» [11, с. 157].

Таким образом, полагаем, что признак «с публичной демонстрацией» должен быть применим как к треш-стримеру, ведущему прямой эфир, так и к лицу, разместившему криминальный контент для общего доступа уже после преступного посягательства. Именно из этого будем исходить в дальнейшем в настоящей статье, применяя для простоты изложения к обоим субъектам ранее предложенное Н. Ю. Скрипченко название — «транслятор» [13].

В литературе имеется мнение о том, что действия транслятора необходимо квалифицировать как исполнителя преступления (соисполнительство с основным причинителем вреда). Данное предложение основано как на анализе судебной практики, так и на теоретических рассуждениях относительно совершения транслятором действий, входящих в объективную сторону основного или квалифицирующего состава преступления.

Так, ряд авторов [2, с. 392] указывают на то, что судебная практика применения ст. 245 УК РФ, в которой признак «с публичной демонстрацией» существует с 2017 года, пошла по пути вменение п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ и лицу, которое само над животным не издевалось, но снимало процесс истязания на видео и выкладывало его в сеть «Интернет».

В свою очередь, И. О. Ткачев, анализируя ст. 116 УК РФ, приходит к выводу, что «публичная демонстрация» выступает составообразующим элементом, который качественно меняет юридическую природу насильственного деяния, переводя его из плоскости административного правонарушения (ст. 6.1.1 КоАП РФ) в сферу уголовной ответственности (ст. 116 УК РФ). Таким образом, публичная демонстрация может являться обязательным признаком объективной стороны преступления, в силу чего момент начала трансляции или размещения контента становится точкой как юридического начала, так и окончания преступления. При таких обстоятельствах, транслятор становится соисполнителем преступления, так как без его действий состав преступления отсутствует [14, с. 15, 16].

С. В. Шевелева и О. Г. Михайлова [16, с. 188], А. А. Бульбачева и А. В. Котяжов [2, с. 21] также указывают на то, что лицо, совершающее насилие, и лицо, осуществляющее видеосъемку и стриминг, должны признаваться соисполнителями. Свою позицию они обосновывают тем, что их действия «взаимообусловлены»: без участия транслятора не было бы достигнуто само «повышение общественной опасности», которое стало основанием для криминализации треш-стримов. Трансляция «на камеру» является неотъемлемым элементом объективной стороны преступления, а не просто второстепенной помощью.

С этим доводом частично соглашается П. С. Яни, который применительно к составу преступления, предусмотренного п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ, используя по аналогии пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16[3], пишет, что транслятор

электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 02.08.2026).

[2] Интернет-стример понимает, что зритель с помощью программного обеспечения или дополнительного оборудования может записать онлайн-трансляцию и использовать эту запись в дальнейшем по своему усмотрению — а это в дефинициях Постановления Пленума ВС РФ № 37 уже «распространение», а не «демонстрация».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против по-

© Корешников Д. С.

«выполняет часть объективной стороны квалифицирующего состава убийства — умышленного причинения смерти другому лицу, совершенного с публичной демонстрацией. То есть становится соисполнителем так же, как применяющий насилие, но не совершающее половой акт с жертвой лицо является соисполнителем изнасилования» [19, с. 6]. Однако ученый при этом выражает скепсис относительно возможности квалификации действий транслятора как соисполнителя в убийстве и указывает, что судебная практика отвергнет это с опорой на разъяснения, содержащиеся в пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1[4], который гласит, что групповое убийство предполагает применение насилия в отношении жертвы каждым членом группы. Соответственно суды не станут квалифицировать действия транслятора как соисполнительство, и для такого соучастника останется лишь роль пособника, оказывающего содействие совершению преступления путем предоставления средств его совершения [19].

Есть и третья группа авторов [1; 8; 15], которые указывают на невозможность в принципе в нынешних правовых реалиях квалифицировать действия транслятора ни как соисполнительство, ни как пособничество.

Так, О. Н. Агеева и С. В. Анощенкова указывают на необоснованность применения института соучастия в рассматриваемой ситуации в целом. На примере ст. 105 УК РФ видно, что действия по съемке и трансляции не являются частью объективной стороны убийства. Они совершаются параллельно, не влияют на наступление смерти и не имеют причинно-следственной связи с преступным результатом. Выход авторы видят только один — введение отдельной статьи в Уголовный кодекс, предусматривающий самостоятельную ответственность за «публичную демонстрацию любого умышленного деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса» [1, с. 7].

Вместе с тем, в условиях отсутствия такого состава в действующем УК РФ, необходимо выработать для правоприменителя правила квалификации с учетом доктрины, существующего законодательства и уже высказанных Верховным Судом РФ позиций. Видится, что эти правила будут зависеть как от конструкции конкретного состава, так и от обстоятельств дела и предполагать значительную дифференциацию, вплоть до того, что по одному и тому же составу, транслятор может выступить и как пособник, и как соисполнитель.

Проиллюстрируем это на примерах, предложенных Ю. А. Шутовой [17, с. 48–50]. В своем исследовании она предлагает дифференцировать квалификацию угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ) с учетом механизма публичной демонстрации, выделяя две модели совершения преступления.

Модель «реального времени»: угроза высказывается непосредственно в адрес потерпевшего в реальном времени, но при этом происходит онлайн-трансляция происходящего в сети «Интернет». В данном случае признак публичной демонстрации квалифицируется как обстановка совершения преступления (факультативный признак объективной стороны) и транслятор, который сам угрозу не высказывает, а лишь ведет «репортаж» с места преступления, не может выступать соисполнителем. Он — пособник.

Модель «отложенной публикации»: процесс высказывания угрозы фиксируется на видеозапись без физического присутствия потерпевшего, после чего запись размещается в сети «Интернет». Данная конструкция рассматривается как сложное единичное преступление с двумя действиями: первое действие — высказывание угрозы под камеру само по себе не образует состава преступления, так как такое высказывание еще не дошло до адресата. Второе действие — размещение контента реализует признак публичной демонстрации, обеспечивая доступность угрозы для восприятия, что и может эту угрозу сделать преступлением, предусмотренным ст. 119 УК РФ. При таких обстоятельствах, транслятор уже выступает как лицо, участвовавшее в создании и передачи угрозы потерпевшему — то есть становится соисполнителем преступления.

Заключение и вывод

Учитывая все вышеизложенное, можно предложить следующие правила квалификации действий транслятора, в зависимости от конструкции состава преступления:

1. В составах, где «публичная демонстрация» выступает криминообразующим, конститутивным признаком (например, в некоторых случаях ст. 116 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ), действия транслятора должны квалифицироваться как соисполнительство.

2. В составах, где «публичная демонстрация» это лишь квалифицирующий признак, отсутствие которого не исключает преступность деяния (например, п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 119), действия транслятора должны квалифицироваться как пособничество.

3. В составах, где этот признак не является ни криминообразующим, ни квалифицирующим, транслятор не подлежит уголовной ответственности (возможна административная ответственность по ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ), однако, при назначении наказания исполнителю, чей умысел охватывал публичную демонстрацию, должно учитываться отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

4. В случае, если транслятор и исполнитель действовали независимо друг от друга, то транслятор не подлежит уголовной ответственности (возможно его привлечение по ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ), а исполнитель должен отвечать только за свое деяние без учета признака «с публичной демонстрацией».

ловой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 02.08.2026).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 02.08.2026).

© Корешников Д. С.

Список источников

1. Агеева О. Н., Анощенкова С. В. Публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, — новый признак состава преступления? // Уголовное право. 2025. № 6. С. 3–9. DOI: 10.52390/20715870_2025_6_3

2. Боженова А. А. Проблема соучастия в квалификации преступлений против личности, совершенных с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития. Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Барнаул, 2025. С. 392–393.

3. Бульбачева А. А., Котяжов А. В. Проблемы уголовно-правовой квалификации «публичной демонстрации» преступления как обстоятельства отягчающего уголовную ответственность // Полицейская деятельность, 2025, № 3. С. 17–25. DOI: 10.7256/2454-0692.2025.3.74930

4. Дмитренко А. П., Куцык В. П. Публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), как признак побоев // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 4. С. 95–99. DOI: 10.31085/2310-8681-2025-4-392-95-99

5. Дубовиченко С. В. Совершение преступления с публичной демонстрацией: анализ законодательных новелл // Российская юстиция, 2026, № 2. С. 18–25. DOI: 10.52433/01316761_2026_02_18

6. Ермолович Я. Н. Новое обстоятельство, отягчающее наказание, в уголовном законодательстве России // Право в Вооруженных Силах. 2025. № 1. С. 67–74.

7. Жевлаков Э. Н. Экологические и альтернативно-экологические преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных систем // Уголовное право. 2024. № 5. С. 32–39. DOI: 10.52390/20715870_2024_5_32

8. Морозов В. И., Лосев С. Г. К вопросу об особенности квалификации преступлений против жизни и здоровья с публичной демонстрацией в сети Интернет // Уголовная политика: ценностные приоритеты и новеллы законодательства. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к юбилею известного ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Людмилы Мильтоновны Володиной. Тюмень, 2025. С. 129–137.

9. Недогибченко Я. А. Проблемные вопросы квалификации преступлений, совершенных с публичной демонстрацией в сети «Интернет» // XV Дагелевские научные чтения. Уголовная политика России: истоки, тенденции, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 2025. С. 127–130.

10. Савельева О. Ю. Уголовная ответственность за преступления, совершенные с публичной демонстрацией и публично демонстрирующимся произведением // Jus strictum, 2025, № 2. С. 15–21. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-2-61-2

11. Семенова В. В. Публичная демонстрация преступления: проблемы правоприменения // Закон. Право. Государство. 2025. № 1 (45). С. 156–158.

12. Скляров С. В. Квалификация преступлений, совершенных с публичной демонстрацией // Российское правосудие, 2025. № 11. С. 96–101. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2025.11.96-101

13. Скрипченко Н. Ю. Публичная демонстрация совершаемого преступления: законодательная регламентация и квалификация // Российская юстиция. 2025. № 9. С. 11–17. DOI: 10.52433/01316761_2025_09_11

14. Ткачев И. О. Парадоксы уголовной ответственности за треш-стриминг // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2025. № 4. С. 12–21. DOI: 10.31085/2949-138X-2025-4-208-12-21

15. Шаганова О. М. Проблемы квалификации отдельных преступлений против личности, совершаемых с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2025. № 25. С. 192–193.

16. Шевелева С. В., Михайлова О. Г. Совершение преступления с публичной демонстрацией как новелла уголовного законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право, 2025, Т. 15, № 2. С. 182–191. DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-2-182-191

17. Шутова Ю. А. Квалификация угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершаемой с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) // Общество и право, 2026, № 1 (95). С. 47–51.

18. Юрченко И. А. Теоретические и практические аспекты квалификации различных форм участия в публично демонстрируемых преступлениях против личности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025, № 5 (129). С. 93–101. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.093-101

19. Яни П. С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях // Законность. 2025. № 2(1084). С. 33–36.

© Корешников Д. С.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корешников Дмитрий Сергеевич

Преподаватель кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, ул. Комсомольская, д. 21, г. Екатеринбург, 620137, Россия
E-mail: d.koreshnikov@loys.law
ORCID: 0009-0007-7643-8796

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry S. Koreshnikov

Lecturer at the M. I. Kovalev Department of Criminal Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620137, Russia,
E-mail: d.koreshnikov@loys.law
ORCID: 0009-0007-7643-8796

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 11.08.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 25.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 31.08.2026.

© Корешников Д. С.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-74-78

С. 74–78

ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ СУДА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЁННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЁННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Александр Витальевич Ларионов

Пермский институт ФСИН России, г. Пермь, Россия
Aleksandr.V.Larionov@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9578-6154

Аннотация. В статье исследуются особенности реализации дискреционных полномочий суда при назначении дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ). Цель работы — раскрыть содержание судебного усмотрения в данной сфере, выявить условия и пределы его применения, а также обозначить проблемы, возникающие при столкновении дискреции с императивными предписаниями санкций.

В работе последовательно раскрываются три ключевых элемента реализации дискреционного полномочия суда: необходимость учета характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного; признание судом «невозможности» сохранения права как правовой и социально-оценочной категории; конкретизация запрещения для обеспечения исполнимости наказания. Отдельно рассматривается коллизия между императивными санкциями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (обязывающими назначать данный вид наказания) и требованием дифференцированного, мотивированного подхода, вытекающим из ст. 60 Уголовного закона и позиций Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации. Подчеркивается неприемлемость формального применения нормы, дублирования ограничений, уже вытекающих из факта судимости или отраслевого законодательства (например, трудового), а также игнорирования социальных последствий наказания (утрата единственной профессии, влияние на семью осужденного).

В качестве выводов сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики: усиление требований к мотивировке приговоров, четкое обоснование связи преступления с профессиональной деятельностью лица, учет социальных последствий наказания.

Ключевые слова: ответственность; судебное усмотрение; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; назначение наказания; приговор суда.

Для цитирования: Ларионов А. В. Дискреционные полномочия суда при назначении наказания в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 74–78. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-74-78

Research article

DISCRETIONARY POWERS OF THE COURT WHEN IMPOSING A SENTENCE OF DISQUALIFICATION FROM HOLDING CERTAIN POSITIONS OR ENGAGING IN CERTAIN ACTIVITIES

Aleksandr V. Larionov

Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, Perm, Russia
Aleksandr.V.Larionov@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9578-6154

Abstract. The article examines the specifics of the court's discretionary powers in imposing additional punishment in the form of disqualification from holding certain positions or engaging in certain activities (Article 47 of the Criminal Code of the Russian Federation). The purpose of the article is to reveal the content of judicial discretion in this area, identify the conditions and limits of its application, and highlight the challenges that arise when discretion collides with the mandatory provisions.

The paper consistently reveals three key elements of the implementation of the court's discretionary authority: the need to take into account the nature and degree of public danger of the crime and the personality of the

© Ларионов А. В.

perpetrator; the court's recognition of the "impossibility" of preserving the right as a legal and socio-evaluative category; and the specification of the prohibition to ensure the enforceability of the punishment. The paper also examines the conflict between the mandatory sanctions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation (which oblige the court to impose this type of punishment) and the requirement for a differentiated and motivated approach, as outlined in Article 60 of the Criminal Law and the positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation. The article emphasizes the inadmissibility of the formal application of the rule, the duplication of restrictions already arising from the fact of a criminal record or sectoral legislation (for example, labor legislation), as well as the disregard of the social consequences of punishment (loss of the only profession, impact on the family of the convicted person).

As a conclusion, the article formulates proposals for improving law enforcement practice: strengthening the requirements for the motivation of sentences, clearly justifying the connection between the crime and the person's professional activity, and taking into account the social consequences of punishment.

Keywords: responsibility; judicial discretion; deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities; the purpose of punishment sentencing; sentence.

For citation: Larionov AV. Discretionary Powers of the Court when Imposing a Sentence of Disqualification from Holding Certain Positions or Engaging in Certain Activities. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):74-78. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-74-78

Введение

Дискреционные полномочия предоставляют суду возможность применять нормы права на свое усмотрение в рамках, установленных законом, учитывая совокупность факторов, аспектов, обстоятельств конкретного события. Выступая в качестве инструмента осуществления правосудия в условиях многообразия жизненных ситуаций, они позволяют обеспечить объективность правоприменения, индивидуализацию решений и достижение справедливости, но при этом требуют строгого соблюдения правовых границ и профессиональной ответственности судей. А. А. Толкаченко совершенно справедливо отмечает, что применение усмотрения — не только право, но и обязанность суда: без оценки обстоятельств дела невозможно индивидуализировать наказание. При этом усмотрение ограничено принципами уголовного права (законности, справедливости, гуманизма) и конкретными нормами УК РФ [4, с. 59].

В то же время возникают некоторые коллизии относительно судебного усмотрения при назначении дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Материалы и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регулирующие порядок назначения наказания, акты толкования уголовного закона и результаты рассмотрения правоприменительной практики. Основу исследования составили методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, системного анализа и правового моделирования.

Описание исследования

Обращаясь к положениям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) в части назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, можно отметить пример дискреции, содержащийся в ст. 47 УК РФ. Согласно данной норме, указанный вид наказания может назначаться в качестве дополнительного в случаях, когда он не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление, если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью[1]. Представляется возможным выделить следующие черты реализации анализируемого дискреционного полномочия:

— необходимость учета характера и степени общественной опасности преступления, а также личности виновного;

— факт признания судом невозможным сохранения определенного права;

— конкретизация запрещения.

Традиционно характер общественной опасности связывают с теми общественными отношениями, на которые направлено преступление, т. е. с его объектом [2, с. 134]. При этом подчеркивается, что характер общественной опасности зависит от важности общественных отношений и показывает типовую характеристику вредности тех или иных деяний, объединенных общим объектом, а степень общественной опасности определяется способом совершения преступления, тяжестью наступивших последствий, стадиями осуществления преступного намерения и другими юридически значимыми особенностями конкретных преступных деяний [5, с. 118]. При назначении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью необходимо установить связь между объектом посягательства, обстоятельствами,

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. ФЗ от 10 июня 2026 г. № 164-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.07.2026).

© Ларионов А. В.

при которых оно было совершено и личностью виновного, а конкретно — занимаемой должностью или деятельностью. Иными словами, сама возможность осуществления общественно опасного деяния имела предпосылки в виде специальных характеристик субъекта преступления. Суд самостоятельно оценивает, насколько преступление связано с определенной деятельностью или должностным положением виновного лица, и решает, необходимо ли лишение соответствующего права для обеспечения достижения целей наказания.

В актах толкования уголовного закона Верховный Суд Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) также акцентирует внимание на необходимости установления связи между деянием и деятельностью лица как обязательного условия для назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью[2]. Даже при безусловном назначении данного вида наказания в качестве дополнительного запрещение должно быть «обусловлено обстоятельствами» совершенного преступления. В качестве примера Верховный Суд РФ приводит «лишение права заниматься деятельностью, связанной с работой с детьми, при осуждении по ч. 5 ст. 131 УК РФ»[3]. В данном случае законодатель уже указал на наличие связи преступления и наказания, предусмотрев в санкции упомянутой статьи лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Наличие прямой связи очевидно, она описана в диспозиции статьи. Таким образом, в юридической интерпретации Верховного Суда РФ понятия «связь» и «обусловленность обстоятельствами» тождественны. Оба термина описывают зависимость правового явления или решения от совокупности факторов, предопределивших конкретный результат. В контексте уголовного права можно сделать вывод, что речь идет о причинно-следственной связи. То есть рассматриваемый вид наказания, даже в трактовке обусловленности обстоятельствами, всегда взаимосвязан с преступлением.

Признание невозможным сохранения за виновным права должно быть обосновано с точки зрения целей наказания: исправления осужденного и предупреждения новых преступлений. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ), «невозможно» здесь — не техническая невозможность, а правовая и социально-оценочная: суд мотивированно заключает, что оставление права создало бы риск повторного преступления либо противоречило бы публичным интересам[4]. Приведенная позиция служит важным ограничителем дискреционных полномочий суда, так как исключает:

1. Формальный подход (суд не может ограничиться шаблонной фразой о «невозможности сохранения права» без раскрытия, в чем именно состоит риск рецидива или противоречие публичным интересам).

2. Избыточность ограничений (если запрет уже следует из отраслевого законодательства, назначение дополнительного наказания по ст. 47 УК РФ должно быть особо мотивировано, иначе это можно расценить как нарушение принципа соразмерности и избыточности наказания).

3. Произвольность оценки (вывод о «невозможности» должен опираться на исследованные в судебном заседании доказательства, а не на предположения или частное мнение).

Конкретизация запрещения — это четкое определение в приговоре круга должностей либо вида деятельности, на который распространяется запрет. Ее цель — исключить неопределенность и обеспечить исполнимость наказания. Такая конкретизация позволяет избежать двусмысленности при исполнении наказания, защищает права осужденного, а также создает условия для достижения целей наказания.

В содержание лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью входят трудовые ограничения, состоящие в применяемых ограничениях к субъекту в определенной сфере его деятельности и лишениях свобод, что проявляется в запретах, устанавливаемых судом прав. К ним необходимо добавить ограничения финансовые, являющиеся следствием трудовых ограничений, ограничения и лишения прав и свобод, морально-психологическое воздействие, предполагаемое самим фактом осуждения [1, с. 83]. Согласно данному суждению, которое отражает мнение многих исследователей рассматриваемого вида наказания, в первоочередном порядке запрещение направлено на определенные трудовые отношения. Возникает ситуация, когда запрет, предусмотренный в качестве наказания, повторяет ограничение, устанавливаемое профильным законодательством в соответствующей сфере общественных отношений. Например, ст. 331 и 351[1] Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) запрещают привлекать к педагогической деятельности, связанной с несовершеннолетними, лиц, имеющих или имевших судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Исключением является решение комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, созданной высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, о допуске их к педагогической деятельности при условии совершения преступления небольшой или средней тяжести. При наличии таких обстоятельств назначение рассматриваемого вида наказания представляется вполне

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58 (в ред. от 23 дек. 2025 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 20.07.2026).

3 Там же.

4 Определение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 2017 г. № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71684220/ (дата обращения: 20.07.2026).

© Ларионов А. В.

оправданным, так как осужденный полностью утрачивает доступ к указанной сфере деятельности.

С другой стороны, применение лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть избыточным в случаях, когда наказание дублирует запрет, предусмотренный самим фактом осуждения. Наличие судимости, в том числе снятой или погашенной, является препятствием для нахождения или приема на службу в правоохранительные органы[5]. Вместе с тем суд может не назначить наказание, установленное ст. 47 УК РФ, если оно предусмотрено санкцией статьи в качестве обязательного, только при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных ст. 64 УК РФ [3, с. 18]. Таким образом, имеет место ничем не оправданное репрессивное воздействие, поскольку исполнение рассматриваемого вида наказания предполагает осуществление контроля за трудоустройством осужденного, проверки места работы и иные мероприятия, которые в большей степени влияют на ограничение права на свободу труда, чем того требует содержание запрета.

Анализ судебного усмотрения при назначении дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью позволяет сделать вывод о «значимости» для осужденного лишаемого права. В этой связи следует выделить прогностическую функцию наказания: оценку карательного потенциала, эффективности воздействия на исправление и реальной возможности предупреждения повторных преступлений, влияния наказания на условия жизни семьи осужденного.

Кара выступает сущностным признаком наказания, что закреплено в легальном определении, содержащемся в ст. 43 УК РФ. Оценка важности или ценности лишаемого права при назначении рассматриваемого вида наказания должна отталкиваться от личности виновного лица. Лишение права заниматься преподавательской деятельностью для педагога с многолетним стажем, ученой степенью и званием является мерой чрезвычайной строгости. Помимо материальных потерь и невозможности профессиональной реализации, оно влечет серьезные репутационные издержки и вынуждает специалиста осваивать новую профессию. В данных обстоятельствах подобное наказание оказывает на осужденного более глубокое моральное воздействие, чем иные виды суровых санкций, но при этом служит непреложным фактором предупреждения нового преступления в указанной сфере. В свою очередь лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, лица, имеющего аналогичное административное наказание, не возымеет необходимого эффекта и не гарантирует достижение цели специальной превенции. Во-первых, осужденный демонстрирует устойчивую склонность к противоправному поведению, систематически совершая однотипные правонарушения (например, управление автомобилем в состоянии опьянения). Во-вторых, назначенное уголовное наказание не предусматривает последствий за нарушение требований приговора суда, а ответственность за повторное управление транспортным средством без соответствующего права наступает в рамках административного и уголовного законодательства (ст. 12^7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; ст. 264^3 УК РФ).

Обсуждению подлежит вопрос о целесообразности применения наказания, предусмотренного ст. 47 УК РФ, в отношении лица, для которого соответствующая деятельность является единственной профессией[6]. Однако на практике это требование часто превращается в формальность, так как санкции многих статей Особенной части УК РФ предписывают обязательное применение данного вида наказания, не оставляя суду пространства для реального усмотрения. Таким образом возникает противоречие между дискрецией и императивностью санкций. С одной стороны, статьи 47 и 60 УК РФ, а также разъяснения Верховного Суда РФ требуют от суда индивидуальной оценки целесообразности наказания, включая учет того, является ли деятельность единственной профессией. С другой стороны, санкции многих статей Особенной части УК РФ императивно предписывают обязательное назначение этого вида наказания, фактически сводя на нет судебное усмотрение. Это приводит к риску формального подхода: суд «автоматически» назначает лишение права, не раскрывая, в чем именно состоит риск рецидива и почему иные меры не обеспечат превенцию. Такой подход противоречит позиции Конституционного Суда РФ о том, что «невозможно» — это не техническая, а социально-оценочная категория, требующая мотивированного вывода.

Применение лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью — это не формальная обязанность, а инструмент достижения целей наказания, который должен использоваться дифференцированно и мотивированно. Даже при императивном предписании санкции суд обязан:

— установить связь преступления с деятельностью лица;

— оценить риск повторного преступления и эффективность запрета как меры специальной превенции;

[5] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. ФЗ от 29 дек. 2025 г. № 533-ФЗ) «О прокуратуре Российской Федерации»; Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в ред. ФЗ от 29 дек. 2025 г. № 533-ФЗ) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ (в ред. ФЗ от 4 июля 2026 г. № 238-ФЗ) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и т. д. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.07.2026).

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (в ред. от 23 дек. 2025 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 20.07.2026).

© Ларионов А. В.

— учесть социальные последствия (влияние на семью, утрата единственной профессии);

— обосновать назначение наказания, если запрет уже следует из отраслевого законодательства.

Формальный подход, при котором суд ограничивается шаблонной фразой о «невозможности сохранения права», противоречит принципам справедливости и гуманизма, а также позиции высших судов. В таких случаях вышестоящая инстанция вправе исключить дополнительное наказание как немотивированное или несоразмерное.

Заключение и вывод

Реализация наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью строится на гибридной модели, наделяющей суд широкими дискреционными полномочиями. Для обеспечения объективности при их реализации необходимы четкие критерии, ключевыми из которых являются:

— прямая связь совершенного деяния с наказанием;

— оценка потенциального влияния наказания на преступника.

Внедрение данных критериев в уголовный закон позволит суду более избирательно подходить к назначению рассматриваемого вида наказания. Это не только повысит эффективность данной меры, но и позволит исключить необходимость обязательного закрепления лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания в санкциях статей Особенной части УК РФ. Предлагаемое расширение судебного усмотрения сопровождается установлением строгих критериев его реализации. Указанный подход обеспечивает баланс между гибкостью правоприменения и соблюдением фундаментальных принципов индивидуализации, справедливости и целесообразности.

Список источников

1. Звонов А. В. Содержание кары уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: краткий обзор // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4(95). С. 82–88.

2. Ищенко И. В. Характер и степень общественной опасности преступлений и непреступных деяний: проблемы понятия и критериев определения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 3–2. С. 133–147. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-133-147

3. Пичугин С. А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: вопросы нормативной регламентации и правоприменительной практики // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 11. С. 16–24. DOI: 10.51522/2307-0382-2021-234-11-16-24

4. Толкаченко А. А. Пределы судебного усмотрения при назначении уголовного наказания // Уголовное право. 2010. № 4. С. 58–63.

5. Фиськов И. А. О понятии и содержании признака «общественная опасность» // Аграрное и земельное право, 2020. № 10 (190). С. 116–118. DOI: 10.47643/1815-1329_2020_10_116

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларионов Александр Витальевич

Старший преподаватель кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России (г. Пермь, Россия).

E-mail: Aleksandr.V.Larionov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr V. Larionov

Senior lecturer at the Department of Criminal, Penal Law and the Organization of the Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from the society of the Federal State Educational Institution of the Perm Institute of the FPS of Russia (Perm, Russia).

E-mail: Aleksandr.V.Larionov@yandex.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 27.07.2026.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.08.2026.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.08.2026.

© Ларионов А. В.

Научная статья
УДК 344.13
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-79-83

С. 79–83

УЧЁТ ПРИЗНАКА «СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ» ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ И НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

Виталий Александрович Попов

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия
popov@avscompany.ru

Аннотация. В статье поднимаются вопросы, связанные с введением в текст уголовного закона такого признака объективной стороны состава преступления как время совершения преступления: «совершение преступления в период мобилизации». В Уголовном кодексе РФ данный признак времени совершения преступления предусмотрен в девяти составах преступления в качестве квалифицирующего, а также указан в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Автором выявляется внутренняя противоречивость судебно-следственной практики применения признака «совершение преступления в период мобилизации», вызванная в том числе несовершенством законодательной техники. Исследователь указывает, что в правоприменительной практике, с одной стороны, происходит безусловный учет признака «совершение преступления в период мобилизации» в тех составах преступления, где он выступает в качестве квалифицирующего, а с другой — отказ от его безоговорочного использования в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. В целях снятия подобного противоречия автором формулируются два потенциальных подхода к решению проблемы. Первый основывается на буквальном толковании текста уголовного закона и заключается в учете данного признака применительно ко всем преступлениям либо в качестве квалифицирующего, в случаях, если конструкция конкретного состава преступления предусматривает его в качестве такового, либо в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Второй, дифференцированный и более справедливый, заключается в исключении фактов автоматического применения рассматриваемого признака: применительно к конкретному преступлению суду необходимо определять, как признак «совершение преступления в период мобилизации» повлиял на совершение конкретного преступления, увеличил ли он степень общественной опасности именно данного преступления, и, только ответив на данные вопросы, принимать решение об его учете в качестве квалифицирующего признака или обстоятельства, отягчающего наказание.

Ключевые слова: квалификация, мобилизация, преступления против военной службы, обстоятельства, отягчающие наказание, квалифицирующий признак

Для цитирования: Попов В. А. Учёт признака «совершение преступления в период мобилизации» при квалификации и назначении наказания // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3(50). С. 79–83. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-79-83

Research article

CONSIDERATION OF THE FEATURE “COMMISSION OF A CRIME DURING THE MOBILIZATION PERIOD” IN THE QUALIFICATION AND SENTENCING

Vitalii A. Popov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
Ekaterinburg, Russia
popov@avscompany.ru

Abstract. The article raises issues related to the introduction into the text of the criminal law of such a feature of the objective side of the corpus delicti as the time of the commission of a crime: “the commission of a crime during the mobilization period.” In the Criminal Code of the Russian Federation, this feature of the time of the commission of a crime is provided for in nine elements of the crime as qualifying, and is also indicated as an aggravating circumstance. The author reveals the internal inconsistency of the judicial and investigative practice of using the sign “commission of a crime during the mobilization period”, caused, among other things, by the imperfection of legislative technology. The researcher points out that in law enforcement practice, on

© Попов В. А.

the one hand, the attribute "commission of a crime during the mobilization period" is unconditionally taken into account in those crimes where it acts as a qualifying one, and on the other hand, it is rejected from its unconditional use as an aggravating circumstance. In order to resolve this contradiction, the author formulates two potential approaches to solving the problem. The first one is based on a literal interpretation of the text of the criminal law and consists in taking into account this feature in relation to all crimes, either as a qualifying one, in cases where the construction of a specific corpus delicti provides for it as such, or as an aggravating circumstance. The second, differentiated and more fair one, is to exclude the facts of automatic application of the feature in question: in relation to a specific crime, the court needs to determine how the feature "committing a crime during the mobilization period" influenced the commission of a specific crime, whether it increased the degree of public danger of this particular crime, and only after answering these questions, make a decision on its registration as a qualifying feature or an aggravating circumstance.

Keywords: qualification, mobilization, crimes against military service, circumstances aggravating punishment, qualifying feature

For citation: Popov VA. Consideration of the Feature "Commission of a Crime During the Mobilization Period" in the Qualification and Sentencing. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):79-83. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-79-83

Введение

Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1] в Уголовный кодекс Российской Федерации введен такой признак объективной стороны состава преступления как время совершения преступления: период мобилизации. Данный признак, увеличив степень общественной опасности преступления, на что, в том числе прямо указал Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»[2], выступил в качестве квалифицирующего в девяти составах преступления:

— сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ);

— насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ);

— самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ);

— дезертирство (ст. 338 УК РФ);

— уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ);

— нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 340 УК РФ);

— нарушение правил несения пограничной службы (ст. 341 УК РФ);

— нарушение уставных правил караульной службы (ст. 342 УК РФ);

— нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне (ст. 344 УК РФ).

В результате появления обозначенного признака времени были сконструированы так называемые квалифицированные составы [1, с. 39–48].

Более того, этим же федеральным законом данный признак был включен также в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Вместе с тем, в теоретическом [5, с. 41–47] и практическом плане возникают вопросы учета данного признака как в рамках квалификации преступления, так и при назначении наказания за совершение преступления: требуется ли при совершении преступления в настоящий период автоматическое вменение признака «совершение преступления в период мобилизации» в качестве квалифицирующего или его использование в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Материал и метод

Используя герменевтический метод изучения реальности и действующего законодательства рассмотрим заявленные во введении вопросы.

Результаты и обсуждение

Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»[3] под мобилизацией в Российской Федерации понимается комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного

[1] Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427325/ (дата обращения: 08.08.2026).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447521/ (дата обращения: 08.08.2026).

[3] Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/ (дата обращения: 08.08.2026).

© Попов В. А.

времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени. В этом же пункте отмечается, что мобилизация в Российской Федерации может быть общей или частичной.

Согласно указу Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»[4] в Российской Федерации с 21 сентября 2022 года объявлена частичная мобилизация.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»[5] периоды мобилизации (общей и частичной) или военного положения (вводимого на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях) начинаются с даты и времени начала действия мобилизации (военного положения), которые устанавливаются указом Президента Российской Федерации об объявлении мобилизации (о введении военного положения), и заканчиваются датой и временем отмены (прекращения действия) мобилизации (военного положения).

Учитывая, что мобилизационный период нормативно-правовым актами не определен, логичен вывод о его продолжении. В связи с чем и возникает вопрос, подлежит ли при совершении преступления в настоящий период безусловному вменению такой квалифицирующий признак как «совершение преступления в период мобилизации» или его обязательный учет при назначении наказания как обстоятельства, отягчающего наказание.

Отвечая на данный вопрос, учитывая, в том числе, что рассматриваемый признак относится к признакам объективной стороны состава преступления, то есть совокупности признаков характеризующих внешнюю сторону преступного деяния [4, с. 368–370] и существующих вне зависимости от сознания субъекта, допускается вывод, что преступление, совершенное в настоящий период, рассматривается как преступление, совершенное в период мобилизации, и, следовательно, признак времени совершения преступления должен быть учтен либо при квалификации преступления в качестве признака состава преступления, либо при назначении наказания как обстоятельно его отягчающее.

Сказанное корреспондирует и закрепленному в ст. 5 УК РФ принципу вины, устанавливающей, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, и, что объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Так, принимая во внимание широкое освещение внутренней и внешней политики Российской Федерации, в том числе в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационном пространстве, то незнание потенциального субъекта преступления о начале в Российской Федерации периода мобилизации исключается.

При этом, если данный признак не входит в число квалифицирующих признаков состава преступления, то он подлежи обязательному учету при назначении наказания, как предусмотренный п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в том числе если совершается и иное, не связанное с посягательством на интересы военной службы и причинением вреда военной безопасности Российской Федерации и обороноспособности страны, преступление. Сказанное подтверждается и ч. 3 ст. 60 УК РФ, согласно которой при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[6], фиксирующим, что обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (ст. 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению, также учитываются при определении степени общественной опасности преступления, и императивной формулировкой ч. 1 ст. 63 УК РФ (в отличие от ч. 1.1 ст. 63 УК РФ), и доктриной уголовного права [2, с. 104; 3, с. 83].

Такой логичный, с одной стороны, подход, тем не менее опровергается правоприменительной практикой, при анализе которой наблюдается внутренняя противоречивость. Так, если признак «совершение преступления в период мобилизации» относится к числу признаков состава преступления, приобретая значение квалифицирующего, то квалификация преступления происходит именно по этому признаку. Сказанное подтверждается, в том числе информацией, размещаемой на официальных сайтах военных судов, где по каждому обвинению в преступлении, предусматривающем рассматриваемый квалифицирующий признак времени совершения преступления, вменяется соответствующая часть статьи Особенной части УК РФ по признаку времени совершения преступления.

При этом, одновременно в судебной практике прослеживается тенденция, что в случае отсутствия анализируемого признака времени совершения преступления в составе преступления, автоматического учета при назначении наказания п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ не происходит.

[4] Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/ (дата обращения: 08.08.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447521/ (дата обращения: 08.08.2026).

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 08.08.2026).

© Попов В. А.

Полагаем, выработанный следственно-судебной практикой подход сводится к устранению несовершенства использованной при внесении изменений в текст уголовно закона законодательной техники. Тем не менее, думается, вряд ли его можно считать безупречным.

Затронутую в тексте настоящей статьи проблематику можно устранить двумя путями. Первый заключается в точном, строгом и прямолинейном следовании тексту уголовного закона и сводится к следующему. Если преступление совершается в настоящий период, то признается, что таковое совершено в период мобилизации, и, как следствие, подлежит вменению признак «совершение преступления в период мобилизации», если он предусмотрен в статье Особенной части УК РФ как квалифицирующий признак состава преступления, либо такой признак подлежит безусловному учету как обстоятельство, отягчающее наказание. Вместе с тем, полагаем, такой способ разрешения изучаемого вопроса не соответствовал бы принципу справедливости. Более того, подобный подход в принципе бы нивелировал назначение квалифицированного состава преступления и обстоятельств, отягчающих наказание, поскольку все совершаемые в настоящий период преступления автоматически бы требовали учета признака «совершенные в период мобилизации».

Вместе с тем, наличие периода мобилизации, полагаем, никак не влияет на совершение так называемого общеуголовного преступления и не увеличивает степень общественной опасности последнего, в связи с чем при назначении наказания за подобное преступление не требуется учет п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Подобное суждение, видится, важно распространить и на преступления, в составах которых законодателем признак времени («совершение преступления в период мобилизации») учтен как квалифицирующий. Это и будет рассматриваться как второй, более дифференцированный и справедливый, путь разрешения поставленного в тексте настоящей статьи вопроса.

Аргументы сводятся к следующим. Во-первых, не каждое преступление против военной службы, в состав которого включен рассматриваемый квалифицирующий признак времени совершения преступления, автоматически отягчается его совершением именно в период мобилизации. Так, полагаем несправедливым вменять данный признак, если, например, военнослужащий, проходящий военную службу в войсковой части, расположенной в удаленном от зоны проведения специальной военной операции месте, не желая сдавать зачет по проверке знаний караульными своих обязанностей, допустил принуждение начальника к нарушению обязанностей, связанных с проверкой таких знаний. В рассматриваемом примере, полагаем наличие периода мобилизации никак не увеличивает степень общественной опасности преступления, а вменение ч. 3 ст. 333 УК РФ, в рамках которой санкция в три раза выше по сравнению с основным составом, создает предпосылки для оценки назначенного наказания как несправедливого и незаслуженного.

Во-вторых, дифференцированный подход к вменению признака времени совершения преступления «в период мобилизации» также усматривается из интерпретаций действий законодателя, не включившего подобный признак во все составы преступлений против военной службы, а ограничившись в отдельных составах лишь упоминанием такого признака как «совершенные в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий».

В-третьих, такая же логика полагаем прослеживается в п. 2 ранее упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»[7], в котором указано, что «в тех случаях, когда совершение преступления в особые периоды не предусмотрено в статьях главы 33 УК РФ в качестве признака состава преступления против военной службы (например, ст. 335, 336, 343, 345, 349–352), судам следует обсуждать вопрос об учете при оценке степени общественной опасности таких преступлений обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ». Верховный Суд РФ использует нейтральную формулировку, лишь отмечая о необходимости обсуждения вопроса об учете такого признака как «совершение преступления в период мобилизации», но не указывает на его императивное применение.

Выводы

Резюмируя, важно заметить, что следственно-судебная практика учета признака «совершение преступления в период мобилизации» имеет внутреннее противоречие: с одной стороны, безусловный учет названного признака в тех составах преступления, где он выступает в качестве квалифицирующего, а с другой — отказ от его безоговорочного использования в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Данное противоречие, думается, вызвано несовершенством законодательной техники и не проработанностью данного вопроса при принятии федерального закона от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Преодоление подобной несогласованности возможно двумя путями. Первый заключается в учете данного признака применительно ко всем преступлениям либо в качестве квалифицирующего, в случаях, если конструкция конкретного состава преступления предусматривает его в качестве такового, либо в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Второй, на наш взгляд, более справедливый, заключается в дифференцированном подходе и исключению

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447521/ (дата обращения: 08.08.2026).

© Попов В. А.

фактов автоматического учета рассматриваемого признака времени совершения преступления. Применительно к конкретному преступлению суду необходимо определять, как признак «совершение преступления в период мобилизации» повлиял на совершение конкретного преступления, увеличил ли он степень общественной опасности именно данного преступления. В случае отсутствия связи данного признака времени совершения преступления с фактом совершения конкретного преступления, такой признак не должен быть учтен ни при квалификации преступления как квалифицирующий, ни при назначении наказания, как обстоятельство его отягчающее.

Список источников

1. Иванчин А. В. Основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений: понятие, значение, проблемы построения // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2012. № 1. С. 39–48.

2. Плаксина Т. А. Обстоятельства, отягчающие наказание: новеллы разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Вестник Кузбасского института. 2026. № 1 (66). С. 103–117.

3. Семенюк Р. А. Состояние опьянения как обстоятельство, отягчающее наказание // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1 (9). С. 82–84.

4. Согомонов Д. К. Факультативные признаки объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: понятие, классификация, значение // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летнему юбилею профессора В. П. Коняхина: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Краснодар, 01–02 февраля 2024 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 368–374.

5. Трофимов Д. О. Особые военные обстоятельства как обстоятельства, отягчающие наказание // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 41–47. DOI: 10.17223/23088451/24/7

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попов Виталий Александрович

Адвокат, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, Россия).
E-mail: popov@avscompany.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly A. Popov

Lawyer, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, associate professor in the M. I. Kovalev Department of Criminal Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia).
E-mail: popov@avscompany.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 14.08.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 25.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 29.08.2026.

© Попов В. А.

Научная статья
УДК 343.21
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-84-89
С. 84–89

ПРИМЕНЕНИЕ С ОБРАТНОЙ СИЛОЙ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Дмитрий Алексеевич Прошляков

Свердловская областная экономическая коллегия адвокатов,
г. Екатеринбург, Россия
dm-prosh@mail.ru
https://orcid.org/0009-0006-8727-7003

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты действия во времени постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. Приводятся примеры существенных изменений позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации по элементам состава преступления (объект, объективная сторона, субъективная сторона) при формальной неизменности нормы уголовного закона. Анализируются сформировавшиеся в теории и в судебной практике подходы по вопросу обязательности для судов разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. На основе ранее имевшихся подходов законодателя и актуальной судебной практики формулируется вывод об обязательности разъяснений, изложенных в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, для рассматривающих уголовные дела судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Анализируется фактически сформировавшийся подход судов к применению разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации исключительно к преступлениям, совершённым после принятия соответствующего постановления, и невозможности применения таких разъяснений с обратной силой. С учётом обязательности для судов постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, фактически сформировавшегося подхода о действии данных разъяснений только на преступления, совершённые после принятия постановления, правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных и общеправовых принципов делается вывод о допустимости применения разъяснений, изложенных в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам, с обратной силой по правилам ст. 10 УК РФ.

Ключевые слова: обратная сила, действие во времени, акты официального толкования, обязательность, постановления Пленума.

Для цитирования: Прошляков Д. А. Применение с обратной силой разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3(50). С. 84–89. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-84-89

Research article

THE RETROACTIVE APPLICATION OF THE CLARIFICATIONS ON CRIMINAL CASES PROVIDED BY THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry A. Proshlyakov

Sverdlovsk Regional Economic Bar Association, Ekaterinburg, Russia
dm-prosh@mail.ru
https://orcid.org/0009-0006-8727-7003

Abstract. The paper examines a range of theoretical and practical aspects of the temporal scope of resolutions issued by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (the «Plenum») on criminal cases. First, I present a variety of examples of how the Plenum drastically changes its legal position on what counts as an element of a crime (e. g., the object, the objective imputation, and the subjective imputation), while the norm of the criminal law remains formally the same. Second, I analyze the different ways established in legal theory and judicial practice to approach the issue of the mandatory value of clarifications on criminal cases provided by the Plenum for the courts. Based on the previous legislative practice as well as the current judicial practice, I conclude that the clarifications from the resolutions issued by the Plenum are mandatory for the trial courts,

© Прошляков Д. А.

courts of appeal, and courts of cassation, which deal with criminal cases. Also, I consider how the courts usually apply the clarifications provided by the Plenum exclusively to the crimes committed after the adoption of the relevant resolutions, accepting at the same time the impossibility of their retrospective application. Taking into account the mandatory value of the resolutions issued by the Plenum for the courts, the already established approach to extend the scope of such resolutions exclusively to the crimes committed after their adoption, the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation as well as constitutional and general legal principles, I conclude that according to the Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation it is acceptable to retroactively apply the clarifications on criminal cases from the resolutions issued by the Plenum.

Keywords: retroactive law application, temporal scope of application, acts of official interpretation, mandatory value, Plenum resolutions.

For citation: Proshlyakov DA. The Retroactive Application of the Clarifications on Criminal Cases Provided by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):84-89. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-84-89

Введение

Реализуя предоставленное Конституцией РФ[1] и законом[2] право разъяснять судам аспекты применения законодательства, Пленум ВС РФ регулярно принимает, вносит изменения и признаёт утратившими силу постановления, касающиеся вопросов применения уголовного законодательства. При этом зачастую Пленум существенно изменяет и корректирует ранее данные им разъяснения по элементам состава преступления, что в отдельных случаях приводит к тому, что одно и то же деяние получает различную уголовно-правовую оценку в зависимости от того, какое толкование было дано Пленумом, при формальной неизменности нормы уголовного закона. Подобная ситуация затрагивает, в том числе, проблемы обязательности разъяснений Пленума для судов, рассматривающих уголовные дела, действия постановлений Пленума по уголовным делам во времени, а также возможности применения актов официального толкования с обратной силой, то есть к преступлениям, совершённым до принятия Пленумом соответствующих разъяснений.

Материал и методы

В ходе исследования были использованы постановления Пленума по уголовным делам, в которые вносились изменения относительно элементов составов преступлений; научная литература, ранее действовавшие нормативно-правовые акты и актуальная судебная практика по вопросу обязательности постановлений Пленума по уголовным делам; правовые позиции высших судебных инстанций и актуальная судебная практика по порядку действия во времени постановлений Пленума по уголовным делам.

В исследовании были применены методы мысленного моделирования и теоретико-множественного подхода, методы обобщения, аналогии, а также контекстный, исторический и сравнительный анализ.

Описание исследование

В качестве примера изменения Пленумом ранее данных разъяснений касательно отдельных элементов составов преступлений могут быть приведены следующие случаи:

1. Корректировка Пленумом разъяснений относительно предмета преступных деяний, ответственность за которые предусмотрена в ст. ст. 222–226 УК РФ. Первоначально в 1996 году Пленум к основным частям огнестрельного оружия относил ствол, ударно спусковой механизм, запирающий механизм и другие детали оружия, если они в комплексе позволяют произвести выстрел[3]. В 2002 году Пленум сформулировал закрытый перечень основных частей огнестрельного оружия (барабан, ствол, ствольная коробка, затвор, рамка, ударно-спусковой механизм, запирающий механизм), что влекло за собой невозможность привлечения к ответственности за незаконный оборот других деталей оружия, пусть даже и позволяющих в комплексе произвести выстрел[4]. В 2013 году из указанного перечня были исключены ударно-спусковой механизм и запирающий механизм[5].

[1] Статья 126 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Пункт 1 части 7 статьи 2, пункт 1 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» к компетенции Верховного Суда // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[3] Абзац 2 пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.1996 № 5 «О судебной практике по делам о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Абзац 2 пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 12.03.2002) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[5] Абзац 3 пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

© Прошляков Д. А.

2. Изменение Пленумом позиции относительно деяний, входящих объективную сторону преступного деяния, предусмотренного ст. 258 УК РФ. В 2012 году Пленумом было принято новое постановление, которым предусматривалось, что при рассмотрении уголовных дел о незаконной охоте (ст. 258 УК РФ) под охотой понимается поиск, выслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добыча, первичная переработка и транспортировка[6] (ранее поиск, первичная переработка и транспортировка не входили в объективную сторону[7]).

3. Уточнение Пленумом толкования момента окончания преступных деяний, предусмотренных ст. ст. 151, 150 УК РФ. В 2011 году Пленум истолковал нормы уголовного закона таким образом, что преступные деяния, предусмотренные ст. ст. 151, 150 УК РФ, считаются оконченными только в случае совершения несовершеннолетним, на которого было направлено воздействие совершеннолетнего, приготовления (покушения) на преступление, оконченного преступления или антиобщественного действия[8] (ранее подобное преступное деяние считалось оконченным с момента вовлечения, при этом не имело правового значения, совершил ли несовершеннолетний противоправные действия[9]).

4. Корректировка Пленумом разъяснений относительно стадии преступления при контролируемой передаче наркотиков. В 2015 году Пленумом были даны разъяснения, в соответствии с которыми передача предмета преступного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, проводимая в рамках ОРМ, стала являться оконченным преступлением[10] (ранее действовавшие разъяснения предусматривали, что контролируемая передача наркотиков образует покушение[11]).

5. Изменение Пленумом позиции относительно стадии совершения преступлений по незаконному сбыту наркотиков. В 2015 году Пленумом было принято новое разъяснение, в соответствии с которым, если при совершении лицом действий, направленных на выполнение объективной стороны сбыта наркотиков, сбыт конечному приобретателю не состоялся по не зависящим от лица обстоятельствам, лицо несёт ответственность за покушение на сбыт[12] (ранее действовавшие разъяснения предусматривали, что подобные обстоятельства свидетельствуют лишь о приготовлении к сбыту[13]).

6. Уточнение Пленумом толкования форм вины при совершении преступных деяний, предусмотренных ст. ст. 132 и 131 УК РФ. В 2014 Пленумом было принято новое разъяснение, установившее, что ответственность за насильственные действия сексуального характера (изнасилование), повлекшее заражение потерпевшего (потерпевшей) венерическим заболеванием, наступает как при умысле, так и при неосторожности в форме легкомыслия[14] (ранее действовавшие разъяснения предусматривали ответственность только при умышленной форме вины)[15].

Не вызывает сомнений, что изменение Пленумом ранее данных им разъяснений относительно элементов состава преступления оказывает существенное влияние на положение подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, а также осужденных. В одних случаях это приводит к ухудшению его положения (как, например, в случае актуализации разъяснений по передаче предмета преступного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, проводимой в рамках ОРМ), а в других — к улучшению (как, например, в случае актуализации разъяснений относительно момента окончания преступных деяний, предусмотренных ст. ст. 150, 151 УК РФ).

Коль скоро одни и те же деяния могут быть квалифицированы по-разному в зависимости от того, каким образом Пленум истолковал те или иные нормы уголовного законодательства, при формальной неизменности

[6] Абзац 1 пункта 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[7] Абзац 1 пункта 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[8] Абзац 4 пункта 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[9] Абзац 2 пункта 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[10] Пункт 13.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[11] Абзац 5 пункта 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[12] Пункт 13.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[13] Абзац 1 пункта 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[14] Абзац 1 пункта 12 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[15] Абзац 1 пункта 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

© Прошляков Д. А.

текста соответствующей статьи УК РФ, разумным и обоснованным представляется постановка вопроса о действии во времени разъяснений Пленума, в том числе и применении подобных разъяснений с обратной силой.

Разрешение поставленного вопроса тесно связано с уяснением обязательности разъяснений Пленума для судов, рассматривающих уголовных дела. Если разъяснения Пленума не являются обязательными для судов, рассматривающих уголовные дела, вопрос о действии подобных разъяснений отпадает сам собой.

В теории права по вопросу обязательности разъяснений Пленума по уголовным делам для судов сложились две противоположные точки зрения. Первая точка зрения исходит из того, что разъяснения, изложенные в постановлениях Пленума, имеют обязательное значение [2, с. 21–24; 4, с. 280–281]. Согласно второй точке зрения постановления Пленума не являются обязательными, а носят рекомендательный характер [1, с. 268; 3, с. 56; 5, с. 51–53; 6, с. 34–37].

Не углубляясь в обозначенную дискуссию, существующую в науке, и аргументы, приводимые каждой сторон, представляется целесообразным рассмотреть фактически сложившуюся к настоящему моменту времени роль разъяснений Пленума при разрешении судами уголовных дел.

Действительно, формально в законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормы об обязательности разъяснений, изложенных в постановлениях Пленума, для судов, разрешающих уголовные дела.

Однако в утративших ныне силу актах, действовавших в период до образования Российской Федерации и её самостоятельной судебной системы, последовательно прослеживается позиция об обязательности разъяснений высших судебных органов — Верховного Суда Р.С.Ф.С.Р[16]., Верховного Суда СССР[17] и Верховного Суда РСФСР[18].

Кроме того, практика ВС РФ и окружных кассационных судов исходит из того, что разъяснения Пленума по уголовным делам подлежат обязательному применению судами[19].

Стоит отдельно заметить, что ВС РФ, а также окружные кассационные суды, обосновывая необходимость отмены (изменения) состоявшихся по уголовному делу судебных решений, периодически напрямую ссылаются на неприменение нижестоящими судами разъяснений Пленума[20].

КС РФ в одном из своих постановлений[21] отметил, что закреплённое федеральным конституционным законом право Пленума разъяснять судам аспекты применения законодательства поддерживает единообразное применение и толкование судами правовых норм, входит в механизм поддержания непротиворечивости и единства правовой системы, реализация которого обеспечивается установленной процессуальным законодательством возможности отмены судебных актов, включая случаи их расхождения с разъяснениями Пленума. В этом же постановлении КС РФ указал, что после разъяснения Пленумом смысла правовой нормы, применение судом такой нормы должно соответствовать данным разъяснениям, иное может означать наличие допущенной при рассмотрении дела ошибке.

Несмотря на то, что КС РФ анализировал конституционность абз. 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ, полагаем, что сформулированные выводы являются универсальными для любых разъяснений, которые даются в постановлениях Пленума, а не только по вопросам гражданского законодательства и законодательства о гражданском судопроизводстве. Иное означало бы неоднородные подходы к различным отраслям права и видам судопроизводства в условиях, когда разъяснения даются одним и тем же органом, в одной и той же форме и на основании одних и тех же норм.

Судебная практика, в которой суды, рассматривая уголовное дело, не применил бы разъяснения Пленума, мотивировав это отсутствием законодательного закрепления обязательности подобных разъяснений, отсутствует.

То есть вне зависимости от различных точек зрения на данную проблему со стороны научного сообщества, с очевидностью можно констатировать, что фактически постановления Пленума занимают, наряду с уголовным законом, важнейшее значение и обладают свойством обязательности для судов, рассматривающих уголовные дела. Такие разъяснения, как и уголовный закон, не могут быть проигнорированы судами (иное, как справедливо отметил КС РФ, будет свидетельствовать о допущенной судами ошибке).

Поскольку разъяснения Пленума обладают свойством обязательности, а сформулированные им в поста-

[16] Подпункт «а» пункта 180 Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р., утв. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[17] Статья 3 Закона СССР от 30.11.1979 «О Верховном Суде СССР» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[18] Статья 56 Закона РСФСР от 08.07.1981 «О судоустройстве РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[19] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.11.2017 № 46-УД17-40 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[20] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.09.2025 № 5-УД25-68-К2; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2025 № 33-УД25-13сп-К3; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.09.2024 № 77-3239/2024 (УИД 50RS0031-01-2023-005954-20); Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.05.2025 № 77-1198/2025 (УИД 30RS0014-01-2024-001101-88); Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.05.2023 № 77-2075/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[21] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Кондрачука // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

© Прошляков Д. А.

новлениях позиции могут приводить как к ухудшению, так и улучшению положению лица, постольку может быть поставлен вопрос о действии таких разъяснений во времени, в том числе и о возможности применении их с обратной силой.

Общий подход судов по проблеме действия во времени разъяснений Пленума, касающихся вопросов квалификации преступлений, сводится к недопустимости ухудшения положения лица в связи с принятием Пленумом постановлений, которые изменяют ранее данные разъяснения, и применению к такому лицу разъяснений, которые действовали в момент совершения преступления, то есть к фактическому воспроизведению соответствующих норм ст. ст. 9 и 10 УК РФ.

Как уже было указано, в 2015 году в постановление Пленума по наркотикам было внесено значительное количество изменений, которые ухудшали положение лиц, которые совершили деяния, направленные на незаконный оборот наркотиков.

ВС РФ, предвидя возникновение у судов вопросов относительно действия во времени новых разъяснений, превентивно и со ссылкой на позицию КС РФ, изложенную в абз. 1 п. 3.4 постановления от 21.01.2010 № 1-П, об обязательности для судов актов толкования законодательства высшими судебными органами только на будущее время, издал письмо, из которого следовало, что новые разъяснения, включённые в постановление Пленума по наркотикам (абз. 1 п. 13 и п. п. 13.1, 13.2, 15.1), обязательны для судов исключительно к преступлениям, совершённым после 30.06.2015[22].

Также СКУД ВС РФ, внося изменения в состоявшиеся по уголовному делу судебные акты, в одном из своих определений сделала вывод, что новые разъяснения Пленума, которые могут влечь ухудшение положения лица, не распространяются на преступления, совершенные до их принятия[23]. Формулируя указанную позицию, коллегия в абзацах описательно-мотивировочной части кассационного определения, предшествующих упомянутому выводу, прямо сослалась на положения ст. 9 и ч. 1 ст. 10 УК РФ.

Равным образом Первый КСОЮ, приходя к схожим выводам о недопустимости ухудшения положения осуждённого вследствие принятия Пленумом новых разъяснений, указал, что по смыслу ст. 9, ч. 1 ст. 10 УК РФ разъяснения Пленума, влекущие за собой ухудшение положения осужденного, не распространяются на деяния, совершенные до их принятия[24].

В то же время практика по вопросу возможности приведения приговора в соответствие с разъяснениями, изложенными в постановлениях Пленума по уголовным делам, которые улучшают положение осуждённого, единообразна и исходит из недопустимости применения подобных разъяснений с обратной силой. Аргументация судов, рассматривающих ходатайства осуждённых в порядке п. 13 ст. 397 УПК РФ о приведении приговора в соответствие с новыми разъяснениями Пленума, сводится к тому, что постановления Пленума уголовным законом не являются, а в сами статьи УК РФ каких-либо изменений, которые бы улучшали положение осуждённого, не вносилось[25].

Складывается парадоксальная ситуация, при которой разъяснения Пленума, несмотря на обязательность их применения судами, наряду с уголовным законом, при рассмотрении уголовных дел, а также несмотря на придание таким разъяснениям схожих с уголовным законом черт относительно применения их к преступлениям, совершённым исключительно после принятия соответствующего постановления, не могут быть применены с обратной силой в целях улучшения положения осуждённых.

Фактически, положения ч. 1 ст. 10 УК РФ применяются судами к разъяснениям, изложенным в постановлениях Пленума по уголовным делам, избирательно, а именно только в части нераспространения разъяснений, ухудшающих положение лица, на преступления, совершённые до принятия разъяснений.

Анализируя сложившуюся ситуацию, необходимо отметить, что ВС РФ в ранее упомянутом письме процитировал выводы, изложенные КС РФ в абз. 1 п. 3.4 постановления от 21.01.2010 № 1-П, лишь частично, исключив из цитирования последнее предложение. Полностью позиция КС РФ выглядит следующим образом: «В российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. По общему правилу, оно фактически — исходя из правомочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов — является обязательным для нижестоящих судов на будущее время. Вместе с тем в качестве правового последствия такого толкования в тех случаях, когда в силу общеправовых и конституционных принципов возможно придание ему обратной силы, допускается пересмотр и отмена вынесенных

[22] Письмо Верховного Суда РФ от 10.07.2015 № 7-ВС-4284/15 <О применении Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14> // СПС КонсультантПлюс.

[23] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2024 № 31-УД24-8-К6 // СПС КонсультантПлюс.

[24] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2025 № 77-2789/2025 (УИД 50MS0253-01-2024-002072-87) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[25] Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (первый квартал 2010 г.) (утв. постановлением президиума Свердловского областного суда от 12.05.2010); Обзор кассационной практики по уголовным делам Верховного суда Чувашской Республики за 2 квартал 2008 года; Кассационное определение Томского областного суда от 07.07.2011 по делу № 22-2424/2011; Кассационное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 18.01.2011 по делу № 22–175/2011 (22-15728/10); Апелляционное постановление Магаданского областного суда от 13.10.2021 по делу № 22-367/2021; Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 17.03.2020 № 22-630/2020 // СПС КонсультантПлюс. Апелляционное постановление Омского областного суда от 07.07.2020 по делу № 22-1562/2020; Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 21.01.2016 по делу № 22-62/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

© Прошляков Д. А.

ранее судебных актов, основанных на ином толковании примененных норм.».

Иными словами, в последнем предложении КС РФ ориентировал суды на возможность с учётом общеправовых (конституционных) принципов придать разъяснениям, изложенным в постановлениях Пленума, обратную силу, в том числе посредством пересмотра уже принятых судебных актов, в которых было применены ранее действовавшие разъяснения.

Представляется, что подобным принципом, позволяющим применить с обратной силой разъяснения Пленума, улучшающие положение осуждённого, является конституционный принцип обратной силы закона, который смягчает или устраняет ответственность, реализация которого обусловливается изменением содержания общественной опасности. На наличие подобного конституционного принципа неоднократно обращал внимание КС РФ[26].

Заключение и вывод

Принимая во внимание место, которое занимают разъяснения Пленума, их фактическое применение судами с учётом конституционного принципа и принципа уголовного права о недопустимости ухудшения положения лица вследствие издания нового закона, позиции КС РФ, которая не исключают возможность применения разъяснений Пленума к преступлениям, совершённым до принятия новых разъяснений, наличия устоявшейся процедуры приведения приговора в соответствие с новым законом, которая может быть применена по аналогии, не существует обоснованных препятствий для пересмотра приговоров вследствие принятия Пленумом разъяснений по вопросам квалификации преступлений, которые улучшают положение осуждённого.

[26] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, Л. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова; Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2001 № 1-О по делу о проверке конституционности примечания 2 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Скородумова Дмитрия Анатольевича // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

Список источников

1. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. 315 с.

2. Демидов В. В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 3. С. 21–24.

3. Ершов В. В. Судебное правоприменение (теоретические и практические проблемы). М., 1991. 86 с.

4. Ображиев К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного прав: монография. М., 2015. 504 с.

5. Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 51–57.

6. Решняк М. Г. К вопросу об обратной силе постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации при производстве по уголовным делам // Российский следователь. 2016. № 10. С. 34–37.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Прошляков Дмитрий Алексеевич

Адвокат Свердловской областной экономической коллегии адвокатов (г. Екатеринбург, Россия).
E-mail: dm-prosh@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Proshlyakov

Attorney at law, Sverdlovsk Regional Economic Bar Association (Ekaterinburg, Russia).
E-mail: dm-prosh@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 09.03.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.05.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Прошляков Д. А.

Научная статья
УДК: 343.151.
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-90-95
С. 90–95

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Галина Сергеевна Русман

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), г. Челябинск, Россия
galina-rusman@ya.ru
https://orcid.org/0000-0001-7776-2538

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических и практических проблем представительства иностранных граждан в российском уголовном судопроизводстве. На основе анализа норм УПК РФ, международных договоров (Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г., Конвенция СНГ 1993 г.) и правоприменительной практики автором выявлена ключевая проблема — фрагментарность правового регулирования и отсутствие специального процессуального статуса представителя иностранного участника.

Рассмотрены три основные формы представительства: договорное (на основе соглашения), законное (родители, опекуны) и консульское. Особое внимание уделено низкому качеству судебного перевода как системному фактору, дискредитирующему правосудие, в связи с чем предлагается введение государственного реестра переводчиков и квалификационных требований.

Автором предлагается расширить круг договорных представителей за счет включения в него дипломатов и иностранных адвокатов, одновременно установив для «иных лиц» требование о высшем юридическом образовании. Обосновывается необходимость принятия отдельной главы УПК РФ, регламентирующей особенности участия иностранцев, и внесения изменений в статьи 45, 59 и 96 УПК РФ.

Ключевые слова: представительство иностранных граждан, уголовный процесс, переводчик, консульский иммунитет, квалифицированная юридическая помощь, правовая неопределенность, реформа УПК РФ

Для цитирования: Русман Г. С. Правовая неопределённость института представительства иностранных граждан в уголовном процессе России: проблемы и пути решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 90–95. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-90-95

Research article

LEGAL UNCERTAINTY OF THE INSTITUTION OF REPRESENTATION OF FOREIGN CITIZENS IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Galina S. Rusman

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
galina-rusman@ya.ru
https://orcid.org/0000-0001-7776-2538

Abstract. The article is devoted to the study of theoretical and practical problems of representation of foreign citizens in Russian criminal proceedings. Based on the analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, international treaties (the Vienna Convention on Consular Relations of 1963, the CIS Convention of 1993) and law enforcement practice, the author identifies a key problem — the fragmentation of legal regulation and the absence of a special procedural status for the representative of a foreign participant. Three main forms of representation are considered: contractual (by agreement), legal (parents, guardians) and consular. Special attention is paid to the low quality of judicial translation as a systemic factor discrediting justice, in connection with which the introduction of a state register of translators and qualification requirements is proposed.

The author proposes to broaden the category of contractual representatives by including diplomats and foreign lawyers, while introducing a requirement of higher legal education for “other persons”. The article sub-

© Русман Г. С.

stantiates the need to adopt a separate chapter of the Russian Criminal Procedure Code governing the specifics of foreigners' participation and to amend Articles 45, 59 and 96 of the said Code.

Keywords: Representation of foreign citizens, criminal procedure, translator, consular immunity, qualified legal assistance, legal uncertainty, reform of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

For citation: Rusman GS. Legal Uncertainty of the Institution of Representation of Foreign Citizens in the Criminal Process of Russia: Problems and Solutions. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):90-95. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-90-95

Введение

Современная миграционная ситуация в Российской Федерации характеризуется устойчивым присутствием значительного числа иностранных граждан.

По данным МВД России, только в первом квартале 2025 года на миграционном учете состояло почти 2 млн иностранцев, а в аналогичный период 2026 года — более 9,8 млн. При этом иностранные граждане нередко становятся участниками уголовного судопроизводства — в качестве подозреваемых, обвиняемых, потерпевших или свидетелей. В первом полугодии 2026 года ими совершено 34,4 тыс. преступлений, а число потерпевших из их числа составило 16 тыс.[1]

Данная статистика лишь частично отражает реальную ситуацию, поскольку, как справедливо отмечает М. В. Зяблина, латентность преступлений с «иностранным элементом» в 1,7 раза превышает средние показатели [1, с. 156].

В этих условиях институт представительства иностранных граждан приобретает ключевое значение для реализации принципа равенства прав и свобод, закрепленного в ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ)[2]. Однако, несмотря на конституционную гарантию, уголовно-процессуальное законодательство России не содержит системного регулирования представительства иностранцев. Разрозненные положения, содержащиеся в статьях 45, 55, 59 и 96 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)[3], не образуют целостного правового механизма, что порождает серьезные проблемы правоприменения, нередко влекущие признание доказательств недопустимыми и отмену судебных решений.

Актуальность темы обусловлена также наличием международно-правовых обязательств Российской Федерации, в частности, по Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года, требующих от государства пребывания обеспечения эффективной консульской помощи и защиты прав задержанных иностранцев.

Цель настоящей статьи — выявить системные пробелы в правовом регулировании представительства иностранных граждан в российском уголовном процессе, проанализировать правоприменительную практику и предложить конкретные пути совершенствования законодательства.

Описание исследования

В теории уголовного процесса до сих пор отсутствует единство взглядов на правовую природу представительства иностранных граждан.

М. С. Строгович рассматривал защиту как разновидность процессуального представительства [2, с. 255], тогда как А. А. Леви, М. В. Игнатьева и Е. И. Капица предлагали вовсе заменить термин «представитель потерпевшего» на «защитник потерпевшего» [3, с. 84].

Представляется, что подобное смешение понятий «защита» и «представительство» методологически ошибочно, поскольку оно нивелирует различия в объеме полномочий (защитник подозреваемого имеет право собирать доказательства самостоятельно, тогда как представитель потерпевшего — нет) и в интересах представляемых лиц.

Е. К. Антонович, анализируя сербское законодательство, справедливо указывает, что в УПК Республики Сербия сторонами в уголовном судопроизводстве признаются только прокурор и подсудимый, а представители, законные представители и защитники относятся к иным участникам [4, с. 32].

Этот подход видится более строгим с точки зрения процессуальной экономии. Однако для российского судопроизводства, ориентированного на состязательность, более предпочтительной является модель, в которой представитель потерпевшего-иностранца обладает правами, практически равными правам самого потерпевшего (за исключением права давать показания вместо него). Это прямо вытекает из ч. 3 ст. 45 УПК РФ.

Важное историческое и теоретическое значение имеет разграничение форм оказания юридической помощи, предложенное П. В. Вдовцевым и А. В. Чарыковым. Они выделяют три исторические формы: правозаступничество (публичная речь в защиту — прообраз современного адвоката), юридическое консультирование (прообраз юрисконсульта) и процессуальное представительство (полное замещение лица в процессе) [5, с. 43–44].

[1] Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — март 2021 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 12.06.2026).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

© Русман Г. С.

Отметим, что в уголовном процессе России сегодня представлены все три формы, но применительно к иностранным гражданам они законодательно не дифференцированы. Стоит согласиться с авторами в том, что объединение их в одном понятии «защита» необоснованно. Представляется необходимым для иностранцев законодательно закрепить отдельный статус «представителя иностранного гражданина» (по аналогии с представителем юридического лица).

А. Н. Тепленко в своих работах обоснованно указывает на необходимость объединения разрозненных норм об участии иностранцев в отдельную главу УПК РФ, а также на расширение круга лиц, которые могут выступать представителями иностранных граждан: сотрудники дипломатических миссий, главы диаспор, иностранные адвокаты [6, с. 196].

В целом разделяя эту позицию, поскольку она позволяет учитывать реальные культурные и языковые барьеры, считаю, что допуск «иных лиц» (включая глав диаспор) должен сопровождаться обязательным подтверждением их минимальной правовой компетентности (например, справкой о прохождении курса по российскому уголовному праву) [7, с. 96].

Действующее правовое регулирование представительства иностранных граждан в УПК РФ (ст. 45, 55, 59, 96) носит отрывочный характер.

Отсутствует само понятие «представитель иностранного гражданина». В статье 45 УПК РФ говорится лишь о представителях потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, а ст. 55 — о представителях гражданского ответчика. При этом процессуальный статус представителя иностранного свидетеля или иностранного подозреваемого (который не является адвокатом) вообще не урегулирован.

Сравнительный анализ с международно-правовыми актами выявляет серьезное отставание российского законодательства. Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года (ст. 36) устанавливает императивное правило о незамедлительном уведомлении консульства задержанного иностранца, если он того потребует[4]. Однако в УПК РФ (ч. 3 ст. 96) лишь указано, что такое уведомление производится «не позднее 12 часов», но не прописан механизм реализации этого права, не определена ответственность следователя за его неразъяснение и не установлены правовые последствия нарушения.

Как справедливо отмечает Н. М. Зиновьева, информация об иммунитете запрашивается через МИД России, но сроки ее предоставления законом не установлены [8, с. 221]. Это приводит к волоките и параличу следственных действий в отношении дипломатов.

Кроме того, ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[5] не содержится требования к квалификации переводчика, кроме «свободного владения языком» (ст. 59 УПК РФ).

На практике это позволяет привлекать к участию в деле лиц без специального образования и без проверки их компетентности.

М. М. Макаренко и Ю. А. Горлова приводят вопиющий пример, когда уголовное дело было возвращено прокурору, поскольку обвинительное заключение было переведено на узбекский язык, тогда как обвиняемый – гражданин Таджикистана — владел только таджикским [9, с. 39].

Следует отметить, что исследуемая тема сопряжена не только с теоретико-правовыми, но и с правоприменительными проблемами, требующими законодательного решения, а именно:

Проблема 1: Низкое качество судебного перевода. Анализ судебной практики показывает, что ошибки перевода являются наиболее частым основанием для возвращения уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Так, Останкинский районный суд г. Москвы постановлением от 10 июля 2019 г. возвратил прокурору уголовное дело в отношении гражданина Таджикистана А., поскольку в ходе расследования родным для него был признан таджикский язык, однако обвинение, его допрос и текст обвинительного заключения были переведены на узбекский язык, которым А. не владеет[6]. Аналогичная ситуация имела место в Бутырском районном суде г. Москвы 23 мая 2019 г., где перевод обвинительного заключения на армянский язык не соответствовал оригиналу, что существенно нарушило право на защиту[7].

Для решения указанной проблемы представляется обоснованным дополнить ст. 59 УПК РФ ч. 1.1 следующего содержания: «Переводчиком может быть лицо, имеющее документ о высшем или среднем профессиональном образовании в области лингвистики или переводоведения либо прошедшее аттестацию в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, подтверждающую владение языком, знание которого необходимо для перевода, а также знание юридической терминологии». Параллельно следует создать государственный реестр переводчиков при Минюсте России, аналогичный реестру дисквалифицированных лиц.

Проблема 2: Неопределенность статуса договорного представителя. Статья 45 УПК РФ допускает в качестве представителя потерпевшего –иностранца не только адвоката, но и «иных лиц», включая близких родственников. Однако не установлено, вправе ли такие лица знакомиться с материалами дела, снимать копии

[4] Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 18. Ст. 221.

[5] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета. № 140.31. июля.

[6] Постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 10 июля 2019 г. о возвращении уголовного дела по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ прокурору // Архив Останкинского районного суда г. Москвы.

[7] Постановление Бутырского районного суда г. Москвы от 23 мая 2019 г. о возвращении уголовного дела № 1-2392019 прокурору // Архив Бутырского районного суда г. Москвы.

© Русман Г. С.

и заявлять ходатайства от имени представляемого. Судебная практика по данному вопросу противоречива.

В Определении Конституционного Суда РФ № 279-О от 15 июля 2004 г. указано, что норма ч. 1 ст. 45 УПК РФ не исключает участие лица, не являющегося адвокатом, в качестве представителя потерпевшего[8]. Однако при этом Конституционный Суд РФ не определил объем полномочий такого лица.

Между тем, М. А. Карпушов обоснованно предлагает исключить из перечня договорных представителей близких родственников, не имеющих юридического образования, оставив лишь адвокатов и иных лиц с высшим юридическим образованием [10, с. 45].

В данной ситуации обоснованным видится внесение изменения в ч. 1 ст. 45 УПК РФ: «В качестве представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя — иностранных граждан могут быть допущены:

1) адвокаты;

2) иные лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень в области юриспруденции, о допуске которых ходатайствует представляемое лицо;

3) сотрудники дипломатических представительств или консульских учреждений государства, гражданином которого является представляемый, при условии предъявления документов, подтверждающих их полномочия».

Это предложение согласуется с идеями А. Н. Тепленко о расширении круга представителей [6, с. 196] и с общей тенденцией профессионализации представительства в процессуальном праве[9].

Проблема 3: Низкая эффективность консульской помощи. На практике следователи не всегда разъясняют задержанному иностранцу его право на связь с консульством, а МИД России нередко предоставляет информацию об иммунитете несвоевременно.

П. А. Литвишко отмечает, что в запросе о наличии иммунитета целесообразно формулировать просьбу об отказе от него, но эта процедура законодательно не урегулирована [11, с. 15].

Кроме того, УПК РФ не предусматривает обязанности следователя направлять в консульство уведомление о возбуждении дела или о привлечении иностранца в качестве обвиняемого (если мера пресечения не связана с лишением свободы).

В качестве предложения по регулированию сложившихся правоотношений предлагается дополнить статью 96 УПК РФ положением о том, что: «уведомление консульства должно быть направлено независимо от наличия просьбы иностранца, если он является гражданином государства, с которым у России имеется консульская конвенция» (по аналогии со ст. 36 Венской конвенции). Кроме того, оправданным видится установить в статье 453 УПК РФ десятидневный срок для предоставления МИД России информации об иммунитете, а также ввести в УПК РФ новую ст. 96.1 «Обязанность следователя уведомить консульство о принятии процессуальных решений в отношении иностранного гражданина».

Совершенно очевидным видится факт недостаточного правового регулирования представительства иностранных граждан в уголовном процессе России, что безусловно заставляет нас обратиться к опыту зарубежных стран, в целях поиска передовых нормативных инструментов и возможностей устранения существующих пробелов в праве.

Так, например, опыт Республики Сербия, проанализированный Е. К. Антонович, показывает, что там представителем потерпевшего может быть только адвокат (ст. 56 УПК РС), а законный представитель — только для несовершеннолетних или недееспособных [4, с. 34]. Такой подход исключает появление в деле неквалифицированных «иных лиц». Однако он видится слишком суровым, поскольку доступ к адвокату для иностранцев, выступающих в качестве потерпевших, свидетелей, не всегда финансово возможен.

Более сбалансированной представляется модель ФРГ, где § 142 УПК Германии предусматривает обязательное привлечение переводчика при невладении языком, а § 68b — право свидетеля на адвоката за счет государства в случае угрозы[10].

Полагаю, что российскому законодателю следует воспринять именно эту гарантию для иностранных потерпевших и свидетелей, дополнив статью 51 УПК РФ случаями обязательного участия переводчика и защитника (представителя) для данной категории лиц.

Кроме того, передовым является опыт использования видеоконференцсвязи для допроса иностранцев, находящихся за рубежом, как это предусмотрено Конвенцией Европейского союза о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2000 года (Российская Федерация в данной Конвенции не участвует, однако ее положения могут иметь значение для сравнительно-правового анализа или при рассмотрении дел с участием граждан государств-членов Европейского союза)[11].

---

[8] Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2004 г. № 279-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугаенко А. А. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 398 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и рядом ведомственных актов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63724/ (дата обращения: 12.06.2026).

[9] См.: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7524, установивший обязательное высшее юридическое образование для представителей в гражданском процессе.

[10] Strafprozessordnung (StPO): [федеральный закон ФРГ: принят 01.02.1877, с изм. от 01.06.2026] // Bundesministerium der Justiz: сайт. — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/ (дата обращения: 12.06.2026).

[11] Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами-членами Европейского союза [2000]: [принята 29.05.2000, вступила в силу 23.08.2005] // EUR-Lex: [сайт]. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ EN/TXT /?uri =CELEX:42000A0712(01) (дата обращения: 12.06.2026).

© Русман Г. С.

Ю. В. Козубенко предлагает проводить такие допросы в помещениях дипломатических представительств РФ [12, с. 224]. Эта идея заслуживает поддержки и нормативного закрепления в отдельной статье УПК РФ (например, ст. 189.1 «Допрос с использованием систем видеоконференц-связи иностранного гражданина, находящегося за пределами территории РФ»).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о неудовлетворительном состоянии правового регулирования представительства иностранных граждан в российском уголовном процессе. Основные системные проблемы таковы:

1. Фрагментарность норм (отсутствие единой главы, регулирующей статус иностранца).

2. Правовая неопределенность статуса договорного представителя (круг лиц, их полномочия, требования к образованию).

3. Низкое качество перевода как следствие отсутствия квалификационных требований к переводчику и реестра последних.

4. Бюрократические барьеры в получении консульской помощи и информации об иммунитете.

Эффективность представительства иностранных граждан в настоящее время является низкой, о чем свидетельствуют многочисленные возвращения уголовных дел прокурорам именно из-за нарушений прав иностранцев на перевод и защиту.

Для кардинального улучшения ситуации предлагаются следующие конкретные пути решения, сформулированные в виде законодательных инициатив:

1. Принять новую главу 53.1 УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам с участием иностранных граждан и лиц без гражданства», включив в нее:

— перечень специальных прав (на консульскую помощь, на переводчика с момента задержания);

— порядок взаимодействия с МИД России (с установлением 10-дневного срока ответа);

— правила допуска представителя (изложив ч. 1 ст. 45 УПК РФ в новой редакции);

— требования к переводчику и порядок его аттестации.

2. Внести изменения в ст. 45 и 55 УПК РФ, закрепив, что «иные лица» (не адвокаты) могут быть представителями иностранца только при наличии высшего юридического образования, а сотрудники дипломатических представительств — при предъявлении документов о полномочиях.

3. Создать единый государственный реестр переводчиков для уголовного судопроизводства с обязательной сертификацией и проверкой знания юридической терминологии.

4. Дополнить ст. 96 УПК РФ обязанностью следователя уведомлять консульство о любых значимых процессуальных решениях (задержание, предъявление обвинения, избрание меры пресечения), а не только о задержании.

5. Легализовать допрос иностранных граждан в режиме видеоконференцсвязи через дипломатические представительства РФ за рубежом (новая ст. 189.1 УПК РФ).

Реализация этих предложений позволит не только повысить эффективность представительства иностранных граждан, но и укрепить международный авторитет российской юстиции, а также снизить число судебных ошибок, связанных с нарушением прав иностранных участников процесса.

Список источников

1. Зяблина М. В. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 11. С. 155–161. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.155-161

2. Строгович М. С. Избранные труды: в 3 т. Т. 2: Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. Москва, 1992. 277 с.

3. Леви А. А., Игнатьева М. В., Капица Е. И. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. Москва, 2003. 124 с.

4. Антонович Е. К. Институт представительства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Сербия: сравнительно-правовой анализ законодательства и перспективы развития // Адвокатская практика. 2025. № 3. С. 31–36. DOI: 10.18572/1999-4826-2025-3-31-36

5. Вдовцев П. В., Чарыков А. В. Формы юридической помощи: исторический аспект // Адвокатская практика. 2024. № 2. С. 41–46. DOI: 10.18572/1999-4826-2024-2-41-46

6. Тепленко А. Н. Особенности представительства иностранных граждан при расследовании преступлений с участием иностранных лиц // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России. 2023. С. 192–197.

7. Тепленко А. Н. Особенности правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, влияющие на расследование уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2(56). С. 90–100.

8. Зиновьева, Н. М. Об иммунитетах иностранных граждан при применении мер процессуального принуждения // Общество и право. 2008. № 3(21). С. 220–223.

9. Макаренко М. М., Горлова Ю. А. Допрос иностранных граждан: уголовно-процессуальные и психологические аспекты // Миграционное право. 2020. № 1. С. 37–40. DOI: 10.18572/2071-1182-2020-1-37-40

© Русман Г. С.

10. Карпушов М. А. О проблеме оказания квалифицированной и иной юридической помощи представителями по соглашению в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2020. № 1. С. 41–45.

11. Литвишко П. А. Некоторые вопросы международного сотрудничества органов предварительного следствия // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 4. С. 13–18.

12. Козубенко Ю. В. О возможности допроса в режиме видео-конференц-связи потерпевших-граждан иностранных государств, находящихся за рубежом // Российский юридический журнал. 2011. № 4(79). С. 222–225.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Русман Галина Сергеевна

Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет (НИУ) (г. Челябинск, Россия).
E-mail: galina-rusman@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina S. Rusman

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Process, Criminalistics and Judicial Examination, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).
E-mail: galina-rusman@ya.ru.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.08.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 03.09.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 07.09.2026.

© Русман Г. С.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-96-101
С. 96–101

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ (BIG DATA) В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ: НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Алексей Александрович Ходусов

Международный юридический институт, Москва, Россия
yustas-73@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-6968-0989

Аннотация. В данной статье проблема определяется современной ситуацией с правовым регулированием больших данных (Big Data) в российском праве, выявлением основных пробелов и коллизий законодательства в этой сфере. Выявить возможности применения Big Data для защиты социальных прав граждан, а также перспективы их использования в различных сферах законодательства — от налогового до трудового права. Юридическим методом определяются обстоятельства, по которым Big Data следует рассматривать в качестве новых объектов уголовно-правовой охраны, учитывая их высокую общественную опасность при незаконном обороте.

Методом анализа правовой неопределенности и пробелов в законодательстве определяются угрозы правам граждан в социальном государстве, включая риск дискриминации, утечки персональных данных и цифрового контроля. Методом сбора информации осуществляется выявление, каким образом осуществляется раскрытие преступлений, в том числе в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Охарактеризованы основные пробелы и коллизии законодательства в сфере правового регулирования больших данных (Big Data); определен функционал больших массивов данных (Big Data) который открывает новые возможности для правового регулирования больших данных (Big Data) в российском праве.

Ключевые слова: большие данные (Big Data), компьютерная информация, персональные данные, уголовно-правовая охрана, преступления, права граждан

Для цитирования: Ходусов А. А. Большие данные (Big Data) в социальном государстве: новые объекты уголовно-правовой охраны // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 96–101. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-96-101

Research article

BIG DATA IN THE SOCIAL STATE: NEW OBJECTS OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Aleksey A. Khodusov

International Law Institute, Moscow, Russia
yustas-73@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-6968-0989

Abstract. This article examines the current legal regulation of Big Data in Russian law, identifying key gaps and conflicts of law in this area. It explores the potential for Big Data to protect citizens' social rights, as well as the prospects for its use in various areas of legislation, from tax law to labor law. Using a legal approach, it identifies the circumstances under which Big Data should be considered new objects of criminal law protection, given its high social danger when illicitly traded.

By analyzing legal uncertainty and gaps in legislation, it identifies threats to citizens' rights in a welfare state, including the risk of discrimination, personal data leakage, and digital surveillance. Information collection is used to identify methods for solving crimes, including through investigative operations.

The article characterizes the key gaps and conflicts of law in the area of Big Data regulation, and identifies the functionality of Big Data that opens up new opportunities for the legal regulation of Big Data in Russian law.

Keywords: Big Data, computer information, personal data, criminal law enforcement, crime, civil rights

© Ходусов А. А.

For citation: Khodusov A. A. Big Data in the social state: new objects of criminal law protection. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):96-101. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-96-101

Введение

В российском законодательстве большие данные (Big Data), как отдельный объект уголовно-правовой охраны, не выделяются. Правовое регулирование в этой сфере строится через призму других категорий, в частности, персональных данных и компьютерной информации.

Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Они могут содержаться как в памяти ЭВМ или других компьютерных устройств, так и на любых внешних электронных носителях.

Персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). К ним относятся, например, ФИО, дата рождения, ИНН, адрес, телефон, семейное положение, социальное положение, имущественное положение, образование, профессия, занимаемая должность, стаж работы, доходы и иная информация.

Правовое регулирование больших данных

С юридической точки зрения большие данные рассматриваются, как технологии сбора, обработки и хранения информации, характеризующиеся большим объемом, скоростью, разнообразием и изменчивостью данных [1, с. 49–52]. Если в состав таких данных входят персональные данные, к ним применяются нормы Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

В Гражданском кодексе РФ наиболее близкой категорией к большим данным являются базы данных, но их правовое понимание (совокупность самостоятельных материалов, например статей, расчетов) не совпадает с концепцией больших данных.

С 11 декабря 2024 года в Уголовном кодексе РФ действует статья 272.1 «Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения». Она введена Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ.

Ключевое условие наступления ответственности по ст. 272.1 УК РФ — одновременное наличие двух составляющих в действиях виновного лица:

— незаконный способ завладения персональными данными в электронном виде.

— незаконные действия, связанные с их распространением, использованием, сбором или хранением.

Таким образом, хотя большие данные, как таковые, не являются самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, их обработка может подпадать под действие ст. 272.1 УК РФ, если в них содержатся персональные данные и совершены указанные в статье противоправные действия [2, с. 40].

До сих пор правовой статус данных, используемых этими инструментами, неоднороден [3, с. 1–5]. Законодательство различает персональные данные, позволяющие идентифицировать человека; обезличенные данные, которые невозможно отнести к конкретному лицу; и, наконец, большие данные (Big Data) — огромные и сложные совокупности информации, обработка которых требует специальных технологий. Правовой режим Big Data, как единого целого в российской юриспруденции, только формируется. Это то, что и создает дополнительные сложности для его применения [4, с. 34].

Big Data представляют собой новые объекты уголовно-правовой охраны по следующим обстоятельствам.

Во-первых, функционал Big Data обуславливает и потенциал для профилактики преступлений против социальных прав уже сегодня меняет подходы правоохранительных и контролирующих органов. Наиболее ярким примером является борьба с мошенничеством в сфере социальных выплат.

Алгоритмы машинного обучения, анализируя огромные массивы данных из различных государственных реестров (налоговых, пенсионных, регистрационных), способны выявлять сложные аномалии и корреляции, невидимые для человека. Так, проиллюстрировать сказанное можно следующим примером: автоматизированная система выявляет ситуации, при которых начисление выплат продолжается на счет уже умершего получателя. К той же категории относятся случаи параллельного незаконного получения пособий одним лицом в нескольких субъектах Федерации одновременно [5, с. 41–45].

Во-вторых — и здесь уместно оговориться — применяемые технологии формируют существенный задел для усиления гарантий социальных прав. Аналитические системы, построенные на технологиях Big Data, обладают прогностическим потенциалом: они способны заблаговременно распознавать мошеннические схемы, фиксировать системные нарушения, обнаруживать иные противоправные деяния. Вместе с тем обращает на себя внимание и обратная сторона процесса. Большие данные сами превращаются в источник принципиально новых форм преступных посягательств. [6, с. 223–228]. Среди них — так называемая «алгоритмическая дискриминация», целенаправленное манипулятивное воздействие на социально уязвимые категории граждан, наконец, масштабные посягательства на конфиденциальность персональной информации [9,

© Ходусов А. А.

с. 292–301]. Возникает правовой вакуум, когда традиционные нормы уголовного закона оказываются недостаточно приспособленными для квалификации новых общественно опасных деяний. Часто правоприменитель сталкивается с проблемами установления вины и субъекта преступления в условиях работы «автономных» алгоритмов.

В-третьих, проблема заключается в фундаментальном противоречии между экспоненциальным развитием технологий больших данных и явным отставанием в развитии уголовно-правовых средств [8, с. 800–804].

Уголовно-правовые средства предназначены для выполнения двух ключевых функций: 1) защиты социальных прав от новых «цифровых» посягательств, и 2) регулирования криминогенных рисков, порождаемых самими этими технологиями. Но существующее уголовное законодательство (в его текущей редакции) зачастую в полной мере не может охватить специфику общественно опасных деяний, совершаемых с использованием цифровых алгоритмов.

Применение Big Data несет с собой немало возможностей, но вместе с тем поднимает серьезные вопросы и угрозы, особенно в сфере социальных прав.

К основным рискам, связанным с тем, как собираются, обрабатываются и используются данные о людях без их полного понимания или согласия, можно отнести следующие.

1. Право на приватность под угрозой. Технологии Big Data открывают возможность аккумулировать колоссальные объёмы сведений о конкретном человеке — здесь и геолокация, и поведенческие привычки, и круг социальных контактов, и даже данные медицинского характера.

2. Социальная предвзятость, оборачивающаяся дискриминацией. Алгоритмические системы, чье обучение опирается на исторические данные, нередко воспроизводят уже сложившиеся стереотипы, а в отдельных случаях — и усиливают их.

3. Утрата контроля над персональными сведениями. Нередко человек попросту не осведомлён о том, какая именно информация о нём собирается — равно как не знает он ни о субъектах этого сбора, ни о преследуемых ими целях.

4. Воздействие на свободу выбора и формирование мнения. Благодаря технологиям Big Data возникают «фильтрующие пузыри» — ситуации, при которых индивид сталкивается исключительно с теми сведениями, что согласуются с его предшествующим поведением.

5. Угрозы для уязвимых групп — люди с низким доходом — чаще всего страдают от автоматизированных систем оценки.

Новые угрозы социальным правам, связанным с применением Big Data предложение 1 (табл. 1).

Анализ угроз социальным правам, связанных с Big Data, показывает системную пробельность современного уголовного законодательства.

Для выявления роли больших данных в защите прав граждан в социальном государстве выделим основания для определения организационно-правовых форм характеризуемой защиты, к которым, по нашему мнению, следует отнести технологии применения Big Data; возможности их использования для различных сфер законодательства и для анализа судебной практики [7, с. 387–420].

Действительно, большие данные играют двойственную, но очень важную роль в защите прав граждан в социальном государстве — они могут как способствовать защите, так и создавать новые риски.

С одной стороны, большие данные позволяют государству более эффективно реализовывать социальные программы. Например, анализируя объемные массивы информации о доходах, занятости, здоровье и образовании, власти могут точнее выявлять нуждающихся, оперативно назначать пособия и контролировать, чтобы помощь дошла до тех, кому она действительно необходима. Это делает социальную политику более справедливой и персонализированной.

Кроме того, с помощью анализа больших данных можно выявлять дискриминацию, нарушения трудовых прав или неравный доступ к медицине и образованию. Например, если в определенном регионе системно отказывают в льготах людям с инвалидностью — такие паттерны хорошо «ловятся» алгоритмами.

Однако, с другой стороны, сбор и использование больших данных (Big Data) несет серьезные риски для прав граждан. Когда информация о человеке собирается из множества источников — от банков и соцсетей до камер и медицинских карт — формируется его «цифровой профиль», который может использоваться без его ведома или согласия. Это угрожает праву на неприкосновен-

Таблица 1 — Новые угрозы социальным правам, связанные с Big Data

Угроза	Сущность нарушения	Проблема квалификации
Цифровая дискриминация	Автоматизированный, алгоритмический отказ в предоставлении услуг определенным социальным группам.	Сложность доказывания умысла и субъекта преступления (кто виноват: разработчик, владелец или пользователь?).
Манипулятивное воздействие	Таргетированное распространение дезинформации с целью лишить человека социальных прав или льгот.	Состав мошенничества часто требует дополнения для учета специфики цифрового манипулирования.
Алгоритмическая несправедливость	Автоматическое принятие несправедливых решений в соцсфере из-за «заточенных» под определенный результат алгоритмов.	Пробелы в законодательстве: отсутствие нормы, прямо криминализирующей последствия использования недобросовестных алгоритмов.

© Ходусов А. А.

ность частной жизни, на свободу от слежки и на защиту персональных данных.

Особенный риск состоит в том, что когда решения о человеке — например, в кредите, трудоустройстве или социальной поддержке — принимаются автоматически, на основе алгоритмического скоринга. Данная система может вести к цифровой дискриминации: человеку отказывают не по заслугам или вине, а потому что он отнесен к категории ненадежности.

В данном случае, ключевое — не просто использовать большие данные (Big Data), а делать это прозрачно, этично и с уважением к правам. Гражданин должен понимать, какие данные о нем собираются, зачем и как они используются. Он должен иметь право на доступ, исправление и удаление своих данных, а также на возражение против автоматизированных решений.

Следует отметить, что в России, уже есть конституционное основание для этого: поправка 2020 года закрепила, что государство обязано обеспечивать безопасность личности в цифровой среде. И сейчас как раз обсуждается необходимость создания «Цифрового кодекса» — своего рода правил в цифровом пространстве, где права граждан будут в приоритете.

Таким образом, роль больших данных (Big Data) — не в том, чтобы контролировать людей, а в том, чтобы помогать государству. Но для этого нужен баланс: технологии — да, но в рамках закона и с уважением к каждому.

В табл. 2 представлены примеры применения Big Data для защиты социальных прав.

Применяя указанные технологии и методы, различные фонды социальной помощи могут осуществлять адресное сопровождение обеспечения (защиты тех или иных прав граждан). Например, анализируя модели поведения, используемые Big Data могут рассчитывать «коэффициент риска» для каждой заявки на оказание конкретной помощи.

Благодаря этому специалисты фондов получают возможность адресной проверки лишь наиболее подозрительных эпизодов, что заметно экономит их рабочее время. Борьба с хищениями переходит, таким образом, из реактивной плоскости в проактивную — преступление пресекается ещё до того момента, как бюджетные средства окажутся выведенными.

Защитой социальных прав сфера приложения технологий Big Data, разумеется, не исчерпывается. Удобной иллюстрацией здесь служит экологическое законодательство — область, которая, по всей видимости, предоставляет наиболее обширное поле для внедрения цифровых решений.

Существенный перелом наметился с появлением спутникового мониторинга, подкреплённого аналитическим потенциалом Big Data в части обработки изображений. Связка этих технологий позволяет автоматически отслеживать, как меняется состояние лесных массивов, водных объектов и земельных угодий. Несанкционированные свалки, незаконные рубки, аномальные изменения окраски водоемов — индикатор загрязнения — выявляются алгоритмически, без непосредственного участия инспектора. Параллельно работают сети IoT-датчиков, размещенные в окрестностях промышленных предприятий: они фиксируют превышение допустимых концентраций вредных веществ в режиме реального времени. Обращает на себя внимание прикладной эффект подобной интеграции — оперативная реакция правоохранительных органов на деяния, предусмотренные статьями 247–248 УК РФ.

Следует отметить, что, еще в 2020 году президент Российской Федерации В. В. Путин поручил проработать изменения в законодательство с учетом защиты прав граждан при обработке их персональных данных.

В России сейчас активно обсуждаются несколько важных инициатив по совершенствованию законодательства в сфере больших данных.

Одна из ключевых инициатив — разработка законопроекта Минкомсвязью, направленного на правовое регулирование оборота больших данных и защиту персональной информации при их обработке. Сейчас в законодательстве нет отдельного акта, который бы четко регулировал эти процессы. В частности, планируется ввести официальные понятия: «большие данные», «оператор больших данных», «обработка больших данных».

Обсуждается, помимо прочего, и наделение Роскомнадзора правом вести реестр операторов больших данных — мера, которой надлежит обеспечить большую прозрачность отрасли и усилить контроль над нею.

Антимонопольное регулирование составляет ещё одно направление предлагаемых преобразований.

Таблица 2 — Примеры применения Big Data для защиты социальных прав[1]

Сфера защиты прав	Технология и метод	Конкретный механизм воздействия
Право на социальное обеспечение	Predictive Analytics, Data Mining.	Выявление аномалий в данных для профилактики мошенничества с выплатами (например, пересекающиеся получатели, несоответствие декларируемых данных).
Трудовые права	Анализ структурированных и неструктурированных данных.	Мониторинг соблюдения трудового законодательства: выявление признаков дискриминации, неформальной занятости, прогнозирование нарушений охраны труда.
Право на благоприятную окружающую среду	Нейросети для анализа спутниковых снимков, данные с IoT-датчиков.	Круглосуточный мониторинг экологической обстановки; автоматическое обнаружение фактов незаконных выбросов, сбросов или свалок.

[1] Составлено на основании [3; 5; 6].

© Ходусов А. А.

Со стороны экспертов звучит предложение скорректировать законодательство таким образом, чтобы за ФАС закреплялась возможность пресекать использование Big Data в целях упрочения доминирующего положения на рынке. Допустим, крупная компания ограничивает конкурентам доступ к данным либо сводит воедино сведения из различных сервисов, добиваясь тем самым нечестного преимущества, — подобные действия могут получить квалификацию злоупотребления.

Рассматривается также введение особого критерия — доступа к критически важным данным — при оценке того, занимает ли компания доминирующее положение. Для цифровых платформ, где именно данные превращаются в ключевой конкурентный ресурс, соображение это приобретает особую значимость.

Считаем актуальным и использование Big Data для анализа судебной практики. Алгоритмы обработки могут обрабатывать тысячи судебных решений, выявляя противоречия в квалификации одних и тех же деяний.

Заключение

Итак, к основным пробелам и коллизиям законодательства в сфере правового регулирования больших данных (Big Data) можно отнести следующие:

1. Неоднозначность понятий — в законодательстве часто отсутствует четкое определение таких терминов, как «большие данные», «анализ данных», «профилирование». Это затрудняет применение норм права на практике.

2. Противоречие между обработкой Big Data и правом на приватность — сбор, хранение и анализ огромных массивов данных могут нарушать право на неприкосновенность частной жизни. Особенно остро это стоит, когда данные агрегируются из разных источников и позволяют идентифицировать личность, даже если изначально они были анонимными.

3. Проблемы с согласием на обработку персональных данных — в условиях Big Data часто невозможно получить осознанное и конкретное согласие субъекта данных на все возможные цели обработки.

4. Коллизии между отраслевыми законами, например, в здравоохранении, финансах или образовании действуют специальные правила о конфиденциальности, которые могут противоречить возможностям анализа данных на массовой основе.

5. Хранение и передача данных за рубежом — в России действует требование о локализации персональных данных (ФЗ-152), но при работе с Big Data часто требуется кросс-граничный обмен информацией. Это создает юридические риски для компаний.

6. Ответственность за автоматические решения — Big Data часто используются в алгоритмах, принимающих решения (например, в кредитовании или найме). Но если решение ошибочно или дискриминационно — кто несет ответственность: разработчик, оператор, владелец платформы?

7. Недостаток норм о прозрачности и подотчетности — многие алгоритмы анализа данных — «черные ящики».

8. Интеллектуальная собственность на данные и алгоритмы — зачастую отсутствует понимание, кому принадлежат данные, собранные из открытых источников, и кто обладает правами на результаты анализа. Это порождает споры между компаниями и пользователями.

В современных условиях законодательство пока отстает от технологий. За рубежом, например, с этим частично пытаются справиться через GDPR, в России — через развитие ФЗ-152 и обсуждение новых норм в области цифровой экономики. Но системное и всестороннее регулирование Big Data пока отсутствует.

К перспективам использования Big Data для защиты социальных прав граждан в различных сферах законодательства можно отнести:

В сфере здравоохранения — Big Data помогает выявлять системные проблемы в доступе к медпомощи. Например, анализируя данные о том, где и как часто люди не могут попасть к врачу, можно понять, где не хватает поликлиник или специалистов. Это особенно важно для удаленных регионов.

В сфере образования — анализ данных по успеваемости, посещаемости, переходу из школы в вузы. Big Data может помочь выявить, кто находится в группе риска — например, дети из малообеспеченных семей. И тогда государство сможет вовремя вмешаться: дать дополнительную поддержку, запустить программы наставничества или выделить гранты.

В жилищно-коммунальной сфере — система анализирует жалобы жильцов, сроки ремонта, аварии в домах. И вдруг выясняется, что в одном районе коммунальные службы игнорируют людей. Такие паттерны можно выявить только с помощью анализа больших массивов данных.

Список источников

1. Амиянц К. А., Чемеринский К. В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11–3. С. 49–52. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11811

2. Атабеков А. Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. … д-ра. юрид. наук. М. 2024. 40 с.

3. Овездурдыева И. К., Мырадов М. Т. Технологии работы с большими данными «BIG DATA»: сбор, хранение и обработка больших данных // Наука и мировоззрение. 2024. № 29. С. 1–5.

© Ходусов А. А.

4. Бадмаева М. Х. Социально-философские проблемы и принципы применения систем искусственного интеллекта: автореф. дис. … канд. философ. наук. Улан-Удэ 2023. 34 с.

5. Дианова-Клокова И. В., Метаньев Д. А. О некоторых тенденциях пространственного развития социального инжиниринга научно-инновационной деятельности // Academia. Архитектура и строительство. 2021. № 3. С. 41–49. DOI: 10.22337/2077-9038-2021-3-41-49

6. Лаушкина О. С. Роль искусственного интеллекта в автоматизации процессов социального обеспечения в России // Вестник науки. 2025. № 11 (92). С. 223–228.

7. Фаллетти Э. Алгоритмическая дискриминация и защита неприкосновенности частной жизни // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 2. С. 387–420. DOI: 10.21202/jdtl.2023.16

8. Пильгун М. А. Прогнозная аналитика и образы будущего по данным социальных медиа // Медиалингвистика. 2025. Т. 12, № S. С. 800–804.

9. Соколова А. Ю. Защита прав потребителей и дискриминация при использовании ценовых алгоритмов // Вестник науки. 2025. № 11 (92). С. 292–301.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ходусов Алексей Александрович

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Международный юридический институт (Москва, Россия).
E-mail: yustas-73@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Khodusov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law Disciplines, International Law Institute (Moscow, Russia)
E-mail: yustas-73@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.06.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 25.07.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Ходусов А. А.

Научная статья
УДК- 343.97
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-102-108

С. 102–108

НЕЛЕГАЛЬНАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ И САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Владимир Игоревич Акинжала

Академия управления МВД России, Москва, Россия
orlssovetsk@mail.ru

https://orcid.org-0009-0005-6363-5980

Аннотация. В статье рассматривается нелегальная банковская деятельность как устойчивое сформированное криминологическое явление и, в тоже время, продолжающее преобразования в условиях трансформации финансовых потоков и санкционных ограничений. Анализируются теоретические подходы к определению и содержанию нелегальной банковской деятельности, а также современные тенденции её развития в условиях ограниченного доступа к традиционной международной финансовой инфраструктуре. Отдельно рассмотрены некоторые аспекты криминологической характеристики личности субъектов нелегальной банковской деятельности с разграничением лиц, использующих нелегальные банковские операции, и лиц, организующих и обеспечивающих функционирование соответствующих финансовых схем.

Ключевые слова: нелегальная банковская деятельность; санкционные ограничения; трансформация финансовых потоков; финансовый контроль.

Для цитирования: Акинжала В. И. Нелегальная банковская деятельность в условиях трансформации финансовых потоков и санкционных ограничений: современное состояние и проблемы противодействия // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 102–108. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-102-107

Research article

ILLEGAL BANKING ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF FINANCIAL FLOWS AND SANCTIONS RESTRICTIONS: CURRENT STATE AND PROBLEMS OF COUNTERACTION

Vladimir I. Akinzhala

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
orlssovetsk@mail.ru

https://orcid.org-0009-0005-6363-5980

Abstract. The article examines illegal banking activity as a persistent criminological phenomenon developing under the conditions of transformation of financial flows and the imposition of sanctions. The study analyzes theoretical approaches to the concept and content of illegal banking activity, as well as current trends in its evolution amid restricted access to traditional international financial infrastructure.

Keywords: illegal banking activity, sanctions restrictions, transformation of financial flows, digital financial assets, sanctions evasion; financial control.

For citation: Akinzhala VI. Illegal Banking Activities in the Context of Transformation of Financial Flows and Sanctions Restrictions: Current State and Problems of Counteraction. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):102-108. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-102-108

© Акинжала В. И.

Введение

В современных социально-экономических условиях нелегальная банковская деятельность продолжает оставаться одной из наиболее устойчивых и латентных форм экономической преступности. Активные процессы трансформации финансовых потоков, цифровизация расчётных операций, а также введение санкционных и иных внешнеэкономических ограничений существенно изменили способы и механизмы осуществления незаконных финансовых операций, что, в свою очередь, обусловливает необходимость их комплексного криминологического анализа.

Нелегальная банковская деятельность выступает важным элементом инфраструктуры теневой экономики, обеспечивая обслуживание преступных доходов, обналичивание денежных средств, их незаконный вывод за пределы национальной юрисдикции, а также маскировку финансовых операций под видом легальных гражданско-правовых и внешнеэкономических сделок [11, с. 523]. В условиях санкционных ограничений указанные противоправные процессы в нашей стране приобретают новые формы, связанные с интеграцией цифровых платёжных инструментов, использованием многоуровневых транзитных цепочек и трансграничных схем расчётов, что осложняет противодействие данным видам преступлений.

Актуальность криминологического исследования нелегальной банковской деятельности обусловлена её высокой общественной опасностью, выражающейся в подрыве устойчивости финансовой системы государства, снижении эффективности налогового и валютного контроля, создании условий для легализации (отмывания) преступных доходов и финансирования иных противоправных форм деятельности [10, с. 42].

Описание исследования

В 2025 году было совершено 8 338 (–17,7 %) преступлений, связанных с финансово-кредитной системой, при этом в крупном и особо крупном размере — 3 656 (–8,4 %) преступлений [10, с. 42]. В том числе деяний, квалифицированных по ст. 172 УК РФ — 123 (–10,2 %) (АППГ — 137 (+17,1 %), из них 119 (–11,2 %) (АППГ — 134 (+16,5 %) совершенных в крупном или особо крупном размерах либо причинивших крупный ущерб. Несмотря на общую тенденцию снижения данного вида преступности в 2025 году, следует обратить внимание на то, что большая их часть совершена в крупном или особо крупном размерах, либо причинила крупный ущерб, что еще раз подчеркивает опасность данного вида преступлений для экономической системы страны[1].

По данным Центрального банка РФ «в 2025 году им было выявлено свыше 7 тыс. субъектов с признаками нелегальной деятельности, в том числе финансовых пирамид. Следует отметить, что это на 21,5 % меньше, чем годом ранее. В основном снизилось количество уникальных финансовых пирамид и псевдоброкеров — вместо запуска нового проекта организаторы раскручивали уже отработанную схему под разными брендами и использовали шаблонизированную структуру сайтов. В 2025 году такой стратегии придерживались многие финансовые пирамиды и псевдоброкеры — более 2,6 тыс. мошеннических проектов, которым принадлежало около 10,5 тыс. ресурсов. Нелегальные кредиторы также реже создавали отдельные компании, предпочитая работать в сетевом формате под единым брендом, что позволяло им экономить на рекламе»[2].

Большинство незаконных проектов, кроме нелегальных кредиторов, не имели офисов и взаимодействовали с потенциальными клиентами через соцсети, мессенджеры или по телефону, а для привлечения средств чаще всего использовали криптовалюты.

Как отмечается в источнике «3,6 тыс. субъектов с признаками финансовой пирамиды выявил Банк России в 2025 году, что на 35 % меньше, чем годом ранее. Они составляют более половины всех выявленных мошеннических схем. В основном это интернет-проекты, которые обещали гарантированный доход от совместных инвестиций в различные доходные активы, «инновационный бизнес», драгоценные металлы. Почти 1,5 тыс. проектов предлагали псевдоинвестиции в криптовалюты и криптоактивы. Кроме того, мошенники использовали криптовалюту, чтобы привлекать средства. В 2024 году взносы в криптовалютах принимали 77 % пирамидальных проектов, в 2025 году — 84 %. Всего в 2025 году было выявлено более 4,6 тыс. криптовалютных кошельков, на которые организаторы финансовых пирамид предлагали переводить первоначальный инвестиционный взнос»[3].

Организаторы пирамид для привлечения молодой аудитории активно используют упоминание искусственного интеллекта (79 таких проектов за 2025 год). Снизилась популярность пирамидальных мошеннических схем в форме экономических игр — выявлено 130 проектов (379 — в 2024 году). Организаторы выявленных финансовых пирамид использовали более 7 тыс. сайтов, 350 телеграм-каналов и более 180 страниц в соцсетях, которые распространяли информацию о мошеннических проектах.

Таким образом, «2,2 тыс. субъектов с признаками нелегального профессионального участника рынка ценных бумаг выявил Банк России в 2025 году. Это на 13 % больше, чем годом ранее. Нелегальные проекты нацелены преимущественно на аудиторию, заинтересованную в быстром получении дохода, в том числе за счет высокого риска. Клиентов привлекают в проект якобы

[1] См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 г. //МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2026. С. 42. URL: https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/64450541/ (дата обращения 10.05.2026).

[2] См.: Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_2/ (дата обращения 10.05.2026).

[3] См.: Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_2/ (дата обращения 10.05.2026).

© Акинжала В. И.

возможностью участия в торгах иностранными инструментами и криптовалютой. Организаторы заверяют, что у компании есть лицензия иностранного регулятора, и предлагают торговлю с большим кредитным плечом.

1,1 тыс. субъектов с признаками нелегального кредитора выявил Банк России в 2025 году. Это почти на 27 % меньше, чем годом ранее. В 2025 году продолжилась тенденция снижения количества нелегальных кредиторов, которые предлагали займы исключительно онлайн, используя соцсети и платформы объявлений (в 2025 году — 111 интернет-проектов, в 2024 году — 694). Псевдоломбарды и комиссионные магазины, которые незаконно выдавали краткосрочные займы, чаще использовали сетевой формат работы. Они открывали точки под единым брендом, но зарегистрированные на разных индивидуальных предпринимателей. В 2025 году было выявлено 480 таких субъектов — на 21 % меньше, чем в 2024 году. Кроме того, за 2025 год было выявлено и направлено на блокировку более 4 тыс. страниц в соцсетях и на платформах объявлений с информацией об услугах нелегального кредитования»[4].

Как показывает проведенный анализ, в современных условиях наблюдается расширение круга лиц, потенциально вовлекаемых в нелегальную банковскую деятельность. Санкционные ограничения, усложнение международных расчётов и трансформация финансовых потоков создают предпосылки для участия в подобных схемах представителей формально легального бизнеса, обладающих необходимыми финансовыми и организационными ресурсами.

Вместе с тем, в настоящее время, возникли дополнительные особенности нелегальной банковской деятельности, выражающиеся в усложнении схем расчётов, расширении использования посреднических структур, а также применении альтернативных платёжных механизмов.

Указанные обстоятельства усиливают опасность рассматриваемого явления и способствуют возникновению нового вида субъектов данной незаконной деятельности, являющихся по сути предпринимателями, адаптирующимися к санкциям, которых можно определить как «субъекты санкционно-ограниченной экономической деятельности», что требует его дальнейшего криминологического изучения с учётом современных социально-экономических реалий.

Следует констатировать, что, несмотря на то, что рассматриваемой проблеме посвящено немало научных трудов отечественных криминологов [2, с. 61–66; 5; 12 и др.], в которых рассматриваются различные аспекты криминологической характеристики экономических преступлений, в том числе в сфере банковской деятельности, изменения финансово-экономической среды обусловливают появление новых ее форм, которые не получили достаточного освещения в криминологической литературе и требуют дополнительного научного анализа.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению содержания и объёма понятия нелегальной банковской деятельности [3; 8; 9 и др.]. В рамках криминологического подхода она понимается как совокупность конкретных противоправных деяний, связанных с осуществлением банковских операций без соответствующей регистрации или лицензии, а также как устойчивая система незаконных финансовых отношений, направленных на обслуживание теневого оборота денежных средств. Такой подход позволяет выйти за рамки формально-юридического анализа и рассматривать исследуемое явление с учётом его социальных, экономических и организационных характеристик.

Так, например, Т. В. Пинкевич, исследуя криминологические аспекты экономической преступности, указывает, что нелегальная банковская деятельность представляет собой особый вид преступной активности, обеспечивающий функционирование иных противоправных форм экономической деятельности за счёт создания альтернативной финансовой инфраструктуры. По мнению автора, именно обслуживающий характер нелегальных банковских операций предопределяет их высокую латентность и устойчивость к традиционным мерам уголовно-правового воздействия [7, с. 287–295].

Нелегальная банковская деятельность характеризуется многообразием форм и способов осуществления, которые находятся в постоянной динамике и трансформируются под воздействием изменений финансово-экономической среды, цифровизации денежных расчётов и усиления государственного финансового контроля. В криминологической литературе подчёркивается, что эволюция указанных форм обусловлена стремлением преступных субъектов минимизировать риски выявления и уголовного преследования, а также адаптироваться к изменяющимся условиям правового регулирования и международных финансовых отношений.

Криминологическая характеристика нелегальной банковской деятельности в современных условиях неразрывно связана с трансформацией экономической преступности под воздействием санкционных ограничений. Введенные против России санкции не уничтожили нелегальные финансовые схемы, а, напротив, стимулировали их качественное усложнение, привели к появлению новых форм и интеграции в формальные экономические процессы.

Санкционное давление выступило мощным катализатором для перестройки всего «теневого» финансового рынка. Можно выделить несколько ключевых тенденций:

— произошла переориентация на расчеты для так называемых «блокируемых лиц». Возникновение законодательного понятия «блокируемые лица» (лица, которым запрещено банковское обслуживание) привело к формированию нового сегмента нелегальных услуг. Организаторы преступных схем переключились

[4] См.: Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_2/ (дата обращения 10.05.2026).

© Акинжала В. И.

с классического обналичивания и вывода средств за рубеж на обеспечение расчетов для участников теневого бизнеса, которым доступ к легальной банковской системе был закрыт;

— значительно ускорилась модификация схем обналичивания. Фирмы-однодневки остаются ключевым инструментом, однако их функционал расширился. Если ранее они использовались преимущественно для налоговых махинаций, то теперь активно задействуются для обхода санкционных ограничений (42 % выявленных случаев в 2023 году) и создания псевдоимпортных схем (28 %).

Активное использование криптовалют и цифровых активов. Санкционные ограничения на торговлю иностранными инструментами и валютой создали благоприятную среду для нелегальных форекс-дилеров и брокеров, активно использующих криптовалюты. Этот тренд подтверждается ростом числа выявляемых Банком России нелегальных профессиональных участников рынка ценных бумаг. По итогам первого полугодия 2024 года их было выявлено 724, что в 1,7 раза больше по сравнению с аналогичным периодом 2023 года.

Одной из наиболее распространённых форм нелегальной банковской деятельности по-прежнему совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Криминологическая опасность незаконного обналичивания заключается в том, что оно является одним из способов совершения целого спектра преступлений, связанных, в том числе, с выплатой незаконных денежных вознаграждений, хищениями (в том числе при выполнении госконтрактов), финансировании преступной деятельности (в том числе экстремизма и терроризма), а также уклонении от уплаты налоговых и иных обязательных платежей. Статистические данные подтверждают снижение выявления преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 172 УК РФ (Незаконная банковская деятельность). Преступлений данной категории выявлено в 2017 году — 193, в 2021 году — 134, в 2025 году — 123.

Значительное место в структуре нелегальной банковской деятельности занимает совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Операции с целью незаконного вывода денежных средств за пределы национальной юрисдикции осуществляются под видом внешнеэкономической деятельности с использованием фиктивных либо экономически необоснованных контрактов, посреднических организаций, а также счетов, открытых в иностранных финансовых учреждениях. В условиях санкционных ограничений указанные схемы приобретают повышенную сложность и многоступенчатость, что существенно затрудняет их выявление.

Статистические данные подтверждают прирост преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 193.1 УК РФ (Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов). Преступлений данной категории выявлено в 2017 году — 67, в 2021 году — 69, в 2025 году — 94.

Широкое распространение завуалированности таких незаконных сделок в настоящее время не утратило способы маскировки нелегальных банковских операций под формально законные гражданско-правовые и коммерческие отношения. К ним относятся фиктивные договоры поставки товаров, оказания услуг, консалтингового, агентского и логистического сопровождения, которые используются исключительно в качестве формального основания для движения денежных средств.

Криминологический анализ показывает, что в условиях санкционного давления отдельные элементы подобных расчётных схем используются не только преступными структурами, но и субъектами формально легальной предпринимательской деятельности. В целях обеспечения оплаты поставок товаров, сырья и комплектующих хозяйствующие субъекты вынуждены прибегать к усложнённым финансовым конструкциям, посредническим структурам и нетипичным каналам трансграничных расчётов. Такой вид и способ предпринимательской деятельности, находясь на границе правового поля, по своим внешним признакам нередко сближается с формами нелегальной банковской деятельности, что существенно осложняет их разграничение в правоприменительной деятельности.

Указанное обстоятельство создаёт дополнительные криминальные риски, способные влиять на вовлечение легального бизнеса в теневые финансовые процессы, а также с использование созданных им расчётных механизмов преступными субъектами в целях маскировки противоправных операций. В результате происходит размывание границ между законными механизмами взаморасчетов и нелегальной банковской деятельностью, что требует их дифференцированного анализа с учётом конкретных экономических и правовых условий.

Таким образом, формы и способы осуществления нелегальной банковской деятельности отличаются высокой степенью адаптивности и институциональной сложности. Учет указанных особенностей имеет принципиальное значение для последующего анализа личности субъектов данных преступлений, а также причин и условий их распространения в условиях трансформации финансовых потоков и санкционных ограничений.

Криминологическая характеристика нелегальной банковской деятельности требует также анализа причин и условий ее распространения, которые обусловлены совокупностью взаимосвязанных социально-экономических, социально-политических, социально-правовых, организационно-технических и иных, способствующих совершению данного вида преступности. Результаты криминологического анализа свидетельствуют о том, что причины и условия преступности

© Акинжала В. И.

всегда носят системный характер [4, с. 113] и проявляются наиболее остро в периоды трансформации финансовых потоков, нестабильности экономического регулирования и внешнего санкционного давления.

К числу ключевых экономических факторов относится сохраняющийся высокий спрос на нелегальные финансовые услуги со стороны хозяйствующих субъектов и физических лиц. Потребность в обналичивании денежных средств, незаконном выводе капитала, минимизации налоговой нагрузки и обходе валютных ограничений формирует устойчивый рынок нелегальных банковских операций. В условиях санкционного давления данный спрос только усиливается, поскольку легальные каналы международных расчётов оказываются либо недоступными, либо чрезмерно затруднёнными с точки зрения сроков, стоимости и комплаенс-требований.

Важным условием распространения нелегальной банковской деятельности выступает фактор, связанный с особенностями реакции правоохранительных и контрольно-надзорных органов на выявляемые факты использования нетипичных финансовых схем. Практика противодействия нелегальной банковской деятельности осложняется необходимостью разграничения общественно опасных противоправных деяний и вынужденных механизмов адаптации хозяйствующих субъектов к санкционным ограничениям. Отсутствие единообразных критериев разграничения нелегальных банковских операций и формально законных, но экономически нетипичных финансовых практик приводит к неоднозначности правоприменительной практики. В одних случаях наблюдается недостаточная реакция на действительно общественно опасные схемы, в других — избыточная криминализация хозяйственной деятельности, не обладающей устойчивой преступной направленностью. Такой дисбаланс снижает превентивный потенциал уголовно-правовых мер и способствует сохранению высокой латентности исследуемых преступлений [4].

По-прежнему актуальное значение имеет так называемый «эффект вовлечения и спиральный эффект», подробно описанный в работе Армин-Йозефа Гуггенбергера, под которым понимается процесс взаимодействия, протекающий следующим образом: если, например, экономический субъект прибегает к средству коррупции, чтобы получить определенные преференции, то у него возникает преимущество перед его конкурентами. Следствием для добросовестных конкурентов в долгосрочной перспективе является вытеснение с рынков. Это преступное действие оказывает на добросовестных конкурентов огромное экономическое и социальное давление. Если добросовестный конкурент решает не быть вытесненным с рынка и у него нет законных рычагов, чтобы избежать такого, он «вынужден» также втягивается в преступные махинации преступного конкурента (эффект вовлечения), так что он, в свою очередь, становится центром нового поля вовлечения [1, с. 52–53].

Существенным криминогенным риском является высокий уровень организованности и профессионализации нелегальной банковской деятельности. Наличие специализированных организаторов и обеспечивающих лиц, обладающих финансовыми, юридическими и цифровыми компетенциями, позволяет формировать устойчивые преступные модели, адаптирующиеся к изменениям законодательства и практики финансового мониторинга. Использование номинальных структур, аффилированных посредников и трансграничных расчётных цепочек значительно осложняет выявление и документирование противоправных операций.

Отдельного внимания в рамках анализа причин и условий распространения нелегальной банковской деятельности заслуживает использование криптовалют и иных цифровых финансовых активов в целях обхода санкционных и валютных ограничений. В условиях ограниченного доступа к традиционной международной банковской инфраструктуре криптовалюты начинают использоваться как альтернативный расчётный инструмент, позволяющий осуществлять трансграничные переводы денежных средств вне классических банковских каналов.

В условиях санкционных ограничений этот фактор обладает двойственной природой: с одной стороны, цифровые активы используются субъектами формально легальной экономической деятельности для обеспечения внешнеэкономических расчётов, с другой — интегрируются в схемы нелегальной банковской деятельности, повышая их трансграничность и латентность. Указанное обстоятельство требует особого внимания со стороны законодателя и правоприменителя при формировании сбалансированных мер противодействия, исключающих как криминализацию экономически обоснованных операций, так и необоснованную толерантность к общественно опасным финансовым практикам [6, с. 464–469].

Дополнительную сложность для правоохранительных органов создаёт фрагментарность правового регулирования криптовалютных операций и отсутствие единообразных подходов к их криминологической и уголовно-правовой оценке. В условиях санкционного давления данная неопределённость усиливается, формируя дополнительные риски как недостаточной, так и избыточной уголовно-правовой реакции.

Таким образом, причины и условия распространения нелегальной банковской деятельности формируются под воздействием совокупности экономических потребностей, правовой неопределённости, институциональных дисбалансов, цифровизации финансовых отношений и использования криптовалютных инструментов. Их комплексный учёт имеет принципиальное значение для разработки эффективных мер криминологического предупреждения, ориентированных на сочетание репрессивных и превентивных механизмов противодействия.

Криминологическая характеристика нелегальной банковской деятельности невозможна без анализа лич-

© Акинжала В. И.

ности её субъектов, поскольку именно особенности социального статуса, профессиональной подготовки и мотивации участников во многом предопределяют устойчивость и латентность данного вида преступной активности. В отличие от традиционных экономических преступлений, нелегальная банковская деятельность совершается, как правило, лицами, обладающими высоким уровнем специальных знаний и навыков в сфере финансов, экономики и права.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что проведённое исследование позволило комплексно проанализировать нелегальную банковскую деятельность как устойчивое криминологическое явление, формирующееся и развивающееся в условиях трансформации финансовых потоков и санкционных ограничений. Установлено, что данный вид преступной деятельности характеризуется высокой степенью латентности, профессионализации и адаптивности к изменениям социально-экономической и правовой среды.

В ходе анализа выявлено, что нелегальная банковская деятельность представляет собой не совокупность разрозненных противоправных эпизодов, а системно организованную деятельность, ориентированную на удовлетворение устойчивого спроса на нелегальные финансовые услуги. При этом санкционное давление и ограничение доступа к традиционной международной банковской инфраструктуре выступают не столько первопричиной, сколько катализатором трансформации существующих нелегальных финансовых практик и расширения спектра используемых расчётных инструментов.

Анализ причин и условий распространения нелегальной банковской деятельности подтвердил их комплексный и взаимосвязанный характер. Экономическая потребность в альтернативных расчётных механизмах, правовая неопределённость и неоднородность правоприменительной практики, а также определенные ограничения в деятельности правоохранительных и контрольно-надзорных органов создают благоприятную среду для воспроизводства данного вида преступности. Особое значение в современных условиях приобретает использование криптовалют и иных цифровых финансовых активов, которые выступают как фактор расширения возможностей нелегальных банковских операций и одновременно как вызов традиционным механизмам финансового контроля.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования сформулированных выводов при совершенствовании уголовной политики в сфере противодействия нелегальной банковской деятельности, разработке методических рекомендаций для правоохранительных органов, а также при формировании риск-ориентированных моделей финансового мониторинга. Полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе при преподавании курсов криминологии, уголовного права и экономической безопасности.

Таким образом, эффективное противодействие нелегальной банковской деятельности в условиях санкционных ограничений возможно лишь при комплексном подходе, сочетающем уголовно-правовые, криминологические и экономические меры, а также при учёте трансформации финансовых потоков и активного внедрения цифровых расчётных инструментов в современную финансовую практику.

Список источников

1. Dipl.-Kaufmann Armin-Josef Guggenberger. Die Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität in einer Marktwirtschaft — eine empirische Analyse: Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Wirtschaftswissenschaft eingereicht an der Wirtschaftswissenschaftlichen. 2012. URL: https://epub.uni-regensburg.de/23501/1/gugggenberger.pdf (**дата обращения**: 23.03.2026 **г.**).

2. Александрова И. А., Сафарзода А. И. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за незаконную банковскую деятельность // Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2019. № 2(46). С. 61–66. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10210

3. Быков И. А. Банковская деятельность в законодательстве Российской Федерации // Российский научный вестник. 2022. № 3. С. 43–52.

4. Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. Москва, 2004.

5. Мильчехина Е. В. Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконной банковской деятельности: дис. … канд. юрид. наук, Екатеринбург, 2010. 197 с.

6. Пинкевич Т. В. Трансформация организованной преступности в условиях цифровизации // Право и управление. 2023. № 10. С. 464–469.

7. Пинкевич Т. В. Экономическая преступность: современное состояние и прогноз // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 287–295.

8. Плаксин В. А. Особенности функционирования терминологической сферы «Банковская деятельность» в предметно-терминологической области «Экономическая деятельность» // Вестник Академии знаний. 2018. № 24(1). С. 229–236.

9. Савченко М. М. Особенности диспозиции статьи 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 2. С. 136–141.

© Акинжала В. И.

10. Саркисян А. Ж. Незаконная банковская деятельность: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 25 с.

11. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Э. Жалинского. Москва, 2005.

12. Якоби Став. Противодействие преступлениям в сфере банковской деятельности: криминологические и уголовно-правовые проблемы: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2009. 240 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Акинжала Владимир Игоревич

Адъюнкт, Академия управления МВД России (Москва, Россия); начальник 2-го отдела УЭБ и ПК УМВД России по Калининградской области (Калининград, Россия).
E-mail: orlssovetsk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Akinzhala

Adjunct, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia); Head of the 2nd Department of the Economic Security and Combating Corruption Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kaliningrad Region (Kaliningrad, Russia).
E-mail: orlssovetsk@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 04.06.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 17.07.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Акинжала В. И.

Научная статья
УДК.343.985.3
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-109-114

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА И НЕЙРОННЫЕ СЕТИ

Дмитрий Алексеевич Бадиков[1], **Анна Васильевна Сибилькова**[2]

[1] *Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия*
dibad008@yandex.ru

[2] *Академия управления МВД России, Москва, Россия*
anna.sibilkova@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является определение места нейросетевых технологий в структуре криминалистической методики и обозначение связанных с их применением проблем. Для достижения данной цели последовательно анализируются понятие методики, технологические особенности нейронных сетей, основные направления их использования в раскрытии и расследовании преступлений, а также вопросы допустимости полученных результатов. Эмпирической опорой служат как доктринальные источники, так и сведения о внедряемых разработках.

Объектом рассмотрения выступают общественные отношения, складывающиеся при использовании нейросетевых технологий в раскрытии и расследовании преступлений; предметом — закономерности применения этих технологий в рамках криминалистической методики и обусловленные ими методические и процессуальные проблемы. Используются общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения, а также частно-научные методы криминалистики; при оценке практики во внимание принимаются как отечественные, так и доступные зарубежные данные.

Ключевые слова: криминалистическая методика, нейронные сети, расследование преступлений, цифровизация, искусственный интеллект

Для цитирования: Бадиков Д. А., Сибилькова А. В. Криминалистическая методика и нейронные сети // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 109–114. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-109-114

Research article

FORENSIC TECHNIQUES AND NEURAL NETWORKS

Dmitry A. Badikov[1], **Anna V. Sibilkova**[2]

[1] *Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia*
dibad008@yandex.ru

[2] *Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia*
anna.sibilkova@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to determine the place of neural network technologies in the structure of forensic methodology and identify the problems associated with their application. To achieve this goal, the concept of methodology, technological features of neural networks, the main directions of their use in the detection and investigation of crimes, as well as issues of the admissibility of the results are consistently analyzed. Both doctrinal sources and information about the implemented developments serve as an empirical support.

The object of consideration is the social relations that develop when using neural network technologies in the detection and investigation of crimes; the subject is the patterns of application of these technologies in the framework of forensic techniques and the methodological and procedural problems caused by them. General scientific methods of analysis and synthesis, comparison and generalization, as well as private scientific methods of criminology are used; when evaluating practice, both domestic and available foreign data are taken into account.

Keywords: forensic techniques, neural networks, crime investigation, digitalization, artificial intelligence

© Бадиков Д. А., Сибилькова А. В.

For citation: Badikov DA, Sibilkova AV. Forensic Techniques and Neural Networks. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):109-114. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-109-114

Введение

Цифровизация правоохранительной деятельности заметно изменила условия, в которых формируется и применяется криминалистическая методика. Объём данных, вовлекаемых в орбиту расследования (записи камер видеонаблюдения, детализация соединений операторов связи, банковские транзакции, переписка в мессенджерах), давно перерос те пределы, при которых их анализ силами одного следователя оставался реалистичным. На этом фоне технологии искусственного интеллекта, и прежде всего искусственные нейронные сети, перестали быть предметом сугубо теоретических рассуждений и постепенно входят в практику органов предварительного расследования.

Материал и методы

В статье использована специальная литература, посвященная криминалистической методике и использованию возможностей искусственного интеллекта и нейросетей в расследовании преступлений. Проанализированы методические рекомендации, связанные с производством расследования. В качестве специальных исследовательских методов использованы: сравнительно-правовой, формально-юридический, статистического анализа, системный, структурно-функциональный, методы логического познания (анализ, синтез, дедукция, обобщение, абстрагирование), а также формально-юридический метод исследования.

Описание исследования

Актуальность рассматриваемой темы определяется не только техническим прогрессом. Криминалистическая методика традиционно понималась как система научных положений и основанных на них рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений [2, с. 18]. Вопрос о том, как соотносятся подобные рекомендации с алгоритмами, способными самостоятельно выявлять закономерности в массивах информации, остаётся дискуссионным. Практика здесь нередко опережает теорию: системы распознавания лиц применяются в розыске, нейросетевые модели привлекаются к выявлению поддельного медиаконтента, тогда как единого криминалистического осмысления этих процессов пока не выработано [3, с. 193].

Криминалистическая методика образует заключительный раздел системы криминалистики, следующий за общей теорией, криминалистической техникой и тактикой. Её содержание составляют частные методики расследования отдельных категорий преступлений: убийств, краж, мошенничеств, посягательств в сфере компьютерной информации и т. д. В основе каждой такой методики лежит криминалистическая характеристика преступления, то есть система обобщённых сведений о типичных способах совершения деяния, личности виновного, обстановке и оставляемых следах [4, с. 681].

Структурно методика делится на общие положения и частные методики. Общие положения играют роль каркаса: они определяют принципы построения частных рекомендаций, понятие и виды типичных следственных ситуаций, источники методических знаний [5, с. 612]. Частная же методика всегда привязана к виду преступления и описывает обстоятельства, подлежащие установлению, особенности возбуждения дела, типичные ситуации первоначального и последующего этапов расследования. Принципиально, что любая частная методика выстраивается вокруг следственной ситуации — совокупности условий, в которых протекает расследование на определённый момент [6, с. 41]. Понятие ситуации удобно тем, что допускает формализацию, а значит, и алгоритмическую обработку.

Существенно, что методика никогда не сводилась к жёсткому предписанию. Рекомендации носят вероятностный характер: они подсказывают наиболее перспективные версии и целесообразную последовательность действий, но не освобождают от оценки конкретной следственной ситуации [2, с. 264]. Именно эта вероятностная природа сближает классическую методику с логикой работы нейронных сетей, которые тоже оперируют не однозначными правилами, а статистическими закономерностями, выявленными на массиве примеров. Сходство, разумеется, неполное (модель не обладает профессиональным правосознанием), однако оно объясняет, почему методический аппарат криминалистики оказался восприимчив к алгоритмическим средствам.

Предпосылки технологической трансформации складывались постепенно. Ещё в работах, посвящённых программированию расследования, обосновывалась возможность формализовать типовые следственные ситуации и поставить им в соответствие наборы рекомендуемых действий [7, с. 312]. Программный подход исходил из того, что накопленный эмпирический опыт допустимо представить в виде алгоритма. Алгоритмы первого поколения, однако, были жёсткими и работали лишь в тех пределах, которые заранее задавал разработчик [6, с. 41].

Положение изменилось с развитием машинного обучения. В отличие от детерминированной программы, нейросетевая модель не получает готовых правил, а выстраивает их сама в ходе обучения на размеченных данных [10, с. 45]. Применительно к расследованию это означает, что система способна обнаружить связь между признаками, которую человек мог бы и не заметить (например, неочевидную корреляцию маршрутов перемещения проверяемых лиц). В отечественной доктрине

© Бадиков Д. А., Сибилькова А. В.

формирование соответствующей теоретической базы связывается прежде всего с концепцией информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [3, с. 196].

Искусственная нейронная сеть представляет собой математическую модель, построенную по отдалённой аналогии с организацией нервной ткани: она состоит из связанных вычислительных элементов, веса связей между которыми корректируются по мере обучения. Для целей расследования значение имеет не устройство модели само по себе, а тот класс задач, который она позволяет решать. В литературе принято различать два подхода к пониманию искусственного интеллекта. Согласно нисходящему подходу, система решает лишь отдельные узкие задачи; согласно восходящему, она по своим возможностям приближается к человеческому мышлению [1, с. 44]. В практике расследования востребован преимущественно первый, прикладной вариант.

К числу задач, решаемых нейросетевыми методами, относят классификацию (отнесение объекта к одной из категорий), кластеризацию (группировку схожих объектов без заранее заданных классов), прогнозирование и распознавание образов. Каждая из них имеет проекцию на криминалистическую методику. Классификация применима при отнесении следа к определённому типу; кластеризация полезна при анализе серии посягательств, когда требуется установить, совершены ли эпизоды одним лицом; прогнозирование используется при построении версий о вероятном поведении разыскиваемого. Перечень этот не является исчерпывающим и по мере развития технологий пополняется.

Для разных типов криминалистически значимой информации применяются разные архитектуры. При анализе изображений и видеозаписей задействуются преимущественно свёрточные сети, способные выделять устойчивые признаки независимо от их положения в кадре; при работе с последовательностями (текст, звуковой сигнал, цепочки транзакций) используются рекуррентные и трансформерные модели. Выбор архитектуры не безразличен для практики: от него зависят требования к объёму обучающих данных и характер типичных ошибок [4, с. 689]. Следователю незачем разбираться в математике модели, однако понимать, в какой мере её выводам можно доверять, ему необходимо.

Вместе с тем у технологии есть ограничения, игнорировать которые недопустимо. Первое связано с качеством обучающих данных: модель воспроизводит закономерности обучающей выборки вместе с содержащимися в ней искажениями, и, если выборка смещена, смещёнными окажутся и выводы. Второе касается интерпретируемости. Сложные сети нередко работают как «чёрный ящик»: выдают результат, но не раскрывают, какими именно признаками руководствовались [8, с. 486]. Для уголовного судопроизводства, где каждое доказательство подлежит проверке и оценке, такое свойство создаёт серьёзную трудность.

Отдельного внимания заслуживает роль носителя специальных знаний. Нейросетевой инструмент не заменяет специалиста, а расширяет его возможности; ответственность за корректность постановки задачи и за интерпретацию результата остаётся за человеком [9, с. 58]. По этой причине в доктрине технологии искусственного интеллекта рассматриваются не как самостоятельный субъект процесса, а как средство, обслуживающее применение специальных знаний. Игнорирование данного разграничения ведёт к подмене оценки доказательств ссылкой на «мнение программы», что недопустимо.

Наиболее зрелым направлением выступает компьютерное зрение, то есть автоматический анализ изображений и видеозаписей. Системы распознавания лиц, опирающиеся на свёрточные нейронные сети, позволяют сопоставлять изображение разыскиваемого с массивами видеонаблюдения и учётами [10, с. 51]. В крупных городах подобные системы интегрированы с сетями уличных камер и применяются при розыске лиц, скрывшихся от следствия и суда[1]. Сюда же примыкают задачи распознавания объектов (оружия, транспортных средств, государственных регистрационных знаков) и автоматизированное сравнение следов — папиллярных узоров, изображений подошв обуви, баллистических следов [4, с. 215].

К традиционным экспертным задачам нейросетевые методы добавляют новое качество. Автоматизированные дактилоскопические системы давно используют алгоритмическое сравнение папиллярных узоров, но именно обучаемые модели позволили заметно повысить устойчивость распознавания при низком качестве отпечатка. Сходным образом развивается фоноскопия: голосовая идентификация — прикладная область, где нейросеть сопоставляет спектральные характеристики речи, помогая решать вопрос о принадлежности голоса конкретному лицу. Результат подобной обработки, однако, неизменно требует проверки экспертом и не подменяет его заключения [10, с. 53].

Второе направление связано с анализом больших данных. Расследование экономических и коррупционных преступлений нередко требует обработки тысяч транзакций; нейросетевые модели выявляют в этом потоке аномалии и устойчивые схемы, указывающие на легализацию доходов. Зарубежный опыт показывает, что аналитические платформы, агрегирующие разнородные сведения, способны устанавливать неочевидные связи между лицами и объектами; в открытых источниках приводились данные о высокой результативности таких систем при выявлении лиц, причастных к вооружённым посягательствам [11, с. 213].

Третье направление, активизировавшееся в последние годы, касается выявления синтетического контента. Распространение технологий генерации поддельных изображений, голоса и видео (так называемых дипфейков) превратило их в инструмент мошенничества: по приводимым оценкам, потери граждан

[1] Предугадать поведение маньяка и вычислить дипфейк: как ИИ меняет работу следователей // Право.ру: [сайт]. URL: https://pravo.ru/story/254219/ (дата обращения: 28.05.2026).

© Бадиков Д. А., Сибилькова А. В.

от киберпреступлений за один год исчислялись сотнями миллиардов рублей[2]. В ответ разрабатываются нейросетевые средства обнаружения подделок. Так, специалистами отечественного исследовательского центра создан прототип программного обеспечения, которое анализирует скрытые параметры изображения и выявляет характерные искажения, незаметные при обычном визуальном восприятии[3]. Параллельно создаются решения, ориентированные на распознавание подделок в видеосвязи в режиме, близком к реальному времени.

Четвёртое направление, менее формализованное, охватывает аналитическую поддержку выдвижения версий. Здесь нейросетевые методы привлекались, в частности, к изучению личности преступника по совокупности признаков совершённых деяний [12, с. 67]. Подобные разработки не подменяют следователя, однако сужают круг проверяемых предположений, что особенно ценно при расследовании серийных преступлений. Стоит оговориться: ценность результата прямо зависит от полноты и достоверности исходных данных, и при их дефиците прогноз утрачивает практический смысл. Прогностические системы вообще вызывают наибольшие споры, они балансируют на грани между полезной аналитикой и риском воспроизвести предвзятость, заложенную в исторических данных [11, с. 213].

Ключевой для практики остаётся проблема доказательственного значения сведений, полученных при помощи нейронных сетей. Уголовно-процессуальный закон предъявляет к доказательствам требования относимости, допустимости и достоверности[4]. Результат работы алгоритма сам по себе ни одному из этих требований автоматически не отвечает: доказательственное значение он приобретает лишь будучи облечённым в установленную процессуальную форму, как правило через заключение эксперта или специалиста [8, с 489].

Из этого вытекает важное практическое следствие. Оценка доказательств, по внутреннему убеждению, остаётся прерогативой следователя, прокурора и суда, алгоритм такой оценки не производит и производить не может. Результат нейросетевой обработки занимает в системе доказывания то же место, что и любые данные, полученные с применением технических средств: он подлежит проверке путём сопоставления с другими доказательствами и не обладает заранее установленной силой [8, с. 491]. Попытка наделить вывод модели особым, привилегированным статусом противоречила бы началам свободной оценки доказательств.

Именно здесь обнаруживается противоречие между технологией и процессуальной формой. Достоверность заключения эксперта традиционно обеспечивается возможностью проверить ход его рассуждений. Но если вывод сформирован моделью, внутренняя логика которой непрозрачна даже для разработчика, проверяемость оказывается под вопросом. В литературе предлагается ряд решений: документирование использованной модели и обучающей выборки, привлечение по возможности объяснимых (верифицируемых) алгоритмов, сохранение за экспертом обязанности самостоятельно обосновать вывод [13, с. 750].

Не менее значим вопрос о пределах вмешательства автоматизированных систем в права личности. Массовое распознавание лиц в публичных пространствах затрагивает неприкосновенность частной жизни, а ошибки идентификации способны повлечь необоснованное подозрение. Применение таких систем требует поэтому чёткой правовой регламентации, определяющей основания, условия и пределы их использования[5]. Отсутствие подобной регламентации создаёт риск того, что технически возможное станет применяться без должных гарантий.

Следует учитывать и кадровый аспект. Эффективное использование нейросетевых инструментов предполагает, что следователь и эксперт владеют хотя бы базовыми представлениями об их возможностях и ограничениях [9, с. 211]. Иначе возникает двойная опасность: либо необоснованное доверие к результату по принципу «так показала программа», либо, напротив, отказ от полезного средства из-за непонимания принципов его работы. Преодоление этого разрыва образует самостоятельную задачу подготовки кадров и методического обеспечения следственной практики.

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать нейросетевые технологии не как внешнее дополнение к криминалистической методике, а как фактор её внутреннего развития. Вероятностная природа методических рекомендаций и статистическая логика нейронных сетей оказываются принципиально совместимыми, что открывает возможность для обновления частных методик расследования с учётом новых аналитических средств.

В то же время внедрение этих средств не отменяет фундаментальных требований уголовного судопроизводства. Сведения, полученные с помощью алгоритма, сохраняют доказательственное значение лишь при условии их проверяемости и облечения в надлежащую процессуальную форму, а сами системы остаются инструментом в руках носителя специальных знаний, но не его заменой. Нерешёнными пока остаются вопросы интерпретируемости моделей, правовой регламентации их применения и подготовки кадров.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой криминалистических рекомендаций по корректному использованию нейросетевых инстру-

[2] Предугадать поведение маньяка и вычислить дипфейк: как ИИ меняет работу следователей // Право.ру: [сайт]. URL: https://pravo.ru/story/254219/ (дата обращения: 28.05.2026).

[3] Там же.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

© Бадиков Д. А., Сибилькова А. В.

ментов в рамках отдельных частных методик, а также с формированием критериев оценки достоверности получаемых с их помощью результатов. Решение этих задач предполагает совместные усилия криминалистов, специалистов в области информационных технологий и законодателя.

Список источников

1. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 43–49.

2. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 400 с.

3. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202.

4. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 928 с.

5. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2010. 784 с.

6. Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 1993. 100 с.

7. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М.: Юристъ, 1997. 480 с.

8. Спиридонов М. С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. С. 481–497.

9. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. 256 с.

10. Бахтеев Д. В. Компьютерное зрение и распознавание образов в криминалистике // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 4 (112). С. 49–55.

11. Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В., Евстратова Ю. А. Использование искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 206–214.

12. Ясницкий Л. Н., Ваулева С. В., Сафонова Д. Н., Черепанов Ф. М. Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 1 (27). С. 61–69.

13. Россинская Е. Р., Семикаленова А. И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, вып. 3. С. 745–759.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадиков Дмитрий Алексеевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и предварительного следствия в ОВД, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова (г. Орел, Россия).
E-mail: dibad008@yandex.ru

Сибилькова Анна Васильевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами; Академия управления МВД России (Москва, Россия).
E-mail: anna.sibilkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry A. Badikov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies, V. V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Orel, Russia).
E-mail: dibad008@yandex.ru

Anna V. Sibilkova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology, Pedagogy, and Personnel Management; Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia).
E-mail: anna.sibilkova@yandex.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

© Бадиков Д. А., Сибилькова А. В.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

Дата поступления статьи / Received: 03.06.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.08.2026.

© Бадиков Д. А., Сибилькова А. В.

Научная статья
УДК 343.85
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-115-120

С. 115–120

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Владимир Юрьевич Батурин

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия
vladimir1803@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, оказывающие влияние на уровень преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. В рамках научного исследования предлагается рассмотреть влияние миграционной политики на сферы жизни личности, общества и государства с целью выявления положительных и негативных аспектов, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Полученные результаты могут послужить базой для оценки возникающих угроз национальной безопасности Российской Федерации в результате чрезмерно большого притока иностранных граждан. В научной статье предложены направления деятельности по решению проблем в сфере предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства.

На основе проведенного анализа программных документов, нормативных правовых актов, результатов экспертных исследований выработаны рекомендации по преодолению органами внутренних дел незаконной миграции с учетом развития кадрового потенциала страны.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, миграционная политика, регулирование, иностранный гражданин, лицо без гражданства, въезд, выезд, транзитный проезд, беженец

Для цитирования: Батурин В. Ю. Организационно-правовые основы предупреждения незаконной миграции органами внутренних дел Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 115–120. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-115-120

Research article

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR PREVENTING ILLEGAL MIGRATION BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vladimir Yu. Baturin

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia
vladimir1803@yandex.ru

Abstract. The article examines the factors that influence the crime rate of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. As part of the scientific research, it proposes to examine the impact of migration policy on the spheres of life of individuals, society, and the state in order to identify the positive and negative aspects that pose a threat to the national security of the Russian Federation. The results obtained can serve as a basis for assessing the emerging threats to the national security of the Russian Federation as a result of an excessive influx of foreign citizens. The scientific article proposes directions for addressing the challenges in preventing the crime of foreign citizens and stateless persons. Based on the analysis of program documents, regulatory legal acts, and the results of expert studies, recommendations have been developed for overcoming illegal migration by the internal affairs bodies, taking into account the development of the country's human resources potential.

Keywords: migration, migration processes, migration policy, regulation, foreign citizen, stateless person, entry, exit, transit passage, refugee

For citation: Baturin VYu. Organizational and Legal Foundations for Preventing Illegal Migration by the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):115-120. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-115-120

© Батурин В. Ю.

Введение

Массовая иммиграция трудовых мигрантов из стран, обладающих существенно различающимися культурными и традиционными ценностями, представляет собой серьёзное испытание для национальной государственной системы. В случае недостаточной эффективности интеграционных процессов, направленных на адаптацию мигрантов в принимающее общество, существует риск дестабилизации общественно-политического ландшафта, эскалации ксенофобии и возникновения угроз экстремистского и террористического характера.

Суть незаконной миграции претерпевает изменения, превращаясь в международную коммерческую деятельность, что создает угрозу для мирового сообщества, способствуя международной преступности. Часто именно нелегальные мигранты совершают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, контрабандой оружия и человеческим трафиком [3, с. 37]. Вопрос разработки сбалансированной политики для повышения эффективности борьбы с незаконной миграцией остается одним из самых актуальных и требует всестороннего изучения.

В настоящее время миграция стала составной частью общественной жизни. Это привело к тому, что данному вопросу стало уделяться значительное внимание со стороны органов власти, о чем свидетельствует законодательная и правоприменительная практика. Такое положение обусловлено, прежде всего, тем, что наряду с законной миграцией в значительных объемах существует и незаконная.

Стоит отметить, что проблема борьбы с незаконной миграцией актуальна для всех государств, поскольку она существует с момента их возникновения и установления границ. В 2024 году в Российской Федерации было зарегистрировано около 30 тысяч правонарушений, совершенных иностранными гражданами, что свидетельствует о существенном увеличении криминальной активности данной категории лиц[1].

Методология исследования

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России иностранными гражданами и лицами без гражданства за 2023 год совершено 38 тыс. 931 преступлений (в том числе 32 тыс. 508 преступлений гражданами государств-участников СНГ)[2]. За 2024 год совершено 38 тыс. 578 преступлений (в том числе 32 тыс. 0706 преступлений гражданами государств-участников СНГ)[3]. Приведенные данные свидетельствуют о незначительном снижении преступной активности среди обозначенной категории лиц. Однако нельзя не отметить совершение большого количества преступлений гражданами государств-участников СНГ.

Следует также отметить, что указанные выше статистические данные отражают преступность, которая зафиксирована в официальных источниках, при этом не стоит забывать и о латентной («скрытой») преступности. Рост количества преступлений, совершенных иностранными гражданами обусловлен следующими факторами:

1) недостаточный контроль государства над иммиграционным процессом;

2) наличие проблем, связанных с интеграцией иностранных граждан в общество;

3) низкий уровень мониторинга деятельности (работы) иностранных граждан на территории государства [4, с. 7].

Последним, резонансным преступлением, совершенным иностранными гражданами, стал теракт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 г., в результате которого, погибло около 70 человек и пострадало более 150[4]. Арестованные, которые, по версии следствия, причастны к теракту, являются гражданами Таджикистана. Случившийся теракт, вызвал обеспокоенность у населения и властей, а также обострил межнациональные отношения и создал проблемы в сфере безопасности общества. Сотрудники правоохранительных органов стали более тщательно осуществлять проверку иностранных граждан, что привело к определенным результатам: принудительно выдворили из России 403 иностранцев, а также выявлено более 1 500 дел о нарушении миграционного законодательства[5].

С момента появления миграции возникла проблема законодательного регулирования перемещения людей из одного государства в другое, а также организации внутригосударственного контроля за миграционными потоками граждан [7, с. 150]. Эта функция является важной для любого государства, не является в этом плане исключением и Российская Федерация. Однако наибольшую сложность представляет незаконная миграция, которая в настоящий момент грозит перерасти в неуправляемую стихию. На сегодняшний день это наглядно демонстрирует ситуация с беженцами в Западной Европе, куда неуправляемым потоком двинулись массы людей с африканского континента6. Российский законодатель должен вести постоянный мониторинг этого явления и своевременно принимать соответствующие правовые меры, чтобы не допустить таких событий в стране.

Массовый незаконный въезд иностранных граждан и лиц без гражданства в Российскую Федерацию и их нелегальное пребывание порождают ряд серьезных социальных проблем, прежде всею, экономического плана, связанного с расширением масштабов теневой

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года по данным ФКУ ГИАЦ МВД России // URL: http://мвд.рф/ (дата обращения: 24.11.2025).

[2] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года по данным ФКУ ГИАЦ МВД России // URL: http://мвд.рф/ (дата обращения: 11.12.2025).

[3] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года по данным ФКУ ГИАЦ МВД России // URL: http://мвд.рф/ (дата обращения: 14.12.2025).

[4] РИА НОВОСТИ // URL: https://ria.ru/20240323/krokus-1935319588.html (дата обращения: 12.04.2026).

[5] Следственный комитет Российской Федерации // URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1780279/ (дата обращения: 16.04.2026).

© Батурин В. Ю.

экономики, ухудшением ситуации на рынках труда. Это усиление социальной напряженности в обществе из-за роста некоренного населения и связанного с этим изменения демографической ситуации, которое может привести к краху теории мультикультурализма, сводящей на нет возможности ассимиляции мигрантов в чуждое им по менталитету общество, как это уже произошло в некоторых государствах. К сожалению, эти проблемы не обошли стороной и наше государство, следствием чего стало возникновение социальных конфликтов, осложнение криминогенной ситуации, рост числа преступлений, совершаемых мигрантами, особенно в крупных городах. При этом увеличивается общеуголовная насильственная и корыстная преступность, укореняется организованная и коррупционная преступность, расширяются сферы влияния международного терроризма, религиозного экстремизма и транснациональная преступность.

Для выполнения данной задачи необходимо выделить следующие нормативные правовые акты, регулирующие миграцию в Российской Федерации: Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»[6]. В данном законе определен порядок выезда из РФ, въезда в РФ, в том числе транзитного проезда через территорию РФ как граждан РФ, так и иностранных граждан, и лиц без гражданства. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[7], в котором закреплено правовое положение иностранных граждан на территории РФ. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», в котором закреплены гарантии соблюдения прав лиц, законно находящихся на территории РФ[8].

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400[9], организация незаконной миграции является одной из основных угроз государственной и общественной безопасности России.

Анализируя вновь принятую Концепцию государственной миграционной политике Российской Федерации на 2026–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 года № 738[10] необходимо обратить внимание, что государственным органам необходимо усовершенствовать механизмы правового регулирования ответственности за незаконную миграцию уголовно-правовыми и административно-правовыми нормами.

Поэтому четкое и однозначное понимание правоприменителем признаков незаконной миграции позволит правильно разграничивать ответственность в смежных отраслях законодательства и эффективно применять нормы уголовного закона, что в конечном счете позволит надлежаще регулировать перемещение людей, сокращая масштабы незаконной миграции [6, с. 138]. Комплексное воздействие миграционного законодательства на это явление должно вызвать позитивные сдвиги и в области других правоотношений, повлиять на уровень общей преступности, сократить сферу теневой экономики, что позволит постепенно улучшить ситуацию на рынках труда и снять социальную напряженность в обществе. Необходимо отметить, что по оценке экспертов Международной организации по миграции, которая недавно получила статус «Агентства ООН по миграции», в мире насчитывается 244 млн мигрантов, из которых более 65 млн — вынужденные мигранты, а также 8–9 «латентных» вооруженных конфликтов, непосредственно влияющих на данный показатель.

В связи с этим предупреждение незаконной миграции является одной из задач государственной миграционной политики Российской Федерации, которая нацелена на обеспечение национальной безопасности, максимальной защищенности населения страны [5, с. 61].

Описание исследования

В целях осуществления вышеуказанных задач Президентом Российской Федерации принято решение в целях совершенствования государственного регулирования в сфере миграции образовать в составе МВД России на базе Главного управления по вопросам миграции МВД России новую службу — Службу по вопросам миграции и регистрации иностранных граждан МВД России[11], сотрудниками данной службы предусматривается осуществление функций по контролю за соблюдением миграционного законодательства Российской Федерации. Наряду с сотрудниками миграционной службы

[6] Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Официальный интернет-портал правовой информации; URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2026).

[7] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025) О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации; URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2026).

[8] Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации; URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2026).

[9] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2026).

[10] О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: указ президента Российской Федерации от 15 октября 2025 года № 738 // Официальный интернет-портал правовой информации; URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2026).

[11] О совершенствовании государственного управления в сфере миграции: указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 // Официальный интернет-портал правовой информации; URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2026).

© Батурин В. Ю.

часть указанных обязанностей возлагалась на институт участковых уполномоченных полиции.

На данный момент с учетом расширения полномочий Службы по вопросам миграции и регистрации иностранных граждан МВД России возникает ряд проблемных вопросов:

Во-первых, это невозможность в ряде случаев исполнения сотрудниками подразделений по вопросам миграции функции по контролю и надзору в сфере миграции. Это обусловлено тем, что в ряде небольших районных подразделений с момента реорганизации в Службу по вопросам миграции и регистрации иностранных граждан МВД России штатная структура включает в себя только 2 единицы: начальника подразделения ОВД и сотрудника органов внутренних дел. С учетом возросшей нагрузки на подразделения по вопросам миграции и приоритета на оказание государственных услуг начальник подразделения не имеет возможности проведения проверочных мероприятий, а работник не уполномочен на проведение указанных проверок.

В то же время участковые уполномоченные полиции осуществляют контроль за соблюдением миграционного законодательства исключительно в рамках профилактического обхода обслуживаемой территории [2, с. 11].

Во-вторых, не утвержден порядок информационного обмена и взаимодействия в целом между подразделениями по вопросам миграции и иными службами органов внутренних дел в части работы по предупреждению нелегальной миграции.

Требуется нормативное закрепление порядка взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел по борьбе с незаконной миграцией, где особое внимание необходимо уделить взаимообмену информацией об иностранных гражданах [1, с. 8].

Кроме того, с учетом создания подразделений Росгвардии как самостоятельного правоохранительного органа необходимо проработать взаимодействие в части предупреждения незаконной миграции в рамках заключаемых соглашений.

Для миграционной службы государства с учетом правового регулирования миграционного процесса в части организации контроля за пребыванием (проживанием) иностранных граждан и лиц без гражданства позволяет выделить ряд направлений по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по выявлению, пресечению и профилактике правонарушений и преступлений, связанных с незаконной миграцией, а именно:

— издание на федеральном уровне унифицированной инструкции по организации взаимодействия подразделений территориальных органов МВД России, в частности, подразделений по вопросам миграции и наружных служб для закрепления порядка информационного обмена, направленных на систематическую работу по контролю в сфере миграции;

— организацию мониторинга исполнения законов в сфере миграции; разработку предложений по совершенствованию законодательства;

— развитие межведомственного взаимодействия в целях предупреждения незаконной миграции [8, с. 268].

К мерам предупреждения незаконной миграции относятся меры профилактики, основной целью которых является снижение количества нелегально въезжающих иностранных граждан и незаконно пребывающих мигрантов.

Заключение и выводы

Информационные компьютерные технологии позволяют повысить контроля за миграционными процессами, обеспечить своевременное реагирование на возможные угрозы, связанные с незаконной миграцией и международной преступностью, интегрировать разные источники данных, таких как: государственные реестры, системы контроля пересечения границ, базы данных миграционных служб, социальные сети и другие информационные ресурсы.

Использование биометрических технологий в деятельности органами внутренних дел для обеспечения миграционного контроля может ускорить процесс обработки миграционных документов, обеспечить более точное отслеживание миграционных потоков в государстве, тем самым снизит риск фальсификаций и повысит качество предоставляемых государственных услуг, делая их более быстрыми, совершенными и надежными для всех участников миграционного процесса.

В связи с чем в настоящее время необходимо акцентировать внимание на следующих формах профилактики правонарушений в исследуемой категории граждан:

1. Проведение соответствующими органами контроля и проверки технических средств, обеспечивающими въезд/выезд граждан в страну.

2. Проведение профилактических брифингов и тренингов для иностранных граждан о правилах пребывания на территории страны и соблюдении местного законодательства.

3. Внедрение в подразделения правоохранительных органов — специализированных автоматических информационных систем, направленных на постоянный контроль и мониторинг местонахождения иностранных граждан.

4. Международное сотрудничество с другими странами по обмену опытом и информацией о правонарушениях и преступлениях, а также проведение совместных оперативных мероприятий.

5. Совершенствование работы отдельных подразделений правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления, осуществляющих деятельность по предотвращению межнациональных конфликтов.

К основным методам профилактики правонарушений и преступлений в среде иностранных граждан, с целью выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных иностранными гражданами и в отношении иностранных граждан, относится:

1) привлечение иностранных граждан к общественное работе, в частности, к реализации обще-

© Батурин В. Ю.

ственных программ и инициативы, проводимых государственными органами или органами местного самоуправления, где будут также привлекаться правоохранительный органы;

2) правовое информирование и правовое просвещение иностранных граждан путем привлечения представителей или сотрудников общеобразовательных учреждений (в том числе проведение культурно-просветительской работы среди иностранных граждан);

3) реформирование системы правоохранительных органов и специализированных служб, с целью создания государственных структур (подразделений), организующих работу с иностранной категорией населения;

4) проведение совместных операций с международными правоохранительными органами, а также усиление контроля за миграционным процессом и соблюдением правил пребывания в стране иностранными гражданами.

Представленные выше формы и методы профилактики возможно осуществить путем реализации следующих современных информационных технологий:

1) необходимо использовать и активно внедрять систему биометрической идентификации, которая достаточно востребована в других государствах. Кроме того, целесообразно воспользоваться международным опытом, в частности, сотрудничество с Китаем по поводу внедрения современных информационных технологий биометрической идентификации;

2) важно отработать и внедрить систему выдачи электронных виз, которая позволит не только быстро выдавать документы, обеспечивающие нахождение иностранных граждан на территории государства, но и эффективно отслеживать сроки нахождения;

3) автоматизировать и внедрить во все подразделения правоохранительных органов системы мониторинга и видеонаблюдения, которые обеспечат фиксацию и документирование совершенного правонарушения или преступления иностранными гражданами;

4) своевременно обновлять и совершенствовать системы навигации и мобильные технологии, в частности, отслеживание местоположения и передвижение подозреваемых иностранных граждан;

5) внедрение и использование искусственного интеллекта и кибертехнологий;

6) проведение работы с базами данных, с целью выявления связей и закономерностей, а также обнаружения потенциальных подозреваемых.

В заключение хотелось бы отметить, что нахождение иностранных граждан на территории государства, в связи с военной обстановкой, а также со случившимся противоправными деяниями, вызывают определенные опасения со стороны постоянного проживающего населения — граждан Российской Федерации. В связи с чем, государственным органам и органам местного самоуправления необходимо тщательно продумывать алгоритмы работы с иностранными гражданами, чтобы не только обеспечить нормальное функционирование государства, в целом, но и отражать на международной арене — высокий уровень общественной безопасности в стране. Совершенствование форм и методов профилактики преступлений и правонарушений, совершаемых, как в отношении, так и самими иностранными гражданами, необходимо для того, чтобы не допустить повторных трагических случаев, как к примеру, теракт в 2024 г.

В рамках оптимизации системы внутреннего государственного контроля целесообразно рассмотреть контроль за въездом и выездом иностранных граждан, их транзитными перемещениями, пребыванием и профессиональной деятельностью как комплексные меры по усовершенствованию регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации.

Список источников

1. Абезгильдин Р. Р. К вопросу о контроле за миграцией в Российской Федерации // Миграционное право. 2016. № 4. С. 3–8.

2. Андриченко Л. В., Елеонский В. О., Хабриева Т. Я. О концепции развития миграционного законодательства Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 3–11.

3. Глущенко Г. И., Вартанян А. А. Социально-экономические детерминанты трудовой миграции высококвалифицированных специалистов // Вопросы статистики. 2018. № 5. С. 27–41.

4. Иванова С. И., Сумачев А. В. Понятие и содержание административно-правовых запретов в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушающих установленные миграционные правила // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2021. № 1 (16). С. 6–12.

5. Кулеш Е. А. Правовые основы института «нежелательности пребывания» иностранных граждан в Российской Федерации в условиях реформирования системы органов внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 57–68. DOI: 10.7256/1999-2807.2017.1.21505

6. Мамонтова Э. А. Некоторые проблемы правового регулирования трудовой деятельности мигрантов в России // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 1. С. 138–140.

7. Прудникова Т. А., Акимова С. А. Миграционные процессы в современной России // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 150–152.

8. Шадрина Л. В. принудительное возвращение иностранных граждан и лиц без гражданства в государство иностранной принадлежности или постоянного проживания: сравнительно-правовой анализ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 260–274. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.40.94.023

© Батурин В. Ю.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батурин Владимир Юрьевич

Кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Тюмень, Россия).
E-mail: Vladimir1803@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Yu. Baturin

Candidate of Economics Sciences, Senior lecturer at the Department of Legal Training for Employees of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Tyumen, Russia).
E-mail: Vladimir1803@yandex.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 07.05.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.07.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Батурин В. Ю.

Научная статья
УДК 343.98
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-121-125

С. 121–125

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОГО УЧЁТА ЛИЦ, ПРИВЛЕЧЁННЫХ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, КАК СПОСОБА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Светлана Владимировна Дерягина

Пермский институт ФСИН, Пермь, Российская Федерация
sveberd.s@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа правоприменительной практики по использованию дактилоскопических учетов в целях решения задач правоохранительной деятельности предлагается усовершенствовать ведомственное законодательство в части введения процедуры исключения повторного дактилоскопирования такой категории лиц, как подозреваемые, обвиняемые в совершении преступлений посредством использования дактилоскопических сканеров (ДС-40, ДС-45), в территориальных органах МВД России на региональном уровне. На основе анализа критериев исключения повторной дакторегистрации для лиц, арестованных в административном порядке и иностранных граждан (лиц без гражданства) разработаны и предложены критерии для подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений.

В связи с развитием технологий и переходом на электронную форму дактилоскопирования, автором обосновывается и необходимость совершенствования методик ведомственной оценки по категории лиц, привлеченных к уголовной ответственности. На основе анализа правоприменительной практики и личного опыта автора в качестве руководителя отдела по эксплуатации автоматизированных дактилоскопических информационных систем ГУ МВД России по Пермскому краю предложены критерии оценки «удовлетворительно» и «неудовлетворительно», основанные на сопоставлении общего количества дактилоскопических карт, поступивших на учет с количеством дактилоскопических карт, выполненных с использованием дактилоскопических сканеров ДС-40 и ДС-45, что по мнению автора позволит оптимизировать деятельность сотрудников правоохранительных органов по реализации деятельности в области обязательной государственной дактилоскопической регистрации.

Ключевые слова: лица, привлеченные к уголовной ответственности, электронный дактилоскопический учет, исключение повторной дактилоскопической регистрации, критерии оценки, методика оценки, многофункциональная дактилоскопическая система

Для цитирования: Дерягина С. В. Совершенствование ведомственного законодательства в области дактилоскопического учёта лиц, привлечённых к уголовной ответственности, как способа противодействия преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3(50). С. 121–125. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-121-125

Research article

PROPOSAL TO IMPROVE DEPARTMENTAL LEGISLATOIN ON FINGERPRINT REGISTRATION OF PERSONS BROUGHT TO CRIMINAL RESPONSIBILITY

Svetlana V. Deryagina

Perm Institute of the FPS of Russia, Perm, Russia,
sveberd.s@yandex.ru

Abstract. This article, based on an analysis of law enforcement practices in the use of fingerprint records for the purpose of addressing law enforcement tasks, proposes improving departmental legislation by introducing a procedure to eliminate redundant fingerprinting of such categories of persons as suspects and accused of committing crimes, through the use of fingerprint scanners (DS-40, DS-45) in territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional level. Based on an analysis of the criteria for excluding redundant fingerprint registration for persons arrested in administrative proceedings and for foreign citizens (stateless persons), criteria for suspects and accused of committing crimes have been developed and proposed.

© Дерягина С. В.

Due to technological advancements and the transition to electronic fingerprinting, the author also substantiates the need to improvedepartmental assessment methodologies for the category of persons prosecuted for criminal offenses. Based on an analysis of law enforcement practices and the author's personal experience as the head of the department for the operation of automated fingerprint information systems of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Perm Krai, assessment criteria of "satisfactory" and "unsatisfactory" are proposed. These criteria are based on comparing the total number of fingerprint cards registered with the number of fingerprint cards processed using DS-40 and DS-45 fingerprint scanners, which, in the author's opinion, will optimize the activities of law enforcement officers in implementing mandatory state fingerprint registration.

Keywords: persons prosecuted for criminal offenses, electronic fingerprint registration, elimination of duplicate fingerprint registration, assessment criteria, assessment methodology, multi functional fingerprint system

For citation: Deryagina SV. Proposal to Improve Departmental Legislatoin on Fingerprint Registration of Persons Brought to Criminal Responsibility. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(13):121-125. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-121-125.

Введение

Автоматизация процессов идентификации личности в правозащитной деятельности имеет одно из ключевых значений для расследования преступлений, розыска лиц, установления личности возможных преступников. Как верно отмечается, современные технологии, применяемые в дактилоскопии, позволяют ускорить проверку лиц, доставленных в ОВД [6]. Обоснованно излагается и о потенциале дальнейшего развития дактилоскопического учета в условиях цифровой трансформации общества [4]. Заслуживает внимание мнение о том, что перспективы цифровизации, искусственного интеллекта и автоматизации в дактилоскопии связаны с повышением точности, скорости и надёжности идентификации личности [1]. Исследуются и иные современные технико-криминалистические средства и возможности их применения при расследовании преступлений [2; 5].

Наряду с важностью технического развития информационных систем необходимо и законодательное совершенствование отдельных положений, с учетом складывающейся правоприменительной практики. Некоторые предложения в связи с переходом на электронную форму дактилоскопирования в целях раскрытия преступных действий в том числе в сфере миграции, а также идентификации личности подозреваемых, представившихся чужими установочными данными, уже озвучивались в одной из наших работ [3].

Изучение данной темы обусловлено как научным интересом, так и с позиции совершенствования правоприменительной практики, поскольку до настоящего времени дактилоскопический учет остается одним из самых доступных и надежных методов идентификации личности. При этом использование именно многофункциональных дактилоскопических сканеров обеспечивает оперативность получения и обработки информации, увеличивает скорость постановки на дактилоскопический учет и отвечает требованиям к качеству направляемых дактокарт, которые участвуют в поиске и сравнительном исследовании при исполнении запросов, поступающих от заинтересованных ведомств.

Использование указанных систем вместе с дальнейшим последовательным совершенствованием ведомственного законодательства является ключевым этапом по цифровизации правоохранительной деятельности.

Материалы и методы исследования

В статье использованы федеральное и ведомственное законодательство, которое регулирует вопросы использования дактилоскопического учета в правоохранительной деятельности. Проанализированы методики федерального и регионального уровня, на основании которых производится ведомственная оценка деятельности территориальных органов МВД на районном уровне. В качестве специальных исследовательских методов использованы: сравнительно-правовой, формально-юридический, статистического анализа, системный, методы логического познания (анализ, синтез, дедукция, обобщение)

Описание исследования

Так называемый «электронный способ» дактилоскопирования, (применяемый территориальными органами МВД при наличии технической возможности, то есть дактилоскопических сканеров (далее — ДС)), позволяет формировать и направлять дактилоскопическую информацию в цифровом формате. Этот порядок закреплен Приказом МВД России от 19.06.2018 N 384 «Об утверждении Порядка проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени и Перечня категорий лиц, в отношении которых обязательная государственная дактилоскопическая регистрация не проводится в случае идентификации их личности в результате проверки по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени»[1] (далее — приказ № 384). Наряду

[1] Приказ МВД России от 19.06.2018 г. № 384 «Об утверждении Порядка проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени и Перечня категорий лиц, в отношении которых обязательная государственная дактилоскопическая регистрация не проводится в случае идентификации их личности в результате проверки

© Дерягина С. В.

с составлением дактилоскопических карт, ДС еще позволяет провести проверку в отношении лиц, представляющих оперативный интерес в целях установления (подтверждения) их личности и исключения проведения дактилоскопической регистрации в отношении иностранных лиц (и лиц без гражданства) и граждан, подвергнутых административному аресту.

Важно, что именно исключение проведение повторной дактилоскопической регистрации в отношении указанных лиц позволяет сохранять оперативность работы при использовании баз данных, исключая дубликаты отпечатков пальцев на одно и тоже лицо. При этом, в настоящее время процедура исключения повторного дактилоскопирования применяется, как мы уже отметили, только в отношении лиц, арестованных в административном порядке и иностранных граждан (лиц без гражданства), хотя из общего количества лиц, состоящих на дактилоскопическом учете, значительную часть составляют лица, привлеченные к уголовной ответственности, осужденные к наказаниям, связанным либо не связанным с лишением свободы[2].

При этом, необходимо указать, что лицо, привлеченное к уголовной ответственности, подвергается процедуре обязательной дактилоскопической регистрации сначала на этапе вынесения в отношении него постановления о привлечении в качестве подозреваемого (обвиняемого) по конкретному уголовному делу, а в дальнейшем — при вынесении в отношении него приговора суда и назначении наказания по этому же уголовному делу (в зависимости от вида наказания осужденные дактилоскопируются в колониях, тюрьмах, следственных изоляторах, либо в уголовно-исполнительных инспекциях).

Однако, действующее законодательство не содержит положений, предусматривающих возможность проведения оперативных проверок и процедуры исключения повторного дактилоскопирования в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности, что, с учетом складывающейся тенденции к цифровизации, внедрения электронного дактилоскопирования, представляет собой определенный пробел в использовании возможностей дактилоскопических сканеров для указанных лиц.

В связи с изложенным, на основе анализа правоприменительной практики в отношении иных субъектов, на которых распространяется процедура исключения повторного дактилоскопирования, предлагается расширить список лиц, в отношении которых возможно проведение оперативных проверок и исключения повторного дактилоскопирования. В качестве возможных оснований для этого считаем возможным взять за основу два критерия, которые должны быть выполнены одновременно:

1) если при идентификации личности в результате оперативной проверки установлено наличие дактилоскопической информации, полученной в течение текущего и предшествующего года при прохождении проверяемым лицом обязательной государственной дактилоскопической регистрации в связи с привлечением к уголовной ответственности (то есть лицо имело статус подозреваемого (обвиняемого) или осужденного по уголовному делу, в связи с которым в отношении него была ранее проведена процедура обязательной дактилоскопической регистрации по указанному основанию);

2) в базе данных регионального комплекса имеется дактилоскопическая информация, составленная ранее, как на лицо, привлеченное к уголовной ответственности (не менее трех дактилоскопических карт).

В связи с изложенным, необходимо дополнить:

— Приложение № 2 Приказа № 384 абзацем 9 следующего содержания: «Граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, привлеченные к уголовной ответственности (подозреваемые, обвиняемые, осужденные)»;

— Раздел II Приказа № 384 пунктом 13.1 следующего содержания: «Обязательная государственная дактилоскопическая регистрация проверяемого лица из числа лиц, указанных в пункте 9 Перечня, не проводится, если при идентификации личности в результате оперативной проверки установлено наличие дактилоскопической информации, полученной в течение текущего и предшествующего года при прохождении проверяемым лицом обязательной государственной дактилоскопической регистрации в связи с привлечением к уголовной ответственности и в базе данных регионального комплекса имеется дактилоскопическая информация по иным основаниям — не менее трех дактилоскопических карт.

Вместе с тем, для более успешной аппоробации предлагаемых положений, полагаем возможным внести корректировки в действующие методики оценки деятельности территориальных органов внутренних дел. Так, на уровне МВД методика утверждена распоряжением «Об утверждении универсальной методики оценки организации и эффективности информационного обеспечения деятельности ТОМВД России, в том числе деятельности по формированию и использованию централизованных оперативно-справочных, розыскных, криминалистических и иных учетов»[3] от 08.12.2025 г.

по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени» // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71910532/?ysclid=m66ria5rez470424862 (дата обращения 04.04.2026)

[2] Вывод сделан на основе личной практики автора с учетом работы в качестве руководителя отдела по эксплуатации автоматизированных дактилоскопический информационных систем ГУ МВД России по Пермскому краю с 2023 по 2026 гг.

[3] Распоряжение МВД России «Об утверждении универсальной методики оценки организации и эффективности информационного обеспечения деятельности ТОМВД России, в том числе деятельности по формированию и использованию централизованных оперативно-справочных, розыскных, криминалистических и иных учетов» от 08.12.2025 г. № 1/15923 URL: https://xn-d1aa6a.xn-b1aew.xn-p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/нормативные-правовые-акты (дата обращения: 04.04.2026).

© Дерягина С. В.

№ 1/15923, на уровне Пермского края — распоряжением ГУ МВД России по Пермскому краю от 31.01.2025 г. № 1/1974 «Об оценке состояния и эффективности деятельности по формированию и использованию централизованных, оперативно-справочных, розыскных, криминалистических и иных учетов»[4].

В качестве критерия оценки предлагается дополнить показатель Методики 1 «Полнота и качество формирования автоматизированного дактилоскопического учета» индикатором «в» — «количество дактилоскопических карт, направленных для постановки на дактилоскопический учет по уголовной регистрации с использованием дактилоскопических сканеров (ДС-40, ДС-45)». Полагаем, что оценку «удовлетворительно» или «неудовлетворительно» необходимо дифференцировать в зависимости от общего количества дактилоскопических карт, составленных на лиц, подлежащих обязательной государственной дактилоскопической регистрации, входящих в сегмент по уголовной регистрации, а именно: административно-арестованные и привлеченные к уголовной ответственности.

С учетом работы автора в качестве руководителя отдела по эксплуатации автоматизированных дактилоскопических информационных систем ГУ МВД России по Пермскому краю, в чью компетенцию входило систематическое инспектирование территориальных органов ГУ МВД России по Пермскому краю и оформление отчетов в соответствии с указанными методиками, полагаем, что оптимальным количеством «электронных дактилоскопических карт» (с учетом оснащенности дактилоскопическими сканерами ТОМВД региональных уровней) будет являться 50 % от общего количества дактокарт, подлежащих постановке на учет.

Таким образом, предлагаем оценивать «удовлетворительно» те ТОМВД, в которых 50 % и более дактилоскопических карт, составленных и направленных для постановки на дактилоскопический учет, именно по уголовной регистрации, выполнены с использованием ДС-40 и ДС 45. Соответственно как «неудовлетворительно» предлагается оценивать те ТОМВД, в которых доля указанных дактилоскопических карт составит менее 50 %. При этом, считаем, что для постепенного увеличения доли «электронных» дактилоскопических карт в общей базе регионального комплекса, указанные проценты необходимо пересматривать и корректировать. Так, в целях оптимизации деятельности, считаем, что данный показатель должен увеличиться до 85–90 % к 2030 году, что постепенно позволит перейти на формирование «электронной базы» дактилоскопических карт, с уменьшением, доли бумажных дактокарт, а в последующем, возможно, и с полным отказом от них. Исключение могут составлять ТОМВД, не оснащенные дактилоскопическими сканерами.

Считаем, что с учетом складывающейся тенденции к внедрению цифровых технологий в правоохранительную деятельность, указанные предложения позволят снизить нагрузку на сотрудников, в чью компетенцию входит обязанность по дактилоскопированию рассматриваемой категории, а это практически все «ключевые» подразделения системы МВД: следователи, дознаватели, оперативные сотрудники, участковые уполномоченные полиции и по делам несовершеннолетних, сотрудники дежурных частей. Такое предложение является вполне обоснованным на фоне ежегодно увеличивающегося некомплекта среди сотрудников МВД[5].

Заключение

В заключении необходимо указать, что современные реалии развития преступности требуют адекватных и своевременных способов предупреждения преступлений посредством использования цифровых технологий. В частности, применение дактилоскопических сканеров в правоохранительной деятельности обеспечивает решение следующих оперативных задач:

— опознание лиц, подозреваемых в совершении преступлений в режиме он-лайн, что позволяет своевременно принимать процессуальные решения;

— противодействие нелегальной миграции, в частности по пресечению незаконной трудовой деятельности мигрантов, а также незаконного пересечения ими границы РФ;

— формирование «цифровой базы данных», что особенно важно в условиях появления дипфейков и нарастающего числа фактов использования чужих биометрических данных;

Вместе с тем, развитие цифровых технологий должно идти совместно в совершенствованием законодательной базы. С учетом специфики правоохранительной деятельности, полагаем, что ключевым направлением является прежде всего закрепление и уточнение отдельных положений ведомственного законодательства, регламентирующего использование дактилоскопических сканеров, а также совершенствование методик, обеспечивающих оценку деятельности правоохранительных органов.

Решение указанных задач в определенной степени позволит говорить о переходе на иной, качественно новый уровень по обеспечению общественной безопасности, состоящий в переходе от «пассивной дакторегистрации» к «активному цифровому дактоучету», как способу противодействия преступности.

[4] Распоряжение ГУ МВД России по Пермскому краю от 31.01.2025 г. № 1/1974 «Об оценке состояния и эффективности деятельности по формированию и использованию централизованных, оперативно-справочных, розыскных, криминалистических и иных учетов» https://дпд.мвд.рф/документы/нормативные-правовые-акты (дата обращения: 21.04.2026).

[5] Колокольцев сообщил о проблеме с комплектованием кадров в МВД // URL: https://tass.ru/obschestvo/26496185 (дата обращения: 04.04.2026).

© Дерягина С. В.

Список источников

1. Анисимова Ю. Н. Дактилоскопирование живых лиц и трупов // Актуальные исследования. 2025. № 23(258). Ч.II. С. 15–17.

2. Веселин В. В., Внуков В. И. Современные технико-криминалистические средства, используемые для дактилоскопирования // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12(199). С. 429–430

3. Дерягина С. В. Электронный дактилоскопический учет как способ противодействия преступности в сфере миграции // Вестник Прикамского социального института. 2025. № 1(100). С. 15–22.

4. Каримов В. Х. Перспективы развития криминалистической дактилоскопии в условиях цифровой трансформации общества // Полицейская деятельность. 2024. № 3. С. 30–41. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.3.70188.

5. Сафронов А. А., Форминых М. А. Современные возможности дактилоскопирования с целью производства дактилоскопических экспертиз // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 3. С. 62–64.

6. Яровенко В. В., Пяткова О. В., Чередниченко А. В. Применение цифровых технологий в дактилоскопии (переход на создание, хранение и исследование материалов в электронном виде» // Юридические исследования. 2022. № 2. С. 51–62. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.2.35038.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дерягина Светлана Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России (Пермь, Россия), подполковник внутренней службы.
E-mail: sveberd.s@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Deryagina

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal, Criminal-Executive Law and Organization of the Execution of Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from Society, Perm Institute of the FPS of Russia (Perm, Russia), lieutenant colonel of Interior Service
E-mail: sveberd.s@yandex.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 17.04.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 19.05.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Дерягина С. В.

Научная статья
УДК: 343.341
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-126-136
С. 126–136

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ СТАТУСА «ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ» КАК ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

(на примере России и постсоветских республик)

ЧАСТЬ 2

Окончание. Начало статьи — в журнале «Правопорядок: история, теория, практика». 2026. № 2(49) [7].

Олег Николаевич Дунин[1], **Эльмир Салманович Намазов**[2], **Николай Николаевич Рыбушкин**[3]

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
[1]roj7573@yandex.ru
[2]ondunin@mail.ru
[3]Nikolay.Rebushkin@kpfu.ru

Аннотация. Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 210.1 (Занятие высшего положения в преступной иерархии). Толкование содержания данной нормы вызывает затруднения в теории и практике. В работе использованы материалы судебной и следственной практики по Республике Татарстан; социологический опрос сотрудников правоохранительных органов и преступников-рецидивистов. В настоящей научной статье упоминаются анкетные данные лиц (подсудимых и осуждённых), которые были опубликованы в СМИ, в других случаях приводятся инициалы и прозвища, а также фамилии сотрудников правоохранительных органов, которые непосредственно задерживали фигурантов и расследовали уголовное дела. В работе анализируется первое уголовное дело по ст. 210.1 УК РФ, возбужденное в Республике Татарстан в отношении «вора в законе» по прозвищу «Рашид Джамбульский». Отмечается, что правоохранительные органы, наряду с со ст. 210.1 УК РФ, привлекают лидеров уголовно-преступной среды по ст. 282.2 УК РФ. В научной статье рассматривается первое в правоприменительной практике России уголовное дело, возбужденное по ст. 282.2 УК РФ в Республике Татарстан по идеологии АУЕ (запрещена в России) в условиях исправительного учреждения. Вносятся предложения по совершенствованию редакции ст. 210.1 УК РФ: криминализация участия в «воровской сходке»; конкретизация диспозиции ст. 210.1 УК РФ за счет описания признаков объективной стороны, к которым авторы относят действия по осуществлению организационно-распорядительных функций среди лиц и групп, входящих в преступную среду; по координации деятельности организованных преступных групп и сообществ; разрешение споров между лицами, входящими в сообщество профессиональных преступников, организованными группами и сообществами; организация нарушения режима исправительных учреждений путем установления денежных поборов среди осужденных, принуждения их к участию в азартных играх; сбор денежных средств для общего фонда преступного сообщества; хранение, управление общим денежным фондом преступного сообщества.

Ключевые слова: организованная преступность, профессиональная преступность, опасное состояние лица, положение в преступной иерархии, вор в законе, положенец, бродяга, смотрящий

Благодарности: Авторы научной статьи выражают благодарить: руководителю первого отдела по особо важным дела СУ СК России по Республике Татарстан полковнику юстиции Р. К. Билалову; следователю по особо важным делам первого отдела по расследованию особо важных дел СУ СК России по Республике Татарстан полковнику юстиции А. А. Гиниятуллину; заместителю начальника Следственной части Главного следственного управления МВД по Республике Татарстан[1)] полковнику юстиции М. Р. Махмутову; заместителю начальника отдела СЧ ГСУ МВД по Республике Татарстан подполковнику юстиции А. И. Сафину; старшему оперуполномоченному по особо важным делам отдела по борьбе с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии Главного управления уголовного розыска МВД России[2)] полковнику полиции А. Н. Абрамкина; заместителю начальника отдела по борьбе с организованной преступностью управления уголовного розыска МВД по Республике Татарстан[3)] майору

[1)] Далее — СЧ ГСУ МВД по Республике Татарстан.
[2)] Далее — ГУУР МВД России.
[3)] Далее — ОБОП УУР МВД по Республике Татарстан.

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

полиции О. А. Ямпольскому; старшему оперуполномоченному по особо важным делам ОБОП УУР МВД по Республике Татарстан майору полиции А. С. Гончарову; начальнику отделения ОБОП УУР МВД по Республике Татарстан капитану полиции Р. И. Акчурину; начальнику отдела полиции № 9 «Сафиуллина» УМВД России по г. Казани полковнику полиции А. И. Зарипову; начальнику ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Татарстан майору внутренней службы Р. Р. Гильмутдинову; начальнику оперативного отдела ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Татарстан майору внутренней службы А. С. Антипичеву; заместителю начальника оперативного отдела ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Татарстан старшему лейтенанту внутренней службы И. Р. Багаутдинову; начальнику ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по Республике Татарстан майору внутренней службы А. Р. Сагдееву за консультации и ценные советы при написании настоящего исследования[4)].

Для цитирования: Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н. Уголовно-правовая характеристика содержания статуса «высшего положения в преступной иерархии» как основания для привлечения к уголовной ответственности (на примере России и постсоветских республик). Часть 2 // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 126–136. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-126-136

Research article

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF THE STATUS OF "HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY" AS A BASIS FOR CRIMINAL LIABILITY (Based on the Example of Russia and Post-Soviet Republics). PART 2

Oleg N. Dunin[1], **Elmir S. Namazov**[2], **Nikolay N. Rybushkin**[3]

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
[1] *roj7573@yandex.ru*
[2] *ondunin@mail.ru*
[3] *Nikolay.Rebushkin@kpfu.ru*

Abstract. On April 1, 2019, Federal Law No. 46-FZ introduced Article 210.1 (Occupation of the Highest Position in the Criminal Hierarchy) into the Criminal Code of the Russian Federation. The interpretation of this provision poses difficulties in both theory and practice. The work employs materials from judicial and investigative practices in the Republic of Tatarstan, as well as a sociological survey of law enforcement officers and repeat offenders. This scientific article references survey data from individuals (defendants and convicts) that have been published in the media; in other instances, initials and aliases are provided. The article analyzes the first criminal case initiated under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in the Republic of Tatarstan against the "thief in law" known by the nickname "Rashid Dzhambulsky". It is noted that law enforcement agencies, in addition to invoking Article 210.1 of the Criminal Code, also prosecute leaders of the criminal underworld under Article 282.2 of the Criminal Code. The article discusses the first case in Russian law enforcement practice initiated under Article 282.2 of the Criminal Code in the Republic of Tatarstan related to the ideology of AUE (which is banned in Russia) within a correctional institution. The authors propose improvements to the wording of Article 210.1 of the Criminal Code, including the criminalization of participation in a "thieves' gathering"; specifying the disposition of Article 210.1 by describing the features of the objective side, which the authors relate to actions involving the exercise of organizational and directive functions among individuals and groups within the criminal environment; coordinating the activities of organized criminal groups and communities; resolving disputes between members of professional criminal communities, organized groups, and associations; organizing violations of the regime in correctional institutions through monetary extortion among convicts and coercion into participating in gambling; fundraising for the common fund of the criminal community; and the storage and management of the common monetary fund of the criminal community.

Keywords: organized crime, professional crime, dangerous status of an individual, position in the criminal hierarchy, placed, vagabond, watcher

For citation: Dunin ON, Namazov ES, Rybushkin NN. Criminal-Legal Characteristics of the Status of "Highest Position in the Criminal Hierarchy" as a Basis for Criminal Liability (Based on the Example of Russia and Post-Soviet Republics). Part 2. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):126-136. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-126-136

[4)] Публикация персональных данных осуществлена с согласия указанных лиц.

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

1. «Положенцы» и «бродяги» как лица, занимающие положение в преступной иерархии

В структуре криминальной иерархии «положенец» занимает вторую по значимости позицию после «вора в законе». Он назначается последним и осуществляет управленческие функции в преступной среде на уровне отдельного региона или исправительного учреждения, выступая доверенным лицом «вора в законе» и реализуя его волю. По мнению А. В. Воронцова наличие статуса «положенец» свидетельствует о занятии высшего положения в преступной иерархии [1, с. 190].

Примером могут служить материалы уголовного дела, где указано, что «31.12.2015 на сходке лиц[1], занимающих лидирующие положения в преступной иерархии Республики Татарстан, Нейдеров С. М. (прозвище «Нейдер», выходец из организованного преступного формирования[2] «Сухая Река») в результате проведения процедуры, основанной на криминальных традициях, установленным лицом в статусе «вора в законе» был признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, так называемым «положенцем», за которым определена зона преступного влияния в пределах территории Республики Татарстан»[3]. Как следует из приговора Верховного суда Республики Татарстан «о принятом решении были уведомлены иные лица уголовно-криминальной направленности. В дальнейшем Нейдеров осуществлял функции третейского судьи, разрешая споры между организованными преступными группировками Казани и Республики Татарстан, собирал денежные средства на нужды преступного сообщества, разрешал споры и конфликты, возникшие между различными субъектами преступной иерархии»[4].

Таким образом, «положенец» действует от лица «вора в законе», замещает «вора» в его отсутствие, когда «вор» не может осуществлять управленческие функции в силе тех или иных объективных причин: убытия в исправительное учреждение[5], вследствие чего осложнено отправление административных полномочий среди осужденных, либо же наоборот отбытия в ИУ и утрате контроля за обстановкой «на воле».

Еще одна причина, вынуждающая воров назначать «положенцев» («местоблюстителей») — активная работа правоохранительных органов, вынуждающих воров покидать места привычной дислокации. Поэтому многие «воры в законе» находятся на территории зарубежных государств, например Турции (из-за отсутствия экстрадиции), откуда пытаются оказывать влияние на криминальную обстановку в России. В криминальной среде на сегодняшний день устоялась формулировка «шагать от вора», означающая что определенное лицо, не являясь вором, действует в интересах последнего.

Примечательно, что сам статус «положенца» достаточно новый для криминального мира, а некоторые криминальные авторитеты старшего поколения отрицают саму правомочность существования данного статуса. Так, один из криминальных авторитетов (прозвище «Валет») высказывает, что «общая масса лиц, принадлежащих к касте «блатных», представляет из себя сообщество равных, выделяются среди которых лишь воры, иные же стратификации внутри «бродяг» противоречат изначальной воровской идее»[6]. Впрочем, нормативная система, регламентирующая жизнь криминальной среды отличается достаточной пластичностью и меняется под требования изменившейся социальной действительности.

Следующий статус, содержание которого вызывает интерес в контексте ст. 210.1 УК РФ — статус «бродяги». Под «бродягой» понимается рядовой участник неформального сообщества профессиональных преступников, соблюдающий «воровской закон», передающий денежный средства в кассу взаимопомощи, имеющий устойчивую антиобщественную обстановку. Бродяга может и не быть вовлечен в деятельность различных организованных преступных сообществ[7] или ОПФ, не участвовать в разрешении споров, не влиять активно на обстановку в преступном мире. Для занятия статуса достаточно придерживаться криминальной идеологии в ИУ, пользоваться уважением среди представителей криминалитета, нарушать режим ИУ, вследствие чего «бродить» по единому помещению камерного типа (ЕПКТ) и строгие условия содержания (СУС).

2. Борьба с лидерами сообщества профессиональных преступников по материалам правоприменительной практики Республики Татарстан

Показательным примером результативности оперативно-разыскных мер, принимаемых подразделениями по борьбе с организованной преступностью, может служить следующее уголовное дело. В результате

[1] Действующее законодательство предусматривает на стадии предварительного следствия возможность допроса свидетеля с сохранением в тайне данных о личности (так называемый «засекреченный тайный свидетель» или «анонимный свидетель»), как правило, при обеспечении мер безопасности в силу п. 7 ч. 4 ст. 57, ч. 9 ст. 166 УПК РФ, если имеется реальная угроза согласно ст. 11 УПК РФ. Части 5 и 6 ст. 278 УПК РФ предусматривает возможность допроса указанных свидетелей в суде.

Свидетель ФИО, допрошенный в судебном заседании с измененными анкетными данными, а так же на предварительном следствии показал, что Нейдедов в Республике Татарстан занимал статус уголовного авторитета «положенец» // Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 25.03.2022 по делу № 2–22/2021 // СПС «Консультант Плюс» URL: https:// www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

[2] Далее — ОПФ.

[3] См.: Суд признал криминальный авторитет Нейдера. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5280541 (дата обращения: 20.03.2026).

[4] Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 25.03.2022 по делу № 2–22/2021 // СПС «Консультант Плюс» URL: https:// www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

[5] Далее — ИУ.

[6] Валера Валет про смотрящих и положенцев. По материалам «Праймкрайм». // «Праймкрайм»: [сайт]. URL: https://www.primecrime.ru/video/1751/?ysclid=m9742lc4at171044560 (дата обращения: 20.03.2026).

[7] Далее — ОПС.

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

оперативно-разыскных мероприятий, проведенных сотрудниками ОБОП УУР МВД по Республике Татарстан — в лице оперуполномоченного по особо важным делам капитана полиции Р. И. Акчурина — во взаимодействии с иными сотрудниками полиции, 23 апреля 2024 г. в торгово-развлекательном центре «Тандем» (г. Казань) были задержаны Х., 1984 г. р. (прозвище «Ахмет», выходец из организованного преступного формирования «Суконка», ранее судимый по ч. 1 ст. 105 и ч. 2 ст. 228 УК РФ, имеющий в уголовно-преступной среде статус «бродяги»), и М., 1977 г. р. Указанные лица вымогали у гражданина Л., 1972 г. р., денежные средства в размере 750 000 рублей под предлогом несуществующего долга. По данному факту следователем по особо важным делам следственной части Главного следственного управления МВД по Республике Татарстан подполковником юстиции Р. Н. Гайфутдиновым 23 апреля 2024 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а», «в», «г» ч. 3 ст. 163 УК РФ. В ходе расследования были выявлены дополнительные эпизоды преступной деятельности, квалифицированные по ч. 2 ст. 159 УК РФ. 25 апреля 2024 г. Вахитовским районным судом г. Казани в отношении фигурантов была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

29 ноября 2024 г. обвинительное заключение было утверждено заместителем прокурора Республики Татарстан, а материалы уголовного дела направлены в Московский районный суд г. Казани для рассмотрения по существу[8]. 18 июня 2025 г. Московским районным судом г. Казани Х., 1984 г. р., был осуждён по ч. 2 ст. 330, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 69, ст. 73 УК РФ; ему назначено наказание в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года[9]. Осужденный был освобожден в зале суда.

По нашему мнению, статус «бродяги» сам по себе не является криминообразующим для ст. 210.1 УК РФ, но в случае, если такое лицо улаживает споры между различными преступными группами, осуществляет сбор денежных средств в «общак», принуждает платить за свое покровительство, с целью получения имущественной выгоды, распространяет воровскую идеологию и т. д., то подпадает под действия ст. 210.1 УК РФ.

3. Влияние лиц, занимающих положение в преступной иерархии на условия исправления в учреждениях уголовно-исполнительной системы

Исправительные учреждения остаются местом, где влияние лиц, занимающих высокое положение в преступной иерархии особенно велико. Так, «осужденный за разбой и хранение оружия Э.Д.А.А., 1994 г. р., находясь в местах лишения свободы, получил по решению «воров в законе» криминальный статус «бродяги». 17.02.2020 для дальнейшего отбывания наказания был этапирован в ФКУ ИК-6 УФСИН России по Чувашской Республике. Узнав, что в ИК-6 отсутствует лицо, занимающее в ней высшее положение, заручившись поддержкой «воров в законе», примкнул к группе осужденных, придерживающихся криминальной идеологии, с целью занятия лидирующего положения в криминальной среде, повышения и укрепления своего преступного авторитета, объявил осужденным, отбывающим наказание в указанном учреждении, что обладает криминальным статусом «бродяга», позволяющим занимать высшее положение в преступной иерархии. После этого, осужденными («братвой»), имеющими устойчивые криминальные взгляды и занимающими высокое положение в ячейке криминального сообщества ИК-6, Э.Д.А.А. был назначен «смотрящим», то есть занял высшее положение в преступной иерархии, сложившейся среди осужденных, отбывающих наказание в указанном ИУ. Положение как «смотрящего» и имеющего криминальный статус «бродяга», было признано другими лицами, придерживающимися криминальной идеологии. После чего, с целью повышения и укрепления своего преступного авторитета, активно пропагандировал и распространял традиции и обычаи криминального мира, разбирал конфликтные ситуации и устанавливал в исправительном учреждении порядки, распределял функции и роли среди других осужденных по отдельным направлениям деятельности и объектам колонии, распространял криминальную идеологию, пропагандировал соблюдение принятых в криминальной среде традиций, правил и норм поведения, систематически допускал нарушения установленного в следственном изоляторе режима содержания. препятствовал сотрудникам ИК-6 в выполнении ими служебных обязанностей. Кроме того, Э.Д.А.А., принимал карательные меры в отношении лиц, ослушавшихся его и допустивших проступки, неприемлемые в криминальном мире, а именно избивал нарушивших «воровской закон» осужденных («обезличивал», то есть освобождал от «общих» дел), тем самым способствуя понижению их статуса в преступной иерархии, которые впоследствии не могли отвечать ни за какие аспекты жизнедеятельности. Например, 13.07.2020 сотрудниками ИК-6 в ходе личного обыска у Ф., ответственного среди осужденных за организацию и проведение незаконных азартных игр в указанном учреждении, были обнаружены и изъяты тетрадные листы с записями о проведении незаконной игорной деятельности. Э.Д.А.А., узнав обстоятельства произошедшего, пришел

[8] В ходе предварительного следствия не представилось возможным привлечь Х., 1984 г. р. к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ, так как органы дознания не смогли представить доказательства того, что он участвовал в разрешении различных конфликтов среди лиц, входящих в преступную среду на территории Республики Татарстан и занимался организацией и контролем распределения денежных средств в неформальную воровскую казну «общак». Потерпевшие и свидетели отказались давать прямые показания на Х., 1984 г. р. Органам предварительного следствия представлены материалы, что Х. 1984 г. р. занимался вымогательством и мошенничеством.

[9] См.: Приговор Московского районного суда г. Казани от 18.06.2025 по делу № 1-93/2025 (УИД: 16RS0048-01–2024-008340-05) // Московский районный суд г. Казани, РТ. URL: https:// https://moskovsky-tat.sudrf.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

к выводу о халатном обращении Ф., с указанными записями (жарг. «тачковками») и виновности последнего в их обнаружении сотрудниками ИК-6, что в силу сложившихся негласных криминальных традиций, норм и правил является грубым проступком, влекущим за собой наказание, которое может быть определено и исполнено только лицами, обладающими высоким преступным авторитетом.

В указанный период времени, Э.Д.А.А., находясь среди криминально-ориентированных лиц, обладая непререкаемым авторитетом, во исполнение своих функций лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, давал указания о сборе денежных средств с определенных условно-обособленных, подконтрольных групп осужденных для формирования «общака», сам непосредственно осуществлял контроль за сбором денежных средств для формирования «общака», а также его распределение»[10].

Приговором Верховного суда Чувашской Республики от 15.02.2024 с учетом наказания по предыдущему приговору суда (ч. 3 ст. 162, ч. 1 ст. 222, ч. 2 ст. 321 УК РФ) Э.Д.А.А., назначено по ст. 210.1, ч. 2 ст. 321, 53, ч. 5, ст. 69, 70 УК РФ наказание в виде 12,5 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии особого режима и последующим ограничением свободы на 1,5 года[11].

Таким образом, приведенный пример демонстрирует устойчивость неформальных институтов криминального лидерства в ИУ и их способность воспроизводиться даже в условиях формального режима содержания. Это актуализирует необходимость дальнейшего изучения механизмов функционирования криминальной иерархии в местах лишения свободы и разработки эффективных мер противодействия указанным процессам.

4. Организаторы ОПФ и ОПС как лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии

Сообщество профессиональных преступников отличается многообразием форм, в некоторых случаях, лица руководящие крупными организованными преступными формированиями дистанцируются от традиционного преступного сообщества, живущего по «воровским законам». Закономерно возникает вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ лидеров и криминальных авторитетов ОПС или ОПФ, не принадлежащих «воровской среде».

Ярким примером является «тагирьяновская» организованная преступная группировка, созданная предпринимателем Т.Э.О., 1965 г. р. Формирование включало три возрастные категории участников и действовало в 1995–2003 гг. на территории Республики Татарстан (г. Набережные Челны), а также в г. Москве, г. Челябинске, Московской и Пензенской областях, совершая тяжкие и особо тяжкие преступления в коммерческих целях. В ходе следствия было возбуждено 75 уголовных дел; установлено 21 убийство (в том числе начальника уголовного розыска УВД г. Набережные Челны капитана милиции В. А. Гимадеева и лидера ОПФ «Гэсовские» Бацаева), 11 похищений предпринимателей с целью получения выкупа. Общая сумма перечисленных потерпевшими средств составила 61,5 млн рублей [1, с. 52–57]. Арсенал банды включал гранатометы, пулемет, 22 автомата Калашникова, 17 пистолетов, глушители, оптические прицелы, более 7,5 тыс. патронов, радиоуправляемые взрывные устройства и магнитные мины. Отличительными чертами формирования были отсутствие контролируемой территории, изолированность от иных ОПС и ОПФ, высокая сплочённость, скрытность и планирование преступлений по типу военных спецопераций. 27 августа 2007 г. Верховный суд Республики Татарстан приговорил Т.Э.О. к пожизненному лишению свободы, остальные 16 участников банды осуждены к различным срокам лишения свободы[12].

Полагаем, что ст. 210.1 УК РФ в большей части направлена на борьбу с лидерами уголовно-преступной среды, проповедующими «воровские традиции», нежели с лидерами и криминальными авторитетами ОПС или ОПФ (так называемыми «бандитами», «беспредельщиками»), к которым в большей части применима ст. 209 УК РФ Бандитизм, ст. 210 УК РФ Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней).

5. Нормы, устанавливающие ответственность за преступления экстремистской направленности, как правовая основа для противодействия «воровской идеологии»

Представители «воровского» сообщество, как отмечалось выше, объединены между собой общей системой ценностей, именуемой также идеологией «АУЕ».

Решением Верховного Суда РФ (ВС РФ) от 17.08.2020 по делу № АКПИ20–514С вступившим в законную силу 10.11.2020, международное общественное движение (МОД) «Арестантское уголовное единство» признано экстремистской организацией и его деятельность запрещена на территории России. Впоследствии, дополнительным решением ВС РФ от 02.10.2020 по делу № АКПИ20-514С, резолютивная часть вышеуказанного решения суда от 17.08.2020 дополнена указанием на другие используемые МОД «Арестантское уголовное единство» наименования: «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.

На основании ст. 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстре-

[10] Выдержка из Приговора Верховного суда Чувашской Республики от 15.02.2024 (дело № 2-1/2024) в отношении Э.Д.А.А., 1994 г. р. по ст. 210.1 УК РФ (УИД 21OS0000-01-2023-000059-19) // СПС «Консультант Плюс» URL: https:// www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

[11] Данное решение Э.Д.А.А., обжаловано в Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции от 11.06.2024 (№ 55-349/2024) и Судебную коллегию по уголовным делам ВС РФ от 14.11.2024 (№ 31-УД24-11-А4), оставлено без изменения // СПС «Консультант Плюс» URL: https:// www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

[12] См.: Приговор ВС РТ от 27.08.2007 по делу № 2-7/2007

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

мистской деятельности», МОД АУЕ (и др. наименования), включены Минюст России в Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности.

Согласно решению ВС РФ от 17.08.2020, объединяющей основой АУЕ является криминальная идеология, разрушающая моральные устои общества, нравственные ценности человека и формирующая базу для пополнения рядов криминального сообщества, а также экстремистская идеология, заключающаяся в возбуждении ненависти и вражды по отношению к представителям институтов власти (в первую очередь к сотрудникам правоохранительных органов как социальной группе).

Под воздействием экстремистской и криминальной идеологии в рамках деятельности и в интересах Движения его участниками совершаются экстремистские правонарушения, резонансные преступления, массовые беспорядки и др. Движением продвигается идея создания «воровской» власти в качестве антипода действующей государственной власти, а также применения других законов («понятий»). В рамках АУЕ формируется экстремистское мировоззрение молодежи во главе с протестным поведением, нацеленным на подрыв общепризнанных ценностей и государственных институтов власти.

По мнению криминолога Д. Н. Сергеева «АУЕ — в большой степени коммуникативная формула, которую использовали последователи воровских понятий в 1990-х и нулевых. Есть точка зрения, что АУЕ — это приветствие осужденных которые прибывали в тюрьму»[13]. О молодежной субкультуре АУЕ стало известно в 2010 г. в Забайкальском крае при широкой огласки СМИ, когда школьники стали собирать деньги у сверстников на «общак», для лиц отбывающих наказание, подростки рисовали воровские звезды, разделяли воровские идеалы и погружались в воровскую романтику[14]. Дети стали играть в криминал, которую поддерживали ранее судимые и не имевшие никакого криминального статуса. Решение о запрете движения АУЕ правильно, но лишь с воспитательной точки зрения, так как социальные сети, паблики пробуждали у подростков интерес к данной субкультуре.

Необходимо отметить, что ранее места лишения свободы делились условно на два лагеря «красные» (власть принадлежит администрации) и «черные» находящееся под контролем криминалитета. Последнее время приходится констатировать существование третьей и четвертой группы, при сложной стратификации в преступной иерархии. К третей группе можно отнести так называемых «зеленых» (приверженцев радикальных, признанных экстремистскими течений Ислама). В некоторых исправительных учреждениях происходят столкновения между представителями указанной группы, объединенными в так называемые «тюремные джамааты», с одной стороны и «блатными» придерживающих «воровской идеологии» с другой[15]. В этой связи большая угроза может исходить от лиц, исповедующих радикальные религиозные течения, с крайней экстремисткой идеологией[16], которые оказывают негативное влияние на окружающих и способны побудить осужденных к преступлениям террористической направленности[17].

К четвертой группе можно отнести военнослужащих, совершивших преступления против военной службы, как правило по ст. 337 УК РФ (Самовольное оставление части или места службы), так называемых «сочников», которые не заражены блатной романтикой, дистанцируются от осужденных, принадлежащих к категории «блатных».

При этом необходимо отметить, что после начала Специальной военной операции[18] на Украине

[13] Сергеев Д. Н. «Они исчезнут на наших глазах» Воры в законе теряют власть в преступном мире. Почему их уже не боятся в тюрьме и на воле? // Лента.ру: [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2024/03/07/vvz/?ysclid=mn4zv3uhc9406560968 (дата обращения: 20.03.2026).

[14] См.: Злодеям станет сложнее собирать деньги со школьников на воровской «общак» // Парламентской газеты: [сайт]. URL: https://www.pnp.ru/social/zlodeyam-stanet-slozhnee-sobirat-dengi-so-shkolnikov-na-vorovskoy-obshhag.html?ysclid=m945iag7uw370548124 (дата обращения: 20.03.2026).

[15] 28.01.2024 около 19 часов в ФКУ исправительная колония 5 (далее — ИК) УФСИН России по Республике Татарстан (Республика Татарстан, Зеленодольский район, п. г. т. Нижние Вязовые) произошла драка в отряде СУС между осужденными. С одной стороны уроженцы Средний Азии (мусульмане), с другой представители «блаткомитета» в результате один погиб, четверо получили различные травмы. Причина затяжной конфликт на фоне разногласий, в одном случае блатные делали мусульманам замечание при чтении намаза, говорить тише, в другом мусульмане сделали замечание, когда другие слушали громко музыку и т. п. / «Блатные» и «зеленые» не разделили понятия: что произошло в свияжской ИК-5? // Бизнес Online: [сайт]. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/621468?ysclid=mn6fl4h795570551296 (дата обращения: 20.03.2026).

[16] «По состоянию на 2025 г. в некоторых колониях выходцев из стран Средней Азии составляет примерно 48 % от общего числа. Большинство из них пропагандируют идеологию экстремизма» — заявила замминистра Минюста России Е. А. Ардабьева / Непереводимая категория заключенных // «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/doc/8272151?ysclid=mn7sr8pujn137945362 (дата обращения: 20.03.2026).

[17] 16.06.2024 шестеро обвиняемых (среди которых трое ранее осуждены за участие в запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство»), содержащиеся в камере ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Ростовской области (г. Ростов-на-Дону), взяли в заложники двух сотрудников следственного изолятора. Спецназ ликвидировал террористов при штурме. URL: https://lenta.ru/articles/2024/06/16/sizo2/ (дата обращения: 20.03.2026).

23.08.2024 четверо осужденных (уроженцы из Средней Азии) захватили заложников в ФКУ ИК-19 УФСИН России по Волгоградской области (г. Суровикино), они заявили о принадлежности к запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство» убили четверых сотрудников колонии и назвали своим мотивом местью за террористов, напавших на «Крокус Сити Холл». URL: https://www.rbc.ru/society/23/08/2024/66c8a6c99a7947e5f3d10271 (дата обращения: 20.03.2026).

[18] Далее — СВО.

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

(22.02.2022) осужденные[19], подозреваемые и обвиняемые[20] массово стали заключать контракты в начале с частной военной компанией (ЧВК) «Вагнер» (в системе ФСИН стали поступать заявления от спецконтингента с просьбой дать возможность «кровью смыть вину»). С февраля 2023 г. контракты осужденными заключались исключительно с Минобороны России[21] для убытия на фронт, с целью защиты мирного населения Донбасса, демилитаризации и денацификации Украины и выполнения поставленных задач Президентом РФ — Верховным главнокомандующим В. В. Путиным.

В настоящее время наметилась тенденция: наряду со ст. 210.1 УК РФ правоохранительные органы все больше ориентированы на ст. 282.2 УК РФ (Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации), данный механизм позволяет эффективно привлекать к уголовной ответственности лидеров криминального мира.

Показательным примером является уголовное дело, возбужденное 9 декабря 2021 г. следователем по особо важным делам СУ СК России по Республике Татарстан по ч. 2 ст. 282.2, п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ в отношении организованной преступной группы из числа лиц отрицательной направленности, содержащихся в ИК-8 УФСИН России по Республике Татарстан и поддерживавших идеологию АУЕ. Впервые в России уголовное дело по ст. 282.2 УК РФ в связи с деятельностью АУЕ было возбуждено в условиях исправительного учреждения. «М., 1972 г. р. («Танчик», семь судимостей), занимал положение «смотрящего за бараками»; Х., 1985 года рождения («Ракуль»), — «смотрящего за игрой»; А., 1996 г. ро. («Чечен»), — «смотрящего за молодёжью». Указанные лица разъясняли осужденным, что на территории ИК действуют «воровские» законы и понятия, пропагандировали негативное отношение к сотрудникам колонии, вели учёт средств «общака» и расходовали их. Кроме того, в период с 14 июня 2018 г. по 1 декабря 2020 г. М. в составе группы лиц по предварительному сговору с Х. и А. вымогал у осуждённого К. ежемесячную плату в «общак» под угрозой применения насилия и с применением насилия — от 20 000 до 30 000 рублей ежемесячно, на общую сумму 540 200 рублей. 16 февраля 2024 г. Альметьевским городским судом Республики Татарстан М. осужден по ч. 1 ст. 282.2, п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163, ч. 3 ст. 69 УК РФ к 11 годам лишения свободы, Х. — к 9 годам, А. — к 8 годам лишения свободы»[22]. Приговор вступил в законную силу 23 мая 2025 г..[23]

6. «Смотрящий» как лицо, занимающее положение в преступной иерархии

Категория «Смотрящий» по своему наполнению отличается от рассмотренных выше, поскольку характеризует скорее не статус как таковой, а квази-должность, занимаемую лицом в криминальном мире. «Смотрящий» может назначаться или избираться на сходке для управления неформальным сообществом профессиональных преступников («бродяг», «блатных», «братва») на той или иной территории (город, район, место лишения свободы) в качестве старшего криминального должностного лица. «Смотрящие» могут контролировать определенный род криминальной деятельности, например, смотрящий за игрой. Зачастую в одном территориальном образовании могут существовать два смотрящих: за волей и за местами лишения свободы.

В отсутствие «блатных», смотрящими за камерой могут назначаться из лиц, не обладающих данным статусом, например из числа так называемых, «мужиков» — основной массы осужденных, выходящих на работы и не стремящихся активно принимать участие в противозаконной деятельности.

---

[19] Необходимо обратить внимание на то, что если традиционно «воровские понятия» запрещали воинскую службу, ношение, получение от власти оружия и защиту государственных интересов. То в настоящее время происходит трансформация. В настоящих реалиях, такие ограничения не действуют, заключение контракта с Минобороны РФ не является отклонением от образа жизни для осужденных.

[20] Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», предоставлял возможность гражданам, совершившим уголовное преступление, заключить контракт с Вооружёнными силами РФ для участия в СВО и дал им соответствующие гарантии. В случае заключения контракта с Вооруженными силами РФ дела подозреваемых приостанавливался, а вид наказания осужденных – изменялся на условный срок. Контроль осуществляется командованием воинских частей. Если после начала военной службы по контракту такой человек вновь совершит преступление, то суд назначит ему наказание с учетом ранее вынесенных приговоров (документ утратил силу) // СПС «Консультант Плюс» URL: https:// www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

Федеральным законом от 23.03.2024 № 640-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ» введена ст. 80.2 УК РФ регламентирующие освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время // СПС «Консультант Плюс». URL: https:// www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

При этом существует законодательный запрет ст. 78.1 УК РФ и п. 5.1 ст. 34 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О воинской обязанности и военной службе» не подлежат освобождению обвиняемые или осужденные по следующим статьям: ст. 131, 132, 134, 135, 205–205.5, 206, 208, 211, 280, 282.1–282.3, 275, 275.1, 276, 281–281.3, 220, 221, 361 УК РФ. Процедура освобождения регулируется ст. 208 УПК РФ // СПС «Консультант Плюс» URL: https:// www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

[21] Силовики стали предлагать фигурантам уголовных дел контракты с Минобороны: как это работает — объясняет адвокат // «Е1.РУ Екатеринбург Онлайн». URL: https://www.e1.ru/text/world/2024/06/22/73741646/?ysclid=mr650n4sep167075294(дата обращения: 20.03.2026).

[22] См.: Приговор Альметьевского городского суда от 16.02.2024 по делу № 1-1/2024 (УНД 16RS0036-01-2022-007677-76) // Альметьевский городской суд РТ. URL: https://almetevsky-tat.sudrf.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

[23] При неформальной беседе с сотрудниками правоохранительных органов М., 1972 г. р. говорил, что «мы нужны для порядка, без нас будет “беспредел” (бардак)». Прим. авт. вымогательства, как форма заработка, избиение осужденных — демонстрация силы, стратификация осужденных, не может служить порядком, а является криминальной формой, для достижения экономический цели.

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

Значимость данной должности напрямую зависит от размера территории, находящейся под контролем «смотрящего». «Смотрящий» за камерой, за улицей, сельским поселением или поселком городского типа, по нашему мнению, в силу ограниченности своего влияния не может быть отнесен к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии в смысле ст. 210.1 УК РФ.

В некоторых случаях «смотрящий» может и вовсе не относится к париям тюремного мира. Например, «смотрящий за обиженными» осуществляет управленческие функции (например, уборка территории) в среде осужденных, относящихся к категории «обиженных» («опущенных», «отверженных») — неприкасаемых, исключенных из общей массы лиц, отбывающих наказание, сам относящийся к категории «обиженных», так называемый «главный петух» («главпетух») [3, с. 15].

Показательным примером является уголовное дело, рассмотренное Дмитровградским городским судом Ульяновской области. Приговором от 30 августа 2022 г. А., 1991 г. р., осужден по ч. 1 ст. 228.2, ст. 321, ч. 3, ч. 4 ст. 69 УК РФ к 2 годам 1 месяцу лишения свободы с ограничением свободы на срок 6 месяцев. Из описательной части приговора следует, что в период с 22 сентября 2017 г. по декабрь 2020 г. коллегиальным решением неустановленных лиц из числа осуждённых категории «чёрных» («блатных») лицо, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство (лицо № 1), отбывающее наказание в ФКУ ИК-10 УФСИН России по Ульяновской области, было назначено «смотрящим» за указанным ИУ. Указанное лицо организовало на территории ИУ ячейку АУЕ, привлекло к участию иных осужденных, в том числе А., и создало структурную иерархию из каст («чёрные», «красные», «мужики», «обиженные»). А., обладая статусом «смотрящего за обиженными», осуществлял контроль за выполнением осуждёнными данной категории требований лица № 1, пропагандировал идеологию АУЕ, доводил до них информацию, озвученную на «сходках», и информировал лицо № 1 о невыполнении требований. 11 сентября 2021 г. А., действуя по указанию лица № 1, высказал осужденным Б., К., З. и Н. угрозы применения телесных повреждений в случае выполнения ими поручений администрации ИУ по уборке территории, в том числе ШИЗО. Угрозы были восприняты потерпевшими реально. Подсудимый А. в суде подтвердил участие в экстремистской организации АУЕ, руководителем которой являлся Э.А.Х., 1991 г. р. 15 мая 2023 г. на официальном сайте СУ СК России по Ульяновской области была размещена информация о пресечении деятельности запрещённой экстремистской организации в отношении четырех заключенных ИК-10, признанных виновными по ч. 1 и 2 ст. 282.2 УК РФ[24]. Преступная деятельность пресечена в результате совместных мероприятий Следственного комитета, МВД, ФСБ и УФСИН.

В ходе проведенных обысков в ИК-10 обнаружены и изъяты запрещенные предметы — ножи, заточки, монтировки, мобильные телефоны, части устройства для изготовления спиртных напитков, игральные карты, а также иные запрещенные предметы и документы, свидетельствующие о противоправной деятельности и наличии криминальной субкультуры.

Приговором Димитровградского городского суда Э.А.Х., назначено наказание в виде лишения свободы — на срок 21 год лишения свободы и 1 год и 6 месяцев ограничения свободы, 3 участникам запрещенной организации назначены наказания в виде лишения свободы на срок 2 года и 1 месяц (А,, 1991 г. р. см.: вышеописанный приговор), 8 лет и 9 лет лишения свободы. Приговор вступил в законную силу[25].

Заключение

Для эффективной борьбы с рассматриваемым негативным социальным явлением — деструктивным влиянием «воров в законе» и иных лиц, входящих в преступную иерархию, предлагаем следующие меры по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

В российском уголовном законодательстве не раскрывается содержание категории «высшее положение в преступной иерархии», что порождает правовую неопределенность, предоставляет широкие возможности для его понимания правоприменителем — это лицо, занимающие высшее положение в преступной иерархии, обладающий одним из статусов: «вор в закон», «положенец», «бродяга», «смотрящий».

Заслуживают интереса предложения исследователей о необходимости принятия базового нормативного акта, определяющего концепцию борьбы с организованной преступностью, в котором будет отражен соответствующий понятийный аппарат [4], а именно: «вор в законе»; урегулирование споров (конфликтных ситуаций) с использованием криминального авторитета; «воровское сообщество»; членство в «воровском сообществе»; «воровской сход»; «общак» («касса взаимопомощи»).

[24] См.: Приговор Димитровградского городского суда Ульяновской области от 30.08.2022 по делу № 1–285/2022; Приговором Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 05.08.2016 вынесенным на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, от 08.07.2016 Э.А.Х., 1991 г. р. признан виновным и осужден по ч. 2 ст. 213, п. п. «ж», «и» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п. п. «а», «и» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 69 УК РФ 18 годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИК строгого режима с ограничением свободы на 1 год и 10 месяцев. Обстоятельства дела: в апреле 2014 г. произошла массовая драка, в пос. Правокубанский (Карачаевский район) между рабочими из Дагестана и местными жителями. В ходе драки Э.А.Х. нанес смертельное ножевое ранение 24-летнему бетонщику из Ахвахского района. Кроме того, он признан виновным в покушении на убийство еще двух лиц. Четверо его подельников получили от 3,5 до 14 лет. См.: МВД по КЧР приказало спокойно жить // Безформата: [сайт]. URL: https://cherkesk.bezformata.com/listnews/mvd-po-kchr-prikazalo-spokojno/53412552/ (дата обращения: 05.04.2026).

[25] В колонии Ульяновской области пресечена деятельность запрещенной экстремистской организации // СК России по Ульяновской области. URL: https://ulyanovsk.sledcom.ru/news/item/1792269 (дата обращения: 20.03.2026).

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

Согласно пункту 24 (1) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) и о занятии высшего положения в преступной иерархии» при решении вопроса о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ, судам следует учитывать, что занятие лицом высшего положения в преступной иерархии может подтверждаться совершением обусловленных этим положением действий, состоящих, например, в разрешении споров между организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями) и отдельными лицами, входящими в состав таких преступных объединений, определении, изменении или прекращении положения других лиц в преступной иерархии, установлении правил взаимоотношений между ними, контроле за соблюдением данных правил и применении мер воздействия к лицам, нарушающим такие правила[26].

Объективная стороны занятия высшего положения в преступной иерархии, должна быть конкретизирована в диспозиции ст. 210.1 УК РФ. К деяниям, подтверждающим занятие лицом соответствующего положения, должны быть отнесены действия по осуществлению организационно-распорядительных функций среди лиц и групп, входящих в преступную среду; координации деятельности организованных преступных групп и сообществ («объединений»); разрешение споров между лицами, входящими в сообщество профессиональных преступников, организованными группами и сообществами; назначение «положенцев», «смотрящих»; организация нарушение режима исправительных учреждений, путем установления денежных поборов среди осужденных, принуждения их к участию в азартных играх; сбор денежных средств для общего фонда преступного сообщества («воровского общака»), на воровские нужды; хранение, управление общим денежным фондом преступного сообщества («воровского общака») (имущество в различных формах, наличные, банковские счета, вклады, активы, акции, облигации, участие в банковской сфере, отмывание денежных средств и т. д.).

Также полагаем необходимым дополнить ст. 210.1 УК РФ частью 2, устанавливающей ответственность за обращение к члену «воровского сообщества» с целью получения имущественной, либо нематериальной выгоды.

Данная новелла призвана предупреждать обращение предпринимателей и обычных граждан к представителям криминального сообщества, с целью воспрепятствовать росту влияния лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии — «воры в законе», «положенцы», «смотрящие» за отдельными городами, субъектами и исправительными учреждениями, по общему правилу, после занятия своего положения в целях обеспечения беспристрастности стараются дистанцироваться от ОПФ, из состава которого изначально произошли, либо же изначально не входили в состав конкретного ОПФ или ОПС. Это создает затруднение для привлечения их к ответственности по ч. 1.1. ст. 210 УК РФ за участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций). Поэтому считаем необходимым дополнить ст. 210.1 УК РФ положениями об ответственности за участие в «воровской сходке» (в том числе дистанционно, путем информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет), в целях координирования деятельности сообщества профессиональных преступников, находящихся на свободе, а равно в исправительных учреждениях, для лиц, не принадлежащих к определенным ОПФ или ОПС.

Правоохранительным органам не следует «заигрывать» с «воровским миром» под угрозой привлечения к уголовной по ст. 210.1 УК РФ, с целью склонения к сотрудничеству и контроля простирающего «воровского» влияния» на определённые территории ИУ. Одной из гипотез возникновения «воровского закона» стало предположение, что это была спецоперация НКВД проведенная в 1930-х годах, которое было заинтересовано навести порядок в тюрьмах и лагерях путем введения криминальной иерархии, для минимизации нарушения режима осужденными [5], в том числе контроль через криминальный мир за «диссидентами»[27]. Иными словами лагерная администрация по средствам стратификации осужденных (разделение на касты), введения «воровских правил» осуществляла управленческую функцию; для криминального мира существование «воровского общака» позволяло выполнять экономическую функцию (первоначальная идея «касса взаимопомощи», в некоторых случаях деградировала в «кассу» обогащения избранных, а обязанность пополнения «общака» превратился в некий налог для осужденных).

В этой связи представляется для борьбы с «воровской системой» стратификации осужденных (каст), «во-

[26] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 (ред. от 21.05.2026) «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) и о занятии высшего положения в преступной иерархии» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://consultant.ru (дата обращения: 25.05.2026).

[27] Диссиде́нт (лат. *dissidens* «несогласный») — инакомыслящий человек, взгляды, убеждения которого расходятся с господствующей доктриной. Государство в них видела угрозу подрывающие авторитет, идеологию и существование власти, которые занимаются антигосударственной деятельностью. В СССР диссидентов привлекали к уголовной ответственности: «Антисоветская агитация и пропаганда», «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», «Измена родине» при дискредитации вождя. В тоталитарных, диктаторских режимах диссиденты подвергались гонениям, преследованиям и репрессиям со стороны официальных властей. См.: ст. 5 Закона РФ от 18.10.1991 № 1761–1 (ред. от 25.12.2023) «О реабилитации жертв политических репрессий» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://consultant.ru (дата обращения: 20.03.2026).

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

ровским общаком» необходимы системные контрмеры, такие как повышение заработной платы сотрудников правоохранительных органов (пенитенциарной системы), установление социальных и трудовых гарантий (график рабочего времени, денежное стимулирование), борьба с коррупцией, изменить подход к назначению руководства (не лояльность вышестоящему руководству, а профессиональные навыки кандидата, опыт, человеческие качества), улучшение материально-технической базы, принятия соответствующих законов, как инструмент для борьбы с преступностью. Работа с осуждёнными после освобождения, реабилитационные центры, с целью адаптации, трудоустройство.

На сегодняшний день, следует поддержать признание «движение АУЕ» экстремистской организацией, что становится основанием для привлечения лиц, демонстрирующих приверженность «воровской идеологии» к ответственности, по составам, отнесенным к правонарушениям и преступлениям экстремистской направленности: ст. 20.3 КоАП РФ (Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами), ст. 282.2 УК РФ (Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации), ст. 282.3 УК РФ (Финансирование экстремистской деятельности), ст. 282.4. УК РФ (Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами).

Крайней формой экстремизма выступает терроризм, сама же 210.1 УК РФ размещена в Главе 24 УК РФ Преступления против общественной безопасности, наряду с преступлениями террористической направленности. В этой связи представляется целесообразным для эффективной меры борьбы с организованной преступностью, рассматривать проявления организованной преступности, включая «воровское сообщество», стоящее на вершине преступной иерархии рассматривать в качестве одной из форм проявления терроризма.

Схожую мысль 02.12.2019 высказывал депутат от фракции «Справедливая Россия» О. А. Нилов, который предлагал приравнять наркомафию к террористическим организациям[28]. Данную борьбу с организованной преступностью включить в эффективность оценки деятельности правоохранительных органов.

Уголовное законодательство советского периода применяла крайние меры к преступникам-рецидивистам. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 05.05.1961 «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» допускал расстрел в отношении особо опасных рецидивистов и лиц, осужденных за тяжкие преступления, терроризирующих в местах лишения свободы вставших на путь исправления заключенных или совершающих нападения на администрацию, или организующих с этой целью преступные группировки, или активное участвующих в таких группировках [6, с. 356]. Термин «терроризирующие» содержался в ч. 1 ст. 77.1 УК РСФСР (Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений)[29]. Российское уголовное законодательство построена на принципах гуманизма, такие меры в виде расстрела не допустимы.

В заключение следует отметить, что даже самое совершенное законодательство не способно гарантировать победу над организованной преступностью. Противодействие криминальной среде и лицам, занимающим положение в преступной иерархии, может быть обеспечено только последовательной государственной политикой, направленной на совершенствования общесоциальных, организационно-правовых и идеологических мер предупреждения преступности. Основными же направлениями борьбы с организованной преступностью и «воровским сообществом» нам видятся подрыв их материального (финансового) благосостояния с одной стороны, и улучшения материального состояния законопослушных членов общества (социально-экономические изменения), включая сотрудников правоохранительных органов, с другой. Подробная регламентация подобных мер с учетом современных реалий и тенденций организованной преступности подлежит тщательной научной разработке.

[28] Наркокартели нужно приравнять к террористическим организациям — Нилов // ДУМАТВ. URL: https://dumatv.ru/news/narkokarteli-nuzhno-priravnyat-k-terroristicheskim-organizatsiyam—-nilov?ysclid=mog2wfeucw396060560 (дата обращения: 20.03.2026).

[29] УК РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). // СПС «Консультант Плюс». URL: http://consultant.ru (дата обращения: 20.03.2026).

Список источников

1. Воронцов А. В. О статусе «положенец» в иерархии организованной преступности общеуголовной направленности // Государственная служба и кадры. 2025. № 4. С. 186–192.

2. Не занимая территории // Черное Озеро. Специальный выпуск, посвященный 20-летию Управления по борьбе с организованной преступностью МВД дел по Республике Татарстан. Казань, 2008. 69с.

3. Шакирьянов М. М. Преступные традиции среди осужденных в исправительных учреждениях и борьба с ними: автореф… дис. кан. юр. наук. Санкт-Петербург: 2004. 24с.

4. Бажутов С. А., Кунашев А. А. Снова к вопросу об уголовной ответственности лидеров преступной среды // Уголовное право. 2024. № 5. С. 3–12. DOI 10.52390/20715870_2024_5_3

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

5. Подлесских Г., Терешонок А. Воры в законе: бросок к власти. Москва, 1995. 256 с.

6. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. М., 1997. 592с.

7. Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н. Уголовно-правовая характеристика содержания статуса «высшего положения в преступной иерархии» как основания для привлечения к уголовной ответственности (на примере России и постсоветских республик). Часть 1 // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 2(49). С. 167–178. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-49-2-167-178

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дунин Олег Николаевич

Кандидат юридических наук, старший преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия).
E-mail: ondunin@mail.ru

Намазов Эльмир Салманович

Аспирант, Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия).
E-mail: roj7573@yandex.ru

Рыбушкин Николай Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент, Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия)
E-mail: Nikolay.Rebushkin@kpfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg N. Dunin

Candidate of Legal Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian)
E-mail: ondunin@mail.ru

Elmir S. Namazov

Graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian)
E-mail: roj7573@yandex.ru

Nikolay N. Rybushkin

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian)
E-mail: Nikolay.Rebushkin@kpfu.ru

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 27.05.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 17.07.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accept: 27.08.2026.

© Дунин О. Н., Намазов Э. С., Рыбушкин Н. Н.

Научная статья
УДК 343.9.01
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-137-141

С. 137–141

ВАРИАНТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОЛИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Дарья Александровна Кокотова

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия
darya.kokotova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9455-5864

Аннотация. Данная статья носит науковедческий характер. Автор осмысливает представление о роли криминологических теорий в научных исследованиях и образовательном процессе. В качестве метода используется анализ примеров из научной и учебной литературы, а также собственной педагогической практики автора. Автор выделяет три подхода к оценке роли криминологических теорий: 1) игнорирование их или описание лишь как этапов развития криминологического знания и чужих «неправильных» точек зрения; 2) отношение к ним как к набору научных теорий, каждая из которых может использоваться в зависимости от специфики задачи; 3) рассмотрение их как набора форм социальной реакции на преступное. Для каждого из выделенных вариантов уделяется внимание сути подхода, его пригодности для решения тех или иных задач, его сильным и слабым сторонам. На конкретных примерах демонстрируется, как влияет выбор каждого из подходов на проведение научных исследований и образовательный процесс. Делается вывод, что нельзя принять какой-то один из вариантов представления о роли криминологических теорий в качестве единственно верного, поскольку каждый из таких вариантов имеет свою функцию.

Ключевые слова: криминологические теории, криминология, этапы развития, научная теория, функция, реакция на преступное

Для цитирования: Кокотова Д. А. Варианты представлений о роли криминологических теорий в современной криминологии // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 137–141. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-137-141

Research article

APPROACHES TO THE ROLE OF CRIMINOLOGICAL THEORIES IN MODERN CRIMINOLOGY

Daria A. Kokotova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
Ekaterinburg, Russia
darya.kokotova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9455-5864

Abstract. This research to belong to science studies. The author address to approaches to the role of criminological theories in scientific researches and education. The author examines this issue basing on the examples from scientific and educational literature and the author´s own pedagogical practice. The article highlights three approaches to the role of criminological theories: 1) it isn't noted or it is only stages of criminology's history and «incorrect» points of view of other authors; 2) it is a set of scientific theories, each of which can be used depending on the nature of the task; 3) it is a set of forms of social reaction to crime. The characteristic of each of these approaches is given. Particular attention is paid to the tasks that each approach is able to achieve, and to the strengths and weaknesses of each approach. The author demonstrates with concrete examples how the choice of each approach affects scientific research and education. The author draws a conclusion that it is impossible to choose only one approach to the role of criminological theories. Each approach has its own function.

Keywords: criminological theories, criminology, stages, scientific theories, function, reaction to crime

For citation: Kokotova DA. Approaches to the Role of Criminological Theories in Modern Criminology. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):137-141. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-137-141

© Кокотова Д. А.

Введение (постановка вопроса)

Криминология развивается не только за счет проведения исследований в пределах своего предмета, но также и осмысления составляющей ее научной, педагогической деятельности. Попыткой такого осмысления и является настоящая статья. Непосредственно она посвящена вопросу о том, какова роль криминологических теорий в проведении научных исследований, учебном процессе. Я предполагаю, что не существует единственно верного ответа на этот вопрос, и попытаюсь продемонстрировать это, проанализировав варианты, которые сложились на текущий момент.

Материал и методы

Так как не ставится вопрос о степени распространенности тех или иных представлений о роли криминологических теорий, будут приводиться примеры научных и учебных работ, а не результаты их обобщения. Необходимость обращения к учебной, а не только научной литературе обусловлена спецификой ее функций. В отличие от научных работ, которые могут быть посвящены узкому вопросу, учебники по криминологии преследуют цель показать картину в целом, поэтому лучше отражают представление авторов о такой картине, и одновременно сильнее влияют на формирование представления о ней в сознании широкого круга лиц.

Под криминологической теорией будет подразумеваться вариант ответа на вопрос о факторах преступного, его сути, методологии изучения и (или) о том, какой должна быть реакция на преступное (классическая теория, теория конфликта культур, виктимология и т. п.). В связи с этим не будут рассматриваться в качестве теорий для целей настоящего исследования отрасли криминологии[1] и разделы частной криминологии [18, с. 10–13], специальные [4, с. 281] и частные [5, с. 206] криминологические теории, если они используются для структурирования знаний по отдельным темам, вопросам, группам исследуемых объектов. Также не будет проводиться различие между теорией, школой, направлением, подходом. При этом я не отрицаю саму возможность и необходимость такого разграничения; это сугубо вопрос удобства изложения материала в конкретной статье.

Далее рассмотрим **отдельные варианты представлений о роли криминологических теорий (описание исследования)**.

Первый вариант, который прослеживается в научной и учебной литературе — *игнорирование криминологических теорий или описание их как этапов развития криминологического знания и чужих «неправильных» точек зрения, дополняющее изложение основной «правильной» картины.*

Ранее изложение идей одной криминологической теории порой сопровождалось категоричным отрицанием ее предшественниц и альтернативных точек зрения, указанием на то, что только новая криминологическая школа является верным истинно научным направлением. Например, Э. Ферри позиционировал позитивную школу как учение, способное направить исследования на путь истины; достаточно уничижительно характеризовал используемые иными школами методы, говоря о легковесных конструкциях и дешевых силлогизмах, а также писал о близости таких школ к своему концу [17, с. 22, 26]. В советских учебниках по криминологии марксистско-ленинская теория позиционировалась как учение, ставшее базой подлинно научного познания, давшее советской криминологии единственно верную методологическую основу. Иным же теориям отводилось место в описании истории и изложении критикуемых буржуазных воззрений [6, с. 34; 9, с. 24].

На сегодня прямо указывать на существование единственно верной теории не принято. Тем не менее, в определенной мере сходный подход к криминологическим теориям сохраняется. В ряде учебников по-прежнему криминологические теории излагаются именно в качестве истории, не влияя на структуру изложения материала в дальнейшем [11, с. 24–41]. Также порой в учебниках не упоминаются криминологические теории. Материал излагается сразу в качестве единой безальтернативной картины, без оговорки о том, на каких теориях основано предлагаемое видение [12, с. 3]. То есть не считается необходимым само донесение информации о наличии криминологических теорий и о том, в логике каких теорий даются ответы на конкретные вопросы. В авторефератах, обсуждая степень разработанности темы, методологию и теоретические основания своих изысканий, некоторые соискатели не оговаривают, в логике какой криминологической теории написано исследование (упоминание при этом порой диалектического метода не связано с реальным следованием определенной криминологической теории) [3, с. 5–8; 2, с. 3, 6].

Таким образом, и сегодня сохраняется представление о том, что в основе учебного процесса, научных исследований должна лежать некая единая картина, а криминологическим теориям отводится лишь место этапов развития, которые упоминаются при описании истории (если оно присутствует), но не более. Такая единая картина не позиционируется как воплощение идей какой-то теории, но это не отменяет того факта, что в основе нее в качестве системообразующего элемента лежит набор решений, соответствующих определенной теории или их сочетанию. Исчезновение же оговорки о связи с теорией лишь усиливает восприятие предлагаемой картины как единственной истины и не дает увидеть возможность альтернативного построения, понимать пределы применимости изученной картины.

Не понимая то, на каких посылках основаны конкретные решения, нельзя корректно оценить уместность их применения и просчитать, как и при каких условиях они будут работать, насколько хорошо сочетаются с другими решениями. Выбор какой-то одной теории или их сочетания в качестве истины не позво-

[1] Преступностиведческие отрасли // Санкт-Петербургский международный криминологический клуб. URL: https://www.criminologyclub.ru/home/prestupnostivedcheskie-otrasli (дата обращения 10.06.2026).

© Кокотова Д. А.

ляет использовать весь доступный инструментарий, а также ограничивает возможность развития науки.

Несмотря на обозначенные недостатки, на подобную модель с очевидностью существует спрос. Помимо самого существования указанных работ об этом говорят и поступающие от студентов вопросы, с которыми я сталкиваюсь в своей педагогической деятельности. Студенты, получая материал в форме изложения различных криминологических теорий, задают вопросы о том, какая из теорий верна и должна быть использована ими; выражают ожидание, что далее мы будем работать в рамках какой-то одной теории. Я не фиксировала, как часто и у какого числа студентов возникали подобные вопросы, но они все же не являются случайной особенностью конкретных лиц, поколений, так как они поступали в разные годы моей работы на протяжении восьми лет от студентов разного пола, различных форм обучения и факультетов. Это говорит о желании студентов получить именно единую «правильную» картину, которая, видимо, проще для восприятия.

Само наличие устойчивого спроса на такой вариант отношения к криминологическим теориям говорит о том, что он выполняет какую-то функцию, а значит социально необходим, несмотря на обозначенные мною недостатки и мое личное неприятие такого подхода.

Второй вариант — относиться к криминологическим теориям как к *набору альтернативных научных теорий, каждая из которых может использоваться в равной мере в зависимости от специфики конкретной задачи.* Данный подход основан на открытости криминологии для разнообразия теоретических концепций [19, с. 66]. отказе от выделения в качестве базовой какой-то одной теории и предположении, что различные теории в равной мере способны выступать в качестве единого стержня для всех элементов криминологического знания [14, с. 19].

В учебном процессе следование этому подходу проявляется в том, что теории описываются как параллельно существующие модели, составляющие основное содержание криминологии [20, с. 500–501], а студентам предлагается самостоятельно выбрать ту криминологическую теорию, на основе которой они выполнят задание [13, с. 11–13]. В научной сфере следование этому подходу также предполагает возможность и необходимость осознанного выбора ученым криминологической теории, которая лучше других подходит для проводимого им исследования. Авторы научных работ изначально оговаривают криминологические теории, в логике которых построены их исследования, осмысливают то, как влияет выбранная теория на их исследования, какие отличия их работ от иных исследований заданы выбором теории. Примером такого исследования может служить работа Д. А. Ли, обозначающего в качестве исходных посылок своего анализа системный подход и идеи Дюркгейма [10, с. 11, 78, 90]. Решение прикладных задач в этой логике также должно включать в качестве необходимого этапа соотнесение предлагаемых решений с той или иной теорией.

И при таком подходе может делаться вывод о неуместности использования определенной теории в конкретном случае или в принципе о невозможности использования определенной теории в силу отсутствия научного ее подтверждения. Однако постоянно сохраняется несколько различных вариантов и возможность и необходимость осознанного выбора между ними. При этом деление теорий на имеющие научное подтверждение и не имеющие такового, не становится константой и может быть пересмотрено с учетом результатов новых исследований. Это позволяет реагировать на происходящие в науке изменения, учитывать новые исследования, а не следовать однажды усвоенной модели независимо от степени ее соответствия текущим результатам научных изысканий.

Также сильная сторона данного подхода в том, что он приводит к необходимости освоения правил выбора криминологической теории из возможных вариантов. Человек, освоивший единственную точку зрения, не понимает, как проверить ее достоверность и насколько уместно следовать ей в конкретном случае, не осознает саму необходимость такой проверки. Подход же, основанный на плюрализме научных теорий, позволяет видеть несколько альтернатив и выбирать наиболее подходящую из них, а также предполагает в идеале и освоение самих критериев выбора (оценка степени достоверности данных, на которых основана теория; проверка соответствия конкретного случая той эмпирической базе, которая использовалась для подтверждения теории; проверка того, позволяет ли выбор конкретной теории получить рабочую модель для практики, новый научный результат и т. д.).

Вместе с тем выбор в пользу плюрализма делает невозможным использование лишь этого подхода, так как некоторые из авторов принципиально по-иному видят предмет криминологии, а значит иными будут и критерии отбора теорий для включения в учебный процесс, их место в научных исследованиях. Это приводит нас к *третьему варианту* представления о роли криминологических теорий — *рассмотрение их как набора форм социальной реакции на преступное.*

Некоторые авторы предполагают, что и преступление, и реакция на него должны изучаться как элементы сущего. То есть не ставится вопрос о том, какой должна быть реакция на преступление, а исследуется, как и почему люди склонны реагировать на них определенным образом (почему люди стремятся к наказанию для преступников). Причем предполагается, что такая реакция непроизвольна и не является результатом рациональных рассуждений [15, с. 47, 49, 51, 126–127]. Если это так, криминологические теории как сочетание представления о преступном и необходимой реакции на него могут быть также социально детерминированы. Если желание наказать — реакция, являющаяся воплощением объективной закономерности, то может быть и появление, например, идеи стигматизации, наша способность разделить ее и вероятность того, что она найдет отражение в законах, правоприменении

© Кокотова Д. А.

и т. п. — это также проявление определенной закономерности.

По крайней мере, в научной литературе есть предпосылки для такой постановки вопроса. В некоторых исследованиях демонстрируется, что научная деятельность на практике не изолирована от прикладных задач и личных интересов исследователей [16, с. 176]. Высказывают мнение, что традиции и обычаи, являющиеся продуктом общественного развития, влияют на криминологическую теорию и практику, а криминологическая наука сама культивирует определенные традиции и обычаи, также влияющие на практику предупреждения преступности [7, с. 89–90].

Если разработка криминологических теорий и (или) их последующая «жизнь» в социуме подчинены объективным закономерностям, то они могут также рассматриваться в зависимости от занятой ими социальной роли, как архетипы, традиции, модные веянья, идеологии и т. п. В этом случае утрачивает значение само противопоставление теории и практики реагирования, противопоставление криминологических теорий как полученного рационально научного знания и стихийно формирующихся в социуме представлений, форм реагирования, не имеющих научного подтверждения. Тогда криминологические теории сами становятся для нас не результатом научных исследований, а объектом изучения в качестве форм социальной реакции, что меняет и круг вопросов, которые обсуждаются. В этом случае предметом научного исследования будет не выяснение правильности той или иной теории, а проверка того, какую функцию она выполняет, какие социальные потребности закрывает; изучение того, почему люди верят в идеи, соответствующие тем или иным теориям, как связана такая вера и выбираемые ими формы поведения и т. п.

Примерами научных исследований, воплощающих такое отношение к криминологическим теориям, могут служить работы, в которых обсуждаются исторические предпосылки возникновения криминологических теорий и те социальные условия, благодаря которым они получали большее или меньшее распространение или утрачивали свое влияние [8, с. 32–33]; исследования того, в какие криминологические теории верят отдельные группы населения и того, как это влияет на их социальные установки (например представление о необходимой суровости наказаний) [1, с. 178–179] и т. д.

В учебном процессе такое отношение к криминологическим теориям проявляется в том, что для изучения студентам представляются теории, получившие распространение в обществе (в том числе и не имеющие научного подтверждения, донаучные воззрения) с демонстрацией того, основанием каких именно норм, практик они стали, обсуждением степени значимости их для конкретного общества и т. п. При этом варианте отношения к криминологическим теориям также предполагается их плюрализм, но задача в том, чтобы студент освоил закономерности, влияющие на выбор криминологических теорий и их значение в конкретном социуме; понял, как такие закономерности надо учитывать, использовать, а в идеале — научился сам их выявлять. Например, я в ходе занятий по криминологии, рассказывая о модели возмездия, поясняю, что следование ей присуще человеку по его природе, поэтому при организации практики требуется учитывать наличие социального запроса на воплощение этой модели. Также при анализе конкретных случаев, я демонстрирую студентам, какие из возникающих у них предложений о мерах реагирования на преступление связаны с неосознанными реакциями, соответствующими модели возмездия.

Данный вариант лучше подходит для анализа функционирования криминологических теорий на практике за пределами собственной научной мысли (например, отражения их в нормотворческом процессе). Относясь к криминологическим теориям сугубо как к научным теориям, мы можем порой лишь ограничиться сетованием на научную необоснованность практики, которая не учитывает имеющиеся исследования или упорно цепляется за идеи, не имеющие научного подтверждения. Практика при этом все также упорно будет не соответствовать нашим ожиданиям. Рассмотрение же криминологических теорий как части социальной действительности (традиций и т. п.) позволяет понять логику происходящего и за счет этого получить больше шансов на то, чтобы скорректировать практику.

Вместе с тем этот вариант оценки роли криминологических теорий не может заменить отношения к ним как к научным теориям. Эти варианты отношения скорее выполняют разные функции, каждая из которых социально необходима. Основанные на этих вариантах представлений программы преподавания криминологии формируют разные навыки, которые в равной мере представляются значимыми для профессиональной деятельности, связанной с криминологией.

Заключение и вывод

Таким образом, на основе изученного материала можно выделить с определенной долей условности три варианта представлений о роли криминологических теорий:

1) игнорирование их или описание лишь как этапов развития криминологического знания и чужих «неправильных» точек зрения;

2) отношение к ним как к набору альтернативных научных теорий;

3) рассмотрение их как набора форм социальной реакции на преступное.

Обобщая сказанное ранее об этих вариантах представлений, можно заметить, что у каждого из них есть своя функция. Об этом свидетельствует как способность решать определенные задачи, так и наличие на них спроса у лиц, вовлеченных в научную деятельность, образовательный процесс. Поскольку функции разных вариантов не совпадают, они не могут заменять друг друга, а значит нельзя принять какой-то один из них в качестве единственно верного, счесть только его необходимым для научной, педагогической деятельности, практики.

© Кокотова Д. А.

Список источников

1. Гуринская А. Л. Представления о суровости наказания у преподавателей уголовно-правовых дисциплин: роль теоретических предпочтений и опыта виктимизации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. № 191. С. 174–186.

2. Землянухина Л. М. Личность вооруженного преступника как объект криминологического изучения: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Землянухина Людмила Михайловна. Ростов-на-Дону, 2001. 29 с.

3. Каранова Д. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними с использованием информационно-коммуникационных технологий: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. / Каранова Дарья Андреевна. Москва, 2025. 27 с.

4. Клеймёнов М. П. Криминология. Москва, 2025. 400 с.

5. Кочин А. А., Харламов В. С. Введение в спортивную криминологию // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 206–207. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_2_206

6. Криминология / отв. ред. В. К. Звирбуль, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский. Москва, 1979. 304 с.

7. Криминология / Под ред. Г. А. Аванесова. 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 2005. 487с.

8. Кристи. Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. — Санкт-Петербург, 2011. 164 с.

9. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник / под. ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. Москва, 1985. 416 с.

10. Ли Д. А. Преступность в структуре общества. Москва, 2000. 152 с.

11. Лунеев, В. В. Криминология: учебник для среднего профессионального образования. Москва, 2026. 643 с.

12. Никодимов, И. Ю. Криминология: учебное пособие. Москва, 2023. 182 с.

13. Родионова О. Н., Радостева Ю. В. Криминологическая экспертиза: учеб.-метод. комплекс. Екатеринбург, 2011. 18 с.

14. Родионова О. Н. К вопросу о соотношении основных криминологических теорий // Российский юридический журнал. 2001. № 3 (31). С. 17–19.

15. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. Москва, 2006. 618 с.

16. Старков О. В. Проблема создания новых направлений современной криминологии // Russian Journal of Economics and Law. 2007. № 3 (3). С. 175–178.

17. Ферри Э. Уголовная социология. Перевод О. В. Познышевой, Л. В. Гольденвейзера, Н.А. и Г. Я. Зак, В. П. Поливанова. Москва, 2009. VIII, 658 с.

18. Частная криминология / отв. ред. Д. А. Шестаков. Санкт-Петербург, 2007. 771 с.

19. Шестаков Д. А. Криминология на рубеже двух тысячелетий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 2 (2). С. 66–70.

20. Шнайдер Г. Й. Криминология Перевод Ю. А. Неподаева. Москва, 1994. 501 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кокотова Дарья Александровна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права им. М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, Россия).
E-mail: darya.kokotova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria A. Kokotova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia).
E-mail: darya.kokotova@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 31.07.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 18.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 31.08.2026.

© Кокотова Д. А.

Научная статья
УДК 343.851
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-142-146

С. 142–146

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Андрей Игоревич Сучков[1], **Дмитрий Алексеевич Бадиков**[2]

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[1] *andr2892@mail.ru*
[2] *dibad008@yandex.ru*

Аннотация. Целью статьи является доказательство причинно-следственной связи между качеством предварительного расследования дорожно-транспортных преступлений и состоянием безопасности на конкретных участках дорог. Авторы утверждают, что следователь, реализуя функцию по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, формирует уникальную доказательную базу о системных недостатках дорожной среды. В статье детально исследуется, каким образом эти сведения, будучи оформленными в установленном законом порядке, могут и должны трансформироваться в обязательные для исполнения предписания к дорожным службам, муниципальным властям и контролирующим органам. Делается вывод о необходимости рассматривать представление следователя не как формальный акт, а как ключевой инструмент политики в области безопасности дорожного движения, основанной на данных конкретных расследований.

Ключевые слова: расследование, дорожно-транспортное преступление, профилактика преступлений, криминалистическая характеристика, причины и условия, процессуальные гарантии, представление следователя, взаимодействие.

Для цитирования: Сучков А. И., Бадиков Д. А. Процессуальное представление как инструмент криминалистической профилактики дорожно-транспортных преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 142–146. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-142-146

Research article

PROCEDURAL REPRESENTATION AS A FORENSIC PREVENTION TOOL TRAFFIC CRIMES

Andrey I. Suchkov[1], **Dmitry A. Badikov**[2]

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia

[1] *andr2892@mail.ru*

[2] *dibad008@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the article is to prove the causal relationship between the quality of the preliminary investigation of road traffic crimes and the state of safety on specific road sections. The authors argue that the investigator, implementing the function of establishing the circumstances that contributed to the commission of the crime, forms a unique evidence base about the systemic shortcomings of the road environment. The article examines in detail how this information, being executed in the manner prescribed by law, can and should be transformed into binding instructions to road services, municipal authorities and regulatory authorities. It is concluded that it is necessary to consider the presentation of the investigator not as a formal act, but as a key tool for road safety policy based on data from specific investigations.

Keywords: investigation, road traffic crime, crime prevention, forensic characterization, causes and conditions, procedural guarantees, presentation of the investigator, interaction.

For citation: Suchkov AI, Badikov DA. Procedural Representation as a Forensic Prevention Tool Traffic Crimes. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):142-146. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-142-146

© Сучков А. И., Бадиков Д. А.

Введение

Реализация профилактических мероприятий различного характера выступает одним из приоритетных направлений государственной политики, нацеленной на снижение уровня аварийности на автомобильных дорогах Российской Федерации. Дорожно-транспортные преступления, сопряженные с причинением вреда жизни или здоровью, как правило, вызывают значительный общественный резонанс, в отличие от аварий без пострадавших. Повышенное внимание общества к данной категории дел актуализирует потребность в совершенствовании действующей системы обеспечения безопасности дорожного движения и стимулирует уполномоченные органы к поиску и внедрению соответствующих корректирующих мер. Помимо деятельности подразделений Госавтоинспекции МВД России, в компетенцию которых входит прямая пропаганда безопасности дорожного движения, следует включить также профилактический потенциал органов предварительного следствия. Законодатель наделил следователя специальными полномочиями, реализация которых способна оказывать существенное влияние на состояние безопасности в дорожной среде, так как устанавливаемые в ходе расследования обстоятельства могут быть интегрированы в общую концепцию обеспечения безопасности дорожного движения через механизм устранения выявленных причин и условий, способствовавших возникновению опасной дорожной ситуации и последующему дорожно-транспортному происшествию (ДТП).

Материал и методы

В основе исследования лежит анализ широкого круга источников: нормативно-правовых актов, материалов опубликованной судебной и следственной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ, а также научных работ по криминалистике и уголовному процессу, касающихся профилактической функции следствия. Для достижения цели работы применялся комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Формально-юридический метод и сравнительно-правовой анализ использовались для изучения процессуальных основ деятельности следователя и полномочий по внесению представлений. Системно-структурный подход способствовал рассмотрению представления следователя как элемента механизма обеспечения безопасности дорожного движения.

Описание исследования

Профилактика дорожно-транспортных происшествий представляет собой системный комплекс мер, ориентированный на недопущение аварийности и противоправных деяний в сфере безопасности дорожного движения [5].

Процессуальная деятельность следователя по делам о ДТП не ограничивается доказыванием события и вины. Ее неотъемлемым компонентом является установление и устранение факторов, создавших предпосылки для преступления. Реализация этой задачи осуществляется через специальное полномочие — вынесение представления об устранении выявленных причин и условий.

Сформулировав в представлении конкретные недостатки (в дорожной инфраструктуре, организации движения, работе предприятий), следователь инициирует внесудебный профилактический процесс, делегируя обязанность по их исправлению профильным структурам. Указанный документ обладает обязывающей силой: его адресат, руководствуясь ч. 2 ст. 158 УПК РФ[1], обязан в течение одного месяца не только рассмотреть представление, но и отчитаться о предпринятых действиях, обеспечивая тем самым обратную связь и закрытие выявленных следователем «пробелов» безопасности.

Исследования показывают, что реализация превентивных мер является значимым фактором, влияющим на динамику правонарушений в сфере дорожного движения [1]. Уголовное судопроизводство реализует комплекс правоохранительных и социально-превентивных функций, включая защиту охраняемых законом благ, обеспечение общественной безопасности и, что существенно в контексте настоящего исследования, предупреждение новых преступлений. Процессуальным инструментом, обеспечивающим выполнение этой последней задачи при расследовании дорожно-транспортных происшествий, выступает представление следователя.

Важно подчеркнуть, что акт внесения представления не завершает профилактическую активность следователя, а трансформирует ее в иную правовую форму. Данный документ служит юридическим основанием и властным предписанием для соответствующей организации (дорожной службы, муниципального органа) к началу собственной профилактической деятельности по устранению выявленных недостатков. Таким образом, инициатива следователя запускает самостоятельный, но контролируемый законом профилактический процесс вне рамок уголовного дела.

Законодательная гарантия действенности данного механизма закреплена в ч. 2 ст. 158 УПК РФ, которая устанавливает обязательность рассмотрения представления и строгий временной регламент (не позднее одного месяца) для направления следователю уведомления о принятых мерах.

Снижение количества дорожно-транспортных происшествий, обусловленных неудовлетворительным состоянием инфраструктуры, напрямую коррелирует с эффективностью контроля качества дорожного полотна. Неотъемлемым элементом данной работы выступает комплексный анализ аварийности, ориентированный на установление порождающих ее факторов. Данные, полученные в ходе такого анализа, позволяют

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 07.02.2026).

© Сучков А. И., Бадиков Д. А.

не только диагностировать коренные причины дорожной аварийности и преступности, но и формировать научно обоснованный план профилактических мероприятий [3]. Важнейшим элементом данной системы является комплексный учет и последующий криминологический анализ дорожно-транспортных происшествий, позволяющий не только фиксировать статистику, но и выявлять детерминанты аварийности и криминальных проявлений на транспорте. Результаты подобного анализа формируют доказательную базу для разработки и реализации адресных профилактических мероприятий. Данный подход находит свое процессуальное закрепление в регламенте деятельности сотрудников, осуществляющих надзор за дорожным движением. Их обязанности при выезде на место происшествия включают обязательную диагностику и документальную фиксацию факторов, способствовавших возникновению ДТП. К ним относятся: установление и анализ дорожных условий, сопутствовавших событию, выявление недостатков в содержании автомобильной дороги. Эта работа проводится посредством детального изучения обстановки места происшествия с применением специальных технических средств, а также путем опроса участников и очевидцев.

Схожие по своей цели и содержанию требования имплементированы в деятельность следователя на первоначальном этапе расследования. Унифицированный «Протокол осмотра места дорожно-транспортного происшествия»[2], разработанный Следственным департаментом МВД России совместно с Экспертно-криминалистическим центром МВД России, имеет четко структурированную форму. Его содержание предусматривает обязательное внесение данных, характеризующих состояние дорожного полотна (дефекты покрытия, коэффициент сцепления), параметры освещенности, а также наличие или отсутствие ключевых элементов дорожной инфраструктуры (дорожные знаки, разметка, светофорные объекты, ограждения, бордюрные камни и т. д.).

Таким образом, уже в ходе первоначальных следственных действий следователь осуществляет диагностический анализ как обстоятельств конкретного происшествия, так и состояния дорожной среды на исследуемом участке, формируя первичную информационную основу для последующего установления причинно-следственных связей.

Доминирующим в структуре причинности дорожно-транспортных преступлений остается фактор виновного противоправного поведения водителя, выражающийся в несоблюдении требований ПДД или норм эксплуатации транспортных средств. Тем не менее, криминалистический анализ генезиса подобных происшествий редко ограничивается констатацией данного обстоятельства. В качестве обязательного элемента устанавливается и исследуется совокупность дополнительных детерминант — факторов объективного характера, которые, взаимодействуя с основным нарушением, формируют комплекс условий для перерастания обычной дорожной ситуации в критическую и последующую реализацию преступного результата.

К таким факторам чаще всего относятся:

1. Отсутствие дорожной разметки вследствие различных обстоятельств (проведение ремонтных работ, связанных с заменой дорожного полотна; естественный износ или «стирание» разметки, в том числе сезонный; визуальное «скрытие» разметки из-за неблагоприятных погодных условий, таких как снежный покров).

2. Отсутствие дорожных знаков по различным причинам (ремонт участка дороги; умышленное повреждение или хищение знаков; их повреждение или закрытие обзорности из-за воздействия погодных явлений — сильный ветер, ливень, снегопад).

3. Отсутствие мачт наружного освещения проезжей части, равно как и неудовлетворительное качество существующего освещения.

4. Отсутствие светофорного объекта на сложном регулируемом перекрестке.

5. Организация дорожного движения на участках с высокой транспортной нагрузкой без учета современных требований, что выражается в применении устаревших схем (отсутствие необходимых знаков и разметки, не рассмотрение вопроса о внедрении кругового движения и иных эффективных методов регулирования).

6. Недостатки в обустройстве прилегающей к проезжей части территории (отсутствие или несоответствие нормативам тротуаров, пешеходных и велосипедных дорожек, в том числе их ограждений; наличие чрезмерно высоких бордюрных камней; неудовлетворительное состояние ливневой канализации).

7. Ненадлежащее или несвоевременное содержание дорожного покрытия, включающее: непринятие мер по обработке полотна противогололедными реагентами; несвоевременную уборку снега и мусора; отсутствие оперативного «ямочного» ремонта поврежденных участков [6].

Все вышеперечисленные факторы подлежат подробному изучению и анализу в ходе следственной деятельности, а также являются предметом экспертного исследования обстоятельств, при которых произошло ДТП, в рамках автотехнических судебных экспертиз. Как правило, в развитии критической дорожно-транспортной ситуации не может быть каких-либо мелочей, поэтому ничего не должно быть упущено из поля зрения следователя и эксперта-автотехника. Так, например, состояние дорожного покрытия влияет на коэффициент сцепления колес транспортного средства, как следствие, на итоговый остановочный путь. Степень освещенности влияет на конкретную и общую видимость элементов проезжей части, что, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на установление наличия или отсутствия технической возможности предотвратить ДТП.

[2] См.: СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522441/280a3528c11753d09b976949eca314b81fdf7e7e/ (дата обращения: 07.02.2026).

© Сучков А. И., Бадиков Д. А.

Анализ научной дискуссии, в частности позиции В. Д. Кондратьева и В. В. Лисина, позволяет выделить в качестве самостоятельного объекта государственного управления комплексную сферу совершенствования организации дорожного движения и инфраструктуры [2]. Ее потенциал заключается в формировании упорядоченной и предсказуемой дорожной среды, что является необходимым условием для достижения целевых показателей безопасности. Конкретные векторы деятельности в данной сфере структурируются по следующим направлениям:

1) эксплуатационное содержание: обеспечение нормативных показателей дорожного полотна (ровность, сцепные качества, геометрическая видимость, состояние краевых укрепительных полос);

2) оперативное реагирование: реализация превентивных и оперативных мероприятий при ухудшении метеорологических условий (гололедица, ограничение видимости, интенсивные осадки);

3) режимное регулирование: установление обоснованных скоростных ограничений, дифференцированных по типам дорог и условиям движения;

4) транспортное планирование: пространственное и временное перераспределение транспортных потоков в городской и внегородской среде;

5) светофорное регулирование: внедрение интеллектуальных режимов работы светофорных объектов, оптимизирующих параметры безопасности и задержек;

6) Оснащение средствами организации движения: применение стандартизированных и однозначно интерпретируемых технических средств (знаков, разметки, ограждений, систем освещения);

7) Цифровизация управления: масштабирование использования автоматизированных систем управления дорожным движением (АСУДД), основанных на данных в реальном времени.

Приоритетность охраны жизни и здоровья человека как высших социальных ценностей является общепризнанным принципом, определяющим целеполагание правового регулирования [4]. В контексте настоящего исследования данный постулат приобретает практическое измерение: системное выявление и последующее устранение причин и условий, способствовавших совершению дорожно-транспортного преступления, формирует эмпирическую и нормативную основу для превенции новых аналогичных происшествий и минимизации их потенциально тяжких последствий.

Заключение

Анализ причин и условий ДТП в ходе расследования предоставляет следователю эмпирические основания для адресного воздействия на состояние дорожной инфраструктуры. Сформулированные на этой основе предложения по изменению организации движения (модернизация или демонтаж объектов) облекаются в форму процессуального представления, обладающего в силу закона (ст. 158 УПК РФ) обязательной силой для рассмотрения профильными службами. Данный правовой механизм обеспечивает не только постановку вопроса, но и гарантирует получение ответа о предпринятых мерах, создавая правовые последствия вплоть до административной ответственности за бездействие. Представление следователя, таким образом, выступает инструментом трансформации данных расследования в конкретные профилактические меры и инфраструктурные изменения. Его содержание, будучи типизируемым по общим проблемам безопасности, в каждом случае уникально и конкретно, так как вытекает из обстоятельств отдельного уголовного дела. Несмотря на отмечаемые в практике элементы формализма, данное направление следственной работы находится под усиленным ведомственным и прокурорским контролем, что отражает признание профилактики, в том числе дорожно-транспортных преступлений, ключевым приоритетом правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Качан О. А. Роль систем видеонаблюдения в профилактике дорожно-транспортных происшествий // Транспортное право. 2012. № 3. С. 35.

2. Кондратьев В. Д., Лисин В. В. Безопасность дорожного движения — необходимость дальнейших мер // Безопасность дорожного движения. 2022. № 3. С. 5–12.

3. Молчанов П. В. Профилактика правонарушений в области дорожного движения // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 63–68.

4. Семенова Т. Ю. Основные подходы к безопасности дорожного движения при дорожно-транспортных происшествиях // Безопасность дорожного движения. 2022. № 3. С. 23–28.

5. Смолин П. В. Профилактика нарушений правил дорожного движения, фиксируемых в автоматическом режиме: к вопросу о повышении эффективности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 135–141.

6. Сучков А. И. Обеспечение безопасности дорожного движения посредством вынесения представлений в ходе расследования преступлений в области дорожного движения // Современная наука. 2023. № 2. С. 31–35.

© Сучков А. И., Бадиков Д. А.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сучков Андрей Игоревич

Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного следствия в ОВД, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова (г. Орел, Россия).
E-mail: andr2892@mail.ru

Бадиков Дмитрий Алексеевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и предварительного следствия в ОВД, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова (г. Орел, Россия).
E-mail: dibad008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey I. Suchkov

Senior Lecturer at the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies, V. V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Orel, Russia).
E-mail: andr2892@mail.ru

Dmitry A. Badikov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies, V. V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Orel, Russia).
E-mail: dibad008@yandex.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

Дата поступления статьи / Received: 09.02.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.06.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Сучков А. И., Бадиков Д. А.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-147-153

С. 147–153

ФЕНОМЕН ИНЦИДЕНТОВ ВООРУЖЁННЫХ НАПАДЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Олеся Сергеевна Яхонтова[1], **Кристина Александровна Лебедева**[2], **Елизавета Михайловна Павлик**[3], **Альбина Юрьевна Сагайдак**[4]

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия

[1] *sia_russia@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3434-2370*

[2] *ms.ctogde@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-3576-4864*

[3] *lisa1990–07@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2000-2380*

[4] *a-sagaidakk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1565-3464*

Аннотация. Изучение феномена вооруженных нападений на образовательные организации детерминировано устойчивой эскалацией подросткового насилия, приобретающего все более радикальные и общественно опасные формы выражения. В статье подвергается детальному анализу механизм совершения указанного посягательства, при этом особый акцент делается на стадии подготовки обучающегося к реализации преступного умысла, в рамках которого рассматривается генезис девиантной установки, усматривающий особую роль в выявлении детерминирующего фактора. Отдельное внимание уделяется проблемным аспектам уголовно-правовой квалификации вооруженного нападения на образовательную организацию в условиях отсутствия специальной нормы, типологизация моделей посткриминального поведения нападавшего, а также дифференциация потерпевших по признаку наличия или отсутствия избирательности жертв.

На основе проведенного анализа формируются предложения по совершенствованию системы превенции, в рамках которой аргументируется необходимость в ведении нового состава преступления, элементы которого будут содержать признаки вооруженного нападения в образовательной организации и соответствовать степени общественной опасности, образуемой при совершении указанного деяния. Дополнительно обосновывается необходимость в выделении роли работников педагогического состава и психологов как ключевых субъектов механизма превенции, которая отражается в выполнении ряда мероприятий, обязательность исполнения которых требует отражения в нормативном правовом акте императивного характера.

Ключевые слова: вооруженное нападение в образовательной организации, нормативно-правовое регулирование, квалификация преступления, механизм совершения преступления, девиантное поведение, меры превенции

Для цитирования: Яхонтова О. С., Лебедева К. А., Павлик Е. М., Сагайдак А. Ю. Феномен инцидентов вооружённых нападений в образовательных организациях: криминологический анализ // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 147–153. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-147-153

© Яхонтова О. С., Лебедева К. А., Павлик Е. М., Сагайдак А. Ю.

Research article

THE PHENOMENON OF ARMED ATTACKS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Olesia S. Yakhontova[1], **Kristina A. Lebedeva**[2], **Elisaveta M. Pavlik**[3], **Albina YU. Sagaydak**[4]

Saint-Petersburg Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia

[1] *sia_russia@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3434-2370*

[2] *ms.ctogde@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-3576-4864*

[3] *lisa1990–07@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2000-2380*

[4] *a-sagaidakk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1565-3464*

Abstract. The study of the phenomenon of armed attacks on educational institutions is influenced by the sustained escalation of adolescent violence, which takes increasingly radical and socially dangerous forms of expression. The article provides a detailed analysis of the mechanism of commission of said offenses, with special emphasis on the stage of preparation of the student for the realization of criminal intent, within which the genesis of the deviant is considered. sees a special role in identifying the determinative factor. Special attention is paid to the problematic aspects of criminal law characterization of an armed attack on an educational organization in the absence of a specific norm, and typologization of the aggressor's post-criminal behavior patterns, as well as the differentiation of victims on the basis of whether or not they are selective.

Based on the analysis carried out, proposals are being made to improve the prevention system, which justifies the need for a new offence; The elements of which will contain signs of an armed attack in an educational organization and correspond to the degree of public danger posed by the commission of the said act. Additionally, the need to highlight the role of pedagogical staff and psychologists as key actors in the mechanism of prevention is justified, which is reflected in the implementation of a number of activities, The obligation to which they must be implemented in a normative legal act of a mandatory nature.

Keywords: armed attack in an educational organization, regulatory and legal regulation, qualification of the crime, mechanism of commission of the crime, deviant behavior, measures of reparation

For citation: Yakhontova OS, Lebedeva KA, Pavlik EM, Sagaydak AYu. The Phenomenon of Armed Attacks in Educational Organizations: Criminological Analysis. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):147-153. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-147-153

Введение

Противодействие ювенальной преступности является одним из приоритетных векторов государственной политики, имеющей первостепенное значение для любого государства. Данный тезис обусловлен тем, что делинквентное поведение несовершеннолетних, представляющее одну из наиболее обостренных форм девиантного поведения, формирует предпосылки для дальнейшего воспроизводства криминальных паттернов в обществе. На современном этапе развития общества наблюдается тенденция к увеличению подростковой преступности в ряде стран: Швеция, Соединенные Штаты Америки, Германия, Франция, Норвегия. Российская Федерация также не остается в стороне от этой негативной тенденции. Так, в ходе заседания итоговой коллегии Росмолодежи, заместитель начальника главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации Министерства внутренних дел Российской Федерации С. Н. Колесник, сообщил, что в текущий учебный год (сентябрь 2025 — апрель 2026 гг.) осуществлено 18 вооруженных нападений на образовательные организации; в период за январь-апрель 2026 года — 13[1].

Указанные факторы выявляют необходимость в проведении анализа норм действующего законодательства, механизма совершения совокупности преступных деяний, реализуемых в ходе приготовления, покушения и непосредственно в ходе совершения вооруженных нападений на образовательные организации. На основании выявленных специфических признаков представляется целесообразным совершенствование методики по профилактике и противодействию указанным преступным деяниям, которая позволит минимизировать риски возникновения подобных инцидентов в дальнейшем.

Материалы и методы

В рамках данного исследования применяются нормативные правовые акты, регулирующие реализацию

[1] В РФ за январь-апрель зафиксировали 13 нападений на образовательные организации. // оф. сайт. Интерфакс URL: https://www.interfax.ru/russia/1083240 (дата обращения: 10.04.2026).

© Яхонтова О. С., Лебедева К. А., Павлик Е. М., Сагайдак А. Ю.

образовательного процесса, а также акты, устанавливающие основы противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности. Параллельно с изучением нормативно-правовой базы используются научные труды, посвященные специфике исследуемой проблематики.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания, а также формально-юридический, системно-структурный и описательно-аналитический методы научного познания.

Описание исследования

Реализация государственной политики, направленной на обеспечение прав и свобод человека и гражданина в сфере образования, детерминирована императивными конституционными положениями. В иерархии указанных ценностей приоритетное место занимают естественные и неотчуждаемые права личности, закрепленные в главе 2 Конституции Российской Федерации, а именно: право на жизнь (ст. 20), право на охрану здоровья (ст. 41), выступающие в системном единстве с правом на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22). Данные постулаты находят отражение в отдельных нормах Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании», имплицитно подразумевая реализацию мероприятий и создание условий, направленных на обеспечение безопасности и профилактику несчастных случаев с обучающимися во время пребывания в организации, осуществляющей образовательную деятельность (пп. 8, 9 ч. 1 ст. 41 указанного закона).

В свете обозначенной темы представляется необходимым акцентировать внимание на Постановлении Правительства Российской Федерации от 2 августа 2019 года № 1006 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)»[2]. Указанный подзаконный акт был утвержден и принят в контексте общей стратегии противодействия терроризму, и, несмотря на то, что в силу действующего законодательства вооруженные нападения на образовательные организации не признаются террористическим актом, общие положения данного акта предусматривают его применение в целях противодействия возникновения подобных инцидентов. Требования к антитеррористической защищенности объектов Министерства просвещения РФ предполагают дифференцированный подход по обеспечению их безопасности, заключающийся в категоризации объектов в зависимости от степени потенциальной террористической угрозы и прогнозируемых масштабов возможных последствий. Дополнительно предусматриваются мероприятия по обеспечению антитеррористической защищенности, а также контроль за выполнением установленных требований с приложением паспорта безопасности описываемых объектов.

Позднее Министерством просвещения был разработан алгоритм действий участников образовательного процесса при возникновении угрозы совершения преступления террористической направленности. Указанные алгоритмы изложены в Письме Министерства просвещения Российской Федерации от 28 июня 2023 года № АБ-2594/14 «О направлении Алгоритмов»[3] и носят рекомендательный характер. Методические рекомендации содержат перечень действий, адаптированных к конкретной оперативной обстановке и индивидуализированных для каждого участника образовательного процесса, в частности, способы взаимодействия с правоохранительными органами.

Тем не менее, в нынешних реалиях приходится констатировать, что динамика количественных и качественных показателей вооруженных нападений на образовательные организации свидетельствует о недостаточной степени апробации и действенности предусмотренных законодательством мер. В этой связи следует акцентировать внимание на специфических признаках совокупности преступных деяний, реализуемых в рамках приготовления, покушения и непосредственно совершения вооруженного нападения на образовательные организации.

Согласно наблюдениям исследователей [1, с. 162; 6, с. 161; 7, с. 126], процесс приготовления осуществляется заблаговременно до совершения нападения, что свидетельствует о продолжительном внутреннем процессе моральной адаптации обучающегося к предстоящему противоправному акту насилия. В качестве ключевых триггеров, способствующих развитию девиантного поведения, выступают: наличие травли в учебном коллективе, проявляющейся в систематическом унижении человеческого достоинства (издевательства, оскорбления, применение физического насилия либо угрозы

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2019 года № 1006 (ред. от 05.03.2022) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)». // Собрание законодательства РФ. 2019. № 32. ст. 4716.

[3] Письмо Минпросвещения России от 28 июня 2023 года № АБ-2594/14 «О направлении алгоритмов» (вместе с алгоритмами действий персонала образовательной организации, работников частных охранных организаций и обучающихся при совершении (угрозе совершения) преступления в формах вооруженного нападения, размещения взрывного устройства, захвата заложников, срабатывали на территории образовательной организации взрывного устройства, в том числе доставленного бесплатным летательным аппаратом, нападения с использованием горючих жидкостей, а также информационного взаимодействия образовательных организаций с территориальными органами МВД России, Росгвардии и ФСБ России»). // Законы, кодексы и нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-ot-28062023-n-ab-259414-o-napravlenii/?ysclid=mnyws4tn76853935545 (дата обращения: 11.04.2026).

© Яхонтова О. С., Лебедева К. А., Павлик Е. М., Сагайдак А. Ю.

его применения); социальная депривация, обусловленная деструктивными межличностными отношениями в коллективе; переживание потери близкого человека; затяжной конфликт с родителями.

Вследствие перманентного воздействия криминогенных триггеров, у обучающегося формируется устойчивое антиобщественное сознание, которое подкрепляется изучением прецедентов совершения вооруженных нападений на образовательные организации [7, с. 127]. Предметом его когнитивного интереса выступает не только фактическая сторона произошедших событий, но и скрупулезное изучение механизма реализации преступного умысла. На данном этапе лицо, намеревающееся осуществить противоправные действия, может прибегнуть к изучению материалов о совершенных актах вооруженного насилия, публикуемых в сообществах в социальных сетях, мессенджерах и иных «Интернет»-ресурсах [3, с. 444]. Как правило, подобные сообщества не только демонстрируют сведения о произошедших инцидентах, но и осуществляют целенаправленную агитацию и пропаганду совершения аналогичных действий. Это может проявляться в размещении постов с поддержкой идеологии террористической организации Колумбайн, а также в непосредственном взаимодействии с несовершеннолетним, заключающемся в склонении последнего к реализации преступного умысла.

В данном случае необходимо также акцентировать внимание на преподносимой информации в средствах массовой информации. В превалирующем количестве новостных источников сведения об инциденте, связанном с вооруженным актом насилия в образовательной организации, преподносятся в виде вынужденного совершения преступных деяний в силу определенных обстоятельств, демонстрируя образ нападающего в героикоподобном виде. Уделяя особое внимание детерминантам случившегося, обучающийся не только принимает на себя образ преступника в виде психотравмирующих событий, подталкивающих к совершению противоправных посягательств, но и способствует развитию эффекта подражания, сопровождающийся желанием обретения славы.

В процессе ознакомления с деструктивным контентом осуществляется подбор орудий и средств, предназначенных для совершения противоправных деяний. Данный процесс включает следующие аспекты: установление доступности огнестрельного оружия и потенциальной возможности его применения [6, с. 162]; поиск и приобретение взрывчатых веществ с последующим изготовлением самодельного взрывного устройства; подбор холодного оружия в случае отсутствия возможности приобретения вышеуказанных средств; выбор специальных средств (газовые, перцовые баллончики) и соответствующей экипировки [2, с. 18]. Наряду с этим прорабатывается план осуществления преступного умысла, включающий детальную проработку способов проникновения на территорию образовательной организации, которые могут варьироваться от изначально угрожающего характера действий, сопровождающегося демонстрацией оружия, до скрытного проникновения без явной угрозы с последующим применением оружия в рамках заранее спланированных действий.

Применительно к оценке общественно опасных последствий, наступаемых вследствие совершения противоправного деяния, необходимо констатировать специфику субъективной стороны поведения данных лиц. Умыслом несовершеннолетнего, решившегося на совершение вооруженного нападения на образовательную организацию, в подавляющем большинстве случаев, охватывается осознание общественной опасности планируемого деяния, он предвидит и желает наступления общественно опасных последствий, а также осознает неотвратимость уголовного наказания. Подобная рационализация неизбежности возмездия детерминирует специфическую посткриминальную модель поведения, которая направлена на совершение самоубийства либо оказания сопротивления сотрудникам правоохранительных органов при попытке задержания [5, с. 270].

Непосредственная реализация преступного замысла в виде вооруженного нападения на образовательную организацию приходится на утренние часы, охватывающие период начала проведения учебных занятий либо непосредственно перед их началом. Указанная временная локализация объясняется максимальной концентрацией потенциальных жертв в образовательном учреждении, что в восприятии субъекта преступления повышает «поражающий» эффект и обеспечивает медийный резонанс содеянного.

Дифференциация круга потерпевших осуществляется по признаку наличия или отсутствия избирательности жертв в действиях нападающего. В рамках данной типологии выделяются: 1) персонифицированный тип виктимизации — применение насилия носит целенаправленный характер и обращено в отношении конкретных лиц, выступавших, по мнению обучающегося, источником его социальной депривации, уничижительного отношения, физического насилия и т. д.; 2) деперсонифицированный тип виктимизации — нападение осуществляется в отношении случайных лиц, оказавшихся в зоне поражения, и отражает всеобъемлющее противостояние индивида социуму и его институциональным структурам. Подобная амбивалентность в селекции жертв отражает многогранную мотивационную структуру вооруженных нападений на образовательные организации, где индивидуальные мотивы мести могут сочетаться с глобальным отвержением нормативного порядка и стремлением к максимальному деструктивному воздействию.

Согласно материалам судебно-следственной практики [4, с. 140], подобные противоправные деяния квалифицируются по ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (убийство), зачастую с квалифицирующими признаками: убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), малолетнего лица (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), совершенной с особой жесткостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК

© Яхонтова О. С., Лебедева К. А., Павлик Е. М., Сагайдак А. Ю.

РФ). Совокупность преступных деяний образует также незаконное приобретение, ношение огнестрельного оружия и боеприпасов к нему (ч. 1 ст. 222 УК РФ), взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ), незаконное изготовление оружия (ч. 1 ст. 223 УК РФ), взрывных устройств (ч. 1 ст. 223.1 УК РФ).

Вместе с тем, исходя из изложенного анализа механизма совершения вооруженного нападения на образовательные организации, применение указанного подхода к уголовно-правовой оценке представляется не вполне релевантным характеру и степени общественной опасности рассматриваемого деяния. Квалификация содеянного по ст. 105 УК РФ, даже при условии вменения квалифицирующих признаков, не отражает в полной мере специфику объекта преступного посягательства. Вооруженное нападение на образовательную организацию сопряжено с одновременным причинением вреда жизни и здоровью непосредственных жертв, но и психологическому благополучию неопределенного круга лиц, а также таким охраняемым законом социальным благам, как общественная безопасность, нормальное функционирование институтов образования, правоохранительных органов, органов государственной власти. Указанный кумулятивный вред не находит должного отражения в диспозиции статьи 105 УК РФ, ориентированной, преимущественно, на оценку последствий в виде смерти человека, а не на комплексную дестабилизацию социальной системы.

Тем не менее, приходится констатировать, что в условиях действующего уголовного законодательства подобная квалификация является единственно возможной с формально-юридической точки зрения. Отсутствие специального состава преступления, предусматривающего наступление уголовной ответственности за совершение вооруженного нападения в образовательной организации, создает пробел в законодательстве, вынуждающий правоприменителя прибегать к использованию общих норм, не в полной мере учитывающих сущность данного явления. Ввиду сложившейся ситуации представляется целесообразным введение самостоятельного состава преступления в уголовное законодательство, который позволит дифференцировать уголовную ответственность с учетом повышенной социальной опасности рассматриваемых посягательств и обеспечит более эффективную превенцию.

Заключение и вывод

На основании вышеизложенного представляется необходимым констатировать, что на современном этапе развития общества, целесообразно внесение изменений в уголовное законодательство в части введения нового состава преступления, диспозиция которого будет определять совокупность преступных действий, реализуемых в рамках совершения вооруженного нападения на образовательную организацию. Необходимость новеллизации продиктована тем, что назначаемое за совершение вооруженного нападения в образовательной организации наказание не коррелирует с тем уровнем общественной опасности и общественно-опасными последствиями таких преступных деяний.

Наряду с этим, рассмотрев нормативные правовые акты, в частности акты прикладного характера, представляется отметить следующее. Во-первых, методические рекомендации, указанные в Письме Министерства просвещения Российской Федерации от 28 июня 2023 года № АБ-2594/14 «О направлении Алгоритмов» содержат необходимые аспекты, которые должны быть соблюдены в случае возникновения угрозы совершения преступления террористической направленности. Однако эти алгоритмы носят исключительно рекомендательный характер, в то время как их исполнение обязательно при возникновении подобных инцидентов, что являет собой необходимость утверждения данных рекомендаций в рамках нормативного правового акта федерального значения.

Представляется необходимым акцентировать внимание на проблеме определения профилактических мероприятий в контексте нормативно-правового регулирования. Целесообразно видится изменение их правового статуса: переход от рекомендательного характера соответствующих предписаний к императивно-обязательному, что позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики и повысить дисциплинированность участников образовательного процесса.

В контексте реализации превентивных мер предлагается внедрение следующих механизмов психолого-педагогического характера: во-первых, установление нормативно закрепленной обязанности педагогических работников осуществлять мониторинг поведенческих паттернов обучающихся во внеучебное время (перерывы между учебными занятиями) с целью оперативного выявления фактов девиантного поведения, включающего вербальную агрессию и применение физического насилия в отношении обучающихся. Во-вторых, требуется интенсификация деятельности психологов, осуществляющих трудовую деятельность в образовательных организациях, предполагающая углубленное динамическое наблюдение за эмоциональным состоянием и межличностными отношениями в учебных коллективах [1, с. 159]. При том особому контролю должны подлежать обучающиеся, относящиеся к группе повышенного криминогенного риска (состоящие на учете в психоневрологическом диспансере, ранее наблюдались у психолога, демонстрируют признаки социальной изоляции, отверженности или виктимизации со стороны сверстников). Однако при осуществлении контроля необходимо избегать стигматизации в целях предотвращения обратного эффекта, который заключается в усилении фрустрации и формировании устойчивой мотивации обучающегося к совершению противоправных действий.

Наряду с этим необходима интенсификация межведомственного взаимодействия, в рамках которой будут задействованы не только сотрудники правоохранительных органов, но и педагогические работники, в рамках которого могут реализовываться мероприятия

© Яхонтова О. С., Лебедева К. А., Павлик Е. М., Сагайдак А. Ю.

по виктимологической профилактике, а также краткого экскурса по базовым нормам права в части совершаемых противоправных виновных деяний и наступивших общественно опасных последствий, а также неотвратимости назначения наказания вследствие нарушения данных норм. Тем не менее, привлечение сотрудников правоохранительных органов для проведения беседы по указанной теме необходимо не только для целенаправленного воздействия на сознание обучающихся в виду сохранения нормативного поведения, но и возможного выявления ситуаций, свидетельствующих о присутствии травли в учебном коллективе и лиц, склонных к осуществлению акта вооруженного насилия.

Относительно отмеченной ранее закономерности ввиду изучения обучающимися, намеревающихся совершить вооруженное нападение в образовательной организации, материалов средств массовой информации, а также сведений о лицах, совершивших аналогичные деяния, на публичных страницах в социальных сетях и мессенджерах, представляется отметить следующее. В настоящее время ведется разработка законопроекта, направленного на ограничение распространения информации об актах вооруженного насилия в образовательных организациях. Данная инициатива в действительности может поспособствовать снижению негативной тенденции эскалации подросткового насилия, однако в целях достижения наибольшего эффекта необходимо принятие комплексных мер, в рамках которых особое внимание должно уделяться разработке и введению нормативных правовых актов, регулирующих деятельность уполномоченных субъектов по проведению профилактических мероприятий, позволяющих минимизировать риски возникновения подобных инцидентов в дальнейшем.

Список источников

1. Васильев В. В. Методологические подходы к изучению скулшутинга в образовательных организациях на межпредметном и социологическом уровнях // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 157–162.

2. Гусев С. Н. Детерминанты совершения актов скулшутинга // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 15–20. DOI: 10.25724/VAMVD.A013

3. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 442–446. DOI: 10.24420/KUI.2018.49.27.001

4. Суходольская Ю. В. Об отграничении массовых убийств в образовательных организациях от преступлений террористической направленности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 4 (90). С. 137–142.

5. Ткач С., Жарикова А. В. Медийный нарратив скулшутинга в России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. № 6 (3). С. 268–289. DOI: 10.46539/gmd.v6i3.536

6. Шабалин А. Д. Причины и профилактика общественно опасного явления «скулшутинга» в России // Расследование и предупреждение преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 20 декабря 2023 года. Москва, 2024. С. 158–164.

7. Шаповалова О. С. Феномен скулшутинга в контексте современной подростковой агрессии: психологический портрет скулшутера // Личность в пространстве и времени. 2025. № 14. С. 123–129.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Яхонтова Олеся Сергеевна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: sia_russia@mail.ru

Лебедева Кристина Александровна

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: ms.ctogde@mail.ru

Павлик Елизавета Михайловна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: lisa1990–07@mail.ru

Сагайдак Альбина Юрьевна

Кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: a-sagaidakk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olesia S. Yakhontova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology, Saint-Petersburg Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russia).
E-mail: sia_russia@mail.ru

Kristina A. Lebedeva

Saint-Petersburg Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russia).
E-mail: ms.ctogde@mail.ru

Elisaveta M. Pavlik

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology, Saint-Petersburg Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russia).
E-mail: isa1990–07@mail.ru

Albina Yu. Sagaydak

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy head of the Department of Criminology, Saint-Petersburg Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russia).
E-mail: a-sagaidakk@mail.ru

© Яхонтова О. С., Лебедева К. А., Павлик Е. М., Сагайдак А. Ю.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

Дата поступления статьи / Received: 17.04.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 19.05.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Яхонтова О. С., Лебедева К. А., Павлик Е. М., Сагайдак А. Ю.

Научная статья
УДК 341.1/8
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-154-159

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗДОРОВЬЕ В ПРАВОПОРЯДКЕ ЕАЭС

Ольга Алексеевна Авдеева

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия
o.a.avdeeva1@usla.ru

https://orcid.org/0000-0002-3794-086X

Аннотация. В статье исследуется юридическая природа механизмов Евразийского экономического союза, связанных с реализацией отдельных элементов права на здоровье. Обосновывается, что ЕАЭС не является региональной системой защиты прав человека и не закрепляет субъективное право на здоровье, однако его право и практика формируют комплекс регуляторных инструментов, имеющих значение для реализации международных стандартов права на здоровье. К числу таких инструментов относятся общий рынок лекарственных средств и медицинских изделий, санитарные меры, единые требования к качеству, безопасности и эффективности медицинской продукции, сотрудничество Евразийской экономической комиссии с Европейским региональным бюро ВОЗ, а также новые направления, связанные с телемедициной, цифровым обменом медицинскими данными и высокотехнологичной медицинской помощью. Особое внимание уделяется соотношению евразийской модели с универсальными стандартами ВОЗ и практикой Европейского союза, где баланс между свободным обращением товаров и защитой общественного здоровья формируется в том числе судебной практикой. Сделан вывод, что ЕАЭС осуществляет не прямую, а косвенную реализацию права на здоровье путем создания инфраструктурных условий для доступа к безопасной медицинской продукции и современным медицинским технологиям, но не формирует полноценного регионального правозащитного механизма.

Ключевые слова: право на здоровье; ЕАЭС; лекарственные средства; евразийство; международное право; регионализм; косвенная реализация прав человека.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00797, https://rscf.ru/project/25-28-00797/

Для цитирования: Авдеева О. А. Механизмы реализации права на здоровье в правопорядке ЕАЭС // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 154–159. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-154-159

Research article

MECHANISMS FOR IMPLEMENTING THE RIGHT TO HEALTH WITHIN THE EAEU LEGAL ORDER

Olga A. Avdeeva

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
o.a.avdeeva1@usla.ru

https://orcid.org/0000-0002-3794-086X

Abstract. The article examines the legal nature of the mechanisms of the Eurasian Economic Union related to the implementation of certain elements of the right to health. It argues that the EAEU is not a regional human rights protection system and does not establish a subjective right to health. However, its law and practice form a set of regulatory instruments that are relevant to the implementation of international standards of the right to health. These instruments include the common market for medicinal products and medical devices, sanitary measures, unified requirements for the quality, safety and efficacy of medical products, cooperation between the Eurasian Economic Commission and the WHO Regional Office for Europe, as well as new areas related to telemedicine, the digital exchange of medical data and high-tech medical care. Particular attention is paid to the relationship between the Eurasian model, the universal standards of the WHO and the practice

© Авдеева О. А.

of the European Union, where the balance between the free movement of goods and the protection of public health is shaped, among other things, by case law. The article concludes that the EAEU implements the right to health not directly, but indirectly, by creating infrastructural conditions for access to safe medical products and modern medical technologies, while not forming a fully-fledged regional human rights protection mechanism.

Keywords: right to health; EAEU; medicinal products; Eurasianism; international law; regionalism; indirect realization of human rights.

Funding: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00797, https://rscf.ru/project/25-28-00797/

For citation: Avdeeva OA. Mechanisms for Implementing the Right to Health within the EAEU Legal Order. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):154-159. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-154-159

Введение

Право на здоровье занимает особое место в системе международного права прав человека. Долгое время оно считалось «слишком расплывчатым, чтобы служить основой для контролируемого и обеспеченного закрепленной нормой права» [1, с. 334]. Его называли аморфной концепцией, широким правом, сферу действия которого трудно точно определить [3; 5, с. 679]. В современном международном праве оно не означает право быть здоровым в биологическом смысле. Специфика права состоит в том, что оно соединяет несколько правовых плоскостей: классическую правозащитную, социально-экономическую, санитарно-эпидемиологическую и институционально-организационную. Именно поэтому международно-правовое содержание права на здоровье не может быть сведено к праву на лечение или к обязанности государства содержать медицинские учреждения. В современном понимании оно охватывает широкий комплекс условий, необходимых для достижения каждым человеком наивысшего достижимого уровня физического и психического здоровья. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам в Замечании общего порядка № 14 раскрывает это право через триаду обязательств государства: уважать, защищать и осуществлять[1]. Это означает, что государство должно воздерживаться от произвольного вмешательства в сферу здоровья, защищать человека от нарушений со стороны третьих лиц и принимать законодательные, административные, бюджетные, судебные и иные меры для реализации права на здоровье.

Принципиально важно разграничить универсальные стандарты права на здоровье и региональные механизмы их реализации. Универсальные стандарты формируются прежде всего в рамках Организации Объединенных Наций, Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Всемирной организации здравоохранения. Региональные механизмы реализации права на здоровье отличаются не столько самим материальным стандартом, сколько способом его юридического и институционального обеспечения. В одних региональных системах право на здоровье защищается через судебные и квазисудебные процедуры, в других через наднациональное регулирование рынка лекарств и медицинских изделий, в третьих через программную координацию и межгосударственное сотрудничество. В отличие от Совета Европы или Африканского союза в ЕАЭС не определено содержание права на здоровье и отсутствуют процедуры индивидуальной жалобы на нарушение этого права. Проблема состоит в том, что такие механизмы не создают для индивида непосредственно защищаемого притязания на получение медицинской помощи, а формируют инфраструктурные, технические и организационные условия, без которых реализация права на здоровье невозможна. Именно это обстоятельство требует определения юридической природы евразийских механизмов реализации обязательств государств в отношении права на здоровье.

Основная часть

Евразийский экономический союз не является региональной системой защиты прав человека в привычном смысле и не закрепляет право на здоровье. Механизм реализации обязательств, связанных с правом на здоровье, имеет преимущественно экономический характер. Однако в праве ЕАЭС и практике постепенно формируется комплекс механизмов, объективно связанных с реализацией отдельных элементов права на здоровье. К ним относятся общий рынок лекарственных средств, медицинских изделий, санитарные меры, стандартизация качества и безопасности медицинской продукции, а также новые направления, связанные с телемедициной, цифровым обменом медицинскими данными и высокотехнологичной медицинской помощью. Договор о ЕАЭС исходит из свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, но допускает ограничения во взаимной торговле, если они необходимы, в частности, для защиты жизни и здоровья человека, санитарной и эпидемиологической безопасности, охраны окружающей среды и иных публичных интересов[2].

[1] Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General Comment No. 14: The Right to the Highest Attainable Standard of Health. Article 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. UN Doc. E/C.12/2000/4. UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR). URL: https://www.refworld.org/legal/general/cescr/2000/36991 (дата обращения: 25.07.2026).

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ.

© Авдеева О. А.

Наиболее значимый вклад ЕАЭС в реализацию права на здоровье связан с формированием общего рынка лекарственных средств и медицинских изделий. Договор о ЕАЭС предусматривает создание общего рынка лекарств на основе гармонизации и унификации требований, единых обязательных стандартов качества, эффективности и безопасности, общих правил регистрации, контроля, надзора и фармацевтической инспекции. Аналогичный подход применяется к медицинским изделиям.

Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС устанавливает общие правила обращения лекарственных средств, требования к надлежащим фармацевтическим практикам, гармонизированные требования к безопасности, эффективности и качеству, правила доклинических и клинических исследований, регистрации, экспертизы, производства и инспектирования[3].

Тем самым ЕАЭС реализует не столько индивидуальное право на здоровье, сколько инфраструктурные условия его осуществления: безопасность рынка лекарственных препаратов, устранение барьеров при обращении лекарств и медицинских изделий, единые требования к качеству.

Исходной точкой анализа является положение о том, что право на здоровье не означает право быть здоровым. Государство не способно гарантировать человеку конкретное биологическое состояние, поскольку здоровье зависит от множества факторов. Однако государство обязано создать условия, при которых человек получает реальную возможность пользоваться медицинскими учреждениями, товарами, услугами, информацией и основными предпосылками здоровья.

Такое понимание закреплено в статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Пакт признает право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья и указывает на меры, необходимые для его полного осуществления: сокращение детской смертности, улучшение гигиены внешней среды и труда, предупреждение и лечение эпидемических, профессиональных и иных болезней, а также создание условий, обеспечивающих всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни[4].

Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам в Замечании общего порядка № 14 развивает данное положение и раскрывает обязательства в отношении права на здоровье через несколько взаимосвязанных элементов: наличие, доступность, приемлемость и качество. В доктрине международного права эти критерии подробно раскрываются и позволяют оценивать любые механизмы реализации не по декларативному признанию здоровья как ценности, а по тому, насколько они реально обеспечивают наличие, доступность, приемлемость и качество медицинской помощи и основных предпосылок здоровья. Сведение права на здоровье к праву на медицинское обслуживание является неверным истолкованием международного права [9, с.65]. Если право на здоровье понимать узко, только как право на лечение, то ЕАЭС может показаться почти нерелевантным. Если же исходить из современного международно-правового понимания, включающего лекарственное обеспечение, качество медицинских изделий, санитарную безопасность, цифровую инфраструктуру, информацию и профилактику [6, с. 50], то роль ЕАЭС становится более заметной.

Право на здоровье распространяется не только на своевременное и надлежащее оказание медицинской помощи, но и на доступ к лекарственным средствам, чистой питьевой воде, санитарии, питанию, а также на устранение дискриминации и неравенства как факторов, влияющих на здоровье человека, а ЕАЭС почти не затрагивает этот уровень права на здоровье. Его компетенция связана прежде всего с экономической интеграцией и может воздействовать на некоторые социальные детерминанты косвенно, например через охрану здоровья работников и членов их семей в государстве трудоустройства[5]. Это означает, что евразийская модель ограничена в структурном отношении. Она способна улучшать доступность лекарственных препаратов, гармонизировать требования к медицинским изделиям, но не устраняет социальные причины заболеваний, не гарантирует наличие медицинского персонала и не определяет, кто и на каких условиях получит доступ к медицинской помощи. В зарубежной литературе неоднократно отмечалось, что косвенные механизмы реализации прав человека, основанные на политических процедурах, отраслевом регулировании или экономической интеграции, не всегда обеспечивают эффективное индивидуальное средство защиты [4].

в силу с 24.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 25.07.2026).

[3] Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза (заключено в г. Москве 23.12.2014). // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172765/ (дата обращения: 25.07.2026).

[4] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: un.org (дата обращения: 31.07.2026).

[5] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Раздел XXVI, ст. 98, п. 4; Приложение № 30 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии.. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/36e/Razdel-XXVI-Dogovora.pdf (дата обращения: 31.07.2026).

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь «О порядке оказания медицинской помощи гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь и гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения Российской Федерации» от 24 января 2006 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77422/ (дата обращения: 25.07.2026).

© Авдеева О. А.

Евразийский экономический союз имеет международную правосубъектность, однако его цели и компетенция определяются логикой экономической интеграции. Поэтому право ЕАЭС не формирует самостоятельного регионального каталога прав человека и не создает специальной процедуры защиты права на здоровье. В отличие от Совета Европы или Африканской системы прав человека, ЕАЭС не предоставляет возможности обратиться в региональный правозащитный орган с жалобой на нарушение права на медицинскую помощь, дискриминацию в здравоохранении или отказ в доступе к лекарствам.

Тем не менее право ЕАЭС имеет существенное значение для отдельных компонентов права на здоровье. Прежде всего это касается общего рынка лекарственных средств и медицинских изделий. Единые правила регистрации, экспертизы, обращения лекарств и допуска медицинских изделий направлены на обеспечение качества, безопасности и эффективности медицинской продукции. В терминологии Замечания общего порядка № 14 они затрагивают критерии наличия и качества, однако не гарантируют экономическую доступность для пациента, не регулируют объем бесплатной медицинской помощи и не определяют минимальный стандарт медицинского обслуживания гражданина.

Обязательства государств по праву на здоровье традиционно раскрываются через триаду: уважать, защищать и осуществлять. Обязанность уважать требует воздерживаться от прямого или косвенного вмешательства в реализацию права на здоровье. Обязанность защищать предполагает меры против нарушений со стороны третьих лиц, включая производителей, работодателей и иных субъектов. Обязанность осуществлять требует принятия законодательных, административных, бюджетных, судебных, информационных и иных мер, направленных на полное осуществление права[6].

С точки зрения этой триады роль ЕАЭС распределяется неравномерно. В аспекте обязательства уважать ЕАЭС имеет ограниченное значение, поскольку не регулирует напрямую отношения государства и индивида. В аспекте обязательства защищать роль ЕАЭС более заметна: единые требования к лекарственным средствам и медицинским изделиям, правила регистрации, контроля качества и безопасности направлены на защиту человека от рисков, создаваемых третьими лицами. В аспекте обязательства осуществлять ЕАЭС выполняет обеспечительную функцию, не финансирует национальные системы здравоохранения и не определяет объем медицинской помощи, но способствуя развитию рынков медицинской продукции, цифровой инфраструктуры.

Одним из наиболее сложных проблем реализации права на здоровье является финансирование. Международное право не содержит норм, определяющих объем необходимых финансовых ресурсов, выделяемых на здравоохранение. В МПЭСКП обращается внимание на то, что нехватка ресурсов не освобождает государство от обязанности действовать. Даже в условиях ограниченных возможностей государство должно максимально использовать имеющиеся ресурсы, обеспечивать первоочередную защиту уязвимых групп и обосновывать причины невозможности полного обеспечения права на здоровье.

В этом контексте развитие высокотехнологичной медицинской помощи и телемедицины в рамках ЕАЭС создает не только возможности, но и риски. Высокотехнологичная помощь обычно является дорогостоящей и концентрируется в крупных медицинских центрах. Телемедицина требует цифровой инфраструктуры, устойчивой связи, защиты данных, цифровой грамотности пациента и медицинского персонала. Если ЕАЭС будет развивать эти направления только как экономическое сотрудничество и рынок технологий, может возникнуть ситуация, при которой инновационные медицинские услуги станут доступны преимущественно платежеспособным группам населения, что воспроизведет или даже углубит неравенство.

ЕАЭС, обладая международной правосубъектностью, имеет ограниченную внешнюю компетенцию. Даже в тех сферах, которые относятся к компетенции Союза, заключение международных договоров требует согласования государств-членов. Ищенко выделяет несколько форм международного сотрудничества ЕАЭС: заключение торговых соглашений, меморандумов о сотрудничестве и взаимопонимании, участие в международных организациях, предоставление статуса государства-наблюдателя, а также взаимодействие в формате диалога, обмена информацией, конференций, семинаров и совместных мероприятий [8, с. 22–26].

Также следует отметить Меморандум о взаимопонимании от 13 октября 2021 г. ЕЭК и Европейского регионального бюро ВОЗ, где в качестве направлений сотрудничества названы предупреждение распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний, развитие информационных систем, охрана здоровья трудящихся и членов их семей в государстве трудоустройства, совместные мероприятия, информационно-аналитический обмен и консультации. В развитие Меморандума принят план мероприятий на 2026–2028 годы, касающийся закрепленных направлений сотрудничества[7]. Таким образом, ВОЗ формирует универсальные подходы, а ЕЭК обеспечивает их вклю-

[6] Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General Comment No. 14: The Right to the Highest Attainable Standard of Health. Article 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. UN Doc. E/C.12/2000/4. UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR). URL: https://www.refworld.org/legal/general/cescr/2000/36991 (дата обращения: 25.07.2026).

[7] Распоряжение Коллегии ЕЭК от 28 октября 2025 г. № 154 «Об одобрении проекта плана мероприятий на 2026–2028 годы по реализации Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Европейским региональным бюро Всемирной организации здравоохранения от 13 октября 2021 года» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: eaeunion.org (дата обращения: 31.07.2026).

© Авдеева О. А.

чение в евразийскую повестку, не превращая стандарты ВОЗ в непосредственно применимое право ЕАЭС.

Для понимания динамики регулирования сферы здравоохранения важным актом является Рекомендация Коллегии ЕЭК от 17 декабря 2024 г. № 26[8]. Данный акт показывает, что ЕАЭС постепенно выходит за пределы традиционной сферы обращения лекарственных средств и медицинских изделий. В фокусе появляются телемедицина, информационно-коммуникационные технологии, цифровой обмен медицинскими данными, высокотехнологичная медицинская помощь, клеточные технологии, персонализированная медицина, стандартизация дистанционных медицинских услуг и производственная кооперация в сфере средств телемедицины.

Рекомендация не является обязательным актом, не гарантирует права на получение телемедицинской консультации, лечения в другом государстве-члене или высокотехнологичной медицинской помощи. Особое значение имеет блок, связанный с телемедициной. Рекомендация предусматривает выработку общих подходов к правовым аспектам оказания телемедицинских услуг, формирование требований к дистанционному взаимодействию, форматам, защите и хранению данных при трансграничной медицинской помощи. Тем самым ЕАЭС начинает формировать пространство регуляторной совместимости медицинских информационных систем.

Рекомендация также прямо затрагивает вопросы защиты сведений, составляющих врачебную тайну, персональных данных, показывая, что ЕАЭС учитывает не только экономическую, но и правозащитную сторону здравоохранения.

С точки зрения права на здоровье это имеет двойственное значение. С одной стороны, телемедицина способна расширить доступ к медицинской помощи, особенно для жителей удаленных территорий, трудящихся мигрантов, лиц с ограниченными возможностями и пациентов, нуждающихся в консультациях специалистов, отсутствующих в месте проживания. С другой стороны, телемедицина создает риск вмешательства в частную жизнь, нарушения врачебной тайны, неправомерного трансграничного обмена медицинскими данными, цифрового неравенства.

Опыт Европейского союза имеет существенное значение для оценки перспектив евразийской модели регулирования обращения лекарственных средств. Как показывает практика Суда Европейского союза, развитие внутреннего рынка неизбежно требует установления баланса между свободным обращением товаров и защитой права на здоровье. В сфере обращения лекарственных средств данный баланс приобретает особую сложность, поскольку лекарство одновременно является товаром внутреннего рынка и средством реализации права человека на здоровье. Суд Европейского союза, рассматривая вопросы трансграничной онлайн-продажи лекарственных средств, последовательно стремился учитывать как публичный интерес в охране здоровья населения, так и необходимость развития рыночных отношений [2, с. 272]. Евразийский экономический союз также формирует общий рынок лекарственных средств и медицинских изделий, однако баланс между экономической интеграцией и защитой права на здоровье пока обеспечивается преимущественно регуляторными средствами.

Обращение к Шанхайской организации сотрудничества позволяет точнее оценить особенности ЕАЭС. ШОС изначально формировалась как организация, ориентированная на безопасность, но постепенно расширила функционал на гуманитарное и правозащитное взаимодействие, включая здравоохранение. Здравоохранительная повестка ШОС была существенно актуализирована в связи с пандемией COVID-19. В рамках Организации обсуждались предложения о многостороннем механизме оперативного информирования при возникновении очага инфекционного заболевания, регулярных учениях по выявлению и реагированию на чрезвычайные санитарно-эпидемиологические ситуации, использовании мобильных лабораторий, обмене опытом борьбы с инфекциями. В 2020 г. Совет глав государств-членов ШОС выступил с заявлением о совместном противодействии коронавирусной инфекции, а заинтересованные государства приняли комплексный план совместных мер по противодействию угрозам эпидемий. Безбородов и Турсунбаева прямо отмечают, что многие инициативы ШОС сводятся к совещательным процедурам, констатации поддержки государствами принимаемых мер и принятию заявлений декларативного характера [7, с. 89–90], поэтому признание важности здоровья и расширение сотрудничества еще не означают формирования правового механизма реализации права на здоровье. Сравнительный анализ демонстрирует, что пока преждевременно заявлять о наличии в данных интеграционных объединениях самостоятельной региональной системы защиты права на здоровье.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов. Во-первых, ЕАЭС не является региональной системой защиты права на здоровье, не закрепляет субъективное право на медицинскую помощь и не создает правозащитных процедур. Вместе с тем ЕАЭС выполняет функцию частичной реализации отдельных элементов права на здоровье через общий рынок лекарственных средств и медицинских изделий, санитарные меры, цифровую медицину и телемедици-

[8] Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2024 г. № 26 «О развитии экономического сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в области здравоохранения в части обеспечения доступности современных достижений в сфере здравоохранения для граждан государств-членов Евразийского экономического союза, оказания высокотехнологичной медицинской помощи гражданам и использования технологий телемедицины» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: eaeunion.org (дата обращения: 31.07.2026).

© Авдеева О. А.

ну. Таким образом, ЕАЭС действует в сфере права на здоровье через создание регуляторной инфраструктуры, что имеет значение для реализации права на здоровье, но не является его полным осуществлением.

Особенность ЕАЭС состоит также в том, что его нормы в сфере здравоохранения имеют преимущественно экономический характер. Пациент оказывается конечным бенефициаром, но не непосредственным субъектом права на здоровье. Для квалификации такой модели можно использовать понятие косвенной реализации права на здоровье, которая проявляется в том, что ЕАЭС не закрепляет субъективное право на здоровье, но создает условия, способствующие его осуществлению. Концепция косвенной реализации права на здоровье имеет объяснительный потенциал, однако она не лишена ограничений. Ее слабая сторона состоит в том, что она может преувеличивать правозащитный эффект экономической интеграции. Сам факт создания общего рынка лекарственных средств и медицинских изделий еще не означает, что пациент получает реальный и недискриминационный доступ к необходимому лечению.

Список источников

1. Alston P. Out of the Abyss: The Challenges Confronting the New U. N. Committee on Economic, Social and Cultural Rights. // Human Rights Quarterly. № 9. 1987. С. 332–351. DOI: 10.2307/761879

2. Belova G. Online sales of medicinal products in the CJEU case-law: between the free movement of goods and public health protection // Building an adapted business law. 2022. P. 271–284.

3. Fidler D. Neither Science nor Shamans: Globalisation of Markets and Health in the DevelopingWorld // Indiana Journal of Global Legal Studies 1999. № 7. pp. 191–224.

4. Otto D. Otto, Dianne L., Addressing Homelessness: Does Australia's Indirect Implementation of Human Rights Comply with its International Obligations? // URL: https://ssrn.com/abstract=423321 (дата обращения: 31.07.2026).

5. Toebes B. Towards an Improved Understanding of the International Human Right to Health. // Human Rights Quarterly. 1999. № 21 (3). P. 661–790. DOI: 10.1353/hrq.1999.0044

6. Авдеева О. А. Обязательства государств в отношении права на здоровье: на грани между идеализмом и реализмом // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2025. № 2. С. 49–56. DOI: 10.34076/22196838_2025_2_49.

7. Безбородов Ю. С., Турсунбаева Н. С. Здравоохранение в функционале Шанхайской организации сотрудничества: перспективы выхода за рамки интенций // Вестник КРСУ. 2024. Т. 24, № 7. С. 86–91. DOI: 10.36979/1694-500X-2024-24-7-86-91.

8. Ищенко Н. Г. Формы и содержание международного сотрудничества ЕАЭС с международными организациями на примере сотрудничества в сфере трудовой миграции и социальной защиты // Журнал ВШЭ по международному праву. 2023. Т. 1, № 4. С. 18–29. DOI: 10.17323/jil.2023.19805.

9. Международно-правовые основы права на здоровье: учебное пособие / А. Х. Абашидзе, В. С. Маличенко, А. А. Белоусова, Н. С. Семенова. Москва: РУДН, 2016. 325 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Авдеева Ольга Алексеевна

младший научный сотрудник лаборатории международно-правовой интеграции, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, Россия).
E-mail: o. a.avdeeva1@usla.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Avdeeva

Junior Researcher of the Laboratory of International Legal Integration, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia).
E-mail: o. a.avdeeva1@usla.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 27.07.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.08.2026.

© Авдеева О. А.

Научная статья
УДК 342.951:351.82
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-160-165
С. 160–165

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СТРАНАХ БРИКС: ОПЫТ БРАЗИЛИИ И ИНДОНЕЗИИ

Олег Михайлович Искаков

Юридический факультета им. М. М. Сперанского Института права и национальной Безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия
iskakov.o@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности противодействия коррупции в странах БРИКС на примере Бразилии и Индонезии. Анализируются правовые, институциональные и организационные механизмы предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений, применяемые в данных государствах. Особое внимание уделяется опыту Бразилии в сфере открытого правительства, доступа к публичной информации, межведомственной координации, цифровизации дисциплинарного контроля и участия гражданского общества в выявлении коррупционных проявлений. Отдельно исследуется индонезийская модель, основанная на деятельности специализированного антикоррупционного органа — Комиссии по искоренению коррупции, а также на развитии механизмов декларирования активов, внутреннего контроля, соблюдения процессуальных гарантий и учета прав человека. Сделан вывод о том, что опыт Бразилии и Индонезии демонстрирует различные, но взаимодополняющие подходы к формированию современной антикоррупционной политики, включающей не только меры юридической ответственности, но и превентивные, информационные и институциональные механизмы.

Ключевые слова: международные отношения по противодействию коррупции, БРИКС, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, антикоррупционное законодательство, коррупция, Бразилия, Индонезия, государственная служба

Для цитирования: Искаков О. М. Противодействие коррупции в странах БРИКС: опыт Бразилии и Индонезии // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 160–165. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-160-165

Research article

ANTI-CORRUPTION IN BRICS COUNTRIES: THE EXPERIENCE OF BRAZIL AND INDONESIA

Oleg M. Iskakov

Institute of law and national security Speransky M. M., The Russian residential academy of national economy and public administration, Moscow, Russia
iskakov.o@yandex.ru

Abstract. The article examines the specific features of anti-corruption policy in BRICS countries through the example of Brazil and Indonesia. The study analyzes legal, institutional and organizational mechanisms aimed at preventing and suppressing corruption offences in these states. Particular attention is paid to Brazil's experience in the field of open government, access to public information, interagency coordination, digitalization of disciplinary control and participation of civil society in identifying corruption risks. The article also considers the Indonesian model, which is based on the activities of a specialized anti-corruption body, the Corruption Eradication Commission, as well as on the development of asset declaration mechanisms, internal control, procedural safeguards and the consideration of human rights in anti-corruption activities. The author concludes that the experience of Brazil and Indonesia demonstrates different but complementary approaches to the formation of modern anti-corruption policy, which includes not only legal liability measures, but also preventive, informational and institutional mechanisms.

Keywords: international anti-corruption relations, BRICS, anti-corruption, anti-corruption policy, anti-corruption legislation, corruption, Brazil, Indonesia, civil service

© Искаков О. М.

For citation: Iskakov OM. Anti-corruption in BRICS Countries: the Experience of Brazil and Indonesia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):160-165. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-160-165

Введение

Государства-участники БРИКС последовательно развивают правовые, институциональные и организационные механизмы предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений. Особого внимания заслуживают Бразилия и Индонезия, демонстрирующие различные подходы к организации антикоррупционной политики. Опыт Бразилии представляет интерес, прежде всего, с точки зрения развития механизмов открытого правительства, межведомственной координации, прозрачности публичных данных и участия гражданского общества в противодействии коррупции. Опыт Индонезии показывает значение специализированного антикоррупционного органа, который обладает широкими полномочиями, но действует с учетом процессуальных гарантий, внутреннего контроля и требований соблюдения прав человека.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты Бразилии и Индонезии, стратегические и программные документы в сфере противодействия коррупции, официальные материалы государственных органов и международных организаций, а также специальная научная литература по предмету исследования. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частно-научные методы познания, включая анализ и синтез, сравнительно-правовой, формально-юридический и герменевтический методы, примененные при изучении правовых, институциональных и организационных механизмов противодействия коррупции в Бразилии и Индонезии.

Описание исследования

Коррупция в Бразилии носит системный характер и затрагивает различные уровни государственного управления и сферы общественной жизни. Как отмечает в своей работе Е. Н. Шитова, данное явление охватывает федеральный, региональный и муниципальный уровни государственного управления, а также различные ветви власти [5, с. 123–143].

Борьба с коррупцией и отмыванием денег в Бразилии осуществляется в рамках Национальной стратегии по борьбе с коррупцией и отмыванием денег (ENCCLA)[1]. К числу основных направлений ENCCLA относятся укрепление специализированных подразделений правоохранительных органов, совершенствование гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности за коррупционные правонарушения, а также развитие механизмов публичного информирования, включая опубликование официальных сведений о лицах, привлеченных к ответственности за коррупционные нарушения [3, с. 44].

Бразилия с 2015 года следует принципам «Большой двадцатки», ориентированным на повышение прозрачности государственного управления и расширение применения цифровых механизмов противодействия коррупции. Отдельное значение имеет система открытых данных: ее функционирование обеспечивается Управлением Генерального контролера Союза через Национальную инфраструктуру открытых данных, а надзор за доступом к публичной информации осуществляет Объединенная комиссия по переоценке информации[2]. Существенную роль в выявлении отдельных коррупционных нарушений играют и бразильские средства массовой информации [2, с. 97–103], взаимодействующие с государственными антикоррупционными структурами и организациями гражданского общества [1, с. 88–99].

Правовое регулирование доступа к информации закреплено Законом Бразилии № 12.527 от 18 ноября 2011 г. Указанный акт устанавливает обязанность государственных органов и организаций, выполняющих публичные функции, обеспечивать доступ к информации, признает соответствующее право за физическими и юридическими лицами независимо от гражданства, а также определяет сроки рассмотрения запросов, форму предоставления сведений и основания для отказа в их раскрытии[3]. На практике в Бразилии публикуются законодательные акты, сведения о государственном бюджете, закупках, заключенных контрактах и графиках должностных лиц. Вместе с тем отдельные категории информации остаются ограниченными для раскрытия, включая сведения о доходах и активах отдельных высокопоставленных должностных лиц, представителей судебной системы и выборных органов, а также данные ряда корпоративных и земельных реестров.

Актуальным направлением развития антикоррупционной политики Бразилии является реализация Плана обеспечения добросовестности и противодействия коррупции на 2025–2027 гг.[4] Данный документ

[1] Министерство юстиции и общественной безопасности Бразилии. Национальная стратегия по борьбе с коррупцией и отмыванием денег (ENCCLA) // Официальный сайт Правительства Бразилии. URL: https://www.gov.br/mj/pt-br/assuntos/lavagem-de-dinheiro/enccla (дата обращения: 18.06.2026).

[2] Объединенная комиссия по переоценке информации (Comissão Mista de Reavaliação de Informações, CMRI). Официальная страница // Официальный сайт Правительства Бразилии. URL: https://www.gov.br/casacivil/pt-br/assuntos/colegiados/comissao-mista-de-reavaliacao-de-informacoes-cmri (дата обращения: 18.06.2026).

[3] Закон Бразилии № 12.527 от 18 ноября 2011 г. «О доступе к информации» // Официальный сайт Президента Бразилии. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011–2014/2011/lei/l12527.htm (дата обращения: 18.06.2026).

[4] Генеральная контрольная служба Союза Бразилии

© Искаков О. М.

утвержден Администрацией Президента совместно с Межведомственным комитетом по противодействию коррупции и включает пять основных направлений. К ним относятся контроль качества использования государственных ресурсов, обеспечение добросовестности в отношениях между государством и частным сектором, прозрачность и открытое правительство, борьба с коррупцией, а также укрепление институциональной основы добропорядочности. Координация реализации, мониторинг и оценка исполнения Плана возложены на Управление Генерального контролера Союза. При этом контроль за соблюдением требований в сфере конфликта интересов и антикоррупционного законодательства распределен между Управлением Генерального контролера Союза и Комиссией по этике государственных служащих. Последняя рассматривает дела высокопоставленных должностных лиц, тогда как Управление Генерального контролера Союза осуществляет надзор в отношении иных категорий государственных служащих.

Отдельное значение имеет дисциплинарная ответственность государственных служащих. Закон Бразилии № 8.112/1990 устанавливает основы правового статуса служащих федеральной администрации, порядок проведения служебных расследований, виды дисциплинарных правонарушений и систему санкций[5]. В рамках данного регулирования закреплены процессуальные гарантии, включая право служащего давать объяснения, оспаривать доказательства и обжаловать дисциплинарные решения после прохождения административных процедур. Закон также предусматривает административный пересмотр дисциплинарных дел при выявлении новых обстоятельств, а решения, противоречащие обязательным правовым прецедентам, могут быть оспорены в Федеральном верховном суде.

В системе дисциплинарного контроля важную роль играет цифровизация. Сотрудники, участвующие в служебных расследованиях, проходят регулярное обучение в Управлении Генерального контролера Союза, которое также обеспечивает методическое сопровождение электронной системы ePAD. Эта система применяется федеральными органами власти для унифицированного учета и обработки дисциплинарных дел, включая сведения о возбуждении, рассмотрении, обжаловании и применении санкций. Часть таких данных открыта, что усиливает подотчетность и контроль в сфере государственной службы[6].

Таким образом, бразильская модель противодействия коррупции сочетает международные обязательства, национальные стратегические документы, механизмы открытого правительства, доступ к публичной информации, дисциплинарную ответственность государственных служащих и цифровые инструменты контроля. Ее особенность состоит в том, что наряду с мерами юридической ответственности значительное внимание уделяется превентивным механизмам: прозрачности публичного управления, открытым данным, межведомственной координации, участию средств массовой информации и институтов гражданского общества.

Вместе с тем в антикоррупционной политике государств БРИКС можно выделить и иной подход, основанный на создании специализированного органа, наделенного широкими полномочиями по выявлению, расследованию и предупреждению коррупционных правонарушений. Такой подход характерен, в частности, для Индонезии.

Страна активно развивает и совершенствует антикоррупционное законодательство. Первые весомые шаги в этом направлении были сделаны в 1958 г., когда был принят «Закон по борьбе с коррупцией» [4, с. 297–310]. Далее появляются специализированные органы, деятельность которых направлена на борьбу с взяточничеством.

Основу антикоррупционной политики Индонезии составляет Национальная стратегия предотвращения коррупции на 2014–2025 годы[7], обновленная и утвержденная Указом Президента № 54 от 2018 года[8]. Данный документ является частью Национального долгосрочного плана развития на 2005–2025 годы, который задает ключевые направления государственной политики[9]. Стратегия охватывает основные сферы, связанные с противодействием коррупции, включая управление государственными финансами, деятельность правоохранительных органов, реформу бюрократической системы. В документе представлены оценка коррупционных рисков, целевые показатели эффективности и учет международных антикоррупционных стандартов. Реализация стратегии осуществляется через ежегодные планы мероприятий, в рамках которых рас-

(Controladoria-Geral da União, CGU). План обеспечения добросовестности и противодействия коррупции 2025–2027 гг. // Официальный сайт Правительства Бразилии. URL: https://www.gov.br/cgu/pt-br/plano-de-integridade-e-combate-a-corrupcao-2025–2027/ (дата обращения: 18.06.2026).

[5] Закон Бразилии № 8.112 от 11 декабря 1990 г. «О статусе государственных гражданских служащих федеральной администрации» // Официальный сайт Президента Бразилии. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l8112cons.htm (дата обращения: 18.06.2026).

[6] Организация экономического сотрудничества и развития (OECD). Anti-Corruption and Integrity Outlook 2026: Brazil // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/anti-corruption-and-integrity-outlook-2026_0c8910f8-en/brazil_237acf05-en.html (дата обращения: 18.06.2026).

[7] Национальная стратегия предотвращения коррупции Индонезии (Stranas PK). Официальная информация о регулировании. URL: https://stranaspk.id/tentang-kami/regulasi (дата обращения: 18.06.2026).

[8] Указ Президента Республики Индонезия № 54 от 2018 года «О Национальной стратегии предотвращения коррупции». URL: https://stranaspk.id/uploads/documents/63aaa21a74bdb-Perpres_Nomor_54_Tahun_2018.pdf (дата обращения: 18.06.2026).

[9] Национальное планирование развития Индонезии. Национальный долгосрочный план развития на 2005–2025 годы (Undang-Undang No. 17 Tahun 2007 tentang Rencana Pembangunan Jangka Panjang Nasional 2005–2025). URL: https://bsn.go.id/uploads/download/uu_no_17_tahun_2007_rpjpn_2005–2025.pdf (дата обращения: 18.06.2026).

© Искаков О. М.

пределяются функции между ключевыми органами: Комиссией по искоренению коррупции, Министерством национального планирования развития Индонезии, Национальным агентством развития, Министерством внутренних дел Индонезии, Министерством по вопросам государственного аппарата и бюрократической реформы Индонезии, а также Аппаратом Президента Индонезии. В соответствии с Указом Президента № 54 от 2018 года контроль за реализацией Национальной стратегии предотвращения коррупции осуществляет Национальный секретариат по предотвращению коррупции, координируемый Комиссией по искоренению коррупции[10].

Комиссия по искоренению коррупции создана в 2002 г. [4, с. 297–310] в соответствии с законом от 2002 г. № 30 «О Комиссии по искоренению коррупции»[11]. Деятельность данного органа направлена на комплексное противодействие коррупции в государственном и частном секторах, что отражено в его ключевой цели — системном искоренении коррупционных проявлений в различных сферах общественных отношений [4, с. 297–310].

Комиссия осуществляет контроль за соблюдением государственными служащими требований по декларированию активов. В соответствии с Постановлением Комиссии по искоренению коррупции № 7 от 2016 года[12], государственные служащие в Индонезии обязаны подавать декларации об имуществе. С 2020 года, после принятия Постановления Комиссии по искоренению коррупции № 2, проверка деклараций об имуществе осуществляется с использованием цифровых инструментов, включая систему на основе искусственного интеллекта[13]. Она позволяет выявлять признаки возможных нарушений в течение 60 дней после подачи декларации. Благодаря этому ежегодно проверяется более 95 % всех деклараций о доходах и имущественных интересах государственных служащих.

Комиссия по искоренению коррупции действует на принципах открытости и подотчетности. Она регулярно представляет информацию о своей деятельности Президенту, парламенту и высшему аудиторскому управлению [4, с. 297–310]. В ее задачи входит координация антикоррупционных органов, выявление коррупционных правонарушений, проведение профилактических мер, а также мониторинг деятельности государственных предприятий для обнаружения коррупционных рисков. Кроме того, Комиссия по искоренению коррупции имеет право проводить предварительные расследования, следственные действия и поддерживать обвинение в суде в отношении лиц, подозреваемых в коррупции [4, с. 297–310].

В 2019 году в Индонезии были внесены изменения в закон о Комиссии по искоренению коррупции[14]. закрепив необходимость учета прав человека при реализации антикоррупционных полномочий. Данный подход обусловлен международно-правовыми обязательствами государства, вытекающими из присоединения в 2005 году к Международному пакту о гражданских и политических правах[15]. Включение принципа соблюдения прав человека в обновленный закон о Комиссии по искоренению коррупции было направлено на обеспечение баланса между эффективностью противодействия коррупции и защитой прав личности. В частности, решение о признании лица подозреваемым принимается на основе коллегиального решения комиссаров Комиссии, что призвано снизить риск злоупотребления полномочиями. Кроме того, законодательством предусмотрена возможность прекращения расследования в случаях, когда дело не может быть разрешено в течение двух лет, что выступает дополнительной гарантией права на справедливое судебное разбирательство.

Еще одно нововведение связано с введением Dewan Pengawas КПК[16] в качестве надзорного органа Комиссии, который выступает в роли защитника системы надлежащих правовых процедур в антикоррупционных разбирательствах. Он обеспечивает модель сдержек и противовесов внутри Комиссии по искоренению коррупции. До внесения поправок деятельность Комиссии осуществлялась в рамках традиционной системы разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Dewan Pengawas выступает дополнительным внутренним механизмом контроля, направленным на предупреждение злоупотреблений, а также обеспечение законности и обоснованности решений Комиссии.

[10] Организация экономического сотрудничества и развития (OECD). Anti-Corruption and Integrity Outlook 2026: Indonesia // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/anti-corruption-and-integrity-outlook-2026_0c8910f8-en/indonesia_a0698c8a-en.html (дата обращения: 18.06.2026).

[11] Комиссия по искоренению коррупции Индонезии (Komisi Pemberantasan Korupsi, KPK). URL: https://www.kpk.go.id/id/ (дата обращения: 18.06.2026).

[12] Комиссия по искоренению коррупции Индонезии (Komisi Pemberantasan Korupsi, KPK). Постановление KPK № 07 от 2016 года // Портал нормативных правовых актов Индонезии. URL: https://peraturan.go.id/id/peraturan-kpk-no-07-tahun-2016 (дата обращения: 18.06.2026).

[13] Комиссия по искоренению коррупции Индонезии (Komisi Pemberantasan Korupsi, KPK). Постановление KPK № 02 от 2020 года // Портал нормативных правовых актов Индонезии. URL: https://peraturan.go.id/id/peraturan-kpk-no-2-tahun-2020 (дата обращения: 18.06.2026).

[14] Закон Республики Индонезия № 17 от 2007 года «О Национальном долгосрочном плане развития на 2005–2025 годы». URL: https://bsn.go.id/uploads/download/uu_no_17_tahun_2007_rpjpn_2005–2025.pdf (дата обращения: 18.06.2026); Закон Республики Индонезия № 19 от 2019 года о внесении изменений в Закон № 30 от 2002 года «О Комиссии по искоренению коррупционных преступлений» // База нормативных правовых актов BPK RI. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Details/122028/uu-no-19-tahun-2019 (дата обращения: 18.06.2026)

[15] Статус ратификации Индонезией Международного пакта о гражданских и политических правах // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Treaty.aspx?CountryID=80&Lang=EN (дата обращения: 18.06.2026).

[16] Комиссия по искоренению коррупции Индонезии (Komisi Pemberantasan Korupsi, KPK). Наблюдательный совет (Dewan Pengawas KPK). URL: https://www.kpk.go.id (дата обращения: 18.06.2026).

© Искаков О. М.

Например, проблемы с правом на неприкосновенность частной жизни и справедливое судебное разбирательство при прослушивании телефонных разговоров могут быть предотвращены благодаря существованию Dewan Pengawas [6, с. 130–153].

С поправками были устранены определенные недостатки в предыдущем законе о Комиссии по искоренению коррупции. Были решены проблемы двусмысленности юридических терминов и потенциального злоупотребления властью внутри агентства. Прежние сложности, такие как, обвинения в нарушении прав человека, двусмысленность в правовых терминах и отсутствие внутреннего надзорного органа, были устранены. Это также можно назвать вкладом антикоррупционного законодательства Индонезии в международное антикоррупционное право.

Дисциплинарная ответственность государственных служащих в Индонезии регулируется Постановлением Правительства № 94 от 2021 года[17], которое закрепляет основные обязанности и запреты для государственных служащих. Дополнительное значение имеет Закон № 20 от 2023 года о государственном гражданском аппарате[18], а также подзаконные акты Министерства по вопросам государственного аппарата и бюрократической реформы Индонезии и Национального агентства государственной службы Индонезии. Эти акты предусматривают различные виды дисциплинарных взысканий в зависимости от характера и тяжести совершенного нарушения. Вместе с тем в законодательстве не установлен специальный срок давности для применения дисциплинарных мер.

В сфере управления информацией и обеспечения ее доступности для общества сохраняются определенные ограничения. В центральных государственных органах отсутствует единая электронная система учета дисциплинарных производств. Кроме того, сведения о количестве дисциплинарных дел и видах примененных санкций относятся к конфиденциальной информации и не размещаются в открытом доступе.

Центральным органом, отвечающим за координацию политики открытых данных в Индонезии, является Секретариат Satu Data Indonesia[19], действующий в структуре Министерства национального планирования развития Индонезии. На практике государство обеспечивает предварительное раскрытие значительного объема данных, связанных с обеспечением добросовестности, включая сведения о национальном бюджете, декларациях о доходах государственных должностных лиц и законодательных инициативах, рассматриваемых в парламенте. Вместе с тем ряд ключевых массивов информации остается недоступным в открытом доступе. В частности, отсутствует единое онлайн-хранилище основных нормативных правовых актов, протоколов заседаний правительства и официальных повесток министров.

Заключение и вывод

Таким образом, опыт Бразилии и Индонезии свидетельствует о наличии различных, но взаимодополняющих моделей противодействия коррупции в государствах БРИКС. Бразильский подход в большей степени ориентирован на развитие открытого правительства, прозрачность публичных данных, межведомственную координацию и участие гражданского общества в выявлении коррупционных проявлений. Индонезийская модель, напротив, показывает значение специализированного антикоррупционного органа, обладающего широкими полномочиями по предупреждению, выявлению и расследованию коррупционных правонарушений. При этом общим для обеих стран является комплексный характер антикоррупционной политики, включающей не только меры юридической ответственности, но и превентивные, организационные, информационные и контрольные механизмы. Рассмотренные подходы представляют интерес для дальнейшего сравнительно-правового исследования антикоррупционной политики государств БРИКС.

[17] Правительство Республики Индонезия. Постановление № 94 от 2021 года о дисциплинарных мерах в отношении государственных служащих // База нормативных правовых актов BPK RI. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Details/177031/pp-no-94-tahun-2021 (дата обращения: 18.06.2026).

[18] Закон Республики Индонезия № 20 от 2023 года о государственном гражданском аппарате // База нормативных правовых актов BPK RI. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Details/269470/uu-no-20-tahun-2023 (дата обращения: 18.06.2026).

[19] Портал открытых данных Индонезии (data.go.id). Официальный сайт национальной платформы открытых данных. URL: https://data.go.id/home (дата обращения: 18.06.2026).

Список источников

1. Григорьев И. В. Концентрация СМИ Бразилии (история, современность, проблемы) // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. А. Магометова. Владикавказ, 2016. С. 88–99.

2. Кобец П. Н., Клименко А. И., Бражников Д. А. Борьба с коррупцией в Бразилии: опыт и проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 97–103. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10271

3. Медушевский Н. А. Бразилия // Вестник международных организаций. 2012. № 4 (39). С. 33–58.

4. Теплов А. В., Бельченко А. С., Кузьмина Г. В., Рекстар О. Д. Борьба с коррупцией в Республике Индонезия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 297–310. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-297-310

5. Шитова Е. Н. Методы борьбы с коррупцией в Бразилии: достижения и новые вызовы // Мировая политика. 2015. № 1. С. 123–143.

© Искаков О. М.

6. Juwita R. The Amendment of Anti-corruption Law in Indonesia: The Contribution to the Development of International Anti-corruption Law // Asian Yearbook of International Law. 2019. Vol. 25 / ed. by S. Lee, H. E. Lee, S. Sharma. Brill, 2021. P. 130–153. DOI: 10.1163/9789004501249_007

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Искаков Олег Михайлович

Аспирант кафедры административного, информационного и финансового права Юридического факультета им. М. М. Сперанского Института права и национальной Безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, проспект Вернадского (г. Москва, Россия).
E-mail: iskakov.o@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg M. Iskakov

Graduate Student, Department of Administrative, Finance and Information Law, Faculty of Law, Institute of law and national security Speransky M. M., The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).
E-mail: iskakov.o@yandex.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 26.06.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 18.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 29.08.2026.

© Искаков О. М.

Научная статья
УДК 343.81/355.1/341.24
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-166-173

С. 166–173

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЁННЫХ К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ, КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ

Александр Геннадьевич Упоров

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия
uporo65@mail.ru

https://orcid.org/0000-0003-0211-4231

Аннотация. Введение специальных оснований прекращения уголовного преследования и освобождения от наказания в связи с заключением осуждёнными контрактов о прохождении военной службы в период СВО радикально изменило баланс уголовной и уголовно-исполнительной политики, обусловило формирование новой группы «военных» видов освобождения от ответственности и наказания. Анализ новелл 2022–2025 годов, закреплённых в Уголовном кодексе Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (статьи 78.1, 80.2, изменения в статью 86 УК РФ, статьи 208, 28.2 УПК РФ), показывает наличие значимых коллизий с традиционными механизмами мобилизации, а также с ограничениями на призыв лиц с неснятой и непогашенной судимостью, установленными законодательством о мобилизационной подготовке и военной службе. Выявлено, что при решении задач обороноспособности и кадрового обеспечения институт привлечения осуждённых к военной службе развивается преимущественно как инструмент «служба в обмен на освобождение», тогда как вопросы добровольности участия осуждённых, статуса потерпевших и процессуальных гарантий остаются второстепенными и недостаточно урегулированными. На основе анализа российской практики применения «военных» оснований освобождения, статистики уголовно-исполнительной системы и сравнительно-правового сопоставления с зарубежными моделями (Франция, США, Украина) обосновывается необходимость нормативного усиления процессуальных гарантий: обязательного участия защитника при заключении военного контракта и оформлении ходатайств об освобождении, введения судебного контроля с учётом позиции потерпевшего, разработки прозрачных критериев проверки добровольности согласия осуждённого. Делается вывод, что только при сочетании задач обороноспособности с требованиями законности, справедливости и соблюдения международных стандартов прав человека институт привлечения осуждённых к военной службе может быть признан допустимым и устойчивым в системе современного уголовного и уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: осуждённые; военная служба; уголовно исполнительное право; уголовная ответственность; военное законодательство; права человека; международные стандарты; специальная военная операция; этические дилеммы; мобилизация

Для цитирования: Упоров А. Г. Правовые механизмы привлечения осуждённых к военной службе: проблемы регулирования, коллизии законодательства и международные стандарты // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 166–173. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-166-173

Research article

LEGAL MECHANISMS FOR ATTRACTING CONVICTS TO MILITARY SERVICE: REGULATORY ISSUES, CONFLICTS OF LEGISLATION AND INTERNATIONAL STANDARDS

Alexander G. Uporov

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russia
uporo65@mail.ru

https://orcid.org/0000-0003-0211-4231

Abstract. The introduction of special grounds for terminating criminal prosecution and releasing from punishment in connection with the conclusion by convicts of military service contracts during the special military operation has radically changed the balance of criminal and penal policy and led to the formation of a new group of “mil-

© Упоров А. Г.

itary" grounds for exemption from criminal liability and punishment. An analysis of the 2022–2025 legislative novelties enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Article 78.1, Article 80.2, amendments to Article 86 of the Criminal Code, Articles 208 and 28.2 of the Criminal Procedure Code) reveals significant conflicts with traditional mechanisms of mobilization, as well as with restrictions on conscription of persons with unexpunged and outstanding criminal records established by legislation on mobilization training and military service. It is shown that, in solving the tasks of defence capability and staffing, the institution of involving convicts in military service has been developing primarily as an instrument of "service in exchange for exemption", while issues of voluntary participation of convicts, the status of victims and procedural safeguards remain secondary and insufficiently regulated. On the basis of an analysis of Russian practice of applying "military" grounds for exemption, statistics of the penal system and a comparative law assessment of foreign models (France, the United States, Ukraine), the article substantiates the need to strengthen procedural guarantees: mandatory participation of defence counsel when concluding a military contract and submitting motions for exemption, introduction of judicial review taking into account the position of the victim, and the development of transparent criteria for verifying the voluntariness of the convict's consent. It is concluded that only if the tasks of ensuring defence capability are combined with the requirements of legality, justice and compliance with international human rights standards can the institution of involving convicts in military service be considered acceptable and sustainable within the system of modern criminal and penal law.

Keywords: convicts; military service; penal enforcement; criminal liability; military legislation; human rights; international standards; special military operation; ethical dilemmas; mobilization

For citation: Uporov AG. Legal Mechanisms for Attracting Convicts to Military Service: Regulatory Issues, Conflicts of Legislation and International Standards. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):166-173. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-166-173

Введение

Вопрос привлечения осуждённых к военной службе представляет собой сложную междисциплинарную проблему, находящуюся на пересечении уголовно исполнительного, военного и международного права. В условиях современных геополитических вызовов и продолжающейся специальной военной операции вопросы формирования военного потенциала приобретают особую актуальность, а потребность в перераспределении человеческих ресурсов усиливает интерес государства к использованию различных категорий граждан, включая лиц, имеющих судимость или отбывающих наказание [9, с. 98–119]. Геополитическая напряжённость вокруг российско-украинского конфликта и связанный с ней долговременный характер боевых действий обусловили поиск дополнительных источников кадрового обеспечения, что, в частности, проявилось в инициировании частичной мобилизации Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» и последующем расширении практики заключения контрактов о прохождении военной службы с лицами, ранее не входившими в традиционный мобилизационный контингент.

Историческая практика различных государств демонстрирует неоднозначный опыт привлечения осуждённых и лиц с криминальным прошлым к военной службе: от штрафных подразделений времён Второй мировой войны до современных программ условно досрочного освобождения в обмен на военную службу. Французский опыт Иностранного легиона, традиционно принимавшего лиц с криминальным прошлым при условии смены личности и начала новой жизни, американская практика предоставления иммигрантам ускоренного пути к гражданству через военную службу, а также украинский опыт мобилизации заключённых с весны 2024 года[1] демонстрируют различные подходы к решению рассматриваемой проблемы.

Правовое регулирование привлечения осуждённых к военной службе в России характеризуется множественными противоречиями и пробелами, что создаёт риски как для прав осуждённых, так и для эффективности военной организации государства. С одной стороны, законодательство традиционно устанавливает ограничения на военную службу для лиц, имеющих судимость, с другой стороны, в условиях специальной военной операции и мобилизации последовательно формируются механизмы их привлечения к выполнению боевых задач. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 269 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон

[1] См.: На Украине готовы к мобилизации 4,5 тысячи заключенных // Российская газета. 16.05.2024. URL: https://rg.ru/2024/05/17/na-ukraine-gotovy-k-mobilizacii-45-tysiachi-zakliuchennyh.html (дата обращения: 04.01.2026); На Украине назвали количество заключенных, желающих вступить в ВСУ // РБК. 26.05.2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/05/2024/6651da059a79478642319086 (дата обращения: 04.01.2026); Thousands of Ukrainian prisoners apply to join army in return for parole // Reuters. 2024. 30 May. URL: https://www.reuters.com/world/europe/thousands-ukrainian-prisoners-apply-join-army-return-parole-2024-05-31/ (дата обращения: 06.01.2026); Ukraine allows some convicts to join armed forces in manpower push // Reuters. 2024. 17 May. URL: https://www.reuters.com/world/europe/zelenskiy-signs-law-allowing-some-convicts-serve-ukraines-army-2024-05-17/ (дата обращения: 06.01.2026).

© Упоров А. Г.

от 23 марта 2024 г. № 64 ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации» существенно расширили возможности заключения контрактов о прохождении военной службы осуждёнными и лицами, имеющими судимость, введя новые правовые механизмы освобождения от уголовной ответственности и наказания. Российский опыт 2022–2025 годов показывает, что практика привлечения осуждённых к участию в боевых действиях получила нормативное закрепление и находится в стадии активного развития, что усиливает потребность в её научном осмыслении с точки зрения принципов законности, справедливости и соответствия международным стандартам прав человека [7; 10].

Украина в марте 2024 года также приняла закон, позволяющий освобождать осуждённых за нетяжкие преступления для последующей мобилизации, что свидетельствует о формировании региональной тенденции использования данного механизма в условиях вооружённых конфликтов[2]. Указанные процессы требуют тщательного сравнительно правового анализа с позиций системности права, конституционных принципов и международных обязательств государств в сфере защиты прав человека.

Описание проводимого исследования

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, включающий формально юридический, сравнительно правовой, системный и криминологический методы анализа. Исследование базируется на анализе действующего законодательства Российской Федерации, включая Конституцию Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 ФЗ (в редакции с изменениями, внесёнными Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64 ФЗ), Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 ФЗ (с дополнениями, касающимися приостановления уголовного преследования по основаниям, связанным с военной службой), Уголовно исполнительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31 ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», а также Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 269 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64 ФЗ, регламентирующие привлечение осуждённых и лиц с судимостью к военной службе и их освобождение от уголовной ответственности и наказания[3]. Дополнительно используются подзаконные нормативные акты Министерства обороны Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний, проекты законодательных изменений 2025–2026 годов, а также материалы парламентских слушаний и экспертных обсуждений по вопросам участия осуждённых в специальной военной операции[4] [10; 11].

Отдельное внимание уделяется анализу введённых новелл уголовного и уголовно исполнительного законодательства, в частности статьи 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу или заключением контракта о её прохождении в период мобилизации, военного положения или военного времени, статьи 80.2 Уголовного кодекса Российской Федерации об условном освобождении от наказания осуждённых, заключивших контракт о прохождении военной службы, а также изменений в статью 86 Уголовного кодекса Российской Федерации, касающихся порядка погашения судимости для лиц, проходящих военную службу[5] [1, с. 17–19; 6, с. 56–58]. Анализируются и положения статьи 173 Уголовно исполнительного кодекса Российской Федерации, регламентирующие освобождение осуждённых от отбывания наказания в связи с заключением контракта, и связанные с ними процессуальные механизмы приостановления предварительного расследования и прекращения уголовного преследования по статьям 208 и 28.2 Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации[6]. Компаративистский аспект исследования включает изучение опыта зарубежных государств

[2] Там же.

[3] См.: Особые основания для освобождения от ответственности участников СВО // Забейда и партнёры: аналитика. URL: https://zabeyda.ru/inform_buro/analytics/tpost/fjdeerd3h1-osobie-osnovaniya-dlya-osvobozhdeniya-ot (дата обращения: 06.01.2026); Порядок и основания прекращения уголовного преследования в связи с участием в специальной военной операции // Областная газета (экспертный комментарий). 15.12.2024. URL: https://oblgazeta.ru/expert-comments/2024/12/76515/ (дата обращения: 06.01.2026); Прекращение уголовного дела в связи с заключением контракта о прохождении военной службы в Вооружённых Силах Российской Федерации // Pravo163.ru. 21.07.2024. URL: https://pravo163.ru/prekrashhenie-ugolovnogo-dela-v-svyazi-s-zaklyucheniem-kontrakta-o-proxozhdenii-voennoj-sluzhby-v-vooruzhenn… (дата обращения: 06.01.2026); С 23 марта 2024 года закрепили основания для освобождения от ответственности (наказания) и погашения судимости из-за призыва или заключения контракта о прохождении военной службы // СПС «КонсультантПлюс». 22.03.2024.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461763/fa5f1220fbc5b772f030737c6bff43b9b4a8917b/ (дата обращения: 06.01.2026).

[4] См.: Тюремное население продолжает исчезать // Федеральная палата адвокатов РФ. 22.10.2025. URL: https://fparf.ru/news/media/tyuremnoe-naselenie-prodolzhaet-ischezat/ (дата обращения: 04.01.2026).

[5] См.: Число заключенных в России сократилось до 433 тыс. // Коммерсантъ. 30.01.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5797761 (дата обращения: 04.01.2026).

[6] См.: Прекращение уголовного дела в связи с заключением контракта о прохождении военной службы в Вооружённых Силах Российской Федерации // Pravo163.ru. 21.07.2024. URL: https://pravo163.ru/prekrashhenie-ugolovnogo-dela-v-svyazi-s-zaklyucheniem-kontrakta-o-proxozhdenii-voennoj-sluzhby-v-vooruzhenn… (дата обращения: 06.01.2026); Тюремное население продолжает исчезать // Федеральная палата адвокатов РФ. 22.10.2025. URL: https://fparf.ru/news/media/tyuremnoe-naselenie-prodolzhaet-ischezat/ (дата обращения: 04.01.2026).

© Упоров А. Г.

в области регулирования привлечения осуждённых к военной службе, включая практику Соединённых Штатов Америки, где законодательство предусматривает ускоренную натурализацию для иностранцев, проходящих военную службу, но не содержит специальных механизмов освобождения осуждённых от уголовной ответственности в обмен на военную службу, Французской Республики, где исторически сложилась традиция приёма лиц с криминальным прошлым в Иностранный легион при условии начала новой жизни, а также Украины, где в марте 2024 года был принят закон об освобождении осуждённых за нетяжкие преступления для последующей мобилизации и где к концу мая 2024 года уже 4,3 тыс. заключённых подали заявления о желании служить в Вооружённых Силах Украины[7] [9]. Для сопоставления привлекаются и доктринальные источники, посвящённые анализу участия осуждённых в специальной военной операции, уголовно правовым последствиям их участия, а также этическим и криминологическим рискам, связанным с возможным ростом рецидивной преступности [5, с. 107–112; 9, с. 100–112; 10; 11, с. 159–163].

Международно-правовой блок исследования включает анализ Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним, Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными Организации Объединённых Наций, а также практики международных и региональных органов по защите прав человека, прежде всего Европейского суда по правам человека, в части допустимости использования труда осуждённых и требований к добровольности согласия на участие в опасных видах деятельности. В частности, рассматривается интерпретация статьи 8 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которой термин «принудительный или обязательный труд» не охватывает военную службу, и ставится вопрос о границах применимости этого подхода к ситуациям, когда участие осуждённого в боевых действиях выступает условием освобождения от наказания.

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний России о динамике численности осуждённых в 2022–2025 годах, включая зафиксированное снижение числа лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы[8], экспертные оценки специалистов в области военного и уголовно исполнительного права, судебная практика по применению новых положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации, а также данные, публикуемые в научных исследованиях о влиянии специальной военной операции на структуру и динамику преступности в Российской Федерации [9, с. 100–112; 10; 11, с. 159–163].

Результаты исследования и обсуждения

Нормативные противоречия и пробелы

Анализ действующего законодательства показывает наличие существенных противоречий в правовом статусе осуждённых и лиц с судимостью в контексте их привлечения к военной службе. С одной стороны, пункт 4 статьи 17 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31 ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» запрещает призыв по мобилизации граждан, имеющих неснятую или непогашенную судимость за ряд категорий тяжких и особо тяжких преступлений, с другой — Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 269 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64 ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации» легализовали заключение контрактов о прохождении военной службы с широким кругом лиц, имеющих судимость, а также предусмотрели специальные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с военной службой[9].

Принятие статьи 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 ФЗ, устанавливающей возможность освобождения от уголовной

[7] См.: На Украине готовы к мобилизации 4,5 тысячи заключенных // Российская газета. 16.05.2024. URL: https://rg.ru/2024/05/17/na-ukraine-gotovy-k-mobilizacii-45-tysiachi-zakliuchennyh.html (дата обращения: 04.01.2026); На Украине назвали количество заключенных, желающих вступить в ВСУ // РБК. 26.05.2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/05/2024/6651da059a79478642319086 (дата обращения: 04.01.2026); Thousands of Ukrainian prisoners apply to join army in return for parole // Reuters. 2024. 30 May. URL: https://www.reuters.com/world/europe/thousands-ukrainian-prisoners-apply-join-army-return-parole-2024-05-31/ (дата обращения: 06.01.2026).

[8] ФСИН России. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (данные на 01.01.2023 и последующие годы). URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya har-ka UIS/ (дата обращения: 04.01.2026); Число заключенных в России сократилось до 433 тыс. // Коммерсантъ. 30.01.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5797761 (дата обращения: 04.01.2026).

[9] См.: Особые основания для освобождения от ответственности участников СВО // Забейда и партнёры: аналитика. URL: https://zabeyda.ru/inform_buro/analytics/tpost/fjdeerd3h1-osobie-osnovaniya-dlya-osvobozhdeniya-ot (дата обращения: 06.01.2026); Порядок и основания прекращения уголовного преследования в связи с участием в специальной военной операции // Областная газета (экспертный комментарий). 15.12.2024. URL: https://oblgazeta.ru/expert-comments/2024/12/76515/ (дата обращения: 06.01.2026); Прекращение уголовного дела в связи с заключением контракта о прохождении военной службы в Вооружённых Силах Российской Федерации // Pravo163.ru. 21.07.2024. URL: https://pravo163.ru/prekrashhenie-ugolovnogo-dela-v-svyazi-s-zaklyucheniem-kontrakta-o-proxozhdenii-voennoj-sluzhby-v-vooruzhenn… (дата обращения: 06.01.2026); С 23 марта 2024 года закрепили основания для освобождения от ответственности (наказания) и погашения судимости из-за призыва или заключения контракта о прохождении военной службы // СПС «КонсультантПлюс». 22.03.2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461763/fa5f1220fbc5b772f030737c6bff43b9b4a8917b/ (дата обращения: 06.01.2026).

© Упоров А. Г.

ответственности для лиц, призванных на военную службу или заключивших контракт в период мобилизации, военного положения или военного времени, и статьи 80.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующей условное освобождение от наказания осуждённых, заключивших контракт, фактически сформировало особую группу «военных» поощрительных оснований освобождения, отличающихся повышенной дискретностью и зависящих от оценочных решений командования и следственных органов [1, с. 18–20; 6, с. 56–59; 11, с. 160–162]. При этом законодателем установлены перечни исключений (преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, террористические составы, государственная измена и др.), но не выработаны чёткие критерии отбора среди допускаемых категорий, что порождает риски неравенства правового положения осуждённых и возможных злоупотреблений[10] [5, с. 107–109; 11, с. 160–162].

Существенным пробелом остаётся недостаточная регламентация процедур приостановления предварительного расследования и прекращения уголовного преследования в связи с заключением военного контракта, закреплённых в статьях 208 и 28.2 Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 ФЗ[11] [12]. Закон связывает возможность приостановления и прекращения преследования с фактом призыва или заключения контракта, однако не устанавливает достаточных гарантий добровольности согласия осуждённого, не предусматривает обязательного участия защитника на стадии принятия решения и не закрепляет процессуальных прав потерпевших на возражение против прекращения уголовного преследования по данным основаниям[12] [2, с. 288–291; 12]. В совокупности это формирует ситуацию, когда правовой механизм активно используется для решения кадровых задач в условиях специальной военной операции, но остаётся концептуально и процедурно недоработанным с точки зрения принципов законности, справедливости и баланса интересов государства, осуждённых и потерпевших [2, с. 291–293; 5, с. 109–112; 10; 12].

Добровольность участия осуждённых и права потерпевших

Ключевым принципом привлечения осуждённых к военной службе в обмен на освобождение от уголовной ответственности или наказания должна выступать подлинная добровольность принимаемого решения. Однако условия отбывания наказания, зависимость осуждённых от администрации учреждений и ограниченность альтернатив существенно осложняют оценку степени свободы и осознанности их согласия на заключение контракта о прохождении военной службы [11, с. 160–162]. В ряде случаев мотивация участия определяется не столько внутренним стремлением к исправлению, сколько желанием избежать отбывания наказания в условиях изоляции, что ставит вопрос о границах допустимого «поощрительного» воздействия уголовно правовых механизмов [1, с. 18–20; 11, с. 160–162].

Действующее регулирование не предусматривает полноценного процессуального механизма обеспечения добровольности согласия осуждённого. Закон не устанавливает обязательного участия защитника на этапе обсуждения вопроса о заключении контракта, не требует документирования консультаций с адвокатом и не содержит специальной процедуры проверки осознанности и информированности согласия[13] [12]. В доктрине подчёркивается, что отсутствие таких гарантий создаёт риск давления как со стороны администрации учреждений, заинтересованной в снижении численности контингента, так и со стороны военного командования, ориентированного на восполнение кадрового дефицита [2, с. 288–291; 5, с. 107–109; 11, с. 160–162].

Существенные вопросы вызывает и правовое положение потерпевших. При прекращении уголовного преследования или освобождении от наказания в связи с военной службой потерпевшие фактически лишены действенных процессуальных инструментов для выражения своей позиции: законодатель не предусматривает их право возражать против прекращения дела по указанным основаниям, а также не устанавливает обязательного уведомления о соответствующих решениях [2, с. 291–293; 12]. Это вступает в противоречие с общей тенденцией усиления роли потерпевшего в уголовном процессе и может восприниматься как умаление его права на справедливое правосудие, особенно в случаях тяжких преступлений против личности [5, с. 109–112; 12].

В научной литературе обоснованно указывается на необходимость нормативного закрепления специальных гарантий как для осуждённых, так и для потерпевших. Предлагается ввести обязательное участие защитника при обсуждении вопроса о заключении военного контракта и оформлении ходатайств о прекращении уголовного преследования или освобождении

[10] ФСИН России. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (данные на 01.01.2023 и последующие годы). URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya har-ka UIS/ (дата обращения: 04.01.2026).

[11] Прекращение уголовного дела в связи с заключением контракта о прохождении военной службы в Вооружённых Силах Российской Федерации // Pravo163.ru. 21.07.2024. URL: https://pravo163.ru/prekrashhenie-ugolovnogo-dela-v-svyazi-s-zaklyucheniem-kontrakta-o-proxozhdenii-voennoj-sluzhby-v-vooruzhenn… (дата обращения: 06.01.2026); Тюремное население продолжает исчезать // Федеральная палата адвокатов РФ. 22.10.2025. URL: https://fparf.ru/news/media/tyuremnoe-naselenie-prodolzhaet-ischezat/ (дата обращения: 04.01.2026).

[12] ФСИН России. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (данные на 01.01.2023 и последующие годы). URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya har-ka UIS/ (дата обращения: 04.01.2026).

[13] Тюремное население продолжает исчезать // Федеральная палата адвокатов РФ. 22.10.2025. URL: https://fparf.ru/news/media/tyuremnoe-naselenie-prodolzhaet-ischezat/ (дата обращения: 04.01.2026).

© Упоров А. Г.

от наказания, установить процедуру судебного контроля за такими решениями с обязательным участием потерпевшего, а также разработать прозрачные критерии оценки добровольности согласия осуждённого, включая фиксацию консультаций, психологическое обследование и разъяснение правовых последствий отказа от продолжения службы [2, с. 291–293; 5, с. 109–112; 11, с. 160–162; 13].

Процессуальные гарантии и судебный контроль

Действующее регулирование, предусматривающее освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с участием в военной службе, изначально формировалось как инструмент решения задач обороноспособности и кадрового обеспечения, а не как механизм балансировки интересов осуждённых и потерпевших. При этом специальные гарантии участия потерпевшего в принятии решений о прекращении уголовного преследования либо освобождении от наказания фактически не разработаны, что создаёт риск восприятия таких решений как игнорирующих его право на справедливое разбирательство и возмещение вреда [2, с. 291–293; 5, с. 109–112; 12]. Отсутствие детально урегулированных процедур порождает неоднородность практики и повышает вероятность формального подхода к оценке оснований для применения «военных» видов освобождения [2, с. 288–291; 11, с. 160–162; 13].

В научной литературе подчёркивается, что институт освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с прохождением военной службы нуждается в усилении процессуальных гарантий, обеспечивающих как добровольность волеизъявления осуждённого, так и действительный учёт позиции потерпевшего [2, с. 291–293; 5, с. 109–112; 11, с. 160–162]. Предлагается ввести обязательное участие защитника при обсуждении заключения военного контракта и оформлении ходатайств о прекращении уголовного преследования либо освобождении от наказания, а также закрепить судебный контроль за соответствующими решениями с участием потерпевшего, которому должна быть предоставлена возможность высказать свою позицию и заявить ходатайства. Установление прозрачных критериев проверки добровольности согласия осуждённого и механизмов фиксации данной процедуры рассматривается как необходимое условие для минимизации риска давления и последующей оспоримости принятых решений [1, с. 18–20; 2, с. 288–291; 11, с. 160–162; 13].

Внедрение указанных процессуальных гарантий позволило бы повысить доверие к рассматриваемым основаниям освобождения и приблизить их применение к общим стандартам справедливого судебного разбирательства. Обязательный судебный контроль, специальные правила уведомления потерпевших, документирование консультаций с защитником и оценка добровольности согласия осуждённого способны сократить вероятность произвольного ограничения прав участников процесса и обеспечить более устойчивое соответствие института «военных» видов освобождения конституционным требованиям законности, справедливости и баланса интересов [2, с. 291–293; 5, с. 109–112; 11, с. 160–162; 12].

Практические последствия для правоприменения

Действующая практика применения статьи 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации показывает, что основной акцент правоприменителя смещён на проверку формальных условий освобождения (факт заключения контракта, участие в специальной военной операции, отсутствие преступления в перечне исключений), тогда как вопросы информированного и добровольного согласия осуждённого, а также учёта позиции потерпевшего зачастую остаются второстепенными [5, с. 107–109; 11, с. 160–162; 13]. В ряде случаев решения о прекращении уголовного преследования принимаются без полноценного процессуального взаимодействия с потерпевшим, что оборачивается для него необходимостью самостоятельно защищать свои имущественные интересы в порядке гражданского судопроизводства [2, с. 288–291; 5, с. 109–112; 13; 14].

Судебная и около судебная практика свидетельствует о том, что прекращение уголовных дел по «военным» основаниям нередко приводит к ситуации, когда потерпевшие фактически остаются без реального возмещения вреда, поскольку ни статья 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, ни специальные разъяснения не связывают возможность освобождения от уголовной ответственности с предварительным заглаживанием причинённого ущерба [2, с. 291–293; 5, с. 109–112; 12; 14]. Подобный дисбаланс уже отмечается специалистами как противоречащий назначению уголовного судопроизводства и тенденции усиления гарантий права потерпевшего на доступ к правосудию [2, с. 291–293; 5, с. 109–112; 12].

Дополнительное измерение выявленных коллизий даёт сравнительно правовой анализ подходов зарубежных государств. Во Франции приём лиц с криминальным прошлым в Иностранный легион исторически осуществлялся без специальных правовых механизмов освобождения от уголовной ответственности, что смещает акцент на возможность социальной реинтеграции, а не на обмен службы на юридические преференции. В Соединённых Штатах Америки ускоренная натурализация через военную службу рассматривается как форма вознаграждения за исполнение обязанности, но не сопровождается специальными основаниями освобождения от уголовной ответственности для осуждённых. Украинская модель, напротив, максимально приближена к российской по логике «служба в обмен на освобождение» и демонстрирует сходные риски, связанные с обеспечением добровольности согласия осуждённых и защитой прав потерпевших[14] [9].

[14] См.: На Украине готовы к мобилизации 4,5 тысячи заключенных // Российская газета. 16.05.2024. URL: https://rg.ru/2024/05/17/na-ukraine-gotovy-k-mobilizacii-45-tysiachi-zakliuchennyh.html (дата обращения: 04.01.2026); На Украине назвали количество заключенных, желающих вступить в ВСУ // РБК. 26.05.2024. URL: https://www.rbc.ru/politic

© Упоров А. Г.

Заключение

Проведённый анализ показал, что специальные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, связанные с участием в военной службе, формировались и применяются преимущественно как инструмент решения задач обороноспособности и кадрового обеспечения, а не как механизм балансировки интересов осуждённых и потерпевших. Выявлены пробелы и коллизии, затрагивающие статус потерпевшего, объём его участия в принятии решений о прекращении уголовного преследования, а также недостаточность процедурных гарантий при реализации новых оснований освобождения.

Исследование подтвердило, что при отсутствии специально регламентированных процедур проверки добровольности согласия осуждённого на прохождение военной службы и механизмов реального участия потерпевшего соответствующие решения нередко носят формальный характер. Такая ситуация не в полной мере отвечает назначению уголовного судопроизводства и тенденции расширения прав потерпевших на доступ к правосудию и возмещение вреда, что актуализирует необходимость доктринальной и нормативной корректировки действующей модели.

В этих условиях обоснованными представляются меры по усилению процессуальных гарантий: введение обязательного участия защитника при обсуждении вопросов, связанных с применением «военных» оснований освобождения; установление судебного контроля за принятием решений о прекращении уголовного преследования с обязательным учётом позиции потерпевшего; закрепление прозрачных критериев и процедур оценки добровольности согласия осуждённого. Реализация данных предложений способна снизить риски давления на осуждённых и вторичной виктимизации потерпевших, а также обеспечить более устойчивое соответствие института освобождения от уголовной ответственности и наказания конституционным стандартам справедливого правосудия.

s/25/05/2024/6651da059a79478642319086 (дата обращения: 04.01.2026); Thousands of Ukrainian prisoners apply to join army in return for parole // Reuters. 2024. 30 May. URL: https://www.reuters.com/world/europe/thousands-ukrainian-prisoners-apply-join-army-return-parole-2024-05-31/ (дата обращения: 06.01.2026); Ukraine allows some convicts to join armed forces in manpower push // Reuters. 2024. 17 May. URL: https://www.reuters.com/world/europe/zelenskiy-signs-law-allowing-some-convicts-serve-ukraines-army-2024–05–17/ (дата обращения: 06.01.2026).

Список источников

1. Антонов А. Г. Новое основание освобождения от уголовной ответственности как разновидность деятельного раскаяния // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4(57). С. 15–21.

2. Буфетова М. Ш. Проблемы реализации права потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела в случае его прекращения или приостановления // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 1. С. 286–294. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(1).286-294

3. Веденин Д. В. Место освобождения от уголовного наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 80.2 УК РФ) в отечественной системе оснований освобождения от уголовного наказания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4(44). С. 130–136.

4. Гарипов Т. И., Дворянов И. Б. Концептуальные основы освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с призывом на военную службу либо заключением контракта о прохождении военной службы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 4(58). С. 64–70. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-58-8

5. Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г. Освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с поступлением на военную службу: последствия для потерпевших от преступлений // Виктимология. 2024. Т. 11, № 1. С. 103–113. DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-1-103-113

6. Жукова Т. Г., Долгополов К. А., Жуков А. П. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2(41). С. 55–60. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-55-60

7. Кибальник А. Г. «Военные» виды освобождения от уголовной ответственности и наказания: первые выводы из практики // Уголовный процесс. 2025. № 3(243). С. 38–45.

8. Лопатина Т. М. Проблемы правоприменения нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) // Адвокатская практика. 2024. № 3. С. 27–30. DOI: 10.18572/1999-4826-2024-3-27-30

9. Маслов, В. А. Влияние специальной военной операции на преступность в России // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 3(220). С. 98–119. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.098-119

10. Тепляшин П. В., Ступина С. А. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 4(26). С. 152–159. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-4-152-159

11. Таршева М. Н. Влияние специальной военной операции на отечественную уголовно-процессуальную политику // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 3(47). С. 159–163.

12. Харунжа В. В., Нарзуллоев Ш. С. Приостановление и прекращение уголовного дела в связи с участием в СВО // Вопросы российской юстиции. 2025. № 38. С. 305–312.

© Упоров А. Г.

13. Integration, Collective Identity, and Assimilation in the French Foreign Legion: [Report] / U. S. Department of Defense. 2015. 78 p. URL: https://apps.dtic.mil/sti/trecms/pdf/AD1176008.pdf (дата обращения: 06.01.2026).

14. Smith J. A Truer Concept of Service for Citizenship: Reimagining Naturalization through Military Service // Connecticut Law Review. 2019. Vol. 51, No. 2. P. 345–390. URL: https://digitalcommons.lib.uconn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1512&context=law_review (дата обращения: 06.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Упоров Александр Геннадьевич

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия).
E-mail: uporov65@mail.ru,

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr G. Uporov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia).
E-mail: uporov65@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 06.07.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.08.2026.

© Упоров А. Г.

Научная статья С. 174–182
УДК 343.3/.7
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-174-182

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 272.1 УК РФ

Анна Валерьевна Волкова

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань, Россия
avmail555@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 272[1] УК РФ. Автор предпринимает попытку концептуального осмысления природы охраняемых общественных отношений в условиях дуалистической конструкции объекта, одновременно охватывающего безопасность компьютерной информации и конституционное право на неприкосновенность частной жизни. Критическому исследованию подвергается размещение нормы в главе о преступлениях в сфере компьютерной информации, выявляются теоретические противоречия между формальной локализацией и материальным содержанием охраняемых правовых благ. Детальному изучению подвергается предмет преступления как интегративная правовая категория, синтезирующая признаки компьютерной информации и персональных данных. Внимание уделяется анализу специальных видов предмета, закрепленных в ч. 2 ст. 272[1] УК РФ.

Ключевые слова: объект преступления, предмет преступления, статья 272.1 УК РФ, персональные данные, компьютерная информация, неприкосновенность частной жизни, информационная безопасность, биометрические данные, специальные категории персональных данных

Для цитирования: Волкова А. В. Объект и предмет состава преступления, предусмотренного статьей 272.1 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 174–182. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-174-182

Research article

THE OBJECT AND SUBJECT OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR IN ARTICLE 272.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anna V. Volkova

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia
avmail555@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of the object and subject of the crime provided for in Article 272[1] of the Criminal Code of the Russian Federation. The author attempts to conceptualize the nature of protected public relations in terms of a dualistic object design that simultaneously encompasses the security of computer information and the constitutional right to privacy. The placement of the norm in the chapter on crimes in the field of computer information is critically examined, and theoretical contradictions between the formal localization and the material content of protected legal goods are revealed. The subject of crime is subjected to a detailed study as an integrative legal category synthesizing the features of computer information and personal data. Attention is paid to the analysis of special types of the subject fixed in part 2 of art. 272[1] of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: object of crime, subject of crime, Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, personal data, computer information, privacy, information security, biometric data, special categories of personal data

For citation: Volkova AV. The Object and Subject of the Corpus Delicti Provided for in Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):174-182. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-174-182

© Волкова А. В.

Введение

Федеральным законом от 30 ноября 2024 года № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[1] установлена ответственность за незаконный оборот персональных данных (ст. 272[1] УК РФ). Новеллы ознаменовали новый этап развития уголовно-правовой охраны персональных данных, что актуализирует необходимость фундаментального переосмысления категорий объекта и предмета данного состава преступления в контексте существенного расширения диапазона криминализированных деяний и усложнения их квалифицирующих признаков [7]. Законодательная новелла представляет собой конструкцию с градуированной системой санкций, охватывающих диапазон от штрафа до десяти лет лишения свободы, что отражает признание законодателем критической значимости защиты персональных данных в условиях цифровизации, экспоненциального роста объемов обрабатываемой персональной информации, множественных инцидентов несанкционированного доступа к базам данных, содержащим чувствительную информацию о миллионах граждан.

Многообъектная природа преступления: теоретическая реконструкция охраняемых общественных отношений

Проблематика определения объекта преступления, предусмотренного ст. 272[1] УК РФ, характеризуется исключительной сложностью, обусловленной дуалистической, а по мнению некоторых исследователей [23], даже множественной природой охраняемых общественных отношений, не позволяющей однозначно определить непосредственный объект преступного посягательства. Расположение статьи в главе 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» указывает на родовой объект в виде общественной безопасности и видовой объект в виде безопасности компьютерной информации, однако содержательное исследование охраняемых общественных отношений, интересов и благ, которые непосредственно страдают в результате совершения указанного преступления свидетельствует о том, что центральным элементом защиты выступает конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни, информационное самоопределение, контроль над персональной информацией. Персональные данные представляют собой не просто информацию в техническом смысле, но информационную проекцию личности, ее цифровую идентичность, совокупность сведений, определяющих индивида в информационном обществе. Незаконные действия с персональными данными посягают на фундаментальные права человека, гарантированные не только национальным конституционным правом, но и международными актами о правах человека: Всеобщей декларацией прав человека[2], Международным пактом о гражданских и политических правах[3], Конвенцией о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных[4].

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде решений сформулировал правовую позицию о праве на защиту персональных данных как элементе конституционного права на неприкосновенность частной жизни, имеющем самостоятельное значение в системе прав человека. В постановлении от 25 мая 2021 г. № 22-П[5] Конституционный Суд указал, что право на защиту персональных данных, являясь элементом права на неприкосновенность частной жизни, обеспечивает индивидуальную автономию и человеческое достоинство, предоставляет возможность контролировать информационные потоки персональных данных и тем самым осуществлять информационное самоопределение. Европейский Суд по правам человека в решениях по ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[6] (право на уважение частной и семейной жизни) неоднократно подчеркивал, что сбор, хранение, использование и распространение персональных данных подпадают под действие гарантий частной жизни, государство обязано обеспечивать эффективную защиту от злоупотреблений с персональными данными. Данные правовые позиции свидетельствуют о том, что защита персональных данных выходит за пределы исключительно технической безопасности компьютерной информации, охватывая фундаментальные права личности.

Предмет преступления, дефинируемый законодателем через комплексную формулу «компьютерная информация, содержащая персональные данные», представляет собой интегративную правовую конструкцию, требующую одновременного установления двух

[1] Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7412.

[2] Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.03.2026).

[3] Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.03.2026).

[4] Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ N 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 52 (ч. I). Ст. 5573.

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг»» // Конституционный суд Российской Федерации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202105280003 (дата обращения: 18.03.2026).

[6] Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

© Волкова А. В.

групп признаков: характеризующих информацию как компьютерную (форма представления, способ обработки, место нахождения) и характеризующих информацию как персональные данные (содержание, связь с конкретным индивидом, идентифицирующая способность). Нематериальная природа информации как предмета преступления обусловливает ее специфические свойства, кардинально отличающие от традиционных материальных предметов: способность к неограниченному копированию без утраты оригинала, мгновенное перемещение в пространстве посредством информационно-телекоммуникационных сетей, неисчерпаемость при использовании, невозможность уничтожения всех копий после распространения. Эти свойства создают уникальные проблемы правоприменения и определения юридической судьбы предмета преступления после его изъятия: в отличие от материальных предметов, изъятие компьютерной информации не лишает виновного возможности сохранения копий, распространение информации приводит к ее неконтролируемому размножению, делая невозможным устранение последствий преступления.

Часть 2 ст. 272[1] УК РФ устанавливает уголовную ответственность в зависимости от категории персональных данных (персональные данные несовершеннолетних лиц, специальные категории персональных данных, биометрические персональные данные). Данная дифференциация основывается на признании законодателем различной степени чувствительности персональной информации, различных рисков причинения вреда субъектам персональных данных в зависимости от категории информации, различной степени общественной опасности незаконных действий с различными категориями данных. Повышенная санкция части второй отражает особую уязвимость несовершеннолетних, особую чувствительность специальных категорий персональных данных (информации о расовой, национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных убеждениях, состоянии здоровья, интимной жизни), повышенные риски злоупотреблений с биометрическими данными, способными обеспечивать однозначную идентификацию личности.

Определение объекта преступления, предусмотренного ст. 272[1] УК РФ, требует последовательного применения классификации объектов по вертикали и по горизонтали, разработанной российской уголовно-правовой доктриной. Родовой объект в виде общественной безопасности и общественного порядка является предельно абстрактным, охватывающим разнородные общественные отношения, объединенные общим признаком связи с безопасными условиями существования общества, стабильностью социального порядка, защищенностью жизненно важных интересов личности, общества и государства от различных угроз. Раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ включает в себя разнообразные главы: преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, уголовно наказуемые деяния против здоровья населения и общественной нравственности, экологические преступления, уголовно наказуемые деяния против безопасности движения и эксплуатации транспорта и в сфере компьютерной информации. Включение в раздел противоправных деяний в сфере компьютерной информации отражает признание законодателем того, что информационная безопасность является элементом безопасности.

Видовым объектом преступлений является безопасность компьютерной информации, понимаемая как защищенность информации в электронно-цифровой форме от неправомерных действий, способных нарушить ее конфиденциальность, целостность или доступность [1].

Вместе с тем сведение объекта преступления, предусмотренного ст. 272[1] УК РФ, исключительно к безопасности компьютерной информации представляется явно недостаточным, игнорирующим специфику персональных данных как информации о личности, непосредственно связанной с конституционными правами человека. Персональные данные — это не просто информация в техническом смысле, не просто данные, подлежащие обработке средствами вычислительной техники, но информационная проекция личности, ее цифровая идентичность, совокупность сведений, определяющих индивида в информационном обществе. В эпоху цифровизации персональные данные приобрели фундаментальное значение для реализации практически всех сфер жизнедеятельности человека: социальных коммуникаций (профили в социальных сетях) [16], экономических отношений (банковские аккаунты, электронные кошельки) [13; 22], доступа к государственным услугам (порталы госуслуг) [12], медицинского обслуживания (электронные медицинские карты) [11], образования (электронные дневники, образовательные платформы) [5], трудовых отношений (кадровые информационные системы) [10]. Компрометация персональных данных способна причинить индивиду многообразный вред: имущественный (мошенническое использование банковских данных), моральный (распространение компрометирующих сведений), репутационный (публикация порочащей информации), психологический (чувство незащищенности, утраты контроля над информацией о себе) [3; 14; 20].

Конституция Российской Федерации[7], закрепляя систему гарантий защиты персональных данных, устанавливает право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение которого допускается только на основании судебного решения. Статьей 24 Конституции Российской Федерации установлен запрет сбора, хранения, использования и распространения

[7] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07. 2020), ст. 3. М., 2020. 63 с.

© Волкова А. В.

информации о частной жизни лица без его согласия. В свою очередь ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации обязывает органы государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Данные конституционные нормы образуют правовую основу защиты персональных данных, которые представляют собой информацию о частной жизни лица в широком смысле.

Признание того, что незаконные действия с персональными данными посягают не только на техническую безопасность компьютерной информации, но прежде всего на конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни и информационное самоопределение, обусловливает необходимость отнесения преступления, предусмотренного ст. 272[1] УК РФ, к многообъектному. В уголовно-правовой доктрине многообъектное преступление характеризуется тем, что одно преступное деяние причиняет вред или создает угрозу причинения вреда двум или более объектам [21, с. 141].

Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 272[1] УК РФ, возникает дискуссионный вопрос о том, какой из объектов является основным, а какой — дополнительным: безопасность компьютерной информации или право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Формальный критерий размещения нормы в главе о преступлениях в сфере компьютерной информации указывает на безопасность компьютерной информации как основной объект. Вместе с тем материальный критерий, основанный на телеологическом толковании, учитывающем цели законодателя при установлении уголовной ответственности, свидетельствует о приоритете защиты прав личности. Законодатель криминализировал не любые действия с компьютерной информацией, а только действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные, что указывает на специфику предмета как квалифицирующего признака. Если бы целью было исключительно обеспечение безопасности компьютерной информации, предмет не ограничивался бы персональными данными, а охватывал бы любую компьютерную информацию. Ограничение предмета персональными данными свидетельствует о том, что целью является защита прав субъектов персональных данных, а не абстрактная информационная безопасность.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 272[1] УК РФ, являются конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни и информационное самоопределение, реализуемое через контроль над персональными данными, тогда как дополнительным обязательным объектом выступают общественные отношения по обеспечению безопасности компьютерной информации. Данный подход ставит под вопрос обоснованность размещения ст. 272[1] УК РФ в главе 28 УК РФ. Альтернативным решением могло бы быть включение нормы в главу 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» УК РФ. Законодатель, однако, обоснованно исходил из специфики способа совершения преступления и формы представления информации: ст. 272[1] УК РФ охватывает только действия с компьютерной информацией, то есть информацией в электронно-цифровой форме, обрабатываемой с использованием информационных технологий, что определяет ее принадлежность к преступлениям в сфере компьютерной информации как к специальной группе составов, характеризующихся специфическим предметом и способом совершения.

Предмет преступления: диалектика компьютерной информации и персональных данных

Предметом преступления является «компьютерная информация, содержащая персональные данные». Он представляет собой правовую конструкцию, требующую последовательного анализа двух понятий с последующим установлением их взаимосвязи и синтеза в единое понятие предмета преступления [6]. Компьютерная информация определяется в прим. 1 к ст. 272 УК РФ. Данное определение основывается на сочетании двух критериев: формы представления информации (в форме электрических сигналов) и места нахождения информации (независимо от средств их хранения, обработки и передачи).

Ключевым признаком компьютерной информации является форма ее представления: информация должна быть представлена в электронно-цифровой форме, закодирована в виде последовательности битов (двоичных единиц информации — 0 и 1) [2], доступна для обработки с помощью средств вычислительной техники путем применения алгоритмов преобразования данных. Электронно-цифровая форма отличает компьютерную информацию от информации на иных носителях: печатных документах, где информация представлена в виде графических символов на бумаге; аналоговых аудиозаписях, где информация представлена в виде непрерывных изменений физических параметров сигнала на магнитной ленте; аналоговых видеозаписях; устной информации. Вместе с тем развитие технологий приводит к конвергенции различных форм представления информации: печатные документы сканируются и преобразуются в электронную форму (форматы PDF, JPEG, TIFF), аналоговые аудиозаписи оцифровываются (форматы MP3, WAV, FLAC), аналоговые видеозаписи преобразуются в цифровой формат (AVI, MP4, MKV), устная речь преобразуется в текст с помощью систем автоматического распознавания речи. Для квалификации по ст. 272[1] УК РФ значение имеет то, в какой форме находилась информация в момент совершения преступных действий с ней: если персональные данные находились в форме компьютерной информации, применяется ст. 272[1] УК РФ; если в иной форме (например, в рукописном документе, в устном сообщении) — применяются

© Волкова А. В.

иные нормы (прежде всего ст. 137 УК РФ о нарушении неприкосновенности частной жизни) [18, с. 30].

Е. А. Русскевич поднимает важную проблему о квалификации содеянного, когда лицо часть сведений предоставило посредством отправки фотографий монитора компьютера (скриншотов), а часть по причине значительного объема данных передало на бумаге [17]. Нужна ли дополнительная квалификация содеянного? Мы поддерживаем мнение специалиста о том, что с учетом единства умысла квалифицировать содеянное необходимо только по норме, которая предусматривает более тяжкий состав преступления, то есть по ст. 272[1] УК РФ.

Нематериальная природа компьютерной информации обусловливает ее специфические свойства, кардинально отличающие от традиционных материальных предметов преступления, что создает уникальные проблемы уголовно-правовой квалификации и определения юридической судьбы предмета преступления. Во-первых, информация не подчиняется законам сохранения материи: она может быть скопирована неограниченное число раз без утраты оригинала, при копировании создается полностью идентичный экземпляр информации, обладающий теми же свойствами и ценностью, что и источник. Материальные предметы при изъятии у владельца утрачиваются им; информация при копировании остается у источника и одновременно появляется у получателя. Во-вторых, информация может мгновенно перемещаться в пространстве посредством информационно-телекоммуникационных сетей, преодолевая любые географические расстояния за доли секунды, что делает территориальный принцип действия уголовного закона проблематичным. В-третьих, информация не утрачивается при передаче: лицо, передавшее информацию другому субъекту, сохраняет ее копию и возможность дальнейшего использования и распространения. В-четвертых, информация может существовать одновременно во множестве экземпляров в различных местах, что делает практически невозможным ее полное изъятие или уничтожение.

Эти свойства создают специфические проблемы правоприменения при квалификации деяний по ст. 272[1] УК РФ. Изъятие компьютерной информации, содержащей персональные данные, из незаконного владения не лишает виновного возможности сохранения копий на иных носителях, в облачных хранилищах, на удаленных серверах. Распространение персональных данных в сети Интернет приводит к их неконтролируемому размножению, копированию пользователями, индексации поисковыми системами, архивированию специализированными сервисами, что делает практически невозможным полное удаление информации и устранение последствий преступления. Специфика информации как предмета преступления обусловливает особенности определения момента окончания преступления: в отличие от материальных предметов, изъятие которых образует момент окончания хищения, при незаконных действиях с информацией момент окончания связывается с совершением действий по использованию, передаче, сбору, хранению информации независимо от последующей возможности изъятия или уничтожения информации.

Персональные данные определяются статьей 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[8] (далее — Федеральный закон № 152-ФЗ) как «любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Юридическая конструкция данного определения основывается на критерии связи информации с конкретным индивидом, при этом характер информации, ее содержание, способ получения не имеют значения — любая информация, позволяющая идентифицировать лицо или связанная с идентифицированным лицом, является персональными данными. Определение является чрезвычайно широким, охватывая практически безграничный спектр информационных объектов [4; 8]. Информация относится к определенному физическому лицу прямо, если она сама по себе идентифицирует это лицо, позволяет однозначно установить его личность без привлечения дополнительных сведений: фамилия, имя, отчество в сочетании с датой рождения и местом жительства; паспортные данные (серия и номер паспорта); СНИЛС (страховой номер индивидуального лицевого счета); ИНН (идентификационный номер налогоплательщика); номер водительского удостоверения; номер полиса обязательного медицинского страхования; уникальные идентификаторы пользователей в информационных системах при наличии связи с реальной личностью.

Информация относится к определяемому физическому лицу косвенно, если она сама по себе не идентифицирует лицо непосредственно, но при наличии дополнительных сведений, доступных или потенциально доступных оператору или иным лицам, позволяет установить личность. К косвенно идентифицирующей информации можно отнести: IP-адрес интернет-соединения (при наличии у провайдера информации о привязке IP-адреса к конкретному абоненту); MAC-адрес сетевого оборудования или устройства (при возможности сопоставления с регистрационными данными); геолокационные данные (при систематическом отслеживании перемещений, позволяющем идентифицировать лицо по местам постоянного нахождения — место жительства, место работы); cookies и иные уникальные идентификаторы устройств и браузеров (при сопоставлении с данными аутентификации); идентификаторы абонентов мобильной связи IMEI, IMSI (при наличии у операторов связи информации о привязке к абонентам); адреса электронной почты (при возможности установления владельца); никнеймы в социальных сетях и на форумах (при наличии технической возможности деанонимизации).

[8] Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

© Волкова А. В.

Следует отметить, что критерием отнесения информации к персональным данным является не фактическая идентификация конкретного лица в момент обработки информации, а принципиальная возможность такой идентификации при наличии технических средств, дополнительной информации, специальных методов анализа данных, доступных или потенциально доступных для реализации.

Объем понятия персональных данных включает чрезвычайно широкий спектр информационных категорий: идентификационные данные (ФИО, дата и место рождения, пол, фотография, паспортные данные, реквизиты иных документов, удостоверяющих личность); контактные данные (адрес места жительства или пребывания, номера телефонов стационарных и мобильных, адреса электронной почты, идентификаторы в мессенджерах); социально-демографические данные (гражданство, семейное положение, наличие детей, образование, профессия, должность); экономические данные (сведения о доходах, имуществе, налогах, кредитах, банковских счетах, финансовых операциях); биографическая информация (сведения о трудовой деятельности, местах работы, карьерном пути, образовательной траектории); данные о состоянии здоровья (медицинские диагнозы, результаты анализов и обследований, назначенное лечение, обращения за медицинской помощью, группа инвалидности); информация о частной жизни (фотографии и видеозаписи личного характера, информация о круге общения, интересах, хобби, убеждениях, мировоззрении); поведенческие данные (информация о перемещениях, геолокационные треки, история посещений мест, история покупок, потребительские предпочтения); психологические характеристики и профили (результаты тестирования, оценки личностных качеств, прогнозы поведения) [24].

Предмет преступления, предусмотренный ст. 272[1] УК РФ, определяется через пересечение двух множеств: компьютерной информации и персональных данных. К предмету преступления относится только та информация, которая одновременно удовлетворяет двум критериям: (1) является персональными данными по содержанию (относится прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу); (2) представлена в форме компьютерной информации (находится в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи). Информация, удовлетворяющая только одному из критериев, не является предметом преступления по ст. 272[1] УК РФ. Персональные данные в нецифровой форме (рукописные документы с персональными данными, печатные фотографии, устная информация о лице) не являются предметом преступления, предусмотренного ст. 272[1] УК РФ; незаконные действия с такой информацией могут квалифицироваться по ст. 137 УК РФ о нарушении неприкосновенности частной жизни или по иным статьям в зависимости от характера действий [17]. Компьютерная информация, не содержащая персональных данных (информация о юридических лицах, обезличенные статистические данные, научная информация, программное обеспечение, иной цифровой контент, не связанный с конкретными физическими лицами), также не является предметом данного преступления; незаконные действия с ней могут образовывать иные составы преступлений в сфере компьютерной информации или иные составы в зависимости от характера информации и действий.

К предмету преступления относятся следующие категории информационных объектов: электронные базы данных клиентов коммерческих организаций, содержащие персональные данные покупателей, заемщиков, страхователей, пользователей услуг (базы данных банков с информацией о счетах и операциях клиентов, базы данных интернет-магазинов с адресами и контактами покупателей, базы данных медицинских организаций с медицинскими картами пациентов); информационные системы персональных данных государственных органов и организаций (государственные реестры населения, базы данных налоговых органов, базы данных правоохранительных органов, базы данных учреждений образования и здравоохранения); персональные данные, размещенные на сайтах в сети Интернет (аккаунты пользователей социальных сетей с профилями, содержащими персональные данные; учетные записи на различных онлайн-платформах; объявления с контактными данными; резюме на сайтах поиска работы); персональные данные в электронной переписке и мессенджерах (сообщения электронной почты, содержащие информацию о лицах; переписка в мессенджерах; файлы, содержащие персональные данные, передаваемые в переписке); файлы на компьютерах, серверах и мобильных устройствах, содержащие персональные данные (фотографии и видеозаписи, идентифицирующие лиц; текстовые документы с персональными данными; электронные таблицы с базами данных; архивы файлов).

Отметим, что важным вопросом является определение того, относятся ли к предмету преступления, предусмотренного ст. 272[1] УК РФ, обезличенные персональные данные. Ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» определяет обезличивание персональных данных как действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных. Из законодательного определения персональных данных следует, что обезличенная информация, не позволяющая идентифицировать лицо, не является персональными данными и, соответственно, не может быть предметом преступления, предусмотренного ст. 272[1] УК РФ. Вместе с тем на практике возникают вопросы определения степени обезличивания, достаточной для утраты информацией статуса персональных данных. Если обезличивание является обратимым, то есть существует техническая возможность реидентификации лиц путем использования дополнительной информации, находящейся у оператора или у третьих

© Волкова А. В.

лиц, либо путем применения специальных методов деанонимизации (сопоставление различных источников данных, статистический анализ, машинное обучение), информация сохраняет статус персональных данных. Так, например, практика применения GDPR[9] в Европейском Союзе исходит из того, что информация считается анонимизированной только при необратимом обезличивании, когда реидентификация невозможна даже при использовании всех разумно доступных средств.

Дифференциация персональных данных по категориям чувствительности

Часть 2 ст. 272[1] УК РФ устанавливает повышенную уголовную ответственность за деяния, совершенные в отношении компьютерной информации, содержащей три категории персональных данных: персональные данные несовершеннолетних лиц, специальные категории персональных данных, биометрические персональные данные. Данная дифференциация отражает признание законодателем различной степени чувствительности персональной информации, различных рисков причинения вреда субъектам в зависимости от категории данных.

Повышенная уголовно-правовая охрана персональных данных несовершеннолетних обусловлена особой уязвимостью данной категории субъектов, их неспособностью в полной мере осознавать риски раскрытия информации о себе, принимать взвешенные решения о предоставлении персональных данных, эффективно защищать свои права при нарушениях. Незаконные действия с персональными данными несовершеннолетних характеризуются повышенной общественной опасностью. Во-первых, распространение персональных данных несовершеннолетних создает повышенные риски их виктимизации: информация о местонахождении, образе жизни, маршрутах перемещения ребенка может быть использована для совершения преступлений против его половой неприкосновенности, похищения, вовлечения в противоправную деятельность. Во-вторых, несовершеннолетние особенно уязвимы к кибербуллингу — травле в цифровой среде [9], которая может осуществляться на основе распространенных персональных данных, включая фотографии, информацию о частной жизни. В-третьих, компрометация персональных данных несовершеннолетнего может оказать долгосрочное негативное влияние на его развитие, социализацию, психологическое состояние.

Специальные категории персональных данных определяются ч. 1 ст. 10 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» как персональные данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни. Запрет их обработки обусловлен их чувствительностью и затрагивает наиболее деликатные аспекты личности человека, ее незаконное использование способно причинить вред ее достоинству, привести к дискриминации, нарушению конституционного принципа равноправия граждан. Незаконное использование таких сведений создает риски расовой или национальной дискриминации, разжигания межнациональной розни, нарушения конституционного принципа равенства всех перед законом независимо от расы, национальности, языка. Незаконное распространение информации о политических убеждениях лица может привести к политическому преследованию, дискриминации по политическим мотивам, нарушению свободы мысли и слова. Незаконное использование сведений о религиозных или философских убеждениях создает риски религиозной дискриминации, нарушения свободы совести и вероисповедания.

Незаконное распространение сведений о состоянии здоровья может привести к дискриминации в трудовых отношениях (отказ в приеме на работу, увольнение), социальной стигматизации (в случае заболеваний, воспринимаемых обществом негативно: психических расстройств, ВИЧ-инфекции, инфекций, передающихся половым путем), психологическому дискомфорту, нарушению права на уважение частной жизни.

Сведения об интимной жизни включают информацию о сексуальной ориентации лица, половых связях, сексуальных предпочтениях — аспектах частной жизни. Незаконное распространение сведений об интимной жизни может привести к репутационному вреду, социальной дискриминации (особенно в отношении лиц нетрадиционной сексуальной ориентации), психологической травме, суицидальным попыткам.

Биометрические персональные данные определяются ч. 1 ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» как сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных. Биометрические данные используются для установления личности — для идентификации (установления, кто данное лицо) или аутентификации (подтверждения, что лицо является тем, за кого себя выдает). Не любые сведения о физиологических особенностях являются биометрическими персональными данными, а только те, которые используются в системах биометрической идентификации или аутентификации. Важно различать биометрические персональные данные и обычные изображения или иную информацию о физиологических особенностях. Обычные фотографии лица, видеозаписи, не используемые для биометрической идентификации (семейные фотографии, фотографии в социальных сетях, не обрабатываемые системами распознавания лиц), не являются биометрическими персональными данными, хотя остаются персональны-

[9] Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR) // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 18.03.2026).

© Волкова А. В.

ми данными общей категории. Те же изображения лица, загруженные в системы распознавания лиц, используемые для биометрической идентификации, становятся биометрическими персональными данными. Запись голоса в обычном аудиофайле не является биометрическими данными; запись, обрабатываемая системой голосовой идентификации для создания голосового профиля, становится биометрическими данными. Данное различие имеет значение для квалификации по ч. 2 ст. 272^1 УК РФ: если изображения лиц или записи голоса не используются для биометрической идентификации, деяние квалифицируется по части первой; если используются — по части второй.

Квалификация деяния по ч. 2 ст. 272^1 УК РФ требует установления того, что виновный осознавал принадлежность персональных данных к специальным категориям. Субъективная сторона преступления должна охватывать сознанием виновного квалифицирующий признак предмета: если лицо не знало и не могло знать, что персональные данные относятся к несовершеннолетним, специальным категориям или биометрическим данным, квалификация по части второй исключается, деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 272^1 УК РФ. Вместе с тем в большинстве случаев категория персональных данных очевидна из их содержания или контекста: информация о состоянии здоровья по своему характеру относится к специальным категориям; биометрические данные (отпечатки пальцев, данные систем распознавания лиц) легко идентифицируются как таковые; применительно к персональным данным несовершеннолетних критерием является осознание виновным того, что информация относится к лицам, не достигшим восемнадцати лет, что может устанавливаться через содержание данных (указание даты рождения, возраста) либо контекст их получения (базы данных образовательных или медицинских учреждений, школьные информационные системы, детские социальные сети).

Заключение

Объект преступления характеризуется многообъектной природой, синтезирующей элементы информационной безопасности и конституционных прав личности. Законодатель криминализировал действия не с любой компьютерной информацией, а исключительно с информацией, содержащей персональные данные, что свидетельствует о приоритете защиты прав субъектов персональных данных. Размещение статьи 272^1 УК РФ в главе 28 УК РФ требует осознания того, что охраняемые общественные отношения выходят за пределы исключительно компьютерной безопасности, охватывая фундаментальные права человека. Законодатель исходил из того, что специфика цифровой информации и использования цифровых технологий является определяющим фактором для расположения уголовно-правового запрета.

Предмет преступления представляет собой правовую конструкцию, объединяющую признаки компьютерной информации и персональных данных. Широта легального определения персональных данных обусловливает обширный круг информационных объектов, способных выступать предметом преступления, что требует от правоприменителя внимательного анализа каждого конкретного случая.

Квалифицированные виды предмета, закрепленные в ч. 2 ст. 272^1 УК РФ, отражают дифференцированный подход законодателя к различным категориям персональных данных в зависимости от их чувствительности и рисков причинения вреда. Персональные данные несовершеннолетних выделены в специальную категорию в силу особой уязвимости данных субъектов. Специальные категории персональных данных (информация о расовой, национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных убеждениях, состоянии здоровья, интимной жизни) требуют усиленной защиты в силу их особой чувствительности и потенциала причинения вреда достоинству личности [15]. Биометрические персональные данные представляют повышенную опасность в силу их способности обеспечивать однозначную идентификацию личности и невозможности их изменения (в отличие от паролей).

Список источников

1. Батухтин М. Е. Киберпреступления: причины, виды, формы, последствия, направления противодействия // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Междунар. науч. конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Ч. 3. Самара, 2018. С. 28–31.

2. Бегишев И. Р. Цифровая информация: понятие и сущность как предмета преступления по российскому уголовному праву // Академический юридический журнал. 2011. № 2(44). С. 47–55.

3. Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань, 2020. 300 с.

4. Бегишев И. Р., Кирпичников Д. В. Проблемные вопросы уголовно-правовой охраны персональных данных // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 11–16. DOI: 10.17223/23088451/15/3.

5. Вифлеемский А. Б., Лозицкий И. Г. Обработка персональных данных в школе // Школьные технологии. 2012. № 1. С. 122–132.

6. Волкова А. В. Персональные данные как объект уголовно-правовой охраны // International Law Journal. 2025. Т. 8. № 8. С. 222–232.

7. Волкова А. В. Социальная обусловленность криминализации незаконных действий с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // Проблемы права. 2025. № 4 (100). С. 86–95.

© Волкова А. В.

8. Волкова А. Ю. Персональные данные как объект уголовно-правовой охраны // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 132–137.

9. Газизьянов Т. А., Мансурова З. Р. Психология кибербуллинга. виды и причины кибербуллинга // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № . 4(16). С. 89–92.

10. Гильмуллина Д. А., Чикенёва И. В. О защите персональных данных в системе трудовых правоотношений // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 3. С. 231–234.

11. Зингерман Б. В., Шкловский-Корди Н. Е. Электронная медицинская карта и принципы ее организации // Врач и информационные технологии. 2013. № 2. С. 37–58.

12. Игина К. А. Охрана персональных данных в контексте предоставления государственных и муниципальных услуг в РФ // Проблемы модернизации современного российского государства: сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 24–25 июня 2020 года. Стерлитамак, 2020. С. 16–19.

13. Казаренкова Н. П., Звягинцева П. Ю., Бондарева А. А., Требухова И. А. Персональные данные как инновационный актив цифровой экономики // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № . 1(51). С. 323–327.

14. Кузьмин Ю. А. Кража персональных данных (криминологический аспект) // Oeconomia et Jus. 2020. № 3. С. 48–57. DOI: 10.47026/2499-9636-2020-3-48-57.

15. Новиков П. А. Совершенствования механизма защиты специальной категории персональных данных // Право и политика. 2025. № 2. С. 65–77. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.73265

16. Ребязина В. А., Тункевичус Э. О. Цифровые профили пользователей сервисов совместного потребления в России: подход тематического моделирования // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021. Вып. 5. С. 183–206.

17. Русскевич Е. А. Об уголовной ответственности за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // Уголовный процесс. 2025. № 7(247). С. 53–59.

18. Русскевич Е. А. Цифровизация уголовного законодательства: непростые последствия простых решений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 5(129). С. 26–33. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.026-033.

19. Стяжкина С. А. Вопросы квалификации незаконного оборота персональных данных // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2025. Т. 35, вып. 5. С. 945–952.

20. Талапина Э. В. Персональные данные: проблемы теории в судебных иллюстрациях // Российская юстиция. 2023. № 12. С. 57–65. DOI: 10.52433/01316761_2023_12_57.

21. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / А. Я. Гришко, Е. А. Антонян, А. Ю. Беляков [и др.]. Москва, 2025. 557 с. DOI: 10.12737/2007669.

22. Харуна И. О., Айдоноджи П. А., Бейда О. Д. Проблемы и перспективы нормативного регулирования системы электронных платежей в Нигерии // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2(2). С. 372–393. DOI: 10.21202/jdtl.2024.19.

23. Шутова А. А. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот персональных данных // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 166, № 6. С. 122–134. DOI: 10.26907/2541-7738.2024.6.122-134.

24. Шутова А. А. Социальная обусловленность существования норм об уголовной ответственности за посягательства на персональные данные // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4(32). С. 332–335.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Волкова Анна Валерьевна

Соискатель кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП) (г. Казань, Россия).

E-mail: avmail555@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Volkova

Postgraduate student in the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia).
E-mail: avmail555@gmail.com

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 26.05.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.07.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2026.

© Волкова А. В.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-183-188

ОБЪЕКТ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 274.4 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Самвел Юрьевич Захарян

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань, Россия
s.y.zakharyan@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию объекта преступления, предусмотренного статьей 274[4] УК РФ. Автор исследует объект преступления — от родового до непосредственного, выявляет проблемы системного положения данной нормы в главе 28 УК РФ, исследует соотношение основного непосредственного и дополнительного непосредственного объектов преступлений. Особое внимание уделяется дискуссионному вопросу о содержании непосредственного объекта: являются ли им исключительно общественные отношения в сфере компьютерной информации или же норма охраняет более широкий комплекс отношений, связанных с безопасностью оборота абонентских номеров, правомерностью идентификации субъектов телекоммуникационных услуг, предупреждением преступлений в цифровой среде. Сформулированы предложения по уточнению законодательной конструкции и оптимизации системного положения состава преступления, предусмотренного статьей 274[4] УК РФ.

Ключевые слова: объект преступления, ст. 274.4 УК РФ, абонентские номера, компьютерная информация, телекоммуникационные преступления, предмет преступления, цифровая идентификация, информационная безопасность

Для цитирования: Захарян С. Ю. Объект состава преступления, предусмотренного статьей 274.4 УК РФ: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3(50). С. 183–188. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-183-188

Research article

THE OBJECT OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR ARTICLE 274.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Samvel Yu. Zakharyan

Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova, Kazan, Russia
s.y.zakharyan@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the object of the crime provided for in Article 274[4] of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the object of the crime — from generic to direct, identifies the problems of the systemic provision of this rule in Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, examines the ratio of the main direct and additional direct objects of crimes. Particular attention is paid to the debatable issue of the content of the immediate object: whether it is exclusively public relations in the field of computer information, or whether the norm protects a broader range of relations related to the security of subscriber number turnover, the legality of identifying subjects of telecommunications services, and the prevention of crimes in the digital environment. Proposals have been formulated to clarify the legislative structure and optimize the systemic position of the corpus delicti provided for in Article 274[4] of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: object of crime, Article 274.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, subscriber numbers, computer information, telecommunication crimes, subject of crime, digital identification, information security

For citation: Zakharyan SYu. The Object of the Corpus Delicti Provided for Article 274.4 of the Criminal Code of the Russian Federation: Problems of Theory and Practice. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):183-188. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-183-188

© Захарян С. Ю.

Введение

Учение об объекте преступления занимает центральное место в науке уголовного права, поскольку именно объект как совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений определяет социальную сущность преступного деяния, его общественную опасность, место в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее — УК РФ) и отграничение от смежных составов. Правильное понимание объекта преступления имеет не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение: ошибка в определении объекта влечет неверную квалификацию, назначение несоразмерного наказания, невозможность достижения целей уголовно-правовой охраны [3]. Особую актуальность проблема объекта преступления приобретает применительно к новым составам, введенным в УК РФ в условиях стремительной трансформации общественных отношений под влиянием цифровизации, когда традиционные теоретические конструкции нуждаются в переосмыслении и адаптации к изменившейся социальной реальности [6].

Ст. 274[4] УК РФ, введенная Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] и устанавливающая ответственность за организацию деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации, представляет собой законодательную новеллу. Данная норма отражает реакцию законодателя на формирование в условиях цифровой экономики нового вида общественно опасных деяний, связанных с незаконным оборотом абонентских номеров как ключевых элементов системы цифровой идентификации личности [1]. Абонентские номера мобильной связи в современном обществе выполняют функции, далеко выходящие за рамки простого средства коммуникации: они служат идентификаторами при доступе к банковским услугам, государственным сервисам, электронным кошелькам, социальным сетям, выступают инструментом двухфакторной аутентификации, обеспечивают восстановление доступа к учетным записям. Данная трансформация социального значения абонентских номеров обусловила возникновение криминального интереса к их незаконному получению и использованию, что, в свою очередь, потребовало установления уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений [5, с. 109].

Проблематика объекта преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, характеризуется несколькими аспектами, требующими научного осмысления.

Во-первых, дискуссионным является вопрос о системном положении данной нормы: законодатель включил ее в гл. 28 УК РФ, однако степень соответствия объекта данного преступления родовому и видовому объектам указанной главы не является очевидной и требует обоснования [4, с. 239].

Во-вторых, неоднозначен вопрос о содержании непосредственного объекта: представляется ли он исключительно отношениями в сфере компьютерной информации или включает более широкий комплекс отношений, связанных с правомерным функционированием телекоммуникационной инфраструктуры, идентификацией субъектов, предупреждением преступлений.

В-третьих, неоднозначен круг потерпевших от преступления: являются ли ими только законные правообладатели номеров, чье право на их использование нарушается путем незаконной передачи, или также иные лица, чьи права и законные интересы нарушаются в результате последующего использования незаконно переданных номеров для совершения преступлений (мошенничества, неправомерного доступа к информации и т. д.). Отсутствие в научной литературе исследований объекта преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, обусловленное новизной нормы, а также практическая значимость правильного понимания объекта для квалификации преступлений определяют актуальность настоящего исследования.

Цель работы состоит в комплексном исследовании объекта преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, выявлении содержания охраняемых общественных отношений, формулировании теоретически обоснованных выводов и практических рекомендаций по оптимизации уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений.

Родовой объект преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ

Родовой объект преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, определяется принадлежностью данной статьи к разделу IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ. Родовым объектом, следовательно, выступают общественная безопасность и общественный порядок как совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасные условия жизнедеятельности общества, защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, стабильность и предсказуемость социальных процессов [2], нормальное функционирование социальных институтов, систем жизнеобеспечения, коммуникационной и информационной инфраструктуры. Категория общественной безопасности в ее современном понимании включает не только традиционные аспекты физической безопасности людей и имущества, но и новые измерения, связанные с информационной безопасностью, безопасностью критической информационной инфраструктуры, защищенностью от киберугроз.

Включение преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, в систему преступлений против обще-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.1996. № 25. Ст. 2954

[2] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 4636.

© Захарян С. Ю.

ственной безопасности отражает понимание законодателем того обстоятельства, что организация деятельности по незаконной передаче абонентских номеров создает угрозу не только конкретным индивидуальным правам отдельных граждан, но и общественной безопасности в широком смысле. Незаконно переданные абонентские номера выступают инфраструктурным элементом современной киберпреступности, обеспечивая анонимность преступников, затрудняя их идентификацию и привлечение к ответственности, создавая условия для массовых дистанционных мошенничеств, неправомерного доступа к информационным системам, нарушения неприкосновенности частной жизни, распространения противоправного контента. Массовый характер использования незаконно переданных номеров в преступных целях, множественность потерпевших, существенный совокупный ущерб, подрыв доверия граждан к дистанционным сервисам и системам цифровой идентификации — все это свидетельствует о том, что данное деяние посягает на общественную безопасность как состояние защищенности общества от криминальных угроз.

Вместе с тем следует признать, что связь объекта преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, с родовым объектом раздела IX УК РФ является менее очевидной по сравнению с классическими преступлениями против общественной безопасности, такими как терроризм, бандитизм, массовые беспорядки, незаконный оборот оружия и т. д. Данные преступления непосредственно и очевидно создают угрозу безопасности неопределенного круга лиц, нормальному функционированию общества, стабильности правопорядка. Организация деятельности по незаконной передаче абонентских номеров создает такую угрозу опосредованно, через обеспечение инфраструктуры для последующих преступлений, что придает объекту данного преступления специфический характер. Можно говорить о том, что ст. 274[4] УК РФ охраняет общественную безопасность в ее расширенном понимании, включающем информационную безопасность, безопасность цифрового пространства, защищенность от новых форм криминальных угроз, связанных с технологическим развитием.

Видовой объект и проблема системного положения ст. 274[4] УК РФ

Наиболее дискуссионным является вопрос о видовом объекте преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, что непосредственно связано с проблемой системного положения данной нормы. Законодатель включил ст. 274[4] УК РФ в гл. 28 УК РФ, что предполагает, что видовым объектом данного преступления должны выступать общественные отношения, обеспечивающие безопасность компьютерной информации. Однако анализ содержания диспозиции ст. 274[4] УК РФ, характера охраняемых ею интересов, механизма причинения вреда общественным отношениям ставит под сомнение оптимальность избранного законодателем системного места данной нормы и требует критического осмысления соответствия ее объекта видовому объекту [4, с. 241–242].

Гл. 28 УК РФ первоначально включала три статьи: ст. 272, 273, 274 УК РФ. Последующие изменения законодательства дополнили главу ст. 274[1] «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» и ст. 274[2] «Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования». Анализ перечисленных составов позволяет выявить общий для них видовой объект — общественные отношения, обеспечивающие правомерность, безопасность и конфиденциальность компьютерной информации, защиту от неправомерного доступа к ней, от ее модификации, уничтожения, блокирования, копирования, распространения, а также нормальное функционирование компьютерных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, критической информационной инфраструктуры.

Ключевым для понимания видового объекта гл. 28 УК РФ является понятие компьютерной информации, легально определенное в прим. 1 к ст. 272 УК РФ как «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи». Все «традиционные» составы в гл. 28 связаны с воздействием на компьютерную информацию: неправомерным доступом к ней, созданием вредоносных программ для ее модификации или уничтожения, нарушением правил эксплуатации систем, обрабатывающих такую информацию, воздействием на критическую информационную инфраструктуру. Объектом охраны выступает не сама информация как таковая (информация охраняется нормами о государственной тайне, коммерческой тайне, персональных данных), а отношения по обеспечению ее безопасности и конфиденциальности в специфической компьютерной среде. Данный подход отражает понимание особой уязвимости компьютерной информации, специфических угроз, связанных с ее цифровой природой, необходимости специализированных уголовно-правовых средств ее защиты.

Возвращаясь к ст. 274[4] УК РФ, необходимо констатировать, что объект данного преступления лишь частично совпадает с видовым объектом гл. 28 УК РФ. С одной стороны, абонентские номера в современной цифровой среде действительно выступают элементами информационных систем, используются для идентификации и аутентификации в компьютерных сетях, обеспечивают доступ к электронным сервисам, что создает определенную связь с отношениями по безопасности компьютерной информации. Незаконная передача номеров может облегчать неправомерный доступ к компьютерной информации, поскольку преступники, получившие контроль над чужими номерами, используют их для

© Захарян С. Ю.

обхода механизмов аутентификации и проникновения в информационные системы. В этом аспекте ст. 274[4] УК РФ действительно может рассматриваться как охраняющая отношения в сфере безопасности компьютерной информации, предупреждая создание инфраструктуры для киберпреступлений.

С другой стороны, объект преступления значительно шире, чем безопасность компьютерной информации, и включает комплекс иных общественных отношений, не являющихся специфическими для гл. 28 УК РФ. Во-первых, данная норма охраняет отношения по правомерному функционированию телекоммуникационной инфраструктуры, соблюдению установленного законодательством порядка предоставления услуг связи, идентификации абонентов, оборота абонентских номеров. Эти отношения регулируются Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»[3], правилами оказания услуг подвижной радиотелефонной связи, нормативными актами, устанавливающими требования к идентификации абонентов. Нарушение данных требований создает угрозу не столько безопасности компьютерной информации, сколько правомерности функционирования системы связи, контролю государства над оборотом средств коммуникации, предупреждению использования телекоммуникаций в противоправных целях.

Во-вторых, состав преступления охраняет отношения собственности: абонентские номера выступают объектами гражданских прав, право пользования которыми принадлежит абонентам на основании договоров об оказании услуг связи, и незаконная передача номера иному лицу нарушает имущественные права законного абонента.

В-третьих, норма защищает широкий круг прав и законных интересов неопределенного множества лиц, которые могут стать потерпевшими от преступлений, совершенных с использованием незаконно переданных номеров: право собственности (при мошенничествах), неприкосновенность частной жизни (при незаконном сборе персональных данных), право на безопасность (при угрозах и вымогательствах).

В-четвертых, ст. 274[4] УК РФ направлена на разрушение инфраструктуры киберпреступности, лишение преступников доступа к анонимизированным номерам как инструменту совершения иных деяний.

Таким образом, объект преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, носит комплексный, многоаспектный характер и не сводится исключительно к безопасности компьютерной информации. Это обстоятельство ставит под сомнение оптимальность включения данной нормы в гл. 28 УК РФ и порождает дискуссию о возможных альтернативных вариантах ее системного положения. Теоретически ст. 274[4] могла бы быть помещена в гл. 32 «Преступления против порядка управления», поскольку она охраняет установленный государством порядок оборота абонентских номеров, реализацию государственного контроля в сфере связи. Однако данный вариант также был бы не вполне точен, поскольку основной вред от незаконной передачи номеров состоит не в подрыве авторитета государственной власти, а в создании условий для преступлений против личности и собственности.

Альтернативным вариантом могло бы стать выделение специальной главы, посвященной преступлениям в сфере телекоммуникаций и цифровой идентификации, однако это законодательное решение потребует существенное реформирование структуры Особенной части УК РФ и может быть реализовано только при принятии нового уголовного закона России.

Представляется, что избранное законодателем решение о включении ст. 274[4] в гл. 28 УК РФ, при всей его дискуссионности, имеет определенные основания. Современное понимание компьютерных преступлений не ограничивается узко техническими посягательствами на информацию и системы, а охватывает широкий спектр деяний, использующих цифровые технологии и создающих угрозы в цифровой среде. Организация незаконной передачи абонентских номеров, хотя и не является компьютерным преступлением в классическом понимании, тесно связана с цифровой криминальной активностью, обеспечивает инфраструктуру для киберпреступлений, что оправдывает ее помещение в систему норм о преступлениях в сфере компьютерной информации при расширительном понимании последних. Вместе с тем законодателю следовало бы рассмотреть вопрос об изменении наименования гл. 28 УК РФ, которое могло бы более точно отражать комплексный характер охраняемых отношений, например, «Преступления в сфере компьютерной информации и телекоммуникаций».

Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ

Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, представляет собой конкретную совокупность общественных отношений, на которые непосредственно посягает организация деятельности по незаконной передаче абонентских номеров и которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, следует признать общественные отношения, обеспечивающие правомерный оборот абонентских номеров, соблюдение установленного законодательством порядка их выделения, регистрации, использования и передачи. Данные отношения регулируются комплексом нормативных актов: Федеральным законом «О связи», определяющим общие принципы функционирования систем связи и правовое положение операторов и абонентов; постановлением Правительства Российской Федерации от 24 января 2024 г. № 59 «Об утверждении Правил оказания услуг телефонной связи»[4], устанавливающими порядок за-

[3] Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Российская газета, 10 июля 2003 г.

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 января 2024 г. № 59 «Об утверждении Правил оказания услуг телефонной связи» // СПС «Гарант.

© Захарян С. Ю.

ключения договоров об оказании услуг связи, права и обязанности сторон; нормативными актами, определяющими требования к идентификации абонентов, проверке документов, хранению информации о заключенных договорах. Соблюдение установленных процедур призвано обеспечить прозрачность оборота номеров, возможность идентификации фактических пользователей, предотвращение использования номеров неустановленными лицами или лицами, желающими скрыть свою личность для совершения противоправных деяний.

Организация деятельности по незаконной передаче абонентских номеров нарушает данные отношения, создавая систематически функционирующий механизм обхода установленных требований, массового предоставления номеров лицам, не прошедшим надлежащую идентификацию, либо передачи номеров, зарегистрированных на одних лиц, иным лицам без соблюдения процедур переоформления. Вред основному непосредственному объекту проявляется в подрыве системы контроля за оборотом абонентских номеров, утрате операторами связи и государственными органами возможности достоверно установить, кто фактически использует тот или иной номер, дискредитации института цифровой идентификации, основанного на привязке номера к конкретному лицу. Массовый характер незаконной передачи номеров, осуществляемой в рамках организованной деятельности, создает системную угрозу правомерному функционированию телекоммуникационной инфраструктуры, снижает эффективность правового регулирования сферы связи, порождает недоверие к абонентским номерам как средству идентификации.

Дополнительным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, выступают общественные отношения по обеспечению безопасности компьютерной информации и информационных систем. Данный объект нарушается в тех случаях, когда незаконно переданные номера используются для неправомерного доступа к компьютерной информации, обхода систем аутентификации, взлома учетных записей. Поскольку абонентские номера широко применяются в качестве второго фактора аутентификации при доступе к банковским приложениям, электронным кошелькам, учетным записям в социальных сетях, облачным хранилищам, государственным сервисам, контроль над чужим номером предоставляет возможность для перехвата кодов подтверждения и несанкционированного проникновения в информационные системы. Организация деятельности по незаконной передаче номеров создает инфраструктуру для таких посягательств, обеспечивая злоумышленников инструментарием для компьютерных преступлений. Вред данному дополнительному объекту причиняется опосредованно, через создание условий для последующих преступлений, однако он является неотъемлемым следствием функционирования системы незаконного оборота номеров.

Еще одним дополнительным объектом являются отношения собственности, которые нарушаются в связи с тем, что незаконная передача абонентских номеров лишает законных правообладателей возможности использовать номер, фактически изымает из их владения данное благо. Абонентский номер, хотя и не является вещью в классическом понимании, представляет собой объект гражданских прав, право пользования которым возникает у абонента на основании договора с оператором связи. Незаконная передача номера другому лицу, особенно сопровождающаяся перевыпуском SIM-карты, лишает законного абонента доступа к номеру, к связанным с ним сервисам, причиняет имущественный вред. Кроме того, последующее использование незаконно переданных номеров в мошеннических схемах причиняет имущественный вред неопределенному кругу потерпевших, что также может рассматриваться как нарушение отношений собственности в качестве дополнительного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ.

Особо следует отметить превентивный характер объекта преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ. В отличие от большинства составов преступлений, охраняющих конкретные блага от непосредственного причинения вреда, данная норма направлена на предупреждение множественных последующих преступлений, разрушение их инфраструктурной основы. Объектом охраны в этом смысле выступают общественные отношения по поддержанию правопорядка, минимизации преступности, обеспечению безопасных условий жизнедеятельности граждан в цифровой среде. Криминализация организации незаконной передачи номеров еще на стадии создания инфраструктуры, до совершения непосредственных посягательств на жизнь, здоровье, собственность, информационную безопасность, отражает превентивную стратегию законодателя, ориентированную на пресечение угроз на ранних этапах их формирования.

Заключение

Проведенное исследование объекта преступления, предусмотренного ст. 274[4] УК РФ, позволяет сформулировать следующие выводы. Объект данного преступления носит комплексный, многоуровневый характер, отражая сложность охраняемых уголовным законом общественных отношений в условиях цифровизации. Родовым объектом выступает общественная безопасность и общественный порядок; видовым — общественные отношения в сфере компьютерной информации, хотя соответствие последних объекту ст. 274[4] УК РФ является частичным и дискуссионным, что порождает вопрос об оптимальности системного положения данной нормы.

Основным непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие правомерный оборот абонентских номеров, соблюдение установленного законодательством порядка их выделения и передачи. Дополнительными непосредственными

© Захарян С. Ю.

объектами выступают отношения по обеспечению безопасности компьютерной информации, отношения собственности.

Комплексный характер объекта обусловливает необходимость системного толкования ст. 274[4] УК РФ с учетом ее межотраслевых связей, согласования с нормами о смежных преступлениях, развития правоприменительной практики, обеспечивающей эффективную охрану общественных отношений при соблюдении принципов законности и справедливости.

Список источников

1. Гадыльшина З. И., Какохо Т. Г. Правовые основы цифрового удостоверения гражданина // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12, № 3(47). С. 25–34. DOI: 10.21685/2307-9525-2024-12-3-3.

2. Гончаров И. В. Вопросы законодательного обеспечения безопасности Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2007. № 3. С. 37–39.

3. Досюкова Т. В. Объект преступления в условиях субъективного вменения // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права: научные труды кафедры уголовного права. Москва, 2023. С. 27–37.

4. Захарян С. Ю. Место статьи 274[4] УК РФ в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и ее межотраслевые связи // International Law Journal. 2025. Т. 8, № 8. С. 238–251.

5. Захарян С. Ю. Основания криминализации и социальная обусловленность организации деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации // Проблемы права. 2025. № 4(100). С. 108–118. DOI: 10.24412/2075-7913-2025-4(100)-108-118

6. Куприянов А. А. Цифровому миру не подходит уголовный закон вещного мира // Уголовный процесс. 2023. № 3(219). С. 10. DOI: 10.53114/20764413_2023_03_10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Захарян Самвел Юрьевич

Соискатель кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП) (г. Казань, Россия).
E-mail: s. y.zakharyan@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samvel Yu. Zakharyan

Postgraduate student in the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia).
E-mail: s. y.zakharyan@gmail.com

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.03.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.05.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Захарян С. Ю.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-189-195

С. 189–195

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 274.3 УК РФ

Сергей Владимирович Кравчук

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП), г. Казань, Россия
9836565@mail.ru

Аннотация. В статье проводится исследование объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 274³ УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции. Автор осуществляет многоуровневый анализ объекта преступления, выделяя родовой, видовой и непосредственный объекты посягательства, обосновывает принадлежность данного состава к преступлениям в сфере компьютерной информации. Исследуются дискуссионные вопросы определения основного непосредственного объекта, на который посягает незаконное использование телекоммуникационного оборудования. Особое внимание уделяется детальному изучению предмета преступления — абонентского терминала пропуска трафика и виртуальной телефонной станции, их технических характеристик, функционального назначения и юридически значимых признаков. Предложена классификация предмета преступления, критерии отграничения противоправных устройств от легального телекоммуникационного оборудования. Обосновывается вывод о сложном многообъектном характере преступления и необходимости системного толкования признаков предмета с учетом технической специфики телекоммуникационного оборудования и целей уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова: объект преступления, предмет преступления, абонентский терминал пропуска трафика, виртуальная телефонная станция, телекоммуникационное оборудование, общественные отношения, компьютерная информация, информационная безопасность, квалификация преступлений, уголовная ответственность

Для цитирования: Кравчук С. В. Актуальные проблемы объекта и предмета преступления, предусмотренного статьей 274.3 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 189–195. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-189-195

Research article

CURRENT ISSUES RELATED TO THE OBJECT AND THE SUBJECT OF THE CRIME, PROVIDED FOR IN ARTICLE 274³ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey V. Kravchuk

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEPU), Kazan, Russia
9836565@mail.ru

Abstract. The article examines the object and subject of the crime provided for in Article 274³ of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for the illegal use of a subscriber's traffic terminal or virtual telephone exchange. The author carries out a multilevel analysis of the object of the crime, identifying generic, specific and direct objects of encroachment, justifies the affiliation of this composition to crimes in the field of computer information. The debatable issues of defining the main direct object and optional objects that are encroached upon by the illegal use of telecommunication equipment are investigated. Special attention is paid to a detailed study of the subject of the crime — the subscriber terminal for traffic access and the virtual telephone exchange, their technical characteristics, functional purpose and legally significant features. A classification of the subject of the crime and criteria for distinguishing illegal devices from legal telecommunications equipment are proposed. The author substantiates the conclusion about the complex multi-objective nature of the crime and the need for a systematic interpretation of the signs of the subject, taking into account the technical specifics of telecommunications equipment and the goals of criminal law protection.

© Кравчук С. В.

Keywords: object of crime, subject of crime, subscriber terminal for passing traffic, virtual telephone exchange, telecommunication equipment, public relations, computer information, information security, qualification of crimes, criminal liability.

For citation: Kravchuk SV. Current Issues Related to the Object and the Subject of the Crime, Provided for in Article 274.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):189-195. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-189-195

Введение

Введение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) ст. 274[3], устанавливающей уголовную ответственность за незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции, актуализировало фундаментальную доктринальную задачу определения объекта и предмета данного преступления как основополагающих элементов состава, определяющих социально-правовую природу криминализированного деяния, его место в системе Особенной части УК РФ и критерии разграничения со смежными составами преступлений. Предмет преступления в рассматриваемом составе приобретает особое значение, поскольку специфика технических устройств определяет возможность квалификации деяния по ст. 274[3] УК РФ.

Системное расположение ст. 274[3] в гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» предопределяет родовой и видовой объекты посягательства, однако вызывает дискуссионные вопросы относительно обоснованности такой законодательной систематизации с учетом специфики охраняемых общественных отношений и механизма причинения вреда. Определение непосредственного объекта преступления требует детального анализа социальной природы общественных отношений, нарушаемых незаконным использованием телекоммуникационного оборудования, и соотношения различных охраняемых интересов, одновременно страдающих от данного вида преступной деятельности. Предмет преступления в виде абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции представляет собой сложные технические устройства, юридическое определение которых требует интеграции правовых и технических подходов [3, с. 255–256], выработки критериев отграничения противоправных устройств от легального телекоммуникационного оборудования, используемого в правомерных целях.

Родовой и видовой объекты преступления: дискуссионные вопросы

Определение родового и видового объектов преступления, предусмотренного ст. 274[3] УК РФ, основывается на системном анализе места данной нормы в структуре Особенной части УК РФ и выявлении общих признаков группы преступлений, объединенных законодателем в соответствующий раздел и главу. Ст. 274[3] УК РФ включена в гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», входящую в разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Следовательно, родовым объектом преступления выступают общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка как совокупность устойчивых социальных связей, обеспечивающих нормальные условия жизнедеятельности общества, безопасное функционирование социальных институтов, защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от различных угроз [4].

Общественная безопасность в широком смысле представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан, достойное качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [1]. Преступления против общественной безопасности характеризуются многообъектностью посягательства, способностью причинять вред неопределенному кругу лиц, социально значимым объектам и процессам, общественным отношениям, обеспечивающим нормальные условия функционирования общества. Включение незаконного использования абонентского терминала пропуска трафика в систему преступлений против общественной безопасности отражает законодательное признание того, что данное деяние создает угрозу не только индивидуальным правоохраняемым интересам конкретных потерпевших, но и безопасности функционирования телекоммуникационной инфраструктуры как элемента критически важной инфраструктуры государства и общества.

Видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 274[3] УК РФ, выступают общественные отношения в сфере обеспечения безопасности компьютерной информации как более узкая группа общественных отношений, охраняемых нормами гл. 28 УК РФ. Законодательное определение понятия «компьютерная информация» содержится в ст. 272 УК РФ. Данное определение охватывает широкий спектр информационных объектов, циркулирующих в информационно-телекоммуникационных системах, включая данные, передаваемые по сетям связи, информацию, обрабатываемую компьютерными системами, сведения, хранящиеся в электронной форме. Вместе с тем, отнесение незаконного использования абонентского терминала пропуска трафика к преступлениям в сфере компьютерной информации представляется дискуссионным и требует критического осмысления.

© Кравчук С. В.

Традиционное понимание преступлений в сфере компьютерной информации связывает их с неправомерным воздействием на компьютерную информацию как предмет преступления. Общим признаком данных преступлений выступает направленность деяния на нарушение конфиденциальности, целостности или доступности компьютерной информации [6, с. 151]. Однако незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика не обязательно связано с воздействием на компьютерную информацию, нарушением ее защиты или модификацией содержания. Основное содержание общественной опасности данного деяния заключается в создании технических условий для совершения иных преступлений, прежде всего дистанционных мошенничеств, посредством злоупотребления легальными функциями телекоммуникационного оборудования [2, с. 136].

Критический анализ системного расположения ст. 274^3 УК РФ позволяет констатировать определенную условность включения данной нормы в главу о преступлениях в сфере компьютерной информации. Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика ближе к преступлениям, связанным с нарушением установленного порядка функционирования телекоммуникационной инфраструктуры и злоупотреблением техническими возможностями современных средств связи. Альтернативным вариантом систематизации могло бы стать включение данной нормы в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» как специальной нормы об ответственности за незаконное предпринимательство в сфере оказания услуг связи либо формирование самостоятельной главы о преступлениях против безопасности функционирования информационно-телекоммуникационной инфраструктуры. Вместе с тем, законодательное решение о включении ст. 274^3 в гл. 28 УК РФ предопределяет необходимость определения видового объекта как общественных отношений в сфере безопасности компьютерной информации с расширительным толкованием данного понятия, охватывающим безопасность функционирования информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.

Непосредственный объект преступления

Определение непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 274^3 УК РФ, представляет собой наиболее сложную доктринальную задачу, требующую выявления конкретных общественных отношений, на которые направлено посягательство и которым причиняется вред в результате совершения преступления. Анализ диспозиции ст. 274^3 УК РФ и социальной природы криминализированного деяния свидетельствует о сложном многообъектном характере преступления, одновременно посягающего на несколько групп охраняемых общественных отношений. Непосредственным основным объектом следует признать общественные отношения, обеспечивающие установленный нормативными правовыми актами порядок использования телекоммуникационного оборудования и абонентских номеров в сетях связи. Данные отношения регулируются Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»[1], нормативными правовыми актами в области связи, правилами оказания услуг связи, техническими регламентами и стандартами.

Содержание указанных общественных отношений составляет деятельность по обеспечению законного, безопасного и эффективного функционирования телекоммуникационной инфраструктуры как критически важного элемента современного информационного общества. Субъектами данных отношений выступают государство в лице уполномоченных органов регулирования в сфере связи, операторы связи, пользователи услугами связи, производители и поставщики телекоммуникационного оборудования. Государство устанавливает правила функционирования телекоммуникационной инфраструктуры, выдает лицензии на осуществление деятельности в области оказания услуг связи, утверждает порядок применения абонентских номеров, определяет технические требования к оборудованию. Операторы связи обязаны соблюдать лицензионные требования, обеспечивать качество и безопасность услуг связи, предоставлять возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий. Пользователи услугами связи наделяются правом на получение качественных услуг связи и несут обязанность соблюдать правила пользования услугами связи, не допускать использования услуг связи в противоправных целях.

Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции нарушает установленный публично-правовой порядок функционирования телекоммуникационной инфраструктуры посредством осуществления деятельности по оказанию услуг связи без соответствующей лицензии, использования абонентских номеров способами, не предусмотренными условиями их выделения, создания технических препятствий для проведения оперативно-розыскных мероприятий, искажения идентификаторов вызывающих абонентов. Данные действия дестабилизируют нормальное функционирование сетей связи, создают избыточную нагрузку на телекоммуникационную инфраструктуру, препятствуют осуществлению государственного контроля и надзора, подрывают доверие граждан к институту телефонной связи как средству безопасной коммуникации. Следовательно, непосредственным основным объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок использования средств связи и функционирования телекоммуникационной инфраструктуры.

Дополнительным непосредственным объектом преступления, на который посягает незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика,

[1] Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.

© Кравчук С. В.

выступают общественные отношения, обеспечивающие защиту имущественных прав граждан и юридических лиц. Данный вывод обусловлен тем, что ч. 1 ст. 274[3] УК РФ криминализирует незаконное использование телекоммуникационного оборудования, совершенное в целях совершения иного преступления. Подавляющее большинство случаев незаконного использования абонентских терминалов пропуска трафика связано с осуществлением дистанционных мошенничеств, направленных на хищение имущества граждан путем обмана или злоупотребления доверием [5]. Абонентский терминал пропуска трафика выполняет инструментальную функцию в механизме совершения преступлений против собственности, обеспечивая техническую возможность массового воздействия на потенциальных жертв и создания ложного представления о легитимности преступных коммуникаций. Следовательно, хотя незаконное использование телекоммуникационного оборудования само по себе не образует хищения, данное деяние создает непосредственную угрозу имущественным правам граждан и реально способствует совершению преступлений против собственности, что позволяет признавать указанные отношения дополнительным объектом посягательства.

Ст. 23 Конституции Российской Федерации[2] гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Использование абонентских терминалов пропуска трафика для осуществления массовых несанкционированных телекоммуникационных рассылок систематически нарушает конституционные права неопределенного круга граждан, вынужденных получать нежелательные коммуникации мошеннического, рекламного или иного характера. Массовый характер таких нарушений создает кумулятивный эффект существенного снижения качества жизни населения и подрыва социального доверия. Однако не во всех случаях незаконное использование телекоммуникационного оборудования непосредственно затрагивает данные права: например, если оборудование используется для совершения единичных целенаправленных мошенничеств без массовых рассылок.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 274[3] УК РФ, в том числе считается оконченным при наступлении тяжких последствий как оценочной категории, конкретное содержание которой определяется правоприменителем в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела. В пункте 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»»[3] дается толкование тяжких последствий, однако оно распространяется только на статьи 272–274[1] УК РФ. Полагаем, что под тяжкими последствиями в статье 274[3] УК РФ следует понимать *причинение значительного имущественного ущерба множеству потерпевших в результате совершенных с использованием оборудования мошенничеств, существенное нарушение работы телекоммуникационной инфраструктуры, создание реальной угрозы общественной безопасности, причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности вследствие действий, совершенных с использованием оборудования*. Наступление тяжких последствий актуализирует значимость дополнительных объектов преступления, которые в таких случаях реально страдают от преступного посягательства.

Предмет преступления: понятие и признаки

Предмет преступления, предусмотренного ст. 274[3] УК РФ, представляет собой абонентский терминал пропуска трафика или виртуальную телефонную станцию как специализированные технические устройства, воздействуя на которые и используя которые субъект совершает общественно опасное деяние, причиняющее вред охраняемым общественным отношениям. Законодательное определение абонентского терминала пропуска трафика не содержится в диспозиции ст. 274[3] УК РФ, что создает объективные трудности для правоприменительной практики и актуализирует необходимость доктринального толкования данного понятия с учетом технических характеристик оборудования и целей уголовно-правовой охраны. Примечание к ст. 274[3] УК РФ содержит определение понятия «основные части абонентского терминала пропуска трафика», под которыми понимаются технические устройства, включающие в себя радиоэлектронные средства, обеспечивающие возможность приема и (или) передачи коротких текстовых сообщений, телефонных вызовов и (или) сообщений телематических служб в сети подвижной радиотелефонной связи, а также технические устройства, предназначенные для размещения идентификационных модулей абонента.

Системный анализ данного определения позволяет выделить ключевые функциональные признаки абонентского терминала пропуска трафика.

Во-первых, данное устройство обеспечивает возможность приема и передачи различных видов телекоммуникационных сообщений: коротких текстовых сообщений (SMS), телефонных вызовов (голосовой связи), сообщений телематических служб, включая трафик сети Интернет.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» // Российская газета. 2022. № 294.

© Кравчук С. В.

Во-вторых, устройство предназначено для использования в сети подвижной радиотелефонной связи, то есть в сетях мобильной связи стандартов GSM, UMTS, LTE, 5G, что отличает его от оборудования, работающего исключительно в фиксированных сетях связи или локальных компьютерных сетях.

В-третьих, устройство включает технические средства для размещения множественных идентификационных модулей абонента (SIM-карт), что обеспечивает возможность одновременного использования нескольких абонентских номеров. Именно последний признак представляет критическую особенность, отличающую абонентский терминал пропуска трафика от обычных абонентских устройств, используемых для персональной мобильной связи.

Техническая архитектура типичного абонентского терминала пропуска трафика представляет собой интегрированную программно-аппаратную систему, включающую несколько функциональных компонентов. Центральным элементом выступает так называемый SIM-банк — специализированное устройство, обеспечивающее физическое размещение множественных SIM-карт (от десятков до нескольких сотен) и их программно-управляемую коммутацию. SIM-банк включает корпус с множественными слотами для SIM-карт, контактные группы для электрического соединения, внутреннюю систему коммутации, контроллер управления. Вторым критически важным компонентом являются GSM/LTE-модемы — радиоэлектронные устройства, обеспечивающие физическое подключение к сетям мобильной связи, передачу и прием радиосигналов, реализацию протоколов сотовой связи. В зависимости от производительности терминала используются от единиц до десятков модемов, работающих параллельно для обработки значительных объемов трафика. Третьим компонентом выступает центральный контроллер или процессорный модуль, обеспечивающий координацию работы всех элементов системы, управление коммутацией SIM-карт и модемов, реализацию алгоритмов распределения нагрузки, взаимодействие с внешними системами управления.

Существенным элементом абонентского терминала является специализированное программное обеспечение, реализующее логику управления трафиком, алгоритмы ротации SIM-карт для предотвращения блокировки операторами связи, функции подмены идентификаторов вызывающих абонентов, автоматизированной обработки входящих и исходящих сообщений. Программное обеспечение может быть реализовано как встроенная микропрограмма контроллера либо как отдельный программный комплекс, исполняемый на внешнем компьютере. Вопрос об отнесении программного обеспечения к предмету преступления представляет доктринальную сложность, поскольку традиционное понимание предмета преступления акцентирует материальные объекты. Вместе с тем, современное телекоммуникационное оборудование представляет собой неразрывное единство аппаратных и программных компонентов, и без специализированного программного обеспечения аппаратная платформа не может реализовывать специфические функции абонентского терминала пропуска трафика. Следовательно, программное обеспечение, предназначенное для управления абонентским терминалом, следует рассматривать как составную часть предмета преступления.

Виртуальная телефонная станция как альтернативный предмет преступления представляет собой программно-аппаратный комплекс, реализующий функциональность традиционной телефонной станции программными средствами с использованием технологий передачи голоса по IP-протоколу и интеграции с традиционными сетями телефонной связи через специализированные шлюзы (GSM-шлюзы, SIP-транки). Виртуальная телефонная станция обеспечивает возможность установления, маршрутизации и коммутации телефонных соединений между множественными абонентами, управления вызовами, предоставления дополнительных услуг связи. Ключевой особенностью виртуальной телефонной станции, обусловливающей ее отнесение к предмету преступления, выступает способность обслуживать множественные абонентские номера, осуществлять массовую обработку телефонного трафика, подменять идентификаторы вызывающих абонентов. Виртуальная телефонная станция может быть реализована как на базе специализированных программных платформ (Asterisk, FreeSWITCH), так и с использованием коммерческих решений операторского класса.

Важным для квалификации деяния по ст. 274^3 УК РФ выступает отграничение абонентского терминала пропуска трафика и виртуальной телефонной станции от легального телекоммуникационного оборудования, используемого в правомерных целях. Сами по себе технические возможности оборудования не являются противоправными: аналогичное оборудование может законно использоваться операторами связи для оказания услуг связи на основании лицензии, корпоративными структурами для организации внутренней связи на основании соответствующих разрешений, специализированными организациями для осуществления массовых информационных рассылок с соблюдением требований законодательства. Квалифицирующим признаком, превращающим техническое устройство в предмет преступления, выступает незаконность его использования, определяемая нарушением лицензионных требований, правил применения абонентских номеров, целевым назначением использования оборудования для совершения преступлений.

Следовательно, признание конкретного технического устройства предметом преступления, предусмотренного ст. 274^3 УК РФ, требует комплексной оценки как технических характеристик оборудования, так и обстоятельств его использования.

© Кравчук С. В.

Соотношение объекта и предмета преступления

Методологически корректное разграничение объекта и предмета преступления имеет значение для правильного понимания социально-правовой природы криминализированного деяния и формирования квалификации. Объект преступления как общественные отношения, охраняемые уголовным законом, представляет собой то, на что направлено преступное посягательство, чему причиняется вред в результате совершения преступления. Предмет преступления представляет собой материальный или нематериальный объект, воздействуя на который субъект причиняет вред объекту преступления. Соотношение объекта и предмета носит характер соотношения цели и средства: предмет является тем материальным субстратом, через воздействие на который осуществляется посягательство на охраняемые общественные отношения.

Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 274^3 УК РФ, объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок функционирования телекоммуникационной инфраструктуры и безопасность компьютерной информации, а предметом — абонентский терминал пропуска трафика или виртуальная телефонная станция. Незаконное использование данного оборудования, представляющего собой предмет преступления, причиняет вред объекту — нарушает установленный порядок использования средств связи, дестабилизирует функционирование телекоммуникационной инфраструктуры, создает угрозу имущественным правам граждан, нарушает конституционные права на неприкосновенность частной жизни. Важно подчеркнуть, что сам абонентский терминал пропуска трафика как материальное устройство не является объектом охраны уголовного закона: ст. 274^3 УК РФ не направлена на защиту данного оборудования от повреждения, уничтожения или хищения. Напротив, целью уголовно-правового запрета выступает предотвращение использования данного оборудования способами, противоречащими установленному правопорядку и создающими угрозу общественной безопасности.

Специфика соотношения объекта и предмета в рассматриваемом составе преступления проявляется в том, что вред объекту причиняется не путем физического уничтожения, повреждения или изменения предмета преступления, а посредством его использования в соответствии с функциональным назначением, но с нарушением установленных правил и в противоправных целях. Данная особенность отличает преступление, предусмотренное ст. 274^3 УК РФ, от других уголовно наказуемых деяний, связанных с уничтожением или повреждением имущества, где вред объекту причиняется через физическое воздействие на предмет. Абонентский терминал пропуска трафика продолжает функционировать в соответствии со своим техническим назначением, однако результаты этого функционирования — массовые телекоммуникационные коммуникации мошеннического или иного противоправного характера — причиняют вред охраняемым общественным отношениям. Следовательно, криминообразующим признаком выступает не факт обладания предметом преступления или воздействия на него, а именно использование предмета определенным образом — незаконно и в противоправных целях.

Заключение

Объект преступления носит сложный многоуровневый характер: родовым объектом выступают общественные отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка; видовым объектом — общественные отношения в сфере безопасности компьютерной информации с расширительным толкованием, охватывающим безопасность функционирования информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; основным непосредственным объектом — общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок использования средств связи и функционирования телекоммуникационной инфраструктуры; дополнительным объектом — общественные отношения, обеспечивающие защиту имущественных прав граждан.

Предметом преступления выступают абонентский терминал пропуска трафика и виртуальная телефонная станция как специализированные программно-аппаратные комплексы, обеспечивающие возможность одновременного использования множественных абонентских номеров для приема, обработки и передачи телекоммуникационного трафика. Юридически значимыми признаками предмета преступления являются: техническая способность обслуживания множественных абонентских номеров; функциональное назначение для массовой обработки телекоммуникационных сообщений; использование в сетях подвижной радиотелефонной связи или с интеграцией в такие сети. Отграничение предмета преступления от легального оборудования основывается не только на технических характеристиках, но и на характере использования: критерием выступает незаконность использования и направленность на создание условий для совершения преступлений.

Список источников

1. Гирько С. И. Обеспечение общественной безопасности в системе мер защиты личности, общества и государства: состояние, проблемы, перспективы // Административное право и процесс. 2009. № 5. С. 16–19.

2. Кравчук С. В. К вопросу о социальной обусловленности криминализации незаконного использования абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции // Проблемы права. 2025. № 4 (100). С. 129–138. DOI: 10.24412/2075-7913-2025-4(100)-129-138

© Кравчук С. В.

3. Кравчук С. В. Технико-правовая характеристика абонентского терминала пропуска трафика и виртуальной телефонной станции как предметов преступления // International Law Journal. 2025. Т. 8, № 8. С. 252–262.

4. Селюков А. С. Преступление против общественной безопасности и общественного порядка // Научный аспект. 2023. Т. 13, № 11. С. 1580–1583.

5. Шульга А. В., Коломоец Д. А. Признаки мошеннических операций, проводимых под видом первичного размещения токенов (ICO) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4(42). С. 29–33.

6. Шульга А. В. Уголовно-правовая охрана компьютерной информации // Научно-технологическое обеспечение агропромышленного комплекса России: проблемы и решения: Сборник тезисов по материалам Национальной конференции, Краснодар, 21–22 марта 2018 года / Отв. за выпуск А. Г. Кощаев. Краснодар, 2018. С. 151.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравчук Сергей Владимирович

Соискатель кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП) (г. Казань, Россия).
E-mail: 9836565@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Kravchuk

Postgraduate student in the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia).
E-mail: 9836565@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 26.05.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.07.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2026.

© Кравчук С. В.

РЕТРАКЦИЯ СТАТЬИ / RETRACTION NOTICE

Научная статья «Кабанов В. А. Субъект права в социоправовой концепции Б. Латура: теоретико-правовой анализ // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 2(49). С. 116–119. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-49-2-116-119» ретрагирована по решению редакции, на основании заявления автора от 28.08.2026 г., т.к. данный материал был ранее опубликован в другом научном издании.

The scientific article "Kabanov VA. The Legal Subject in B. Latour's Socio-Legal Concept: A Theoretical and Legal Analysis. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(2):116-119. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-49-2-116-119" has been retracted by decision of the editorial board based on the author's statement dated August 28, 2026, as this material had been previously published in another scientific journal (duplicate publication).

ESCUELA 2013

www.правопорядок74.рф
www.pravoporyadok74.ru

pravoporyadok74@bk.ru